

Достижения в психологии

В. В. Знаков

Психология
ВОЗМОЖНОГО

Новое направление
исследований понимания

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Достижения в психологии

Российская академия наук
Институт психологии

В. В. Знаков

Психология возможного
Новое направление
исследований понимания

*3-е издание,
исправленное и дополненное*

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2022

УДК 159.9
ББК 88
3 71

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Рецензенты:

Асмолов А. Г. — доктор психологических наук, профессор, академик РАО;
Леонтьев Д. А. — доктор психологических наук, профессор

Знаков В. В.

3 71 Психология возможного: Новое направление исследований понимания. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022. — 365 с. (Достижения в психологии)

doi: 10.38098/prgrs_22_0447

ISBN 978-5-9270-0447-8

УДК 159.9

ББК 88

В монографии представлена область науки, изучающая весь спектр явлений психологии возможного. На одном полюсе фокуса внимания психологов находится адаптивное возможное, основанное на прошлом опыте. На противоположном — невозможное как преадаптивный феномен, понимание событий, ситуаций, причинно не связанных с онтогенезом субъекта. Связующими звеньями между указанными полюсами в психологии возможного являются положение об искомом в мышлении человека, прогнозировании изначально неизвестного при решении задачи, а также личностный феномен возникающего. Анализируется психологическое своеобразие понимания в трех реальностях мира человека. В эмпирической реальности понимание основано на выявлении причинно-следственных связей. В социокультурной реальности понимание строится на выявлении правдоподобия. В экзистенциальной реальности понимаются невозможное и немислимое, в которых прошлые знания могут не играть никакой роли. Понимание соотносится с необходимым, правдоподобным, невозможным и немислимым. Анализируются случаи, в которых возможное реализуется в невозможном, немислимом и вне-возможном.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2022

ISBN 978-5-9270-0447-8

Содержание

Введение. Понимание – остров действительного в океане возможного и невозможного	9
--	----------

Глава 1

Возможное – предмет современной науки	15
--	-----------

1.1. Философия возможного	17
-------------------------------------	----

1.2. Социогуманитарные и естественно-научные перспективы исследований.	21
---	----

1.3. Истоки психологии возможного в психологической науке	31
---	----

1.3.1. <i>Аффордансы в экологической психологии</i>	<i>31</i>
---	-----------

1.3.2. <i>Предвосхищение и прогнозирование</i>	<i>34</i>
--	-----------

1.3.3. <i>Возможное в альтернативной идентичности в социальных сетях</i>	<i>42</i>
--	-----------

1.3.4. <i>Возможное в психологии личности и психологии субъекта</i>	<i>45</i>
---	-----------

1.3.5. <i>Альтернативы и барьеры в сознании: фундаментальные проблемы понимания в психологии возможного</i>	<i>58</i>
---	-----------

1.3.5.1. <i>Сознательные и неосознаваемые причины понимания чужого человека как врага</i>	<i>60</i>
---	-----------

1.3.5.2. <i>Связь религиозного и морального сознания</i>	<i>66</i>
--	-----------

1.3.5.3. <i>Аффективное и когнитивное бессознательное</i>	<i>67</i>
---	-----------

1.3.5.4. <i>Барьеры в сознании понимающего субъекта</i>	<i>69</i>
---	-----------

Глава 2

Многомерность мира человека и множественная детерминация его понимания	75
---	-----------

2.1. Изменение мира человека в XXI в.	75
---	----

2.2. Три реальности, образующие действительность мира человека	82
2.2.1. Эмпирическая реальность	84
2.2.2. Социокультурная реальность	89
2.2.2.1. Холистическое убеждение в целостности мира человека	94
2.2.2.2. Холистическая логика и психология познания.	98
2.2.2.3. Убеждения в стабильности или изменчивости мира	102
2.2.2.4. «Правильное» в понимании социокультурной реальности.	103
2.2.3. Экзистенциальная реальность	111
2.2.3.1. Неожиданность и невероятность экзистенциальных событий	112
2.2.3.2. Неправильный мир – значимая часть экзистенциальной реальности	117
2.3. Три традиции психологических исследований – три типа понимания	120
2.3.1. Исследования типов понимания в когнитивной, герменевтической и экзистенциальной традициях	120
2.3.2. Области практического применения понимания-знания	131
2.3.3. Области практического применения понимания-интерпретации	132
2.3.4. Области практического применения понимания-постижения	133
2.4. Знаки и символы в понимании субъектом мира.	136
2.4.1. Внутренние условия понимания-знания – вербальные и образные знаки	137
2.4.2. Внутренние условия понимания-интерпретации – когнитивные символы	140
2.4.3. Внутренние условия понимания-постижения – экзистенциальные символы	141
2.5. Домены социального знания	149
2.5.1. Познавательное знание.	150
2.5.2. Конвенциональное знание	152
2.5.3. Духовное знание	155
2.6. Три типа детерминации понимания	158
2.6.1. Эволюция научных представлений о детерминизме	158

2.6.2. Проблема детерминизма в психологии.	161
2.6.3. Детерминация понимания эмпирической реальности	165
2.6.4. Детерминация понимания социокультурной реальности	167
2.6.5. Детерминация понимания экзистенциальной реальности	173

Глава 3

Необходимое, правдоподобное, невозможное и немислимое 182

3.1. Необходимое – отличительный признак эмпирической реальности	183
3.1.1. Необходимое и случайное в понимании эмпирической реальности	183
3.1.2. Признаки понимания эмпирической реальности	187
3.1.3. Необходимое в понимании познавательных тайн	190
3.2. Правдоподобное – возможное в социокультурной реальности	197
3.2.1. Основания снижения ценности правды в современном обществе	197
3.2.2. Истина и правда	202
3.2.3. «Платон мне друг, но истина дороже».	204
3.2.4. Западная постправда и русское вранье	208
3.2.5. Перспективные направления психологических исследований понимания постправды и вранья	218
3.3. Экзистенциальная реальность: понимание невозможного и немислимого	226
3.3.1. Научный контекст изучения невозможного	228
3.3.2. Пять типов невозможного	229
3.3.3. Психологические исследования невозможного	233
3.3.4. Личность как невозможное: экзистенциальная тайна	237
3.3.5. Понимание немислимого.	256
3.3.5.1. Понятие «немислимое» в социогуманитарном познании	256
3.3.5.2. Психология понимания немислимого	261
3.3.5.3. «Окна Овертона» и теракты: от немислимого к допустимому.	273
3.4. Духовное как вне-возможное	278
3.4.1. Определения и модели духовности	284
3.4.2. Метаперсональные основания духовности	286

3.4.3. Порождение духовности в психической деятельности	288
3.4.4. Духовно-практическое знание	291
3.5. Теоретические основания психологии возможного: от адаптивного возможного к преадаптивному невозможному	296
Заключение	319
Литература	327

Введение

Понимание — остров действительного в океане возможного и невозможного

Мир потому и наполнен смыслом
и открыт радости мышления,
что действительность со всех сторон
объемлется океаном возможностей.

М. Н. Эпштейн

Наука представляет собой совокупность альтернативных моделей, систем научного знания, помогающих нам понимать мир человека. Такими моделями являются концепции К. Птолемея и Н. Коперника, квантовая и волновая теории, теоретические конструкции Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна, объяснительная рефлексивная и экзистенциально-герменевтическая понимающая традиции в социогуманитарном познании. Обсуждая альтернативный, возможный характер научного познания, А. П. Огурцов пишет: «Итак, мы зафиксировали наличие двух традиций в трактовке того, что в целом можно обозначить как рефлексивные процессы, — традицию собственно рефлексивного анализа сознания, ведущую к прояснению идеальных значений и связанную с конструированием идеальных объектов, и традицию понимания, ведущую к уяснению тех смыслов, которые проявляются в межличностном общении, в самом процессе коммуникации» (Огурцов, 1987, с. 17).

С точки зрения психологии возможного (а еще раньше — психологии понимания), при анализе социально-психологических проблем принципиально важным является апелляция не к наличному, не к ситуациям, какие они есть, а к должному, возможному, которое способствует прогнозированию, порождению новых проблемных ситуаций: «В социальном прогнозировании „схватывается“ в значи-

тельной степени не „настоящее“ состояние явления, а тенденции развития социальной ситуации, т. е. проблемы как бы в перспективе, альтернативные пути развития этих проблем, а также возникновение неких новых проблемных ситуаций. В этом случае „понимание“ носит эвристический характер предвосхищения и предвидения альтернативности развития будущих проблем» (Супрун, 1987, с. 164).

Неудивительно, что в наше время возникают новые методы социального прогнозирования, одним из которых является форсайт. Форсайт представляет собой особую технологию предвидения будущего развития системы, обязательно сопровождающегося действиями по обеспечению развития общества, активного влияния на будущее. Неудивительно, что существует точка зрения, согласно которой «форсайт по своей сути является модифицированной и сильно преобразованной технологией планирования с учетом новых веяний в науке и обществе. Иными словами, форсайт – это планирование на новом этапе развития общества» (Балацкий, 2008, с. 67).

В традиционных психологических исследованиях мышления как прогнозирования, проводившихся в школе С.Л. Рубинштейна, показано, что прогнозы важны для решения задачи, но они не оказывают никакого воздействия на внешние обстоятельства, в рамках которых она формулируется, и описанный в условиях задачи реальный ход событий. Иначе говоря, человек решает данную ему задачу, но цели и прогнозы реализуются только внутри нее и никак не воздействуют на внешний мир. В отличие от этого форсайт включает не только планирование, но и действия по реализации планов. При форсайтном планировании люди, например, в организации, становятся и заинтересованными, и ответственными за предполагаемые результаты деятельности. Для психолога полезность использования результатов таких исследований для развития представлений о деятельностных основаниях формирования субъектности очевидны. Следовательно, современные исследования деятельностных оснований психики должны включать направленность не только на анализ внутреннего мира человека, но и на изучение обстоятельств, способствующих порождению его субъектных качеств. Активная субъектная позиция человека предполагает обращение к будущему, деятельностное преобразование прогнозируемых возможных событий.

В XXI в. компьютерная техника и основанные на ней гипермедиа играют решающую роль в построении современными людьми футу-

ристической модели понимания мира. В ней «медиадискурс является вместилищем репрезентаций не только существующей окружающей действительности, но также возможных потенциальных миров. Таким образом, вывод о том, что медиакартина мира формируется сквозь призму футуристического мировосприятия и служит формированию футуристической картины мира, уже не кажется столь притянутым» (Темнова, 2019, с. 112). В этих социально-технологических условиях актуальными и необходимыми становятся размышления о перспективных возможных направлениях развития психологических исследований в целом и психологии понимания в частности.

Современная психология понимания является одной из динамично развивающихся областей психологической науки, в которой много уже сделано. Описаны теоретические основы психологии понимания многомерного мира. Обосновано, что мир человека состоит из трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Иначе говоря, три реальности в совокупности образуют существующую действительность мира человека. Теоретические основания психологии понимания представлены как сочетание единого и разнообразного: проанализированы сходные признаки понимания фактов, событий, ситуаций в каждой реальности и их различие, психологическое своеобразие. Трех реальностям сопоставлены традиции психологических исследований, способы, основания и типы понимания. Проанализированы традиции исследования психики – когнитивная, герменевтическая и экзистенциальная. Описаны контексты, в которых реализуются современные психологические исследования, проводимые последователями этих научных традиций. Выявлены три типа понимания проблем, методов и результатов, соответствующие названным подходам к научному анализу психики, – понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Обосновано, что им соответствуют оценки истинности, правильности и правдивости высказываний, понимаемых людьми в коммуникативных ситуациях (Знаков, 2016).

Во всех реальностях человеческого бытия понимание представляет собой интерпретацию альтернатив, которые понимающий субъект обнаруживает в объекте понимания, в действительности. Любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретации – это конкретные способы понимания,

чем их больше, тем выше степень полноты понимания. «Во-первых, интерпретация отличается от простого описания того или иного объекта тем, что всегда предполагает целеполагание. Она не только описывает относительные особенности объекта, но всегда направлена на выявление отношений между объектом и иными объектами или срезами реальности. Именно поэтому интерпретативная деятельность способна „шагнуть“ за пределы очевидного, помочь увидеть те обстоятельства, которые невозможно уловить в иных формах деятельности. Во-вторых, интерпретация предусматривает создание целостного истолкования объекта, в рамках которого он рассматривается не как частное проявление генерализирующей закономерности или закона (как это, скажем, происходит в объяснении), но предстает как обладающий специфическими и уникальными особенностями. Кроме того, мы сталкиваемся с интерпретацией в том случае, если объект допускает несколько объяснений (в самом широком смысле термина), без доступной нам возможности окончательной проверки или фальсификации одного из объяснений. Поэтому в интерпретации неизбежно присутствует элемент соглашения. Недостаток объективных процедур выбора предоставляет возможность intersубъективного соглашения сообщества исследователей в пользу одной из возможных интерпретаций. Однако, несмотря на субъективный элемент в формировании интерпретации, аргументы и рассуждения играют в ней значительную роль, потому интерпретации отнюдь не являются субъективными фантазиями» (Ищенко, 2019, с. 65).

Можно выделить, по меньшей мере, четыре неодинаковых по степени обобщенности способа научного анализа, применяя которые психологи должны рассматривать соотношение действительного и возможного при исследовании понимания.

Первый, самый общий, философский аспект анализа проблемы соотношения действительного и возможного.

Второй — общенаучный контекст, согласно которому действительное всегда включает в себя потенциально возможное. Этот способ анализа с начала XX в. применяется в естественно-научной и гуманитарной методологии для обоснования перехода от классической к неклассической и постнеклассической науке.

Третий фокус научного исследования это анализ соотношения действительного и возможного в развитии общественных формаций

и социальных наук, их значимости, «удельного веса» в «обществе потребления» (Ильин, 2008) «обществе знания» (Друкер, 2015) и «обществе переживания» (Schulze, 2005).

Наконец, *четвертый* способ размышлений – поиск имеющихся в психологической литературе предпосылок создания психологии возможного. Такой угол рассмотрения действительного и возможного позволяет обосновать допустимость выделения новой области психологической науки с помощью конкретно-психологических данных о возможных Я, об альтернативной идентичности в Интернете и других.

Главный вопрос психологии возможного заключается в следующем: как, с помощью каких психологических механизмов человек научается распознавать альтернативные стратегии познания и поведения? Для ответа на него необходимо развести *два* варианта содержания «возможного» – его интерпретации как альтернатив, выбора вариантов (правда или ложь, альтруизм или эгоизм, оправдание или осуждение) и как раскрытия новых потенциальных возможностей уже, казалось бы, проанализированного предмета исследования. Интерпретации как способы понимания направлены не только на понимаемое действительное, но и на потенциально возможное. Однако в ситуациях человеческого бытия, проявляющихся в разных реальностях, содержание возможного неодинаково. В эмпирической реальности понимание представляет собой ответ на вопрос: «Истинно высказывание или ложно?». Помимо оценки истинности понимание высказывания включает в себя большой спектр ложного, но потенциально возможного: столицей Испании ошибочно можно назвать Рим, Париж и множество других городов. Таким образом, условно говоря, в эмпирической реальности понятие «действительного» по содержанию и объему оказывается существенно меньше «возможного», которое редко полностью осознается понимающим субъектом. В социокультурной реальности, в которой большую роль играют не достоверные знания, а мнения, интерпретации – это осознаваемые субъектом альтернативные варианты понимаемого (среднесуточная температура в средней полосе России выше летом или зимой?). Понимание тем полнее, чем больше предвосхищаемых понимающим субъектом вариантов возможных контекстов, в которые можно включить понимаемое. В экзистенциальной реальности типичным является понимание-постижение таких

событий и ситуаций, которые специфичны для способов бытия человека в мире, основанных на осознаваемом или неосознаваемом выборе субъективно значимых для него возможностей существования (аборт, эвтаназия и т. п.).

Современные ситуации, например, повсеместное распространение постправды, побуждают ученых пересматривать соотношение действительного и возможного во всех реальностях. При этом даже первый приблизительный анализ обнаруживает их разный «удельный вес» в мире человека: в самом деле, метафорически можно сказать, что возможное является океаном, в котором действительное оказывается лишь маленьким островком. Вследствие этого главная цель книги заключается в том, чтобы раскрыть содержание ключевых понятий, характеризующих понимание эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей, — необходимое, правдоподобное, невозможное.

В первой главе аффордансы, прогнозирование, антиципация и т. п. описаны как то, что основано на прошлом знании и способствует поддержанию психической системы в устойчивом состоянии.

Во второй главе обосновывается, что многомерный мир человека субъект не может понимать, основываясь на одних и тех же психологических закономерностях. В мире существуют необходимые события и ситуации, основанные на прошлом опыте, подчиняющиеся причинно-следственной детерминации, но есть и принципиально иные — непредсказуемые, случайные. Анализируется психологическое своеобразие понимания тех и других. В эмпирической реальности понимание во многом основано на выявлении причинно-следственных связей. В социокультурной реальности понимание строится на выявлении правдоподобия («это может быть, а может и не быть»). В экзистенциальной реальности понимаются невозможное и немислимое, в которых прошлые знания могут не играть никакой роли.

В третьей главе понимание соотносится с необходимым, правдоподобным, невозможным и немислимым. Основное внимание уделено противоположному полюсу анализируемой области психологической науки — пониманию возможного как преадаптивного феномена, характеризующего нестабильные ситуации, возникновение которых нельзя предсказать. Анализируются случаи, в которых возможное реализуется в невозможном, немислимом и вне-возможном.

Глава 1

Возможное — предмет современной науки

То, что только возможно — еще не действительно.
Действительное уже не есть возможное.

А. Н. Книгин

В самом общем смысле возможным называется потенциальное бытие, будущее, содержащееся в настоящем. Другими словами, содержание этой категории включает представление о предстоящем осуществлении чего-то в будущем: того, что может стать действительным. Вместе с тем возможное есть и нечто невозможное, потому что любая возможность может осуществиться, а может и не осуществиться (Мулюкова, 2014). Возможное соотносится не только с потенциальным бытием, но и со способами его достижения, перехода к нему: «Возможное — это осуществимость мыслимого теми средствами, которыми располагает субъект» (Нестеров, 2017, с. 64).

В науке различается также «фактически возможное» и значительно большее по объему и содержанию понятие «логически возможное». Их соотношение видно на следующих примерах:

- «1) Возможно ли через секунду переместиться в галактику Андромеды, а через две секунды вернуться к себе на кухню?
- 2) Возможно ли иметь рост в один километр?
- 3) Возможно ли встретить гору из урана?

Все из названных событий являются *логически* возможными. В то же время, будучи логически возможными, (1) и (3) невозможны *физически* (согласно законам физики), а (2) невозможно *биологически*» (Анкин, 2016а, с. 81).

Прежде чем анализировать проявления возможного в философии и разных областях науки, необходимо хотя бы приблизительно классифицировать категориальные признаки феномена: «В этом контексте важна классификация У. Гавера, широко цитируемая в последние четверть века (Gaver, 1991). Он предлагает различать:

- а) объективно имеющуюся возможность;
- б) воспринимаемую (предоставляемую) информацию об этой возможности.

Гавер вводит четыре типа ситуаций.

1. Есть и сама возможность, и предоставленная истинная информация о ней: например, в двери есть замочная скважина, и она видна, подчеркнута дизайном.
2. Нет ни самой возможности, ни информации о ней: нет замочной скважины (дверь отпирается по-другому или вообще не запирается) и нет имитации скважины (скажем, в виде муляжа).
3. Скрытая возможность (возможность есть, но информации о ней нет): замочная скважина есть, но она скрыта, замаскирована, ею может воспользоваться либо тот, кто изначально знает о ней, либо тот, кто сумеет обнаружить ее путем обследования.
4. Ложная возможность (самой объективной возможности нет, а есть ложная информация о ее наличии): замочной скважины нет (дверь отпирается по-другому), но есть ее имитация, с которой не знающий секрета может долго возиться, пытаясь отпереть несуществующий здесь замок (настоящий – в другом месте). С разоблачением этой ложной возможности опять-таки быстрее справится тот, кто возьмется ее исследовать, а не поверит в видимость» (Поддяков, 2018, с. 60).

В современном вероятностном неопределенном мире очень важно отличать объективное «вероятное» от субъективного «возможного»: «Вероятное, как и возможное, может быть, а может не быть, но осуществление той или иной вероятности не зависит от субъекта, его желаний и действий, его самоопределения по отношению к этой вероятности. Вероятность реализуется через стечение обстоятельств, в которое мы можем внести очень слабый вклад. В отличие от вероятности и потенциальности, возможность есть потенциально допустимая перспектива развития действительности, которая может стать

действительностью не иначе как через выбор субъекта и приложение усилия. Таким образом, возможность существует только для самоопределяющегося активного субъекта; для пассивно реагирующего существа возможностей не существует, есть только потенции и вероятности. Возможность (или ее отсутствие) не в ситуациях, она в головах» (Леонтьев, 2020, с. 391). Наличие или отсутствие возможностей, а также информации о них – это то, с чем сталкивается познающий субъект, пытаюсь понять не только очевидные знания о мире, но и неявные, которые нужно предвосхищать и прогнозировать. Другими словами сказанное можно переформулировать как философско-научную проблему взаимосвязи действительного и возможного, описываемого с помощью неявного знания о реальностях мира человека.

1.1. Философия возможного

Соотношение действительного и возможного для философии является одной из фундаментальных, базовых проблем. Ее изучение «было начато еще Аристотелем. По его мнению, возможное предшествует действительному, при этом происходит непрерывный процесс перехода первого во второе (процесс актуализации) за счет активности и энергии, которыми обладает ум (мысль), реализующаяся в деятельности» (Хазова, 2019, с. 71). Аристотель рассматривал три варианта соотношения указанных понятий: действительность с возможностью, действительность без возможности и возможность без действительности (Аристотель, 2006). Фактически развивая эти положения, И. Кант в «Критике чистого разума» различал логические и реальные возможности вещей. Логические характеризуют принципиальную возможность их существования, а реальные – наличие необходимых условий для осуществления возможности. Этой проблемой занимался и Г. Г. Гегель: «В рассуждениях Г. Гегеля о возможном и действительном существенной является идея о том, что возможность, являясь абстрактным моментом действительности, характеризуется многообразием и неопределенностью, в основе развития абстрактного до уровня конкретного лежит энергия субстанции» (Хазова, 2019, с. 71).

Христианская антропология (прежде всего в трудах Г. Паламы) представляла человека как открытую возможность: развитие лич-

ности рассматривалась в ней на уровне возможного потенциально-го бытия: «Познание в сфере возможного трактуется в учении Паламы как межличностное бытие-общение, где познающий соотносится с предметом познания как со своим Другим, узнавая, выявляя в инаковом свою собственную возможность, способность быть иным. Реальность личностного Я имманентно содержит в себе неограниченный ряд альтернативных реальностей» (Семенюк, 2014, с. 79).

В XVII в. Г. В. Лейбниц предложил идею «возможных миров» и ввел в философию модальности «необходимого», «возможного» и «случайного». В XX в. понятие возможных миров было введено в семантику и логику в связи с понятиями необходимости и возможности. В логике считается, что утверждение *A необходимо* и истинно, если оно истинно для любой мыслимой ситуации, т. е. для всех возможных миров. Утверждение *возможно*, если оно истинно, по крайней мере, для одного из возможных миров. Сегодня разработка и развитие теории возможных миров является одной из фундаментальных проблем философии (Смирнова, 2017). Как отмечает М. Н. Эпштейн, «важнейшая проблема теории возможного – это „возможные миры“ и их соотношение с действительным миром. „Возможный мир“ – совокупность возможностей (или возможных существований), которые могут непротиворечиво образовать одно целое, т. е. не исключают возможности друг друга» (Эпштейн, 2001, с. 30).

Взаимодействие возможности и действительности необходимо изучать в контексте процессуального изменения бытия: «Если понятие „возможность“ выражает объективно существующую тенденцию изменения предмета, возникающую на основе определенной закономерности его развития, то „действительность“ – объективно существующее, наличное состояние предмета, конституированное в качестве фрагмента бытия. В широком смысле слова, действительность, таким образом, есть совокупность всех реализовавшихся возможностей и предметно совпадает с феноменом наличного бытия. Выступая в качестве парных категорий, возможность и действительность могут быть охарактеризованы с точки зрения взаимоперехода: возможность возникает в рамках действительности как одна из тенденций и потенциальных перспектив ее эволюции, презентуя будущее в настоящем, воплощая тем самым эволюционный потенциал действительности (как, по примеру Аристотеля, статуя Гермеса в мраморной глыбе), а превращение возможности в действительность (актуализи-

зация) порождает новые возможности» (Можейко, 2020). Для психологии возможного принципиальным является вопрос о связи действительности с невозможностями как неосуществленными альтернативами: «Однако претворение в жизнь одной из возможностей, ее превращение в действительность, означает в то же время и неосуществленность всех других, альтернативных возможностей (их сохранение в качестве возможности или превращение в невозможность). Таким образом, в контексте взаимодействия возможность и действительность конституируется категория невозможности как того, что не может быть артикулировано в качестве действительности ни при каких условиях и не может быть помыслено без нарушения логического закона непротиворечивости суждения. Наряду с этим, противостоя невозможности, возможность противостоит и необходимости, то есть тому, что не может не стать действительностью, в отличие от которой возможность соизмеряет свой статус потенциальности с вариативной перспективой» (там же).

Следовательно, в философии «действительность» есть такое понятие, которое мыслимо лишь в соотносительной связи с «возможностью». Применительно к бытию С. Л. Рубинштейн говорил о том, что в любой момент времени оно уже потенциально содержит то, чем станет в будущем. Иначе говоря, любая реальность человеческого бытия является возможностью и того, чем она станет, но пока еще не стала. Сегодня в социогуманитарных науках это положение стало аксиомой: человек открывает для себя действительность в виде многообразия возможностей. Научные основания аксиомы заложены очень давно. В частности, почти столетие назад С. Л. Франк утверждал, что «„действительность“ есть понятие, мыслимое лишь в соотносительной связи с „возможностью“: то, что актуально есть, отличается, как таковое, от того, что может быть, и предполагает за своими пределами последнее» (Франк, 2007, с. 116). С одной стороны, «„возможность“ была бы понятием, лишенным смысла, если бы она не означала именно возможность (хотя и не необходимость) осуществиться, вступить в сферу действительности. Отсюда ясно, что понятие возможности все же содержит в себе отношение к действительности и немислимо вне его; и даже неосуществившаяся возможность конституируется этим отношением к действительности как бы как тенденция к последней, задержанная на полпути» (там же, с. 156). С другой стороны, логически, мысленно „возможность“ ав-

тономна, т. е. независима от всякой эмпирической действительности и от конкретной осуществимости: «Истина „ $2 \times 2 = 4$ “ сохраняла бы смысл, даже если бы в мире не было четырех конкретных предметов; ибо она означает лишь то, что четыре предмета (взятые как дважды два предмета) именно „возможны“, т. е. мыслимы» (там же).

В науке возможности проявляются в формировании научного знания: «В период научной революции имеются несколько возможных путей роста знания, которые, однако, не все реализуются в действительной истории науки. Можно выделить два аспекта нелинейности роста знаний. Первый из них связан с конкуренцией исследовательских программ в рамках отдельно взятой отрасли науки. Победа одной и вырождение другой программы направляют развитие этой отрасли науки по определенному руслу, но вместе с тем закрывают иные пути ее возможного развития» (Степин, 2000, с. 611). «Возможное» является основополагающей характеристикой неклассической научной рациональности: «Факторы социальной детерминации познания воздействуют на соперничество исследовательских программ, активизируя одни пути их развертывания и притормаживая другие. В результате „селективной работы“ этих факторов в рамках каждой научной дисциплины реализуются лишь некоторые из потенциально возможных путей научного развития, а остальные остаются не реализованными тенденциями» (там же, с. 615–616).

Для научного понимания мира принципиальна «воспроизводящая» возможностей, способствующая развитию, творческому изменению действительности: «Мир больше не является каузальной машиной — его можно рассматривать как мир склонностей, как разворачивающийся процесс реализации возможностей и развертывания новых возможностей... Все новые возможности имеют тенденцию воплощаться, чтобы создавать опять новые возможности... Все это означает, что возможности, которые еще не реализовали себя, имеют свою реальность» (Popper, 1990, p. 18).

Философские основания понимания мира как раскрытия его возможностей заложены в двух главных научных подходах к изучению этого феномена — познавательном и историко-культурном. В рамках более узкого познавательного подхода понимание рассматривается как одна из процедур мышления, ума человека. В контексте широкого историко-культурного подхода понимание исследуется как универсальная психическая способность и даже как способ бытия чело-

века в мире. По мнению Х.-Г. Гадамера, В. Франкла и других ученых, понимание является содержательно более объемной категорией, чем познание и уж тем более – индивидуальное мышление. Понимание нужно человеку для того, чтобы понять самого себя, определить, что он есть, какое место занимает в мире. Смысл бытия человека – в понимании. Причем не в познании, не в взаимодействии субъекта с предметным миром: понимание представляет собой особый, глубоко человеческий способ существования. В этом способе субъект реализует себя как духовное и личностное начало, как творец и одновременно продукт своей эпохи. Конкретизация способа существования осуществляется в герменевтических процедурах интерпретации: к В. Дильтею восходит традиция «герменевтического круга» как движения от целого к части и от части к целому. Несколько иная позиция у М. Хайдеггера, говорившего, что первичное понимание или интуитивное схватывание целого и есть основной способ бытия человека. «Он полагает, что одной из фундаментальных характеристик человеческого бытия выступает понимание. Оно связано с „множественностью“ – разворачиванием потенциала возможностей, заключенных в человеческом бытии. Самопроявление понимания проступает в истолковании. Так, понимание обретает онтологический характер, т. е. понимание в структурах „пред-понимания“ является основным способом человеческого бытия, которое характерно только для человека» (Полякова, 2018, с. 152).

Таким образом, множественность вариантов понимания событий в мире имеет давние и достаточно серьезные основания в философии. В XXI в. наиболее значимый вклад в создание философии возможного внес М. Н. Эпштейн, концепцию которого я проанализирую в заключительном разделе монографии.

1.2. Социогуманитарные и естественно-научные перспективы исследований

Одной из первых областей познания человека, представители которой начали задумываться над онтологической проблемой порядка и неупорядоченности мира, в начале XX в. стало искусство. Символисты, сюрреалисты и т. п. не стремились упорядочить онтологическую структуру мира, они видели главную задачу в нахождении новых

форм его описания, поиске моделей, в которых находили оправдание множество возможностей, вариантов интерпретации нарративных структур. Модели позволяли упорядочивать то, что онтологически включало случайное, двусмысленное, поливариантное, т. е. возможное, но не необходимое. Такой творческий путь был основан на убеждении, что «современному искусству приходится считаться с Неупорядоченностью, которая не является слепым и неисправимым беспорядком, отметанием всякой упорядочивающей возможности, но представляет собой плодотворный беспорядок, позитивность которого показала нам современная культура, разрушение традиционного Порядка, который западный человек считал неизменным и окончательным и отождествлял с объективным строением мира» (Эко, 2006, с. 33).

Размышляя об эстетике возможного, Г. В. Иванченко подчеркивала, что для творца потенциальное иногда не менее реально, чем действительное. В процессе творческого самопознания очищение от случайности возможных вариантов создаваемого произведения, в конце концов, приводит субъекта к осознанию потенциального характера собственного Я. При этом разные возможности мыслимого совмещаются в сознании творца, раздвигая его границы. В творчестве потенциальное, возможное нередко скрывается где-то на грани между истиной и художественной правдой. Особенно актуальна проблема художественной правды применительно к пониманию принципиальной недостоверности практически любого автобиографического повествования. Из исследований автобиографической памяти известно, что воспоминания человека о прошлом всегда являются осознанной или неосознанной мысленной трансформацией событий, а не фотографией, калькой происшедшего (Нуркова, 2008). Неудивительно, что при анализе автобиографий и исповедей фактам можно и нужно противопоставлять контрфакты, а автобиографический вымысел — биографическому. И это спор, который однозначная истина неизбежно проиграет множественной правде, потому что «вечнозеленые дубравы видимостей, кажимостей, соблазнов и искусов закрыты для Истины, и ей, похоже, никогда не вернуть Искусство во всех более и менее совершенных его проявлениях под свой кров» (Иванченко, 2002, с. 159).

В современном социогуманитарном познании актуальность исследования возможного ясно осознавал У. Эко: «Раньше говорилось

о неоднозначности как о нравственной установке и о противоборстве проблем, однако сегодня психология и феноменология говорят также о *неоднозначности восприятия* как о возможности, не порывая с общепринятыми правилами познания, уловить мир в той его первозданной возможности, которая предшествует всякой стабилизации, обусловленной привычным, устоявшимся взглядом на него» (там же, с. 93). У. Эко полагал, что при анализе понимания литературы использование теории возможных миров очень помогает ученым объяснить, чем и насколько возможный мир отличается от действительного (Эко, 2006). Категория «возможное» лежит в основании разработанной им концепции «открытого произведения», согласно которой литературное произведение обладает неисчерпаемыми возможностями, бесконечным множеством значений. При этом «любое произведение искусства, даже если и не оказывается материально незавершенным, требует свободного и творческого ответа на него, по крайней мере, потому, что его нельзя по-настоящему понять, если истолкователь не открывает его заново в акте творческого единомыслия с самим автором» (там же, с. 72). Единомыслие читателя с автором задает фрейм, указывающий, какие из бесчисленного числа комбинаций следует использовать для понимания произведения.

Категория «возможное» играет существенную роль в социологических исследованиях, однако зачастую она сводится к наличной ситуации, возможным вариантам ее развития: «Прибавьте к этому тот факт, что вопросы, которые мы задаем людям, – лишь выборка всех возможных вопросов, которые мы могли бы задать. Так же как их ответы, в свою очередь, могут быть всего лишь выборкой тех неоднозначных мнений и жизненного опыта, которыми они обладают. Что еще хуже, они могут понимать или не понимать, что мы спрашиваем, а пока они отвечают, их может что-то отвлекать. И гораздо чаще, чем хотелось бы тем, кто проводит опросы общественного мнения, люди намеренно дают неправильный ответ. Ведь люди – существа социальные; многие стараются избегать столкновений или хотят угодить и потому отвечают так, чтобы соответствовать ожиданиям» (Левитин, 2018, с. 89). В таких случаях главная задача социолога – сделать изначально невозможное возможным: на основании своих знаний, прошлого опыта «выжать» из ситуации максимум, учесть все варианты того, почему респонденты отвечают именно так, а не иначе.

Одной из наиболее фундаментальных междисциплинарных работ, в которой анализируются и социогуманитарные, и естественнонаучные аспекты проблемы возможного, является статья М. Д. Хаузера в журнале «Nature». От эволюционной биологии до многообразия культур автор выстраивает единую картину «возможности невозможного» и пытается найти общие механизмы, в соответствии с которыми некоторые возможности развития не могут быть реализованы потому, что их место уже «занято» другими альтернативами (Hauser, 2009). Сравнивая фактические и возможные формы развития живых организмов, используя инструменты и теории молекулярной биологии, математики, физики, экологии, анатомии, ученый пытается понять, почему в пространстве возможностей эволюционного развития существуют пробелы и какую роль они могут играть в эволюционном процессе. Согласно эволюционной биологии, увеличение и развитие различных форм животных возникает в результате основных молекулярных операций по генерации вариаций (например, перестановка, повторение, увеличение и деление — с каждым из этих процессов связано дальнейшее изменение и ограничение в зависимости от времени и величины опыта).

Понимание соотношения возможных и невозможных альтернатив развития в биологии порождает аналогию из истории формирования естественных и искусственных языков: «Важно отметить, что эта перспектива породила идею невозможных языков: то есть лингвистических структур, которые никогда не будут рассмотрены или, если они будут рассмотрены и выражены, не могут быть изучены» (Hauser, 2009, p. 191). Исследования в области генеративной лингвистики показывают, что, как и разнообразие форм животных, чувство неограниченной вариации в лингвистических формах иллюзорно, потому что скрывает набор универсально поддерживаемых, биологически инициированных механизмов для генерации вариации, в том числе освоение и ограничение пространства возможных языков.

Затем следует переход от языка к культуре. Автор предполагает, что большая часть изменений, наблюдаемых в человеческой культуре, очень ограничена, поскольку пространство возможных культур лишь мало населено, оставляя несколько пробелов, которые составляют невозможные культурные формы: «Эта перспектива, с ее параллелями в работе над теоретической морфологией и расширением

общего подхода, который мотивировал работу в области генеративной лингвистики, подразумевает, что некоторые культурные формы никогда не будут развиваться или, если они есть, быстро вымрут, потому что они не обучаемы или изучены с большим трудом. Эта точка зрения имеет интересные последствия как для изучения культуры, так и для биологии (гены, нервные цепи и когнитивные процессы), она облегчает и ограничивает приобретение и передачу культурного опыта» (Hauser, 2009, p. 194). Идея о том, что существуют культурные пробелы, вызывает те же вопросы, что и суждение о том, что такие же пробелы есть в формах животных. При этом необходимо понимать, что порождает вариации в культурных формах и почему некоторые теоретически возможные формы никогда не реализуются. Хаузер считает, что люди рождаются с умственным «набором инструментов» для создания и особенно для понимания культурных различий (в лингвистике, музыке, морали). Набор инструментов состоит из программ развития, которые генерируют вариации, «сырье» для избирательного процесса, который кристаллизует конкретную форму выражения. Когда культурные формы кристаллизуются, могут появиться пробелы, потому что люди в культуре не могут представить альтернативы из-за бедности воображения.

По мнению Хаузера, подобные сравнительные методы анализа открывают перед наукой беспрецедентные возможности для понимания вопросов эволюции и когнитивных способностей. Они показывают, как теории, технологии и результаты молекулярной биологии, эволюционной биологии, нейробиологии, когнитивной психологии, лингвистики и антропологии могут быть продуктивно объединены для понимания одной из самых глубоких проблем интеллектуальной жизни – как эволюционировал уникальный генеративный мозг человека (Hauser, 2009).

Междисциплинарная направленность современной науки порождает такие новые области познания, в которых категория «возможное» является основной. К ним принадлежит прогностическая микробиология. Прогностическая микробиология основана на интеграции традиционных знаний из области микробиологии со знаниями математических, статистических, информационных систем, технологий для описания поведения микробов с целью предотвращения порчи продуктов питания, а также болезней пищевого происхождения. Благодаря интеграции разнообразных знаний из био-

логии, физики, инженерии в ней решаются задачи, которые когда-то казались невыполнимыми (разработка и внедрение сложных синтетических генных цепей, построение многокомпонентных бактериальных сообществ с конкретными, заранее определенными составами и т. п.). В этой области научного познания обсуждаются ключевые проблемы прогностической микробиологии, задачи, связанные с природной сложностью микроорганизмов, а также ценностью количественных методов для повышения предсказуемости результатов моделирования (Fakruddin, Mazumder, Mannan, 2011; Lopatkin, Collins, 2020).

В начале XX в. невозможность понимания многомерного мира человека только одним, единственным способом стала очевидной в период возникновения квантовой физики и последующего развития методологии всех наук. Возник методологический конфликт между отражением действительности и ее описаниями, причем он существовал в сознании не только рядовых, но и великих физиков: «Эйнштейн посвятил труд всей своей жизни исследованию объективного мира физических процессов, которые где-то там, вовне, в пространстве и времени, протекают независимо от нас по неизблемым законам. Математические символы теоретической физики были призваны, по его убеждению, отображать этот объективный мир и тем самым сделать возможными предсказания относительно его будущего поведения. А тут вдруг стали утверждать, что если углубиться в атомы, то такого объективного мира в пространстве и времени вовсе и нет и что математические символы теоретической физики отображают лишь возможное, а не фактическое. Эйнштейн не был готов к тому, чтобы позволить — как он это ощущал — почве уйти у себя из-под ног. И в своей последующей жизни, когда квантовая теория давно уже и прочно стала составной частью физики, Эйнштейн тоже не смог изменить свою точку зрения. Он допускал квантовую теорию в качестве временного, но не принимал в качестве окончательного объяснения атомарных явлений» (Гейзенберг, 1989, с. 207).

Сегодня эйнштейновская непоколебимая уверенность в существовании объективного мира, не зависящего от познающего субъекта, преодолена, в частности, на основании многомировой интерпретации квантовой механики Х. Эверетта. Согласно этой теории, квантовый мир «может быть адекватно представлен как набор многих

классических миров, параллельных миров. Эти классические миры – фактически различные „проекции“ единственного объективно существующего квантового мира. Они отличаются друг от друга некоторыми деталями, но все они – образы одного и того же квантового мира. Эти параллельные классические миры сосуществуют, и мы все (и каждый из нас) параллельно живем во всех этих мирах» (Менский, 2011, с. 26–27).

Методологию современной науки, как естественной, так и социогуманитарной, характеризуют, по меньшей мере, два основополагающих признака. Во-первых, сознание ученого непосредственно включено в познавательные процессы и потому не может игнорироваться при интерпретациях их результатов. Во-вторых, наука всегда имеет дело с возможностями, альтернативами понимания исследуемой действительности. В частности, «интерпретацию квантовой механики, в которой принимается объективное сосуществование многих различных классических миров, назвали *интерпретацией Эверетта*, или *многомировой интерпретацией*. Не все физики верят в эту интерпретацию, но число ее сторонников быстро растет. Миры Эверетта, которые должны сосуществовать в силу природы квантовой механики (в соответствии с „квантовой концепцией реальности“), и являются теми „*параллельными мирами*“, которые рассматриваются в этой книге. Мы видим единственный мир вокруг нас, но это – только иллюзия нашего сознания. Фактически все возможные варианты (альтернативные состояния) этого мира сосуществуют как миры Эверетта. Наше сознание воспринимает их все, но отдельно друг от друга: субъективное ощущение, что воспринимается один из альтернативных миров, исключает какие бы то ни было свидетельства о существовании остальных. Но объективно они существуют» (там же, с. 28–29).

Понимание и осмысление миров, «переход от мыслимого к возможному, который совершили Л. Витгенштейн, Д. Чалмерс и др., – это только начало пути перед погружением в пугающе сложный мир возможного. Главным здесь является глубокая внутренняя ментальная, психическая и контрфактуальная способность человека к расширению действительного мира посредством представления или воображения того, что могло бы быть. Пока мы всего лишь выявили стремительно нарастающую тенденцию к изучению *возможностно-го мышления*» (Карпенко, 2016, с. 8).

Возможностное мышление сегодня представляет собой очень перспективный способ осмысления эволюции всей действительности — от квантового микромира до социального макромира. Такой способ дает возможность наиболее эффективным образом описать суперпозицию, взаимодействие сложных интерферирующих процессов во вселенной. В биологии это разные ветви возможного эволюционного развития, в квантовой физике и психологии — необычные проявления сознания, открывающие для познающего субъекта доступ к альтернативным реальностям. «В каждой из эволюционных ветвей реализуются те или иные возможности, содержащиеся в исходной суперпозиции. Каждая компонента квантовой суперпозиции представляет собой отдельную и равноправную классическую реальность. Вселенная расщепляется на ряд вселенных-ветвей, каждая из которых соответствует своему возможному исходу события. То, что мы воспринимали как коллапс, означает, что наше сознание выбрало определенный путь через эти ветви, и поэтому наблюдается один набор результатов вместо другого из огромного числа других возможностей. Другие копии нашего сознания наблюдают другие возможные исходы в других вселенных-ветвях» (Верхозин, 2014, с. 215).

В этом общенаучном контексте очень важны современные дискуссии о переосмыслении содержания эмпирической реальности в квантовой физике (Карпенко, 2015; Пенроуз, 2005), биологии (Зуев, 2016) и других областях естествознания. Один из самых научно значимых результатов дискуссий заключается в том, что «все большее значение приобретает модальное, возможностное мышление, которое противостоит анти-реализму и выводит на арену «сверхреализм», требующий реализации в актуальность всего того, что мыслится как возможное. В итоге знаменитое декартово высказывание о существовании принимает следующий вид: «Существовать — значит мыслить возможное» (*Esse ergo cogitare possible*)» (Карпенко, 2015, с. 36). Это означает, что модальное возможностное мышление направлено на действительность, открываемую познающим мир субъектом в виде многообразия возможностей: «Важнейшие множества физики — это множества *не предметов, а возможностей*: конфигурационное пространство системы есть множество ее возможных мгновенных состояний, пространство-время есть множество возможных событий типа „вспышки“, отмечающих точки» (Манин, 2008, с. 141–132).

Интересные и даже неожиданные проявления возможностного мышления обнаруживаются в исследованиях околосмертного опыта. Такой опыт измененных состояний сознания у некоторых людей возникает вследствие остановки сердца (клинической смерти), шока после потери крови при родах, черепно-мозговой травмы, инсульта, асфиксии и т. п. «Околосмертный опыт может быть определен как память о впечатлениях во время особого состояния сознания, включая такие феномены, как внетелесный опыт, приятные ощущения, видение туннеля и/или света, видение умерших родственников, обзор жизни или сознательное возвращение в тело» (Van Lommel, 2011, p. 19). обстоятельный аналитический обзор проблемы содержится в недавней статье О. В. Гордеевой (Гордеева, 2020). Околосмертный опыт включает множество необъяснимых с точки зрения современной науки феноменов: видение находящимся в состоянии клинической смерти человеком предметов, которые невозможно увидеть из точки физического расположения его тела; «встреча» с давно умершими людьми; появление внетелесного опыта — ощущение выхода за пределы своей телесной оболочки и т. п. Такие феномены побуждают ученых пересматривать и по-новому решать старые проблемы соотношения материализма и идеализма, мозга и сознания.

Оригинальную концепцию нелокального сознания предлагает П. Ван Ломмель (Van Lommel, 2011). Он полагает, что сознание не локально, а распределено в пространстве и потому не связано только с одним каким-то конкретным мозгом. Метафорой сознания являются невидимые глазу и пронизывающие все материальные тела электромагнитные информационные поля, в роли которых выступают индивидуальные сознания, каждое из которых связано с телом и мозгом. Фактически мозг служит передатчиком, позволяющим подключаться к общему сознанию, получать от него информацию. Однако сам мозг не производит сознание и информацию. Ван Ломмель сравнивает его с телевизором, который принимает электромагнитные волны и преобразует их в изображение и звук, но не создает телепередачу. Метафорическая концепция нелокального сознания необходима для интерпретации околосмертного опыта. Во время его возникновения, когда мозг временно «перестает функционировать», индивидуальное сознание может перейти в фазовое пространство и продолжить действовать уже как общее, которое потом

актуализуется в виде воспоминаний. Обобщенно говоря, ученый «предлагает концепцию нелокального (nonlocal) сознания (используя ряд идей и понятий из квантовой физики), согласно которой в общем информационном поле, или «фазовом пространстве», вечно существует бесконечное (общее) сознание, в котором берет начало и сохраняется сознание индивидуальное, содержащее наше Я. Это пространство невидимо и состоит из областей вероятности, где события существуют как возможные, а при определенных условиях возможность превращается в действительность, производя события нашей реальности» (Гордеева, 2020, с. 121). Отсюда следует, что даже в такой «экзотической» области исследований соотношение действительного и возможного играет значимую объяснительную роль.

При анализе концепции П. Ван Ломмеля об общем и частном сознании возникает аналогия с давней работой из отечественной психологии понимания: в 1993 г. Г. Граник и О. В. Соболева опубликовали статью «Понимание текста: проблемы земные и космические». Они высказали гипотезу, что, понимая текст, читатель подключается к пространственной, космической мысли: Космическому Разуму, по Мантрейи, Глобальному Разуму, по Шри Ауробиндо, ноосфере, по В. И. Вернадскому, континуальному потоку образов, по В. В. Налимову. «Вместе с тем мы предполагаем, что читатель не только „берет“ из Космоса, но и возвращает переработанные мысли в Беспредельность. Рожденные художественным текстом размышления, воздействуя на личность, в то же время очищают пространство, обогащают его положительной энергией. В связи с этим по-иному высвечивается роль художественной литературы, при соприкосновении с которой происходит, по нашему предположению, как рост человеческого духа, так и влияние этого духа, этой энергии на Космос» (Граник, Соболева, 1993, с. 81). Гипотеза, конечно, интересная, но не психологическая, а философская, антропологическая, методологическая и т. п. Трудно не согласиться с послесловием редакции о том, что прямой перенос понятий и принципов общенаучного уровня методологии на конкретно-научный уровень нельзя признать корректным.

Вывод: как и многое другое в современной нейронауке, объединение идей из области квантовой физики и психологии сознания напоминает «старые песни на новый лад».

1.3. Истоки психологии возможного в психологической науке

1.3.1. Аффордансы в экологической психологии

В понятии «аффорданс» категория возможного в психологии представлена, пожалуй, в наиболее полном и развернутом виде. Это понятие было введено в психологическую науку Дж. Гибсоном. Он писал: «Возможности окружающего мира — это то, что он предоставляет животному, чем он его обеспечивает и что он ему предлагает — неважно, полезное или вредное. Нужно сказать, что в действительное «возможность» я вкладываю смысл, отличный от того, который вы можете найти в толковом словаре или в словаре математических терминов. Под ним я подразумеваю нечто, что относится одновременно и к окружающему миру, и к животному таким образом, который не передается ни одним из существующих терминов. Он подразумевает взаимодополнительность окружающего мира и животного» (Гибсон, 1988, с. 18). Принципиально важным в этом определении является его диалогический, субъект-объектный характер. Во-первых, в нем выражено представление об окружающей среде как совокупности возможностей, которые оказываются взаимодополнительными к потребностям и возможностям живого существа; во-вторых, одна и та же среда для разных видов живых существ и для разных индивидов предстает различной. С этой точки зрения, среду обитания живых существ следует рассматривать как совокупность условий и возможностей, находящихся в отношении взаимодополнительности к субъекту восприятия и понимания. «Отсюда следует, что среда — это не вся и не любая совокупность пространственных, социальных и иных отношений и свойств, в окружении которых находится индивид. Среда — это, прежде всего, те естественные условия обитания человека как биологического вида, которые непосредственно воспринимаются им как пространство его возможностей для тех или иных действий. Можно сказать, что среда как понятие — это абстракция нашего мышления, ибо, в отличие от объектов психического отражения в традиционной психологии восприятия, среда (средовые условия) не существует сама по себе. Она существует только во взаимодействии к перцептивным и поведенческим возможностям данного живого существа, т. е. к тем способам действия по преобразованию пространственных отношений, которыми оно обладает и которые

имеет возможность совершать благодаря своей собственной природе и свойствам окружающей среды» (Панов, 2004, с. 29).

В современной психологии немало работ, посвященных проблемам аффорданса, но не всегда они отличаются новизной. Даже те из них, авторы которых претендуют на создание новых теоретических моделей, по существу, повторяют мысли Дж. Гибсона: «Аффордансы не являются ни свойствами только животного, ни свойствами окружающей среды. Они представляют собой отношения между способностями животного и особенностями ситуации» (Chemero, 2003, p. 191). Тем не менее, значимость этих публикаций для психологии возможного несомненна. Такой вывод следует хотя бы из того, что идея аффорданса получает развитие в более широком контексте соотношения мозга и культуры: «Специализация нейронов относительно элементов субъективного опыта означает, что в их активности отражается не внешний мир как таковой, а соотношение с ним индивида. Поэтому описание системных специализаций нейронов оказывается одновременно описанием субъективного мира, а изучение активности этих нейронов – изучением субъективного отражения» (Александров, Александрова, 2010а, с. 25).

За сорокалетнюю историю использования термин «аффорданс» получил широкое распространение в самых разных сферах – в дизайне, образовании, когнитивной науке. Западные ученые проводят аналогию с положением М. Маклюэна о том, что средства массовой информации являются продолжением человечества. В этом контексте оказывается, что такой объект, как чашка, является продолжением сложенных в ладони рук, потому что, подобно рукам, он удерживает воду: «Определение некоторых объектов как расширений тела дает понять, что возможности могут быть изменены двумя способами: путем изменения либо функций, доступных в среде, либо расширенных возможностей пользователя. Это различие упрощает описание различных типов возможностей и может помочь дизайнерам в планировании эффективного взаимодействия с пользователями» (Overhill, 2012, p. 1). Здесь вполне уместно заметить, что более полувека назад Б. Г. Ананьев (см. развернутую цитату ниже) гораздо более глубоко и содержательно писал о том, что не только органы человеческого тела, но и технические средства усиливают возможности людей и способствуют созданию новых функциональных систем, «функциональных органов» (Ананьев, 1968, с. 26).

Взаимодействие человека со средой является главным предметом исследования в экологической психологии. «Исследование действий, направляемых аффордансами, ведет к обнаружению скрытого в системе» (Gaver, 1991, р. 82). Замечу, обнаружение скрытого, ранее невидимого – это цель и основной идеологический посыл психологии возможного. В экологической психологии значимую роль играет понятие «предикторов» формирования и развития психики человека, взаимодействующего со средой. Предиктор – прогностический параметр и одновременно средство прогнозирования. Например, в исследовании взаимосвязи экопсихологических типов взаимодействия с личностными качествами субъектов общения и совместной учебной и профессиональной деятельности показано, что в ситуациях общения в качестве предикторов экопсихологических типов взаимодействия в общении выступает общность личностных ценностей, а в ситуациях учебной деятельности общность личностных черт (Капцов, Панов, 2019). Разумеется, предикторы имеют большое значение в самых разных областях психологической науки, а не только в экопсихологии.

Интересное развитие идея аффордансов получила в представлениях об исследовательских объектах, например, игрушках с кнопками, скрытыми динамиками, подвижными элементами и т. п., которые предназначены для стимуляции любознательности, исследовательской активности человека. Такие объекты являются предоставляемыми другому человеку возможностями удовлетворить познавательную мотивацию при изучении неизвестных сторон новой для него системы: «Фактически такой объект можно интерпретировать как большую материализованную возможность – предоставляемую другому человеку возможность удовлетворить свою познавательную мотивацию и мотивацию вызова при изучении неизвестных возможностей новой для него системы; как возможность исследования более конкретных возможностей, связанных со скрытыми свойствами и связями «объекта-загадки». Здесь выглядит эвристичным понятие „метааффорданс“ (meta-affordance) – возможность более высокого порядка (ранга), предоставляющая более частные возможности» (Подъяков, 2018, с. 56).

В этом контексте «полезно понятие „дефорданс“, противоположное понятию аффорданса. Оно без явного определения введено М. Гаиш в другом контексте – анализа учебной деятельности в груп-

пе. Как можно понять из текста, „дефорданс“ обозначает не возможность, а ее ограничение; упоминается наряду с „блоком“» (там же, с. 61). Например, изображение черепа с костями на запертой трансформаторной будке – это дефорданс, призванный пресечь несанкционированную исследовательскую активность по отношению к тому, что демонстративно помечено этим знаком. В познавательной деятельности возникает интересная проблема. Незаинтересованным человеком, не пытающимся проникнуть в существо возникшей задачи, ситуация может восприниматься как дефорданс. «Однако для рефлексивного участника, имеющего опыт обследования подобных объектов и/или пытающегося понять данный объект еще и как намеренно созданный вызов познавательной активности, это не дефорданс, а метааффорданс особого рода – подсказка, что за скучным фасадом может быть что-то скрыто» (там же, с. 62).

Таким образом, разносторонний анализ аффордансов может внести существенный вклад в формирование и развитие психологии возможного.

1.3.2. Предвосхищение и прогнозирование

В психологии понимания предвосхищение понимаемого всегда играло очень значимую роль: составляющей любой модели понимания должна быть антиципация как предвосхищение, предугадывание, представление о возможном результате того, что понимается. Психологи внесли существенный вклад в развитие методологии научного познания, в основании которой лежит анализ соотношения действительного и возможного, а также многомировая интерпретация действительности (Петренко, Супрун, 2013). Например, С. Д. Смирнов разрабатывает модель образа многозначного мира как системы разноуровневых гипотез, непрерывной их генерации. Он пишет: «Итак, если под образом мира иметь в виду многоуровневую систему познавательных гипотез, которые непрерывно генерируются навстречу внешнему миру, то можно сказать, что в основе этих гипотез лежит прогноз того, каким, по мнению человека, в данный момент является мир и в каком направлении он изменится в близком или более далеком будущем. Фактически мы имеем дело с прогностической моделью мира, и степень определенности или неопределенности этого прогноза прямо сказывается на адек-

ватности образа мира и его способности ориентировать наше поведение, нашу деятельность» (Смирнов, 2016, с. 220). Иначе говоря, человек, живущий и совершающий поступки в действительном мире, постоянно соотносит свои мысли и действия с будущим, не реальным, а только возможным.

Е. А. Сергиенко подчеркивает, что при изучении модели психического большую роль играют вторичные репрезентации, которые «позволяют нам думать о прошлом, возможном будущем и даже несуществующем, но, главное, строить причинные гипотезы» (Сергиенко, Уланова, Лебедева, 2020, с. 17).

А. О. Прохоров при исследовании репрезентации психических состояний отмечает, что одним из компонентов ментального опыта субъекта являются «предвосхищающие схемы – пространственные представления, которые, будучи сформированными под влиянием прошлого опыта, отвечают за прием, сбор и организацию информации, оказавшейся на сенсорных поверхностях» (Прохоров, 2021, с. 17).

Л. И. Анцыферова, анализируя трудные жизненные ситуации, рассматривает прием «антиципирующего совладания» и описывает феномен возможного будущего. В частности, одним из способов совладания является стремление человека избегать сомнительные ситуации. Психологическим барьером на пути разрушительного проникновения трагедии во внутренний мир человека, в его ценностно-смысловую концептуальную систему является отрицание. Оно «позволяет субъекту перерабатывать трагические ситуации малыми дозами, постепенно ассимилируемыми смысловой сферой личности. После ассимиляции запредельного для ума человека события меняются его сознание, отношения к миру, появляется новая оценка жизни и собственных возможностей, увеличивается пространство личного будущего в его сознании» (Анцыферова, 2006, с. 343).

Обобщая, можно сказать, что процессы антиципации, предвосхищения являются неотъемлемым свойством психики, присутствуют уже на самых первых этапах ее развития. Аргументированное доказательство этого тезиса представлено в работах Е. А. Сергиенко: «*Принцип антиципации* тесно связан с принципом непрерывности психического развития и предполагает необходимую подготовленность последующих стадий развития предыдущими. Антиципация рассматривается как имманентное свойство всех психических процессов в их развитии» (Сергиенко, 2019, с. 355; Сергиенко, 1992).

Обсуждая проблемы соотношения прогнозирования и «образа мира», Т. В. Корнилова пишет: «Ресурсным теориям сегодня могут быть противопоставлены подходы, предполагающие ведущую роль актуалгенеза познавательной деятельности личности. В рамках этих подходов разрабатываются идеи динамического контроля неопределенности и выдвигаются на первый план процессы предвосхищения и прогнозирования, которые на долгий период ушли на периферию отечественных исследований. Сейчас эти идеи возвращаются в существенном переосмыслении, которое можно обозначить вектором „от морфологической – к динамической парадигме“» (Корнилова, 2016, с. 210).

Прогнозирование и предвосхищение как инструменты анализа возможного не всегда направлены только в будущее. В семантическое поле «возможного» входит не только будущее, то, что прогнозируется, но и ретроспективное прошлое. Н. Е. Харламенкова, опираясь на идеи Е. П. Никитина, анализирует ретросказание как общую стратегию обращения к прошлому. Ретросказание представляет собой процесс восстановления прошлого по неполным данным: «Ретроспективная активность основана на принципе обратимости и предполагает возвращение к истокам, которое совершается с определенной целью. Цель эта состоит в „пересмотре“ своего опыта, в стремлении обнаружить в нем дополнительные возможности, либо, наоборот, в желании оправдать свои неудачи ссылками на негативные переживания. Из этого следует, что ретросказание может проявляться в виде разных психологических механизмов и не обязательно характеризует активность человека только как субъекта жизненного пути. В несубъектных формах активности преобладают эмоциональные механизмы, интуитивные переживания и озарения, которые, тем не менее, могут явиться основой ретросказания, построенного на когнитивной переоценке прошлого» (Журавлев, Харламенкова, 2018, с. 284–285).

Предвосхищение и прогнозирование являются способами, инструментами достижения возможного, однако их содержания различны. Указанные различия тщательно исследованы А. В. Брушлинским. Необходимость современного психологического анализа предвосхищения и прогнозирования определяется, во-первых, включенностью понимания в мышление субъекта и, во-вторых, необходимостью анализа соотношения осознаваемых и неосознавае-

мых альтернатив, которые или уже рассматриваются понимающим субъектом, или потенциально возможны при интерпретации понимаемого. Предвосхищение возможно тогда, когда можно предвосхитить результат, осознать альтернативу понимаемого: будет ли гореть зажженная свеча, если ее опустить бочку, наполненную водой? А. В. Брушлинский приводит такой пример: «На основе соответствующей теории астроном производит необходимые вычисления и в результате предсказывает время и место затмения. Здесь прогноз выступает в четко фиксированном виде и может быть эмпирически проверен простым восприятием предвосхищаемого события (затмения), когда последнее произойдет» (Брушлинский, 1979, с. 103). В отличие от этого в мыслительной деятельности в качестве неизвестного прогнозируемого искомого выступают не только характеристики решаемой задачи, но и свойства психического процесса, с помощью которого осуществляется ее решение. В любой мыслительной деятельности «в качестве „желаемого“ выступает прежде всего прогнозируемое искомое (будущее решение), которое в течение длительного периода времени остается в значительной степени неизвестным и потому не столь определенным, как в случае предвидения. Такая „неизвестность“ искомого означает, что даже в ходе его постепенного и/или скачкообразного прогнозирования оно до последней стадии мыслительного процесса не может быть найдено и зафиксировано с предельной отчетливостью» (там же, с. 106). Другими словами, неизвестность искомого означает, что пока оно не стало действительным, а является потенциальным, т. е. возможным.

Существенный вклад в отечественную психологию мышления, в частности соотношения когнитивных и эмоциональных компонентов прогнозирования при решении задач, внес О. К. Тихомиров. В теории смысловой регуляции мышления, разработанной Тихомировым и развиваемой его учениками, одним из ключевых понятий является «эмоциональное предвосхищение». Он писал: «Эмоциональное предвосхищение действия или последовательности действий является необходимым механизмом для их принятия субъектом в качестве „правильного“, и, напротив, отсутствие эмоционального предвосхищения может вести к тому, что объективно верные действия и целые последовательности действий „не узнаются“ в качестве таковых, хотя и называются в ходе рассуждения. Вербально формулируемый замысел совершаемого действия рождается на почве пред-

восхищающих эмоциональных оценок, отсутствие таких предвосхищений затрудняет формирование замысла. Эмоциональное решение задачи является кульминационным пунктом сложного эмоционального развития, имеющего место в ходе решения задачи» (Тихомиров, 1984, с. 100–101). В смысловой теории мышления доказано, что эмоциональная активация выступает как предвосхищение принципа решения задачи, она связана с чувством близости решения и предшествует ему: «Состояние эмоциональной активации выступает как некоторый неспецифический сигнал „остановки“, как указание на то, „где“ должно быть найдено то, что еще не найдено, оно выступает как неконкретизированное предвосхищение принципа решения (или окончательного решения). Это эмоциональное предвосхищение принципиального решения задачи, как мы уже отмечали, переживается испытуемым как „чувство близости решения“» (там же, с. 98). Обосновано также, что предвосхищение в мыслительной деятельности имеет три разновидности: словесно оформленные предвосхищения, предвосхищения на уровне невербализованного поиска и эмоциональные предвосхищения.

Сегодня одна из учениц О. К. Тихомирова, Т. В. Корнилова, рассматривает мышление как процесс движения к возможному, тому, что пока еще не мыслилось, не приходило в голову субъекту познания. Без этого изучение мышления оказывается неполным и поверхностным. Следовательно, главная идея автора заключается в направленности на исследование сопричастности человека возможному (Корнилова, 1994). По существу, анализ не состоявшихся поворотов мысли, возможных мысленных преобразований ситуации, отраженной в решаемой задаче, содержательно сходен с позицией С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского.

Согласно С. Л. Рубинштейну, в процессе познавательной деятельности субъект, взаимодействуя с объектом, мысленно поворачивает его разными сторонами и таким образом выявляет некоторые неизвестные ранее свойства последнего, получает новые знания об объекте. Иначе говоря, человек выявляет не только действительные, уже известные ему свойства, но и так мысленно преобразует объект, что в сознании возникают новые его признаки, которые раньше были только потенциальными, возможными альтернативами познаваемой реальности. А. В. Брушлинский полагал, что в ходе решения мыслительной задачи человек, в конце концов, формиру-

ет только одну предпочитаемую альтернативу (к примеру, законодательно разрешить или запретить смертную казнь).

Предпочтение одной из возможных альтернатив не означает того, что рассматривавшиеся ранее варианты решения исчезают из памяти, внутреннего мира мыслящего субъекта. Сегодня подтверждающий это эмпирический материал представлен в исследованиях альтернативных биографий. Нереализованная возможность, отвергнутый субъектом вариант саморазвития может развиваться им в виде альтернативной жизненной истории. «Традиционно считается, что жизненный выбор – это своего рода развилка, пройдя которую человек оставляет невыбранный вариант позади, в своем прошлом. Однако анализ биографических историй показывает, что неслучившаяся ситуация может развиваться человеком параллельно его основному жизнеописанию – в виде альтернативной жизненной истории. Она продолжает оставаться частью его актуального автобиографического дискурса, содержащего нереализовавшиеся или отвергнутые возможности, превращаясь в своего рода возможное Я. Альтернативная жизненная история часто создается в точке „перегиба“ и связана с переломным событием жизни, которое нарушает непрерывность и взаимосвязанность линии времени и Я-концепции. Однако, несмотря на свой альтернативный характер, эта история усиливает тематическую согласованность автобиографии, поскольку пронизана основными ценностями и жизненными принципами человека, которые по-прежнему остаются актуальными в его жизненном пространстве. Таким образом, альтернативная история темпорально дезинтегрирует жизненную историю, а тематически интегрирует ее» (Аванесян, 2019, с. 267–268).

В психике человека возможное возникает на основе вероятностного прогнозирования, т. е. способности выдвигать возможные гипотезы (разной степени достоверности), сопоставляя новые знания с уже имеющимися. Для современных психологических исследований парадигма вероятностного прогнозирования имеет большое научное значение. Психологи активно изучают феномены опережающего отражения, генерации гипотез, теории предсказательного кодирования, категории возможного, разрабатывают вероятностные математические модели принятия решения и уверенности в нем (Скотникова, 2021).

Вероятностное прогнозирование может быть направлено на предсказание того, как будут развиваться явления и события, независи-

мые от действий человека (прогноз погоды). Однако может быть и вероятностное прогнозирование того, что какие-то действия субъекта приведут к успеху, к достижению его целей или удовлетворению потребностей. В этом случае внешние события рассматриваются, как зависящие от действий человека, изменяемые его действиями: «Такое прогнозирование – необходимый элемент планирования собственных действий, направленных на достижение некоторого результата. Здесь прогноз можно сравнить не с попыткой предсказать, куда вероятнее всего изменчивый поток вынесет щепку, а с попыткой определить, какие действия пловца в изменчивом потоке с наибольшей вероятностью позволят ему оказаться в заданном месте в заданный момент времени» (Фейгенберг, Иванников, 1978, с. 8).

В психологии есть множество исследований поведения человека в случайных средах, и их результаты всегда говорят об одном и том же: нет однозначной зависимости между ситуацией и реакцией субъекта, о такой связи можно говорить только в вероятностном ключе: «Действия человека (или животного) в заданной ситуации обычно не могут быть предсказаны однозначно; мы можем предвидеть только более вероятное поведение. Поведение человека и животного вероятно в том смысле, что нет однозначной зависимости между сложившейся ситуацией и реакцией субъекта в этой ситуации, на чем настаивали классики бихевиоризма, выражая это в формуле S–R (стимул–реакция)» (там же, с. 81).

Интересные данные о связи вероятностного прогнозирования с творческим мышлением получены в психологических исследованиях шизофрении. В частности, «больным и здоровым называли пары слов и предлагали им ответить, есть ли что-либо общее между понятиями, выражаемыми этими словами. Среди пар были и такие, о которых здоровые уверенно говорили, что между ними ничего общего нет. Больной же легко находил и в этих случаях нечто общее. Так, например, в паре „керосин–симфония“ больной видел общее в том, что керосин может вытекать из бидона с мелодичным звуком. Ответ больного кажется очень странным, необычным, неожиданным. Но назвать его формально неправильным нельзя» (Фейгенберг, 1986, с. 131–132). Здоровые люди обычно выбирают ассоциации, которые высоковероятны в их прошлом опыте. У больных нарушена опора на вероятностную структуру прошлого опыта, и потому различия между вероятностями у них отсутствуют. Тенденция к уравни-

ниванию вероятностей тождественна вероятностной дезорганизации, росту энтропии, дезорганизованности системы. «В заключение следует обратить внимание на то, что в процессе открытия творческие личности часто находят „маловероятное“ решение или вывод, но у них это решение носит логически обоснованный характер, в то время как у больных имеет место хаотическое смещение мало- и высоковероятного» (там же, с. 133).

Больные шизофренией в стандартных ситуациях нередко видят больше возможностей, чем здоровые, потому что для них характерно увеличение частоты использования малозначимых «латентных», нестандартных свойств предметов. Вместе с тем они реже актуализируют стандартные, практически более значимые признаки. Например, по мнению шизофреников, – «*ботинок и карандаш* – оставляют след; чертят; имеют запах; один соприкасается с рукой, другой – с ногой; заостренные; хранятся в коробке; их „чинят“; „могут убить человека“ (физически и морально). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что предметы и явления сближаются часто самым неожиданным образом, рассматриваются в непривычных аспектах и комбинациях, в том числе и по чисто вербальной общности, когда полностью игнорируется то обстоятельство, что одно и то же слово может иметь совершенно различные смыслы» (Критская, Мелешко, 2015, с. 106). Следовательно, у людей, больных шизофренией, повышенная склонность к актуализации латентных свойств, видению предметов и явлений в необычных и непривычных аспектах. Вследствие этого при решении творческих задач они способны выявить больше возможностей предлагаемых ситуаций. Неудивительно, что, как и одаренные личности, они нередко находят нестандартные новые решения задач.

Таким образом, исследования предвосхищения, прогнозирования, антиципации в психологии интересны и разнообразны. Однако следует заметить, что в подавляющем большинстве в них изучаются процессы, происходящие *внутри* конкретной ситуации, деятельности: например, при решении задачи возможное открывается мыслящему субъекту в виде новых, ранее скрытых от его внимания сторон объекта. Психология возможного появилась тогда, когда весь мир стал рассматриваться учеными как океан возможностей. Соответственно, основная задача психологии возможного отличается от целей исследования прогнозирования: не поиск проявлений этого фено-

мена в конкретной деятельности, а анализ новых возможных задач, которые ранее не были известны ученым. В этом смысле напрашивается аналогия со вторым этапом исследований субъекта. На первом этапе ученые описывали, идентифицировали психологические признаки субъекта. Задача второго этапа – поиск путей и способов самотрансформации, самопреобразования субъекта. Поиск способов самоизменения субъекта, как и психология возможного, реализуется только на основе выхода за узкие границы личностных качеств человека и обращения в мир человека.

1.3.3. Возможное в альтернативной идентичности в социальных сетях

Еще одной современной областью психологических исследований, в которой нельзя обойтись без категории «возможного», являются социальная перцепция и альтернативная идентичность в социальных сетях. Занимаясь психологией Интернета, А. Е. Войскунский отмечает, что представленные в социальных сетях «виртуальные» идентичности нередко отличаются от сформировавшихся в повседневной жизни «реальных» идентичностей. По его мнению, когда пользователь социальных сетей конструирует более одной идентичности, их следует называть альтернативными. Регистрируясь в социальных сетях, разумный человек понимает, что он вступает на поле, в котором наряду с действительным практически всегда присутствует возможное: «При этом никогда нет уверенности в том, что лично не знакомый (в непосредственном общении) пользователь есть тот, за кого себя выдает: презентация может оказаться намеренно ошибочной или ернической, фотоматериалы могут вообще не относиться к автору презентации, биографические данные могут не совпадать с реальной биографией пользователя либо совпадать лишь частично» (Войскунский, 2014, с. 98). Разнообразные трансформации собственной идентичности, изменение, сокрытие, отрицание сведений о себе, конструирование сетевой идентичности, отличной от реальной (выбор другого имени, пола, биографии, профессии, представления чужих фотографий) могут отражать попытки субъекта «примерить» на себя новую, альтернативную, возможную самопрезентацию. Вместе с тем не следует забывать, что «презентация не существующих в реальности (фальшивых) персон, по сути,

является ложью, однако пользователи социальных сетей склонны считать такую ложь позволительной» (Войскунский, Евдокименко, Федунина, 2013, с. 67). (Замечу, что подобное отношение ко лжи типично для «общества переживания» в эпоху постправды). Разнообразные варианты расширения действительного не устраивающего пользователя по каким-то причинам, за счет желаемого, «примеряемого» на себя возможного вполне могут не иметь негативной моральной модальности, а отражать стремление человека к личностному росту. Все это свидетельствует о том, что «одним из наиболее привлекательных аспектов бытия личности в виртуальной реальности остается возможность создания личностью желательного впечатления о себе, дозированного самораскрытия и конструирования образа по своему выбору (А. Г. Асмолов, Г. А. Асмолов, Ю. М. Кузнецова и др.), способность манипулировать создаваемой идентичностью» (Рябикина, Богомолова, 2013, с. 81).

Как показывают психологические и социологические исследования, на выбор подлинной или обманной самопрезентации влияет пол: «Для мужчин главным фактором привлекательности их аккаунтов и, соответственно, критерием вовлечения в обманчивую самопрезентацию является демонстрация дохода и высокого социального положения, для женщин – привлекательная внешность» (Щекотуров, 2017, с. 331). Выбор подлинной или альтернативной виртуальной самопрезентации у подростков зависит от нескольких социальных факторов: отношения родителей к использованию социальных сетей (подростки, родители которых проявляют интерес к их виртуальной жизни, более склонны создавать подлинную самопрезентацию); отношения к виртуальным незнакомцам (подростки, поддерживающие активные связи с виртуальными незнакомцами, более склонны иметь альтернативные самопрезентации); настройки приватности в соцсети (подросток с высокими настройками приватности, при которых его профиль во многом закрыт от сторонних пользователей, более склонен создавать подлинную виртуальную самопрезентацию); количества времени, проведенного в соцсети (подростки с обманной самопрезентацией проводят большую часть суток в соцсети, подростки с подлинной виртуальной самопрезентацией – несколько часов в день; способа конструирования виртуальной самопрезентации (потребность в публичной демонстрации выше у тех подростков, которые создают фальшивые самопрезентации); спо-

собности к саморефлексии по поводу влияния соцсети на социализацию в реальной жизни (в отличие от подростков с подлинной самопрезентацией субъекты с альтернативными самопрезентациями более склонны давать оценочную характеристику, но менее способны аргументированно ответить, почему и как конкретно времяпрепровождение в соцсети влияет на реальную жизнь) (там же, с. 338).

Склонность субъекта к презентации в социальных сетях своего подлинного или фальшивого Я связана с разными установками и личностными чертами.

Представители реалистичного демонстративного Я характеризуются экстраверсией, доброжелательностью, открытостью новому опыту. Реалистичное Я положительно связано со склонностью к публичной самопрезентации, демонстрацией совершенства и отрицательно — с направленностью на других и вербальным непрявлением несовершенства. «Стремление к представлению реалистичного демонстративного образа себя в социальной сети будет характерно для людей, имеющих более высокий уровень экстраверсии, доброжелательности, сознательности и открытости, а также имеющих более высокий уровень нарциссизма» (Корниенко, Руднова, Горбушина, 2021, с. 49).

Представители группы «фальшивое Я» стремятся учитывать мнение других, они ориентируются на то, как реагируют другие, их поведение зависит от окружения. Эти участники сетевых взаимодействий демонстрируют совершенство своих личностных и поведенческих качеств, но готовы изменять собственный образ так, чтобы он больше соответствовал ожиданиям окружающих. «Презентация фальшивого обманного Я в социальной сети обнаруживает связи с психопатией и макиавеллизмом как составляющими Темной триады, что позволяет предполагать, что эмоциональная холодность и импульсивность, расчетливость и склонность к обману усиливают стремление представить нереальный образ в социальной сети. Однако регрессионная модель показывает, что именно макиавеллизм и сознательность выступают предикторами фальшивого обманного Я» (там же).

Оба типа характеризуют стремление людей продемонстрировать в сети образ компетентного и успешного человека, но в случае с фальшивой обманной самопрезентацией это проявляется в целенаправленной стратегии создания образа, не соответствующего реальности, но устраивающего самого человека.

Таким образом, с одной стороны, социальные сети расширяют поле возможностей человека, с другой – виртуальная коммуникация несет в себе опасность разрушения традиционных форм общения с присущими им преимуществами (эмоциональной включенностью, эмпатией, невербальностью экзистенциального опыта и т. п.). Эту особенность сегодняшнего мира человека отмечают современные философы: «Гораздо более глубокая деконструкция наметилась в связи с появлением в начале XXI в. виртуальных практик, которые означают уход из актуальной среды, чем наносится ущерб личному общению как внешне (сокращается время), так и внутренне (актуальное общение становится более поверхностным, приближаясь к виртуальному). Эту опасность общего ослабления, а возможно и разрушения связей с реальностью, следует считать главной опасностью с точки зрения самотворчества. Перенос практик самотрансформации в виртуальную среду обольщает человека большими возможностями: слабый может представить себя сильным, бесталанный наградить талантом, но на самом деле является глубочайшей подменной и потерей основ духовного самоизменения» (Горелов, Горелова, 2019, с. 542). Еще одна проблема – переосмысление процедуры интерпретации, ведущей к пониманию виртуальной среды: в ней происходит стирание границ между знанием и информацией, фактами и их толкованием. Следовательно, понимание виртуальной среды, в частности, медиареальности предполагает поиск новых подходов к осмыслению интерпретации, ее границ и специфических особенностей (Ищенко, 2019).

1.3.4. Возможное в психологии личности и психологии субъекта

Многомерный мир человека характеризуется существованием в нем трех реальностей – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной. В любой момент времени человеческое бытие уже потенциально содержит то, чем оно станет в будущем. Иначе говоря, любая реальность человеческого бытия является и *возможностью* того, чем она станет, но пока еще не есть (Рубинштейн, 1957). Человек открывает для себя реальность в виде многообразия возможностей. Неудивительно, что психология возможного является актуальным направлением современного социогуманитарного познания. Психология возможного – перспективное направление научного анализа по-

нимания человеком мира, в котором значительное место занимают психологические исследования субъекта и личности. Особенно отчетливо это проявляется в экзистенциальной психологии личности (Гришина, 2018б, с. 247–283), потому что «одним из базовых постулатов экзистенциальной психологии является утверждение, что человек существует в мире возможностей, что он выбирает свое бытие. Экзистенциальный человек — это человек выбирающий. Вызов мира возможностей — это вызов нашей свободе, нашему осознанию имеющихся возможностей, принятию их и готовности и способности осуществлять выборы, придающие смыслы нашему существованию» (там же, с. 259). В отличие от традиционных теорий личности, в рамках которых обычно главным становится Я как совокупность личностных черт, в экзистенциальном подходе психологи, акцентируют внимание на том, «как человек взаимодействует с миром, переживает свое существование и приобретает экзистенциальный опыт» (там же, с. 281).

В психологии личности категория «возможного» применима ко всему спектру интерпретации — от четко осознаваемого субъектом понимания-знания своего внутреннего мира до бессознательного понимания-постижения, с трудом поддающегося вербализации и осмыслению. Выражаясь метафорически, можно сказать, что при психологическом анализе личности на левом полюсе континуума «сознательное—бессознательное» оказываются осознаваемые субъектом и альтернативные возможные Я, на правом — личность как экзистенциальная тайна. Между ними находится личностный кризис как невозможность осмысления трудной жизненной ситуации (Василюк, 1984).

Основополагающей работой, в которой категория «возможного» была включена в научный арсенал психологии личности, стала статья Х. Маркус и П. Нуриус (Markus, Nurius, 1986). В ней «возможное» используется для объяснения влияния на образ Я потенциальных представлений о себе. Возможное Я анализируется как направленный в будущее (ожидания, надежды, цели) и в прошлое (страхи, осознание совершенных ошибок) компонент Я-концепции. В статье обсуждаются возможные Я, которыми человек хотел бы стать, и те, которых он избегает, а также Я, которые никогда не станут реальностью. М. Г. Эриксон приводит пример нереализуемого возможного: «Я могу иметь сильное желание владеть эксклюзивным спор-

тивным автомобилем, формирующим возможное „я за рулем моего собственного Aston Martin“, ни одного мгновения не ожидая, что это случится» (Erikson, 2007, p. 351).

Психологи не сводят возможные Я только к когнитивным механизмам (осознанию целей или оценке результатов возможного прошлого и будущего). Конструкт возможного Я включает переживание потенциальной ситуации изнутри. Он направлен на оценку возможностей действия, развития личности, личностных ресурсов саморегуляции и совладания с трудностями. Применительно к возможным Я психологи считают необходимым различать саморегуляцию и самосовершенствование. Самосовершенствование наиболее эффективно тогда, когда личностные возможности детализированы и имеются стратегии для выполнения поставленных целей. Наличие четко сформулированной цели еще недостаточно для самоусовершенствования: необходимо ясно определить поведенческие стратегии по достижению наших ожиданий и целей (Ousegman et al., 2004).

Признавая безусловную продуктивность направленности на анализ возможного как компонента психических образований, тем не менее, не следует забывать, что между психологиями понимания и личности есть существенное различие, относящееся к степени включенности обсуждаемого феномена и личностных свойств человека в его поведение: далеко не всегда понимание должно приводить к поступкам, в то время как личность не может формироваться вне поведения и деятельности. Обсуждая проблемы понимания как сферы возможного, это обстоятельство нельзя упускать из виду. По мнению М. Г. Эриксона, в возможные Я личности не входят такие представления о будущем, которые безразличны субъекту, не побуждают его к изменениям, и по этой причине их нельзя считать возможными Я (Erikson, 2007). С пониманием, поскольку оно не является психологией поведения, дело обстоит иначе: для полноты понимания события или ситуации человек должен учитывать все варианты их возможного развития, в том числе нейтральные и неблагоприятные для него.

В российской психологической науке, опираясь на идеи Х. Маркус о возможных Я и «философии возможного» М. Н. Эпштейна, термин «психология возможного» впервые использовал Д. А. Леонтьев (Леонтьев, 2011). Ссылаясь на Х. Маркус и П. Нуриус, он пишет: «По сути, за разными возможностями, из которых чело-

век выбирает, стоят разные возможные Я; личностный выбор – это всегда выбор одного из возможных вариантов себя (там же, с. 14). Развивая мысль М. Н. Эпштейна на материале психологии личности, он отмечает, что существует целый ряд психологических феноменов, относящихся к области возможного, но не порождаемых причинно-следственными закономерностями. Такие феномены не необходимы, но и не случайны, они недетерминированные, возможные. По Леонтьеву, обнаружение того, что в человеческом бытии наряду с необходимым существует сфера возможного, вводит в жизнь человека измерение самодетерминации и автономии. Автономия и самодетерминация необходимы для ориентации поведения в пространстве возможного, «потому что превращение возможности в действительность происходит только через недетерминированный (точнее, самодетерминированный) выбор и решение субъекта» (там же, с. 12).

В целом усилия Д. А. Леонтьева по развитию антропологической модели, уже включающей контуры психологии возможного, безусловно, следует признать весьма продуктивными и интересными.

Когнитивная интерпретация возможных Я проявляется преимущественно на левом полюсе континуума «сознательное—бессознательное». Когда интерпретация «наталкивается» на невозможность осознания и соответственно реализации своей объяснительной функции, возникает личностный кризис. Ф. Е. Василюк характеризует критические ситуации как ситуации невозможности реализации субъектом своих стремлений, мотивов, ценностей. В самом общем смысле это невозможность жить, реализовать внутренние необходимости своей жизни: «Поскольку жизнь может обладать различными видами *внутренних потребностей*, естественно предположить, что реализуемости каждой из них соответствует свой тип состояний возможности, а нереализуемости – свой тип состояний невозможности» (Василюк, 1984, с. 26). Реализуемость зависит от деятельности переживания, направленной на преодоление ситуаций «невозможности» и основанной на выборе альтернатив. «Чтобы осуществить выбор, человек должен отказаться от многих возможностей, привычек, намерений, в пределе – от какой-то жизни, которая была возможна до выбора. Поэтому на самых ранних фазах выбора начинается и еще долго после принятия окончательного решения тянется работа переживания по смирению с невозможностью осуществле-

ния отвергнутой альтернативы. Чем лучше развита у человека способность предвосхищающего, опережающего переживания, чем лучше он осознает всю полноту предстоящей утраты и в то же время ресурсы и перспективы совладания с нею, тем больше он способен жертвовать и тем более ответственно он может делать свои жизненные выборы» (Василюк, 2007, с. 419).

Осознание субъектом кризиса зависит не только от предвосхищающего, переживания, но и других психических процессов и внешних обстоятельств. Понимание, например, летчиком, трудной жизненной ситуации как кризисной зависит от нескольких факторов: характеристики самой экстремальной ситуации (мощности, длительности ее воздействия на человека, неожиданности возникновения); готовности людей к деятельности в сложных условиях, профессионально-психологической стойкости, волевой и физической закалки; организованности и согласованности действий в экстремальной ситуации, поддержки окружающих; наличия примеров мужественного преодоления трудностей другими людьми и т. п. (Собченко, 2019, с. 192–193).

В современной психологии, особенно психологии стресса и овладающего поведения, активно проводятся исследования, направленные на анализ не только преодоления субъектом наличного кризиса, но и способов предотвращения его в будущем. С точки зрения психологии возможного, принципиально важными являются исследования в области проактивного совладания, потому что в них акцент делается на определении усилий субъекта, направленных на приобретение ресурсов для расширения собственных возможностей и личностного роста. Проактивный копинг, предполагает оценку будущих событий не как угрозу личности, а как вызов или как новые возможности достижения личностного роста (Drummond, Brough, 2016). Общим психологическим основанием копингов, направленных не на настоящее, а на будущее, по-видимому, является такое качество, как антиципационная состоятельность. В частности, применительно к учебной деятельности она «состоит в том, насколько хорошо студент способен прогнозировать и оценивать трудности, которые могут возникнуть в процессе обучения, определять возможные способы совладания с ними, а также выявлять и накапливать ресурсы, которые обеспечат возможность предотвратить угрозу или справиться с ней» (Даниленко, Горбунов, 2018, с. 35).

На полюсе «сознательное—бессознательное» кризис является таким переломным моментом, в который субъект ясно осознает недостаточность средств рациональной когнитивной интерпретации своего внутреннего мира. Если использовать язык современной теории самоорганизации систем, то критическое состояние это точка бифуркации, которая свидетельствует о неустойчивости экзистенциальной системы. В этот момент интерпретирующий субъект должен принять решение: считать ли свой внутренний мир неустойчивым и неопределенным или искать новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности. И здесь наблюдается парадокс: упорядоченности можно достичь не только путем синтеза аналитически осознанных знаний, но и холистическим пониманием того, что экзистенциальная личность есть тайна.

Обсуждая вопросы активного осмысления личностью множества возможных альтернатив, нельзя игнорировать проблемы самоизменения личности и самопораждения субъекта. Общие для современного человекознания в целом и психологии личности в частности тенденции научных исследований анализирует Н. В. Гришина. Она вводит понятие потенциала самоизменений личности, отражающего возможности изменчивости человека. Она отмечает, что «понятие потенциала получает все большее распространение в гуманитарных науках благодаря их растущему вниманию к сфере возможного. Понятие потенциала и потенциальных возможностей человека начинает активно развиваться представителями гуманистического направления в психологии в рамках идеи самоактуализации, реализации заложенных в человеке возможностей» (Гришина, 2018а, с. 133).

В XX в. традиционные психологические исследования личностных черт основывались на парадигме устойчивости, согласно которой настоящее в личности в основном определяется прошлым: «Исследователь, — пишет Вальсинер, — выбирает из прошлого новый фактор А, пытаясь найти связь со следствием С. Если такая связь математически подтверждается, он просто добавляет новую причинную связь к ранее принятым. Однако эта „новая“ связь есть не что иное, как реконструкция условий прошлого» (Костромина, Гришина, 2021, с. 23). Изменение научных представлений о детерминации психических явлений и возникновение психологии возможного привело к смещению фокуса внимания специалистов по психологии личности на поиск неадаптивных, не связанных с прошлым опытом меха-

низмов ее формирования и развития: «Пространство возможного расширяет понимание личности за счет явлений, которые необязательны, наполняет реальность действиями, не сводимыми к адаптивным, снижает определенность и максимизирует потенциальные смыслы» (там же, с. 32).

В XXI в. мир изменился – это очевидная и даже банальная истина. Но сегодня для нас важнее понять, что из этого следует для изучения психологии личности и психологии субъекта. В конце прошлого века многие психологи искали в личности устойчивые структуры и называли их свойствами – тревожность, ригидность, макиавелизм и т. п. Теперь пришла пора задуматься над тем, как в сложном мире, по словам Л. И. Анцыферовой, «изменить себя, не изменяя себе» (Анцыферова, 2006, с. 341). Иначе говоря, в изменчивом мире психологи должны изучать динамику становления субъектной сущности человека, не утрачивающего внутреннего стержня, индивидуально-личностного своеобразия. Творческий характер человеческой психики означает стремление субъекта в любой ситуации сделать все возможное, использовать свои возможности в полной мере. Другими словами, творческий субъект всегда должен открывать новые возможности реализации своих планов, а также превращать в возможное то, что кажется невозможным. В связи с этим актуальными являются две главные задачи.

Первая – необходимость содержательного разграничения категорий «субъект» и «личность». Для решения этой задачи была выдвинута гипотеза о соотношении частного и общего в проявлениях человека как субъекта и как личности. Согласно гипотезе (впоследствии доказанной эмпирически), личность является срежневой структурой субъекта, задающей общее направление самоорганизации и саморазвития. Личность задает направление психического развития, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Личность является носителем содержания внутреннего мира человека, которое субъект реализует в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах. Субъектность человека формируется и проявляется в процессе осуществления трех функций: когнитивной, регулятивной и коммуникативной (Сергиенко, 2013).

Вторая задача, которую предстоит решить психологам, – определение соотношения процессуальных и структурных компонентов

в субъекте и личности. В последнее время в исследованиях субъекта и личности наблюдается переосмысление психологами категории «процессуальность», а в научном познании чаще используется процессуальный подход к анализу психических явлений, чем структурный. И это неудивительно, потому что в современных психологических исследованиях во главу угла ставится проблема изменчивости: «Проблема изменчивости человека относится к фундаментальным темам психологии: параметр „изменяемость—неизменность“ входит в систему базовых характеристик в описании личности» (Гришина, 2018а, с. 126). В российской науке процессуальный подход применительно к психологии личности развивается в работах С. Н. Костроминой, а также С. Н. Костроминой и Н. В. Гришиной, в психологии мышления он анализируется В. В. Селивановым (Костромина, 2019; Костромина, Гришиной, 2018; Селиванов, 2019).

Н. Е. Харламенкова на основании идей Е. П. Никитина и Л. И. Анцыферовой развивает динамический подход к исследованию психики человека в целом и психологии личности в частности (Харламенкова, 2018). Как утверждает американский психолог П. Джордано, целостную личность лучше всего понимать как процесс, а не как структуру. Процессуально центрированный подход к личности описывает ее как открытую, динамичную, изменяющуюся систему. В структурно центрированном подходе, ориентированном на западную модель онтологии бытия (Giordano, 2015), психологи изучают относительно стабильные личностные черты или целостную структуру. В этом подходе наиболее значимыми для психологического исследования личности признаются сравнения между индивидом и группой. В процессуальном подходе, культурным и философским основанием которого является не онтология бытия, а онтология становления, внимание психологов фокусируется на понимании процессов и вариаций внутреннего мира человека, а также на их временной трансформации. С этой точки зрения, самым важным является анализ становления, динамики и новизны личностных образований (Giordano, 2017).

Истоки возобновления интереса психологов к процессуальности психики можно искать в публикациях, относящихся к самым разным наукам. Современные социологи говорят о том, что социокультурная реальность представляет собой «не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов» (Штомпка, 1996, с. 266). Философ и арабист

А. В. Смирнов видит логико-смысловую картину арабо-мусульманского мира в виде многообразия действий, по его мнению, мир состоит не из вещей-субстанций, а из вещей-процессов. Он объясняет это так: «Нам непривычно, быть может, называть вещью процесс. Но если мы понимаем под вещью нечто зафиксированное в качестве основания различения, нечто, способное стать носителем предикатов, то именно процесс должен быть назван здесь вещью. Процессуальность задает иную архитектонику сознания: оно устроено иначе, это верно; оно по-другому выстраивает полотно осмысленности» (Смирнов, 2015, с. 137). Философские рассуждения западных ученых о вещно-предметной онтологии бытия и динамической онтологии становления (Being and Becoming ontologies) (Giordano, 2015) находят конкретное воплощение в различных направлениях психологической науки. П. Джордано применяет их для построения процессуально центрированной модели личности (Giordano, 2017). В экзистенциальной психологии со времен М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра известно, что «существование предшествует сущности». Д. А. Леонтьев, анализируя взгляды И. Пригожина, отмечает, что деятельность первична по отношению к психическим образованиям, а «актуальный, протекающий здесь и теперь процесс первичен по отношению к устойчивым структурам, которые являются скорее следствиями этого процесса» (Леонтьев, 2018, с. 11).

Анализ соотношения процессуальных и структурных компонентов в психике субъекта и личности очень важен для выявления и определения источников активного начала в человеке. Такой анализ недавно осуществила С. Н. Костромина, которая содержательно различает «динамику», «динамичность» и «процессуальность» психических образований. Динамический подход к исследованию психического характеризует собственно движение, проявляющееся в поиске ответов на вопросы: «как человек совершает самодвижение?» «как человек создает себя?» «как связаны друг с другом онтогенетические стадии и уровни развития личности с психологической организацией личности?». «Динамика отражает активность системы – этапность происходящих изменений, трансформацию, чередование устойчивых форм активности и переходных состояний. Применительно к личности она подчеркивает активность, ее субъектное начало. Иными словами, динамика через анализ активности (ее направленности, последовательности, структуры процессов, механизмов,

результата) раскрывает свойства процесса и логику разворачивающегося во времени изменения. *Динамичность* — характеристика, подчеркивающая подвижность и изменчивость (вариативность), то есть описывающая состояние системы, ее способность и готовность к преобразованию. По своим параметрам динамичность более точно отражает сущность личности» (Костромина, 2019, с. 57–58). Процессуальность, как и динамичность, характеризует состояние системы: «Но, в отличие от динамичности, процессуальность — свидетельство нестабильности, непостоянства. В ракурсе процессуальности интерес представляет не то, в какой последовательности или направленности (процесс), и не то, как происходит движение (динамичность), а само текучее состояние системы, то есть то, насколько система изменчива по своей сути и насколько она способна и готова меняться» (там же, с. 58).

Приведенные выше рассуждения, направленные на поиск активного личностного начала в человеке имеют давнюю традицию в российской психологии субъекта. Она уже прошла первый этап развития, который я назвал бы содержательно-структурным. В отечественной психологии этот этап исследований начался в 1990-е годы (Брушлинский, 1991).

На первом, этапе, фактически познавательном, психологам было важно получить достоверное знание о субъекте. Этот этап развития обсуждаемого научного направления по существу был телеологичным, он характеризовался направленностью психологов на получение знаний о раскрытии человеком своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоении форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. Как это и закономерно для становления любого нового научного направления, на содержательно-структурном этапе психологами активно обсуждались определения субъекта, разные точки зрения на его понимание, критерии субъектности человека и другие аспекты проблемы.

В этом контексте значимыми были психологические исследования, в которых решалась задача различения признаков индивидуального и коллективного субъекта. На теоретико-методологическом уровне анализа проблемы отмечалось, что «в самом полном и широком смысле слова субъект — это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государств, наций, этносов, обществен-

ных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом» (Брушлинский, 2003, с. 29). На конкретно-эмпирическом уровне анализа психологические исследования характеризовались закономерной направленностью ученых на определение явных вербализуемых признаков коллективного субъекта, в них проявлялся интерес психологов к структурным компонентам индивидуального и коллективного субъекта. Именно в этом качестве аналитически были выделены присущие нескольким людям состояния преактивности, коллективная саморефлексия, групповая устойчивость, удовлетворенность и т. п.

Разумеется, окончательных ответов на все обсуждавшиеся вопросы в исследованиях, проводившихся на первом этапе, не найдено, но если ограничиться только их психологическим анализом, то возникает опасность впасть в порочный замкнутый круг – необходимы новые перспективы и горизонты.

И такие перспективы есть. На втором этапе главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта, и те приемы, например духовные практики, с помощью которых она происходит.

Сегодня важно осознать, что во втором десятилетии XXI в. психология субъекта вышла на новый этап развития, его можно назвать самосозидательным или самопорождающим. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала – к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Иначе говоря, можно сказать, что ранее психологические исследования Я-концепции в основном были направлены на поиск определений Я как совокупности личностных качеств человека. С этих позиций, Я характеризовалось «самосложностью» и «самопростотой» (Rafaeli-Mor et al., 1999). В современных исследованиях наблюдается смещение фокуса внимания ученых на такие способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности.

Родоначальником переосмысления «субъекта» можно считать М. Фуко. Выдающийся французский мыслитель выделял два типа отношения человека к себе: определение того, чем он является на самом деле, обретение знания о своих сущностных чертах и со-

знание такой формы субъектности, которой он до тех пор не обладал. Первое соответствует самопознанию, второе — заботе о себе (Фуко, 2014). В наше время очевидным является смещение исследовательских акцентов с истин познания на конкретные обстоятельства, в которых формируются бытийные ценности и смыслы субъекта. Представления о созидающем себя субъекте изменились, и они отражают не только научные взгляды нескольких учеников и последователей А. В. Брушлинского. Идеи о становлении субъекта как его самопорождении и самотрансформации находят воплощение в понимании личности как успешного автопроекта (Гульчинский, 2010), в идее о самопроектировании личности (Чепелева, 2013), в концепции культуропорождающего образования (Корбут, 2004). Преобразование сократовского тезиса «Познай самого себя» в призыв «Создай самого себя» (Петрова, 2013), конечно же, не отменяет эвристической ценности самопознания. Новый этап развития психологии субъекта нацелен на психологический анализ и познание, и такую нелегкую работу по изменению себя, которая отражена в кратком и емком высказывании: «Самое сложное для человека — познать и изменить себя» (Критская, Мелешко, 2015, с. 19). Для психологов это означает необходимость поиска и условий трансформации человеком самого себя, обстоятельств, оптимальных для самоизменения, и знаний о внутренних и внешних факторах, способствующих или препятствующих этому.

Сочетание эпистемологического и гносеологического подходов к проблеме дают психологам возможность исследовать две взаимосвязанные стороны формирования субъектности человека. При содержательном ракурсе рассмотрения проблемы субъекта, психологи фокусируют внимание на способах определения человеком своей идентичности посредством сознания и самопознания. Второй ракурс, предполагает поиск динамического регулятивного влияния обстоятельств, социальных условий, дискурсивного поля на изменение субъектом отношения к себе посредством осознания своих границ, пределов. При этом главными оказываются субъектно-деятельностные основания работы над собой, готовности человека выйти за свои границы, преодолеть сложившиеся представления и стереотипы.

В развитии второго этапа, не отрицающего, а включающего в себя и проблемы первого этапа, мне видится перспективное настоящее и будущее психологии субъекта. Перспективным и соответствующим

второму этапу пониманием субъекта мне представляется не телеологическое, а конструктивистское направление исследований. Оно основано на принципе заботы о себе, понимаемом не столько как самопознание, сколько как трансформация себя. Человек конструирующий, т. е. заботящийся о себе живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. Вместе с тем направленность на самопреобразования соответствует многим направлениям современных психологических исследований – самодетерминации, изучению изменений в осознании собственной идентичности и др.

В свете изложенного выше основателем психологии субъекта следует считать, прежде всего, А. В. Брушлинского, в этой области психологического знания, используя метафору М. Фуко, его можно назвать «основателем дискурсивности». Заслуга А. В. Брушлинского не только в том, что он создал новые тексты по психологии субъекта (его критериях, структурных характеристиках и т. д.). Иначе говоря, в трудах А. В. Брушлинского психология субъекта описана как новая целостная область психологического познания (в работах других психологов представлены только ее фрагменты. Кроме того, он создал нечто большее: возможности и правила рассуждений, указывающие на бесконечную вариативность дискурсов – допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нем. В таком дискурсивном поле, с одной стороны, уже теряется первоначальная научная значимость личностной, авторской, субъектной отнесенности сказанного к А. В. Брушлинскому. Это происходит потому, что для профессионалов высказанные им идеи уже давно стали аксиомами и даже трюизмами. К примеру, в сотнях работ воспроизводится его определение субъекта как человека на высшем для него уровне активности, целостности (Брушлинский, 2003). С другой стороны, дискурсивное поле, первоначальные границы которого были им очерчены, открывает для исследователей возможности создания чего-то, восходящего к его варианту психологии субъекта, но уже отличающегося от него (системно-субъектный и субъектно-бытийный походы, психология человеческого бытия и т. п.). Однако именно психология субъекта как заданное основателем дискурсивное поле является той системой координат, по отношению к которой определяется теоретическая и эмпирическая валидность новых направлений исследований.

Обобщенно говоря, можно утверждать, что А. В. Брушлинский пытался ответить на два главных для этой предметной области вопроса. Первый: каковы психологические характеристики человека как субъекта, чем они отличны от индивида, личности, индивидуальности? Второй вопрос об анализе самой дискурсивности (иначе ее можно назвать научной рациональностью): в соответствии с какими условиями и в каких формах субъект проявляется в разных дискурсах? В ответе на первый вопрос отразилось гибкое сочетание гносеологического (динамический и регулятивный планы анализа психологии субъекта) и эпистемологического (структурный план) подходов. Ответ на второй вопрос неравно связан с научными представлениями о деятельностной природе человеческой психики, т. е. о том, какие виды деятельности способствуют, а какие препятствуют проявлению и развитию субъектных качеств человека.

Таким образом, сегодня психологам нужно изучать человека, создающего самого себя. Соответственно происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала — к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития — субъектности. Человек конструирующий, т. е. заботящийся о себе, живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. Вместе с тем направленность на самопреобразование соответствует многим направлениям современных психологических исследований — самодетерминации, изучению изменений в осознании собственной идентичности и др.

1.3.5. Альтернативы и барьеры в сознании: фундаментальные проблемы понимания в психологии возможного

Понимание во всех реальностях — эмпирической, социокультурной, экзистенциальной — связано с интерпретацией альтернативных вариантов понимаемого. При понимании-знании альтернативы ясно осознаются (кошка млекопитающее животное или нет); при понимании-интерпретации осознанность содержательных компонентов мнений значительно ниже (аборт это убийство живого существа или такое же безобидное удаление органических клеток, как стрижка ногтей или волос); при понимании-постижении полное осозна-

ние, влекущее вербальное объяснение, обычно невозможно (за что, за какие человеческие недостатки мусульманские террористы убивают «неверных»?). В этом континууме сознательного–бессознательного следующий перспективный шаг в исследовании понимания как психологии возможного – решение проблемы барьеров: все ли потенциально возможное и понимаемое является социально и морально допустимым? Применительно к пониманию как психологии возможного эта проблема фундаментальна, потому что барьерами оказываются представления понимающего субъекта о должном, приемлемом или недопустимом. А соотнесение понимаемого с должным – основополагающая характеристика любого понимания (вторая главная характеристика – выход за непосредственные границы содержания понимаемого и включение его в какой-либо более широкий контекст личностного знания). «Как убедительно показал М. Н. Эпштейн, должное является разновидностью возможного, а не формой необходимости. Любое долженствование предполагает возможность соблюдения нормы и возможность ее нарушения; выбор зависит от нашего ответственного решения, пусть даже соблюдение нормы поощряется, а нарушение наказывается» (Левонтьев, 2011, с. 20).

С точки зрения методологии современного научного познания, сознание – общий элемент физики и психологии (Менский, 2011). Сознание «видит» альтернативы мира, но в нем же существуют фильтры, способствующие фокусированию внимания ученого на одних возможностях и игнорированию других. Вот как обстоит дело в квантовой физике: «Действительно, зададимся вопросом, можно ли тем или иным способом „заглянуть“ в „другие реальности“». Пока мы принимаем (как обычно делается в „стандартной“ интерпретации квантовой механики), что все альтернативы, кроме одной, не существуют, то просто некуда „заглядывать“. Но если все альтернативы одинаково реальны и сознание просто „разделяет“ их в собственном восприятии, то существует по крайней мере принципиальная возможность заглянуть в любую альтернативу, как-то осознать ее наличие. Есть образ, который иллюстрирует разделение сознания между альтернативными классическими реальностями. Это шоры, которые надевают на лошадь, так что она не может смотреть по сторонам и сохраняет направление движения. Точно так же сознание надевает шоры, ставит „перегородки“ между различными класси-

ческими реальностями, чтобы каждая „компонента“ сознания видела только одну из них и принимала решение в соответствии с информацией, поступающей только из одного классического (а значит относительно стабильного и предсказуемого, то есть, пригодного для жизни) мира» (Менский, 2011, с. 114–115).

1.3.5.1. Сознательные и неосознаваемые причины понимания чужого человека как врага

Ранее на примерах работы мэра мегаполиса, работников спецслужб и других было показано, что в мире человека есть области и проблемы, не решаемые исключительно рациональными способами. Их решению препятствуют барьеры, существующие в психике абсолютно всех людей. Проанализирую их подробнее. Типичное и подходящее для этого явление — то, как люди различных стран и в разные исторические эпохи не рационально, а интуитивно и бессознательно воспринимают и понимают других людей, отличных от себя. В современном мире это можно сделать на материале конфликтов между приверженцами христианских и мусульманских ценностей, а также этнорелигиозного терроризма, в которых наиболее отчетливо проявляются психологические причины понимания чужого человека не как друга, а как врага. В понимании чужого важную роль играют не только осознанные рациональные знания субъекта, но также бессознательное и житейские понятия. Иначе говоря, психологами должен быть сделан акцент на исследовании когнитивного и аффективного бессознательного — внепонятийных иррациональных компонентов понимания чужого. Существуют такие сферы человеческого бытия, которые вообще не приемлют рационального познания. В подобных сферах есть коренное противоречие между рациональным знанием, объяснением и глубинными эмоциями, переживаниями. Глубинные установки и предубеждения не опираются на разумные суждения и потому их нельзя разрушить обычной логикой.

Объяснение этого феномена, по-моему, следует развивать в трех направлениях. Во-первых, проанализировать данные о том, что многие моральные и религиозные решения субъект принимает автоматически, интуитивно, бессознательно. Во-вторых, из исследований Ж. Пиаже следует, что некоторые операциональные схемы дейст-

вий могут противоречить идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более высокое место, чем схемы действия, и блокируют их интеграцию в сознательное мышление. В-третьих, и это принципиально важно для развития психологии возможного, со ссылкой на результаты психофизиологических исследований нужно обосновать существование в сознании человека фильтров, актуализирующихся при соотнесении древних и недавно сформированных культурных феноменов с менее и более дифференцированными мозговыми системами.

В последнее время в психологической науке понимание субъектом чужих людей как друзей или врагов стало одной из чрезвычайно значимых проблем. Причины ее актуальности следуют и из теоретико-методологических оснований развития психологического познания, и из происходящих в мире социальных процессов, в том числе революционных преобразований в политике и экономике многих стран, миграции, резком возрастании террористической активности и т. п. Разрешение конфликтов, спорных политических вопросов нередко основывается на чувствах, переживаниях, социальных представлениях, на опыте людей, а не на достоверных научных знаниях. Наше восприятие и понимание чужого как врага тоже основано не только на осознанном рациональном знании. Важную роль в этих процессах играют бессознательное и житейские понятия. Любому профессиональному психологу известны результаты исследований Л. С. Выготского о житейских и научных понятиях. Ребенок, овладевший житейскими понятиями, обращает внимание лишь на отраженные в них эмпирические связи, т. е. отношения между предметами. Он еще не способен определить понятие другими словами и установить сложные логические отношения, описать целостную понятийную структуру. В отличие от житейских научные понятия встроены в систему знаний, связаны с другими терминами в иерархической системе логических отношений, содержащей множество понятий разного уровня обобщенности.

Как известно еще со времен работы А. Шюца «Чужак», знание человека, думающего и действующего в мире своей повседневной жизни, обладает лишь частичной ясностью и не свободно от противоречий. Автор пишет, что обычно человек довольствуется тем, что в его распоряжении есть исправно функционирующая телефонная служба, но не задается вопросом о том, как работает телефонный аппарат.

Он покупает в магазине товар, не зная, как тот изготовлен, и расплачивается деньгами, имея самое смутное представление о том, что такое деньги. «В повседневной жизни человек лишь частично — и осмелимся даже сказать: избирательно — заинтересован в ясности своего знания, т. е. полном понимании связей между элементами своего мира и тех общих принципов, которые этими связями управляют. <...> Более того, он вообще не стремится к истине и не требует определенности. Все, что ему нужно, — это информация о вероятности и понимание тех шансов и рисков, которые привносятся наличной ситуацией в будущий результат его действий» (Шюц, 2004, с. 536). Любопытный россиянин слышал аббревиатуру МРОТ (минимальный размер оплаты труда), но кто из нас знает, какую сумму он составляет и по каким экономическим законам формируется? И тем не менее отсутствие такого знания не мешает нам жить и работать.

Теоретическое обоснование различия своего, чужого (пока не своего, но могущего стать таким) и чуждого, не принимаемого субъектом ни при каких обстоятельствах, ясно и понятно представлено в тезаурусной концепции организации субъектного знания (Луков, Луков, 2008) и в модели восприятия чужого Б. Шефера и Б. Шлёдера (Шефер и др., 2004). В названной модели понятие чужого (человека) характеризуется посредством соотношения трех переменных — знания, опыта и идентичности (как неизвестного, неиспытанного и «не своего»).

Исследования, проведенные на взрослых испытуемых, показали, что в представлениях о враге центральное место занимают такие его характеристики, как эгоистичность, агрессивность и подозрительность (Знаков, 2016). Это соответствует результатам исследований образа врага в российской социальной психологии. Например, в диссертации Д. Б. Тулиновой показано, что «чем интенсивнее выражен комплекс отношений (враждебности, доминирования, агрессивности, подозрительности, эгоистичности), тем выше уровень маскулинизации врага и тем ниже оценка характеристик его внешнего облика» (Тулинова, 2005, с. 8).

Образ чужого как врага возникает в детстве, но с возрастом изменяется. В исследовании Л. Оппенгеймера на голландских детях и подростках 7–13 лет показано, что образ врага у старших детей отличается от такового у младших большей когнитивной сложностью. Старшие приписывают больше положительных качеств вра-

гу, что может быть связано с развитием способности поставить себя на место другого. На вопрос, есть ли различия между врагом и самим респондентом, большинство детей во всех возрастных группах отвечали утвердительно. Однако с возрастом дети становятся все менее уверенными в различии: если среди 7-летних детей уверенность выражали 96%, то среди 13-летних – только 59% (Oppenheimer, 2010). Эти данные говорят о возрастной динамике развития когнитивной сложности межличностного понимания и идентификации, способности взглянуть на мир глазами другого (даже если он враг).

Исследования российских психологов позволили уточнить и расширить эти данные. Во-первых, значимым фактором является контроль со стороны взрослых, проявляющийся даже в простом факте их присутствия рядом с детьми. Например, дети, решавшие моральные дилеммы на компьютерном планшете, реже поддерживали «чужого», чем дети, получившие дилемму от экспериментатора. Возможную причину авторы исследования видят в том, что «снижение внешнего видимого контроля может ослаблять необходимость „сознательного контроля“ поведения – согласования своих действий с общественными нормами, что может сопровождаться процессами дедифференциации – снижением доли вновь сформированных систем, актуализируемых в данном поведении и связанных со сравнительно более поздно сформированными стратегиями решения конфликтов между членами „своей“ и „чужой“ групп» (Созинова, Пескова, Александров, 2018, с. 61). Во-вторых, «также было показано, что нравственное отношение к „чужим“ формируется как переход от эволюционно более ранних стратегий поддержки „своих“ в любой ситуации к более поздним стратегиям, основанным на справедливости и моральных нормах, например, недопустимости насилия» (Знаменская и др., 2016, с. 46). В-третьих, у взрослых в состоянии стресса наблюдается регрессия к поведению, характерному для более раннего возраста. Результаты обсуждаются авторами с позиций системно-эволюционного подхода и связываются с системной дедифференциацией – обратимым увеличением вклада низкодифференцированных систем в обеспечение поведения в стрессовой ситуации: «При стрессе наблюдается повышенная эмоциональность, что означает большую вовлеченность низкодифференцированных систем, чем в контроле, что и опосредует выбор в моральной дилемме» (там же, с. 51).

В российской психологии ценностно-смысловая и возрастная динамика различения своего и чужого представлена в исследованиях самоактуализации личности в процессе общения с другим (Рябикина, Сомова, 2001), идентификации другого человека в качестве врага или друга (Тулинова, 2005), трансформации социально-психологических характеристик представлений о друге и враге (Альперович, 2010). В социальной психологии показано, что в общении идентификация другого человека в качестве врага осуществляется на основе комплекса межличностных отношений. Образ врага имеет устойчивое ядро и периферию, которые незначительно различаются по своим психологическим качествам у мужчин и женщин (Лабунская, 2013).

Из культурологических исследований известно, что «отличие, инаковость — неотъемлемая часть нашего собственного существования, и иногда они становятся прямым условием нашей идентичности и образуют своего рода онтологическое единство. „Чужой“ нередко является частью нас самих» (Шулакевич, 2008, с. 112). Для того чтобы быть собой и понимать свой экзистенциальный опыт, мы должны осознавать неизбежность и закономерность необходимости обращения к опыту других, потому что наш опыт в значительной степени является его превращенной формой. Тем не менее распространенная в современном мире конфликтная практика межконфессиональных отношений, проявляющаяся в «мусульманском» терроризме, обнаруживает, что у представителей и христианского, и исламского мира вместо идентификации и стремления постигать психологию друг друга нередко наблюдается негативная проекция, способствующая порождению образа врага и мешающая самопониманию. Это противоречит логике и здравому смыслу, потому что, как пишет В. Г. Лысенко, «„не-Я“, чужое, все равно останется конструкцией нашего Я, поскольку мы будем выделять в нем именно то, что так или иначе перекликается с нашим „Я“. То есть наш „Я-образ“ уже заложен в саму модель чужого. Из этого вытекает четвертый принцип (ксенологии. — В. 3.): образ чужого в той или иной культуре (равно как и для той или иной личности) может служить важным показателем уровня ее собственного развития: скажи мне, какой твой чужой, и я скажу тебе, какой ты! Ибо образ чужого может быть инструментом как самоутверждения (чаще всего), так и самопонимания, самооценки, самокритики и даже самосовершенствования! Иными

словами, образ чужого сделан из „материала заказчика“ – „Я-образа“, его страхов, ожиданий, комплексов, ревности, любви, ненависти, чувства справедливости и т. п.» (Лысенко, 2009, с. 62–63). Однако в современном мире чужой превратился в потенциального нарушителя культурной безопасности (Романова и др., 2013), особенно если он – террорист. Между тем уже давно научно доказано, что враждебность субъекта по отношению к чужому, нередко проявляющемуся в криминальном и девиантном поведении, в конечном счете негативно влияет на формирование когнитивной и аффективной сферы его собственной личности (Ениколопов, 2007).

Сегодня человечество живет в условиях серьезных конфликтов между религиозными ценностями христиан и мусульман, в значительной мере основанными на принципиально различных моральных представлениях людей. Анализ конфликтов позволяет утверждать, что существуют такие сферы человеческого бытия, которые вообще не приемлют рационального познания. В подобных сферах есть коренное противоречие между рациональным знанием, объяснением и глубинными эмоциями, переживаниями. В частности, к ним относятся религиозные: какими бы логически оправданными соображениями мы ни руководствовались, всегда есть шанс, что невольно будут оскорблены чувства верующих. Однако пока все свидетельствует о том, что кровавые уроки людьми в западной цивилизации усвоены очень плохо. Повторю свою точку зрения: в мире человека есть экзистенциальные сферы бытия, в которые вообще не следует погружаться даже с самыми благими намерениями. В этих сферах протестные настроения и переживания не соприкасаются с разумом. Глубинные установки и предубеждения не опираются на разумные суждения и потому их нельзя разрушить обычной логикой. Фундаментальный вопрос, на который должна ответить психологическая наука, заключается в следующем: почему не только осознанные рациональные объяснения, но и бессознательные компоненты поведенческих реакций людей, говорящих на разных языках и проживающих в разных странах, оказываются очень похожими?

Приведу три аргумента, которые целесообразно использовать при анализе понимания экзистенциальных ситуаций человеческого бытия, подобных описанным выше: причин сходства поведенческих реакций, не осознаваемых групповыми и индивидуальными субъектами.

1.3.5.2. Связь религиозного и морального сознания

В психике миллионов людей религиозные и моральные понятия неразрывно связаны. В частности, «для многих в Соединенных Штатах моральные нарушения равнозначны нарушениям религиозных норм, действиям, которые попирают слово Господа» (Хаузер, 2008). Особенно отчетливо внутреннее психологическое родство религиозных и моральных представлений проявляется в дискуссиях о допустимости или недопустимости прерывания жизни (аборты, эвтаназия и т. п.).

Между тем в науке уже есть немало данных о том, что очень многие моральные решения субъект принимает автоматически, интуитивно, бессознательно (Waldmann, 2006). М. Хаузер, внесший большой вклад в психологическое обоснование этой точки зрения, полагает, что господствующее представление о нравственном решении как результате рассудочного выбора ведет к ошибкам в сфере политики, права и образования. В защиту правомерности своей позиции он приводит данные осуществляемого по его программе масштабного кросс-культурного исследования. Результаты свидетельствуют о том, что люди разных стран, национальностей, вероисповеданий, сталкиваясь с моральными дилеммами, не имеющими однозначного решения, интуитивно приходят к очень похожим выборам (Хаузер, 2008).

Однако, выясняя причины одинаковости понимания одних и тех же событий и ситуаций миллионами людей, необходимо анализировать не только сходство религиозного и морального сознания. Сознание религиозных людей имеет и специфические особенности, отличные от мировоззрения атеистов. Эти различия обнаруживаются, в частности в исследованиях имплицитных представлений российских студентов. Студенты приписывают верующим межличностные и духовные добродетели (способность прощать, чувство благодарности, доброта, скромность), а атеистам – когнитивные и связанные с деятельностью положительные психологические характеристики – лидерство, гибкость мышления, любопытство, креативность, интерес к учению (Кошелева, Осин, 2012). По данным М. Фридмана, убежденные американские верующие отличаются от атеистов меньшей когнитивной сложностью и критичностью в размышлениях об экзистенциальных проблемах, связанных с верой (например, о смерти любимого человека или моральной

допустимости аборта). Однако различия в сложности рассуждений о других проблемах (например, об охране окружающей среды) отсутствуют (Friedman, 2008).

В этом контексте необходима проверка гипотезы, с помощью которой можно было бы объяснить интуитивный, иррациональный, аналитически не расчлененный характер понимания чужих как врагов мусульманами из разных стран. Это гипотеза о преимущественно холистическом, а не аналитическом характере религиозного мышления и мировоззрения. В первом случае континуальность рассматривается как принципиальное свойство мира, нередко наблюдается пренебрежительное отношение к формальной логике и более выражена терпимость к противоречиям. Во втором – преобладает аналитическое мышление, мир представляется дискретным, состоящим из обособленных объектов. Соответственно характеристики объектов объясняются принадлежностью к определенным категориям (Nisbett et al., 2001). Гипотеза о холистичности религиозного мышления частично подтвердилась в исследовании М. Е. Пирс (Pierce, 2007), но пока этого явно недостаточно.

1.3.5.3. Аффективное и когнитивное бессознательное

При анализе причины удивительного сходства в понимании событий и поведенческих реакций людей в экзистенциальной реальности, следует учитывать представления Ж. Пиаже о существовании аффективного бессознательного и когнитивного бессознательного (Пиаже, 1996). В течение почти полвека с тех пор, когда Пиаже сформулировал эти идеи, в современной науке появилось множество исследований, направленных преимущественно на психологический анализ содержания и функциональных механизмов когнитивного бессознательного. Сегодня в него включают имплицитное научение, подпороговое восприятие, прайминг-эффекты, экспертное знание и другие феномены.

Пиаже считал, что обычно субъект не знает, ни откуда приходят его чувства, ни почему. Человек также не осознает структуры или функций внутренних механизмов, направляющих его мышление, ему ясны лишь результаты. Именно эти внутренние механизмы Пиаже называет когнитивным бессознательным. Основопологающими понятиями для объяснения структуры и функций когнитивного бессознательного в концепции Пиаже являются «сенсомотор-

ные схемы» и «операциональные схемы». Он пишет: «Следовательно, проблема может быть сформулирована следующим образом: почему некоторые сенсомоторные схемы становятся осознанными (т. е. принимают репрезентативную, в частности вербальную, форму), в то время как другие остаются бессознательными? Причина этого лежит, по-видимому, в том, что некоторые схемы действий противоречат идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Ситуацию можно сравнить с аффективным вытеснением: когда чувство или побуждение противоречит эмоции или тенденции более высокого порядка (например, идущей от Суперэго), они устраняются сознательным или бессознательным вытеснением. Таким образом, в познании можно наблюдать механизм, аналогичный бессознательному вытеснению» (Пиаже, 1996, с. 128). По мнению Пиаже, осознание — это следствие реконструкции на высшем, сознательном уровне элементов, которые до этого уже были организованы иным образом на низшем, бессознательном уровне.

Для понимания результатов Пиаже научно значимы представления о соотношении эксплицитных и имплицитных теорий в психике людей: неосознаваемые и формирующиеся стихийно конкретные закономерности и предубеждения, которые использует человек, понимая других и при этом основываясь на ограниченном, как правило, недостаточном объеме исходной информации о них. Интерпретируя результаты экспериментальных исследований, важно учитывать характерные особенности имплицитных представлений не только испытуемых, но и экспериментатора. Психология возможного всегда направлена на анализ неявных знаний о мире, а также того, какая имплицитная модель познаваемого объекта направляет усилия экспериментатора: «Хороший экспериментатор в этом смысле должен заранее, из опыта жизни обладать „имплицитной теорией“ объекта, с которым он работает. Возможно, его эксплицитная теория никогда не достигает уровня имплицитной теории. Так, почему-то эксперименты, изобретенные Ж. Пиаже, имели тенденцию совпадать с предсказаниями его эксплицитной теории, в то время как другие исследователи нашли немало несоответствий. Не в том ли дело, что имплицитная теория, на основании которой Пиаже строил свои эксперименты, но которую никогда в полной мере не смог прояснить, была точнее его эксплицитно сформулированных утверждений?» (Ушаков, 2018, с. 78).

1.3.5.4. Барьеры в сознании понимающего субъекта

Мысль о том, что идеи «высшего» уровня могут служить барьером, препятствием на пути осознания некоторых событий и ситуаций, получила продуктивное развитие в современных исследованиях формирования субъективного опыта в культуре. Психолог Ю. И. Александров изучает соотношение мозговых систем на нейронном уровне и культурных влияний как факторов формирования опыта. При этом общая системно-эволюционная закономерность состоит в переходе от менее дифференцированных к более дифференцированным формам. Новые, более дифференцированные системы сосуществуют с ранее возникшими менее дифференцированными. С этой позиции мораль и религия сопоставляются с древними элементами мозговых систем, существующих в культуре. Более новыми, дифференцированными являются законодательные нормы и правила (включая те, которые относятся к науке). Автор пишет: «Из такого представления логически следует, что низкодифференцированные системы общи для разных людей, эпох и ситуаций: масса самых разнообразных единиц на протяжении всего развития культуры имеет основанием ограниченное число общих низкодифференцированных систем. Они должны быть общими не только для разных эпох, для разных степеней дифференциации культуры, но и для разных культур» (Александров, Александрова, 2009, с. 211).

Результаты теоретического анализа причин сходства поведения людей, не осознаваемых ими во многих экзистенциальных ситуациях христианских и мусульманских конфликтов, а также религиозных и атеистических ценностей, можно обобщить следующим образом. Моральные и религиозные представления о чужом как о враге являются недифференцированной общечеловеческой системой житейских понятий, выступающей в роли внутреннего регулятора поведения. В этом виде система обыденных знаний бесконфликтно существует в психике множества людей и не требует осознания, вербализации. Однако при реальном столкновении с визуальными или вербальными проявлениями чужого как чужого (неприемлемого с моральной или религиозной точки зрения) возникает необходимость вербального оформления невербализуемых правил поведения, превращения их во внешние нормы. При этом правила начинают соотноситься с высокодифференцированными сис-

темами и неизбежно вступать в конфликт с ними: ясно, что мало-дифференцированные представления противоречат необходимости сознательного совершения поступков. И это становится одним из психологических механизмов общего для множества людей такого интуитивного понимания-постижения чужого как врага, которое нельзя превратить в понимание-знание или понимание-интерпретацию (Знаков, 2016).

Большое значение для анализа указанной проблемы имеют исследования психологических барьеров в сознании людей. Поразительное сходство в результатах изучения барьеров в сознании наблюдается в работах психологов, анализировавших проблему самообмана. Известно, что чисто логическими методами проблема самообмана не может быть решена – необходимы дополнительные знания о психике людей, поведение которых, как известно, нередко строится на нарушенной логике. Для психологов, знающих о существовании защитных механизмов личности, в частности, отрицания и обособления, проблема не кажется столь уж неразрешимой. Как пишут Д. Креч, Р. Кратчфилд и Н. Ливсон, «человеческий разум способен, в определенных обстоятельствах, развивать две логически несовместимые концепции одновременно (курить и не курить), не осознавая их очевидную противоречивость. Этот феномен получил название „логиконепроницаемой перегородки“, что является одной из форм феномена обособления. Этот механизм изолирует одно направление мыслей от других таким образом, что взаимодействие между ними ослаблено и таким образом конфликт не возникает» (Психологическое самообразование..., 1992, с. 98).

В обоих случаях речь идет об общечеловеческих причинах возникновения барьеров, перегородок в сознании, влияющих на то, какие возможные альтернативы субъект признает действительными, имеющими право на существование.

В педагогике, теории и практике обучения и воспитания барьеры в понимании учебного материала рассматриваются как необходимые элементы познания и средство поддержания познавательного интереса учащихся. Барьеры возникают при наличии противоречия между имеющимися знаниями, умениями, навыками и содержанием предъявляемой познавательной задачи: «Барьер понимания – разрыв между содержанием обучения и жизненным опытом, противоречие между имеющимися знаниями, умениями, навыка-

ми и уровнем предъявляемой познавательной задачи. Барьер – объективная характеристика педагогического понимания. По М. А. Данилову, в процессе обучения барьер выступает как факт разрыва между обучением и жизненным опытом школьника, как противоречие между уровнем имеющихся у него знаний, умений и уровнем предъявляемой ему познавательной задачи. Наличие барьера должно быть осознано учащимися, тогда сопротивление смысловых полей при понимании увеличивают ценность общения, диалога, поскольку противоречия по поводу непонимания превращают барьер в средство поддержания познавательного интереса, в стимул решения познавательной задачи, в движущую силу понимания» (Сенько, Флоровская, 2007, с. 45–46).

Более общий характер имеет психологическая проблема моральных и социальных барьеров и фильтров. Для психологии возможно она является актуальной и даже острой. Ее научная значимость и фундаментальность состоит, во-первых, в обязательности поиска должного, с которым всегда соотносится понимаемое, необходимости определения социальных и моральных критериев принятия или отвержения возможных альтернатив. Во-вторых, в открытии того, что понимание направлено не только на действительное, но и на возможное. В этом состоит расширение наших знаний о мире, которое неизбежно возникает во время творческого процесса понимания. В-третьих, важным с исследовательской точки зрения является вопрос о том, как и в какой степени для понимания необходимо осознавать альтернативы понимаемого. Наконец, в-четвертых, вопрос: осуществляет ли понимающий субъект выбор из осознаваемых альтернатив? Известно, что применительно к мыслительной деятельности, включающей в себя понимание условий задачи, целей, промежуточных результатов и т. п., А. В. Брушлинский аргументированно ответил на него отрицательно. Испытуемые на разных стадиях мыслительного процесса последовательно выявляют и разрабатывают несколько способов решения задачи, но в любой конкретный момент времени субъект обдумывает только один путь достижения цели. Ученый пишет: «Впрочем, мои оппоненты выдвигают „в защиту“ ситуации выбора еще один очень существенный аргумент: свобода (понимаемая ими лишь как свобода выбора) означает именно возможность и необходимость осуществить моральный выбор между добром и злом, нравственным и безнравственным. Но, на мой взгляд,

даже в этом случае выбор далеко не всегда является неизбежным. Например, для честного человека не существует выбора: совершить или не совершить бесчестный поступок. Однако в жизни очень часто бывает нелегко понять, какой поступок в данной сложной ситуации будет хорошим и плохим. В этом случае особенно сильно активизируется мышление и вообще вся деятельность субъекта, и тогда мы снова возвращаемся к проблеме процессуальности мышления» (Брушлинский, 2006, с. 555). Очевидно, что, обсуждая понимание как возможное, психологи не могут не обращать внимания на недизъюнктивность психических процессов — внутренних условий анализа понимаемых альтернатив.

Таким образом, многие возможные и, казалось бы, очевидные варианты понимания людьми даже не осознаются. Это происходит потому, что когнитивное бессознательное и аффективное бессознательное, с одной стороны, являются непререкаемыми компонентами понимания человеком многих проблем, особенно экзистенциально значимых для него. С другой стороны, именно когнитивное и аффективное бессознательное становятся теми барьерами сознания, которые нередко препятствуют адекватному пониманию субъектом мира, в частности, других людей. Процесс понимания чужого как врага — типичная проблема, в размышлениях о которой такие барьеры проявляются. В этом процессе настолько тесно переплетаются осознаваемые и неосознаваемые составляющие, что для создания стройной научной картины взаимодействий между ними надо провести еще не один десяток психологических исследований.

Итак, анализ показал, что возможное играет значимую роль в самых разных областях познания, в том числе психологической науке. Вместе с тем нельзя не увидеть некоторой односторонности приведенных взглядов на возможное. В рассмотренных контекстах этот феномен проявляется как рубинштейновское «потенциальное бытие», т. е. внутри изучаемых явлений, событий, ситуаций: гипотезы в мыслительных задачах, позволяющие направить фокус внимания познающего субъекта на новые, пока еще скрытые от него возможные варианты преобразуемого объекта; возможные Я личности, сопоставимые с актуальным осознаваемым Я, и т. п.

С методологической точки зрения, такой тип анализа, по сути дела, основан на позиции реализма: позитивистской убежденности в том, что мир един, причинно детерминирован, и дело науки – обнаруживать, выявлять то, что уже есть, существует. Реалисты считают, что наука изучает фактическое положение дел в мире, существующее независимо от того, известно ли о нем ученым или нет. Конструктивисты думают иначе: они полагают, что фактическое положение дел в мире человек не может узнать до тех пор, пока у него нет адекватных процедур, алгоритмов познания. Процедуры не только конструируются в процессе научного исследования, в ходе создания новых правил они изменяют познаваемую действительность. Различение знания и создания учеными правил научного познания мира принципиально для психологического анализа возможного: «Так, определенная картина будущего может показаться невозможной, если мы не знаем правил, которые могли бы сделать ее возможной, но та же самая картина точно может показаться необходимой, если мы думаем, что знаем правила» (Фуллер, 2021, с. 259).

Представленное мной выше реалистическое понимание «возможного» более или менее непротиворечиво описывает положение дел в эмпирической реальности, характеризующейся пространственно-временными отношениями и наличием всем известных измерительных процедур. Только «более или менее», потому что любую физическую ситуацию человек понимает не точно, выявляя все ее причины и следствия, а приблизительно, осознавая лишь главные закономерности ее формирования и развития. Примером может служить понимание результата подбрасывания монеты – выпадет «орел» или «решка». Монета обязательно упадет, подчиняясь закону всемирного тяготения И. Ньютона, но то, какой стороной, зависит от сочетания многих факторов – скорости падения, наличия вращающих моментов, температуры, влажности, движения воздуха (Асеев, 1978). Так в эмпирической реальности проявляется взаимодействие между действительным, реальным и возможным, случайным. Роль случайного, возможного увеличивается в ситуациях социокультурной и экзистенциальной реальностей, применительно к которым психологи должны задумываться о правилах конструирования, на основании которых осуществляется понимание. И здесь главную роль приобретает сам процесс понимания, без которого нельзя говорить о существовании этих реальностей. Такой процесс, как будет пока-

Глава 1

зано далее, уже не может происходить внутри деятельности, ситуаций, явлений, он должен быть направлен за их пределы, на выход за непосредственные границы понимающего мир субъекта. Это относится и к поиску возможного: фокус познания надо направлять на новые неизвестные области мира человека.

Глава 2

Многомерность мира человека и множественная детерминация его понимания

2.1. Изменение мира человека в XXI в.

Современная психологическая наука как одна из областей научного познания человека является неотъемлемой частью общества, в котором происходят значительные изменения. По мнению А. В. Смирнова, сегодня изменения в мире человека происходят на четырех основных уровнях: военном, политическом, социально-экономическом, культурно-цивилизационном. В социогуманитарных науках изменения проявляются в осознании учеными необходимости перехода от монологической к множественной полилогической рациональности. Такая тенденция отражает доминирующий геополитический тренд: «*Текущий момент* современной эпохи характеризуется как закат однополярного мира, в котором роль гегемона в финансово-экономическом и военном плане играли США как ведущая держава Запада, и переход к многополярному миру» (Смирнов, 2019, с. 23).

Для развития методологии психологических исследований необходимо определить, в чем конкретно заключаются изменения и как они сказываются на формировании новых взглядов на классические научные проблемы. Изменение социальной структуры общества, превращение знаний в средства производства, сетевая организация знаний способствуют порождению оригинальных идей, которые сегодня необходимо продуктивно использовать для трансформации методологии. В социогуманитарном познании научные представления о трех реальностях человеческого бытия: эмпирической, социокультурной, экзистенциальной, составляющих многомерный мир человека, — постепенно расширяются и углубляются. В течение последнего столетия они трансформировались из описа-

ний индустриального «общества потребления» (Ильин, 2008) в теоретический анализ постиндустриального «общества знания» (Друкер, 2015), а затем в выявление признаков «общества переживания» (Schulze, 2005). Трансформация означает не отрицание предыдущих стадий развития общества, а их изменение, совместное существование старого и нового.

Индустриальное «общество потребления» – понятие, обозначающее совокупность общественных отношений, связанных со средствами производства. Оно характеризуется массовым потреблением материальных благ и формированием соответствующей системы ценностей и установок. Для общества потребления очень важным считается информирование граждан о жизненно важных для них товарах, услугах, событиях. Необходимость информирования определяется правами человека: в демократическом обществе каждый имеет право знать все, что может повлиять на его жизнь (Kuklinski et al., 2000). Например, в консультативной психологии применяется принцип информирования клиента о целях и результатах обследования. Он заключается в том, что психолог должен сообщить клиенту о содержании проводимой с ним психологической работы, ее цели, способах получения информации. С этой точки зрения, «общество потребления» иначе можно назвать «обществом информирования».

Постиндустриальное «общество знания» в социогуманитарных науках описывается как современный этап общественного развития, на котором доминирующей экономической и социальной ценностью становится знание. Оно признается необходимым условием достижения успеха во всех сферах деятельности, решения задач, создания новых видов продукции и услуг, эффективного функционирования систем производства. Знания становятся не только производительными силами, метафорически говоря, они являются средствами производства. В психологии, и не только когнитивной, многие проблемы исследуются именно с позиций «общества знания» с применением методов психологического анализа социокультурной реальности. Они основаны на представлениях о том, что люди могут иметь различные мнения об одном и том же знании и неодинаково интерпретировать его смысл. В частности, так изучаются психологические основания интересубъектности и передачи людьми друг другу неявного личностного знания.

Многомерный мир человека состоит не только из «общества информирования» и «общества знания», но и из «общества переживания» (Schulze, 2005). В постиндустриальном мире желания людей приобретают характер базисных производительных сил, а экономическое развитие общества определяется воздействием массива человеческих желаний. Согласно Г. Шульце, сегодня происходит модернизация переживания, которая означает изменение целей поведения людей с внешних на внутренние. Осознание изменения не отрицает «направленности вовне», а акцентирует внимание экономистов и психологов на дополнительной ориентации внутрь: человек стремится к тому, чтобы достичь чего-то в самом себе (ibid., S. 419). С позиций «общества информирования», при внешне ориентированном потреблении каждый человек стремится получить ответ на вопрос: «Мне нравится (нужно) X, как я могу это получить?». В «обществе переживания» люди с внутренней ориентацией задают себе сложный философский вопрос, ответ на который радикально трансформирует последующее поведение: «А чего я, собственно, хочу?» (ibid., S. 34).

В концепции Г. Шульце важная роль отводится коллективным переживаниям: коммуникация или даже просто присутствие большого числа других людей на каком-либо мероприятии создают пространство для получения впечатлений и усиливают его эмоциональное воздействие: возникает нечто ценное и уникальное, что можно назвать аурой. Согласно Г. Шульце, сегодняшняя популярность выставок, концертов, их телетрансляции на весь мир становятся неповторимыми событиями, которые люди переживают сообща. Самым притягательным для них является то, что возникает благодаря самим участникам, находящимся в активном поиске неповторимых переживаний (ibid.).

В последние годы «общество переживаний» содержательно расширилось путем включения в него «экономики впечатлений». Суть последней заключается в том, что современный человек, когда платит за товар, учитывает не только его качества, но и контекст использования, различающийся разной степенью удовлетворенности потребителя от покупки. Один из авторов «экономики впечатлений» иллюстрирует это положение таким примером: «Однажды, приехав в Венецию, мой друг поинтересовался у портье, куда ему и его жене стоит пойти, чтобы в полной мере насладиться этим удивительным городом. Ему тут же посоветовали Caffè Florian на площади

Святого Марка. Вскоре они уже были там, вдыхали свежий утренний воздух, пили ароматный кофе и наслаждались видами и звуками самого удивительного из городов Старого Света. Спустя час моему другу принесли счет, и он узнал, что эти незабываемые минуты обошлись ему более чем в 15 долл. за чашку. „Стоил ли кофе таких денег?“ – спросили мы. „Несомненно!“ – ответил он» (Пайн, Гилмор, 2019, с. 36). Таким образом, психология, чувства потребителей учитываются и включаются продавцами в цену товара.

Экономика впечатлений, активно использующая рекламу, опирается на психологические законы такого многомерного восприятия человеком мира, в котором, порой, трудно отделить образы, модели от реальности: «Наглядный образ потребляемой вещи становится значимым более, чем сама вещь. Отсюда индустрия рекламы, формирование брэндов предлагаемой к потреблению вещи, подсказывающих выбор. Перед покупателем предстает для продажи не столько вещь, сколько ее модель, подобие, имидж, симулякр. Продуманные визуальные образы вещей завлекают, соблазняют, привносят множество искусственных смыслов, подчиняя личность процессу потребления. Грани между образом и реальностью размываются, превращая мир в некую игровую площадку, где вещи-маски играют свои роли соблазнительей, соревнуясь в провокативной способности друг с другом (Бодрийяр, 2000). И в сфере потребления, в повседневной сфере жизни человека происходит подмена реального мира симулякрами – символически наглядными знаками (работа дизайнеров), ориентирующимися на эстетическое восприятие» (Красноярова, 2015, с. 45).

Глубинным основанием возникновения «общества переживания» является трансформация мира человека, основанная на изменениях ценностей и мотивов людей (Инглхарт, 2018). Главная причина изменения – поколебавшаяся уверенность в том, что только разум, рациональный выбор и научное мировоззрение влияют на формирование культурных изменений. «Культурные изменения определяются не только когнитивными факторами. В еще большей степени они формируются персональным опытом индивидов, связанным с экзистенциальной безопасностью или ее отсутствием» (там же, с. 43). В современном мире люди очень многих стран уже давно живут в условиях стабильности и материального благополучия, способствующих возникновению чувства экзистенциальной безопасности. В этих условиях, как показывают масштабные социологические ис-

следования, материалистические ценности экономического роста и богатства начинают приобретать меньшую значимость, чем постматериалистические ценности свободы, равенства, справедливости, терпимости, помощи другим людям и странам. Конечно, в периоды временных экономических спадов удельный вес материалистических ценностей снова возрастает. «Тем не менее, крупнейшая трансформация ценностей уже случилась: в 1970 г. материалистов было значительно больше, чем постматериалистов во всех западных обществах, а к 2000 г. количество постматериалистов уже превысило количество материалистов, но поскольку постматериалистические ценности обычно концентрируются в определенных общественных стратах, а именно – в наиболее защищенных, образованных и заметных группах, то они и задают тон всем остальным: их ценности становятся новой нормой. Межпоколенческие изменения ценностей уже не являются основным источником перемен в этих странах; молодые и пожилые теперь придерживаются практически одних и тех же ценностей (за исключением наиболее пожилых когорт)» (там же, с. 56).

Как утверждал крупный теоретик менеджмента П. Друкер, в мире человека каждые 50 лет происходят необратимые общественные изменения (Друкер, 2015). Еще в 1980-х годах человек, идущий по улице и разговаривающий, казалось бы, сам с собой, воспринимался большинством из нас как странное отклонение от нормы. Тогда практически невозможно было предсказать существование мобильных телефонов, Интернета, всплеска терроризма и других отличительных признаков нашего времени. Одна из главных причин произошедших изменений заключается в реформатировании классовой структуры общества. В конце прошлого века актуальным было марксистское деление людей на классы по их отношению к средствам производства. Рабочий класс, хотя сам не обладал средствами производства, но с помощью машин преобразовывал природную и предметную среду. Преобразование было направлено на получение для человека и человечества средств к существованию. При этом машины направляли человека и сами показывали ему, что и как нужно делать: с помощью снегоуборочной машины можно расчистить дорогу, но нельзя сделать самолет.

В современной социальной теории понятие «класса» отличается от марксистского: оно связывается уже не с владением средствами производства. Очевидно, что в мире и нашей стране сейчас так назы-

ваемый традиционный машинный труд на заводах, фабриках и т. п. находится в кризисном мало востребованном состоянии. Например, в середине 2016 г. это могли бы засвидетельствовать полтора миллиона российских безработных. Сегодня отнесение людей к определенному классу определяется не по тому, владеют ли они орудиями труда, а по тому, какими жизненными шансами они обладают. Шансы определяются образованием, материальным положением семьи, способами получения дохода. В нашей стране к этому добавляется еще и наличие родственных и социальных связей. Экономисты называют современное общество «обществом знаний», построенным на сетевых информационных технологиях. В этих условиях так называемый креативный класс не только получает вознаграждение за свои знания, умения, навыки, но и сам является владельцем неотчуждаемых от него средств производства. В роли последних выступают те же знания, понимаемые очень широком смысле – как потенциал интеллектуальной деятельности. В когнитивно-опытной теории личности С. Эпштейна (Epstein, 2003) такой потенциал соответствует целостному континууму «знания-мнения-опыт». В отличие от средств производства в марксистском понимании современные средства не могут указать представителям профессий, связанных с интеллектуальным трудом, *что* и *как* делать. Для таких работников характерно *самостоятельное* творческое применение своих знаний.

В современном информационно-сетевом обществе представления о средствах труда кардинально изменились. Раньше молоток, телефон и тому подобные инструменты были явным продолжением органов чувств и частей тела человека. Вот как писал об этом Б. Г. Ананьев: «Известно, что благодаря материальному производству, особенно производству средств производства, общество вооружает человека самыми разнообразными техническими средствами, бесконечно „усиливающими“ естественные органы человеческого тела, а подчас и создающими новые подвижные функциональные системы или „функциональные органы“, т. е. орудия в самом широком смысле слова. С помощью таких технических средств человек воздействует на окружающую природу, изменяет ее, а в процессе ее изменения преобразует и собственную природу» (Ананьев, 1968, с. 25).

Сегодня ученые говорят не об «усилении» (или продолжении) органов человеческого тела техническими устройствами, а о симбиозе, синтезе естественного и искусственного. В прошлом исследова-

ния искусственного интеллекта реализовывались на технической основе сопоставления мышления отдельного человека с возможностями машины. По свидетельству выступлений на масштабных научных конгрессах и авторов фантастических романов, предельно огрубляя, можно сказать, что целью исследований было копирование человеческого разума. Иначе говоря, искусственный интеллект строился на основе редукции соотношения индивидуального и коллективного к познающему индивиду. В наше время Э. Файола и другие ученые говорят о становлении киберсознания и человеке дополненном. Возникает представление о формировании коллективного разума, сетевого интеллекта: в компьютерных системах с межсетевым взаимодействием человеческий интеллект становится одновременно распределенным и объединенным. В медицине давно уже используются приборы типа кардиостимуляторов, которые не позволяют однозначно ответить на вопрос: является ли ритм сердца больного естественным или искусственным? Нечто подобное теперь происходит со становлением киберсознания: в инновационном поле современного общества мы наблюдаем становление социально-разделенного сознания. Это означает слияние компьютерных технологий не только с разумом, но и с телами людей. «Инвазивные технологии дополняют понимание телесно воплощенного человеческого опыта» (Файола и др., 2016, с. 155). Живым примером может служить канадец Роб Спенс, которому в глаз имплантировали видеокамеру, соединенную с передатчиком. Приведу недавний случай взаимодополнения компьютерной и обыденной реальностей: летом 2016 г. во всем мире стала популярной игра Pokemon Go. В ней действия частично происходят в реальном мире, в местах, обладающих конкретными географическими координатами. И в этих местах якобы действительно присутствуют компьютерные вымышленные персонажи, которых ищут игроки.

Подобное направление развития науки и техники сегодня не стало бы неожиданным для Б. Г. Ананьева, который еще полвека назад писал: «С успехами техники развились такие исторически сложившиеся системы, как „рука + механические орудия“, „глаз + оптика“, „ухо + акустика“. Благодаря такому соединению органов человеческого тела – анализаторных систем мозга – с орудиями бесконечно расширяется сфера чувственного познания и постепенно возрастает так называемая „разрешающая сила“ органов чувств человека. Мож-

но сказать, что „каналы связи“ и „информационные системы“ человеческого мозга на каждой ступени цивилизации таковы, какими их делает соединение со все совершенствующимися техническими приспособлениями, „орудиями“ в самом широком смысле слова» (Ананьев, 1968, с. 26).

Итак, если современные технологии считать средствами производства, то в сетевом обществе знаний они уже не «продолжают» человека, а сливаются с ним. Это происходит потому, что знания, распределенные между членами коммерческих организаций или научных сообществ, все равно остаются достоянием конкретных людей, входящих в такие структуры. И такой взгляд на средства труда отражает характерную особенность социокультурной реальности XXI в.

В новых условиях снова стираются грани между субъектом и орудием как объектом. Говорят, что новое это хорошо забытое старое. О противоположности и вместе с тем единстве субъекта и объекта, внутреннего и внешнего бытия еще сто лет назад писал С. Л. Франк. Сегодня в интерпретации Э. Файолы, А. Е. Войскунского и Н. В. Богачевой эта мысль звучит так: «Мы пока не можем разграничить тело и машину, поскольку телесные процессы расширяются технологиями за его пределы, а цифровые процессы изменяют процессы опосредствования. Субъект и средство становятся единым целым, концепция социального происхождения разума реконструируется, а поведение изменяется под воздействием новой системы сетевого сотрудничества. В постчеловеческой эре искусственное сознание не заменит природных процессов; скорее они превратятся в единое целое, где сознание станет продолжением коллективного социокультурного мира, произойдет зарождение симбиотической жизни, эволюция киберкультурного распределенного опосредствования (Файола и др., 2016, с. 158).

2.2. Три реальности, образующие действительность мира человека

Мир представляет собой такую совокупность вещей и явлений, которая соотнесена с людьми и является организованной иерархией различных способов человеческого существования (Рубинштейн, 1997). Иерархия способов существования предполагает их отнесен-

ность к различным реальностям и, соответственно, уровням человеческого бытия. В психологических исследованиях многомерность мира проявляется даже тогда, когда мы изучаем конкретные феномены, такие, как сознание. На это указывает Е. В. Субботский: «Итак, реальность сознания не гомогенна: она состоит из нескольких типов реальностей, и в каждом из них – свой тип причинности, пространства и времени... И в каждом типе реальности мы встречаем разные виды объекта, пространства и времени, и каждый раз – иные понятия о том, что реально, а что – иллюзия» (Субботский, 2007, с. 4–5).

Моя точка зрения на структуру многомерного мира человека формировалась в процессе научного анализа отличительных признаков реальностей, в которых живет человек – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной; традиций психологических исследований – когнитивной, герменевтической, экзистенциальной; способов понимания субъектом мира – парадигматического, нарративного, тезаурусного; форм понимания – понимания-узнавания, понимания-прогнозирования, понимания-объединения и его результатов – типов понимания-знания, понимания-интерпретации, понимания-постижения.

Современные люди живут в многомерном мире, и это отражается не только на его понимании, но и на том, как мы определяем этот феномен. Понимание имеет большое значение на разных уровнях человеческого бытия. Под многомерностью мира я имею в виду то, что факты, события и ситуации окружающего нас природного и социального мира таковы, что их понимание не может всегда строиться на одинаковых психологических основаниях. В одних ситуациях оно основано главным образом на достоверных знаниях, в других – на интерпретациях, проявляющихся в мнениях разных людей; наконец, есть ситуации, которые психологу не понять без вдумчивого анализа глубин бессознательного и экзистенциального опыта испытуемых. Тем не менее у понимания как общепсихологического феномена во всех трех реальностях есть два системообразующих признака. Первая психологическая особенность понимания заключается в том, что мы всегда выходим за непосредственные границы понимаемого (фактов, событий, ситуаций) и включаем его в какой-нибудь более широкий контекст. Второй отличительный признак понимания заключается в том, что для того, чтобы что-либо понять, нам всегда нужно соотнести понимаемое с нашими представлени-

ями о должном — принимаемыми социальными, групповыми, моральными нормами поведения. Только наличие в психике понимающего субъекта обоих компонентов дает ему возможность порождать смысл понимаемого. Именно такого «определения» понимания я буду придерживаться в книге.

2.2.1. Эмпирическая реальность

В нашей жизни немало ситуаций взаимодействия с объективной и очевидной для всех действительностью. Такой тип ситуаций нидерландский методолог науки Ф. Анкерсмит определяет как «принуждение опытом» (эмпиризм). Говоря о реальности, субъект (в частности, историк) только описывает ее в терминах отдельных утверждений о событиях, обстоятельствах, каузальных цепочках и т. д. При этом субъект выступает как эмпирик, подчиняется принуждению опыта (Анкерсмит, 2007). Следуя за Анкерсмитом, я назвал первый тип реальности «эмпирическим». Эмпирическая реальность включает два вида окружающей человека среды: природную, состоящую из объектов и явлений, и предметную, созданную людьми. Основными характеристиками эмпирической реальности оказываются пространственно-временные: расстояние, скорость, тяготение и т. п. Эмпирическая реальность — это неодушевленная природная (включающая животных) и предметная среда, в которой живет и с которой взаимодействует человек.

В соответствии с парадигматическим способом понимания тексты об эмпирической реальности понимаются по двоичному принципу «да—нет»: «К понятным текстам можно отнести технические инструкции, медицинские рецепты, математические объяснения, т. е. всё то, что исключает возможность двоякого толкования. Такие тексты можно понять или не понять» (Абрамова, 2013, с. 98). В психологии мышления к таким текстам относится детерминистская задача П. Васона (проблема четырех карт) с двушаговым выбором для правильного решения (Valina, Martin, 2016). Психологические исследования показывают, что в ситуации неопределенности существуют ситуативные и личностные факторы, связанные с предпочтением мыслящими субъектами детерминистских, а не вероятностных выборов. Первые проявляются в предпочтении детерминистских ответов студентами-медиками, которые в процессе профессиональ-

ной подготовки приучаются к поиску определенности в постановке диагноза болезни и принятии решений о способах лечения больного. Вторые, личностные, факторы предпочтения детерминистских альтернатив проявляются у людей с высокими баллами по шкале интолерантности к неопределенности (Разваляева, 2021).

Эмпирическая реальность воспринимается и понимается людьми как совокупность фактов, допускающих опытную проверку. При знании соответствующих измерительных процедур субъект без труда может оценить истинность описывающих ее суждений. Или, как говорил К. Поппер, использовать принцип фальсифицируемости, принципиальной опровержимости утверждений. Например, опираясь на метрическую систему мер, любой образованный человек выберет истинное высказывание из пары: «Кит весит больше карася» и «Расстояние от Москвы до Владивостока не превышает тысячу километров». В соответствии с парадигматическим способом понимания люди, так же как объекты и предметы, тоже могут включаться в эмпирическую реальность. Это происходит тогда, когда мы рассматриваем людей не как субъектов, обладающих разумом, чувствами и т. п., а как объекты логических рассуждений, по отношению к которым применяется парадигматический способ понимания мира. Примерами могут служить логические задачи на поиск лишнего слова. В перечне «стол, шкаф, кровать, стул, телефон» лишним является слово «телефон», потому что оно не входит в понятие «мебель». Аналогично из списка «мать, начальник, дочь, отец, брат» необходимо удалить слово «начальник» как не относящееся к определению понятия «семья». В таких случаях, рассуждая логически, мы парадигматически понимаем обсуждаемый фрагмент мира человека. При этом не принципиально, состоит он из неодушевленных объектов или живых людей — методы рассуждений и способ понимания такие же, как при научном исследовании природы или предметов, созданных человеком. Этот способ соответствует пониманию мира как правильного.

Понимание эмпирических явлений, например не зависящих от человека природных катастроф, осуществляется не непосредственно, а на основе некоторых знаний о понимаемом. Верные это знания или нет, определяется экспертным сообществом, обладающим согласованными знаниями о предмете понимания. Так, используя свой почти двадцатилетний опыт председательства в диссертационном

совете Института психологии РАН, я без труда определяю, соответствует ли представленное к защите научное исследование требованиям, предъявляемым к кандидатским или докторским диссертациям. И мое мнение не противоречит мнениям других членов совета.

Обсуждая проблему истинности знаний о реальности, Г.Л. Тульчинский пишет: «Что такое реальность, мы знаем на основе каких-то предваряющих знаний. В этом случае любой язык описания, в конечном счете, будет теоретически нагружен. Мы слышим какие-то потрескивания, а кто-то в этом слышит уровень радиации. Это зависит, скажем условно, от уровня теоретических знаний, которые применяются к описанию реальности. Мы можем ее не видеть, а ученый, специалист видит эту реальность. Покажи нам некие фотографии, мы скажем, что это какие-то пятна, а студент-физик скажет, что это фотография из камеры Вильсона, а продвинутый физик скажет, что тут показана траектория движения нейтрино, он ее видит. Это все зависит от теоретической нагруженности описания. Мы приходим к врачу и говорим — болит вот-тут и болит так-то. А врач уже начинает писать диагноз конкретной болезни, расстройства конкретных органов» («Фейки»..., 2021, с. 11). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что понимание одного и того же события различно у разных социальных групп (профанов, студентов, ученых, врачей), потому что основывается на неодинаковых знаниях. Однако внутри каждой «экспертной» группы знания сходны, и потому понимание одинаково.

Таким образом, мы не видим и не понимаем эмпирическую реальность непосредственно. В сознании понимающего мир субъекта реальность возникает как процесс и результат понимания, основанного на предыдущих знаниях. В науке новые знания представлены в теориях, концепциях: «Мы понимаем структуру реальности, только понимая объясняющие ее теории. А поскольку они объясняют больше, чем непосредственно осознаем, мы можем понимать больше того, в чем непосредственно отдаем себе отчет» (Дойч, 2015, с. 23).

Теоретическая нагруженность понимания реальности определяет и то, что видит и осмысливает в ней понимающий субъект. Так произошло с открытием У. Гершелем планеты Уран, которую ранее многие астрономы видели и знали, но принимали за звезду. «История астрономии располагает многими другими примерами изменений в научном восприятии, вызванных влиянием на него пара-

дигмы; некоторые из этих примеров не подлежат сомнению. Разве можно считать, например, случайностью, что астрономы на Западе впервые увидели изменение в ранее неизменных небесных явлениях в течение полустолетия после того, как Коперник предложил новую парадигму?» (Кун, 2020, с. 178). Можно упомянуть еще А. Р. Лавуазье, который после открытия кислорода изменил свою точку зрения на другие уже известные вещества и по-иному увидел природу.

Для понимающего мир субъекта эмпирическая реальность отличается от социокультурной и экзистенциальной: события и ситуации в ней имеют бесцельный, ненаправленный, неодушевленный характер. По мнению И. Гофмана, для их понимания люди используют «природную систему фреймов», т. е. рамок, в которых структурируется индивидуальный опыт. Полвека назад психологи Р. Абельсон, У. Кинч, Т. А. ван Дейк, П. У. Торндайк обнаружили, что субъект понимает мир, сопоставляя входные сообщения с обобщенными схемами памяти – фреймами, сценариями, макроструктурами. Говоря о фрейме как об обобщающем понятии, И. Гофман писал: «Основное различие между природной и социальной системами фреймов заключается в роли, исполняемой, в частности, индивидами. Если речь идет о природном взгляде на реальность, индивиды, как и любые другие действующие лица, не обладают никаким особым статусом, они подчиняются детерминистскому способу существования, не зависящему от чьей бы то ни было воли и не имеющему никакого отношения к морали. Если же мир рассматривается через социальную систему фреймов, индивиды ведут себя иначе. Они определяются в терминах самодовлеющей активности (self-determined agencies), они знают, что можно делать, а что нельзя, и несут моральную ответственность за свое поведение» (Гофман, 2003, с. 146–147).

Такой ракурс научного познания фокусирует внимание ученых на соотношении видимого и невидимого, действительного и возможного. С точки зрения психологии возможного, важно подчеркнуть, что эта проблема значима на самых разных «этажах» научного познания – от онтогенеза индивидуального психического развития до исследования ненаблюдаемых сущностей в квантовом мире (Мамчур, 2017). В эмпирической реальности человек живет в объектно-предметной среде, имеющей пространственно-временные координаты.

Казалось бы, чего проще: в этой реальности мы можем обсуждать только то, что видим. Однако, как известно еще из исследова-

ний Ж. Пиаже и его последователей, сама способность различения видимого и действительного у детей возникает не сразу, а формируется постепенно: «Особо эффектное исследование по проблеме различения видимости и реальности, которое полностью подтвердило наблюдения Пиаже, было выполнено Р. Де Ври, у которой был очень хорошо воспитанный черный кот по кличке Мэйнард (De Vries, 1969). 3-летних детей познакомили с Мэйнардом и давали им поиграть с ним. Затем мордочку Мэйнарда закрывали экраном, хотя его хвост оставался виден, и на голову кота прикрепляли вполне реалистичную маску собаки. Де Ври говорила ребенку: «Теперь это животное выглядит совсем по-другому. Посмотри, его морда похожа на собачью». Когда экран убирали, она спрашивала ребенка: «А теперь какое это животное? Это на самом деле собака? Она может лаять?» 3-летние дети почти целиком сосредотачивались на новой внешности кота, некоторые говорили, что он на самом деле превратился в собаку. 4–5-летние дети были смущены, в то время как 6-летние не верили, что кошка может стать собакой» (Баттерворт, Харрис, 2000, с. 224).

Итак, у детей способность различения видимого и действительного формируется к школьному возрасту, причем, даже у взрослых она далеко не во всех ситуациях может реализоваться. Достаточно вспомнить споры в теоретической физике о том, являются ли элементарные частицы реальными объектами или представляют собой социальные конструкты? (Мамчур, 2017). «Обладать или не обладать способностью придавать кажимости статус реально существующего — не то же самое, что развитие способности понимать, что один объект может иметь несколько цветовых окрасок или форм в один и тот же момент времени. Намеренное игнорирование факта отличия кажущегося объекта от его реального состояния (то есть принятие кажимости за реальность) часто встречается даже у образованных взрослых. Так, если в трансатлантическом полете нас обслуживает улыбающаяся стюардесса, мы можем осознавать, что те реальные чувства, которые испытывает к нам уставшая стюардесса, на самом деле далеки от симпатии. Тем не менее, на эмоциональном уровне мы предпочитаем игнорировать это знание и принимать кажимость за реальность» (Субботский, 2007, с. 115–116). Если учитывать более широкий контекст, чем онтогенетические способности к различению видимого и действительного, то надо сказать, что вся эта книга на-

правлена на то, чтобы доказать, что в мире человека, во всех трех реальностях человеческого бытия, действительность состоит не только из видимого, но из неочевидного возможного.

2.2.2. Социокультурная реальность

Социокультурная реальность возникает в результате объективации содержаний индивидуального и группового сознания. Такая реальность не существует вне представлений людей о ней, а любое описание социокультурной реальности одновременно является ее элементом (Савельева, Полетаев, 2003). Например, журналистский текст нельзя рассматривать как концепт некой «объективно существующей» реальности, которая является ее денотатом. Журналистский текст следует интерпретировать как компонент, фрагмент самой реальности, проявляющейся в публикации журналиста. Понимание оказывается одним из главных психологических механизмов создания, конструирования людьми социокультурной реальности. Понимая, порождая смыслы возникающих в коммуникации высказываний, суждений, мнений, мы тем самым творим реальность. *Если нет понимания, то нет и социокультурной реальности!* Эта реальность производна от сознания и психики познающих и понимающих ее субъектов. Эта реальность производна от сознания и психики познающих и понимающих ее субъектов. Такая реальность «имеет двойственный характер: в нее, с одной стороны, входят объекты, обладающие признаками вещиности (то, что в античной философии обозначалось как *res*); с другой стороны, сама мыслительная деятельность принадлежит к реальности (и обозначается, прежде всего, как субъективная реальность)» (Макаров, 2004, с. 9).

Такое понимание реальности особенно характерно для конструктивистского подхода, в рамках которого делается вывод, что «социальная реальность — суть континуум реальностей различных людей, отличающихся подходами к интерпретации действительности, но сохраняющих объективную фактичность в силу совместного признания их объективности членами данного общества. Действия отдельных людей в данном случае оказываются производными от восприятия и оценки социальной ситуации, и сами включены в социальную реальность, которая, в свою очередь, становится сферой конструирования под воздействием ранее принятых уста-

новок» (Мусиец, 2019, с. 97). Однако каждый участник коммуникации понимает реальность несколько отлично от других: «Каждый действующий субъект вычленяет в составе и конструкции социальной реальности собственные смыслы, которые становятся основаниями его действий. Преобразование социальной реальности в этом плане – всегда трансформация содержания смыслообразующих понятий» (там же, с. 97).

События и ситуации в социокультурной реальности имеют целенаправленный, мотивированный, осмысленный характер. Интерпретационной схемой их понимания, по Гофману, является «социальная система фреймов». Важная функция фреймов заключается в том, что они не только указывают рамки, в которых следует понимать конкретные фрагменты мира, но и содержат нормативные предписания, т. е. указания на то, что должно оказаться в фокусе внимания понимающего субъекта. Фрейм только направляет, но жестко не детерминирует понимание социальных фактов.

Неизбежным следствием множественности и неопределенности мира является противоречивость человеческой психики. В психологии понимания большое внимание уделяется исследованиям и того, как субъект понимает противоречия, и того, насколько противоречива психика человека. Понимание противоречий рассматривается как когнитивный стиль, проявляющийся на разных, иерархически связанных между собой уровнях познания и деятельности. Проблема противоречий включает в себя одновременное или последовательное рассмотрение целостности предмета познания с разных позиций, попытки вставить на различные точки зрения, включение полярных взглядов на предмет в более общую систему, в которой снимаются локальные противоречия. «Так, Р. Брэмсон и А. Харрисон выделяют синтетический и идеалистический интеллектуальные стили, ориентированные диалектически, и недиалектический аналитический стиль. Синтетический стиль проявляется в склонности строить из множества элементов целостное видение проблемы, в котором совмещаются несовместимые на первый взгляд идеи. Для идеалистического стиля также характерен широкий взгляд на вещи, но в отличие от синтетического стиля такой взгляд основан на интуитивных оценках, проявляющихся в склонности игнорировать конкретные факты и требования формальной логики. Аналитический стиль, напротив, направлен на построение ясной, упорядоченной и, можно

добавить, непротиворечивой картины происходящего, что позволяет считать его ориентированным недialeктически» (Блинникова, 2012, с. 54). Обобщая, можно сказать, что психологи изучают условия, обстоятельства и способы снятия противоречий при построении целостной картины мира человека.

Убедительные доказательства противоречивости психики человека можно найти в описаниях творчества и высказываниях гениального художника С. Дали. По его мнению, истина изменчива и непостоянна, и потому он часто делал противоречивые заявления, которые делали его выступления непредсказуемо интересными для слушателей: «Я никогда не знаю, когда начинаю притворяться, а когда бываю искренним. Это свойство моей натуры. Очень часто мне случалось говорить какие-то вещи, будучи уверенным в их важности и серьезности; а через год я замечал, что они наивны и лишены всякого интереса, причем до такой степени, что выглядят просто жалко. И напротив, то, что я высказал со смешком, чтобы блеснуть умом или удивить, с течением времени все больше утверждает меня в мысли, что я изрек нечто прекрасное и очень важное. Эта резкая смена отношения к сказанному доводит меня до того, что я сам начинаю путаться, но всегда с честью выхожу из положения. Главное, чтобы публика ни в коем случае не могла догадаться, смеюсь я или серьезен. Кроме того, и сам я не должен этого знать. Я постоянно ишу ответ на вопрос: «Где начинается Дали, глубокий мыслитель и философ, а где заканчивается Дали, нелепый и смешной чудак?»» (цит. по: Ньюридсани, 2018, с. 39). В этой интересной самохарактеристике отчетливо просматриваются три плана противоречивости внутреннего мира художника. Первый план – притворство-искренность, второй – мнения публики (они думают, что я смеюсь или серьезен), третий – определение подлинности Я («сам я не должен этого знать»). Дали всегда нацелен не на изображение видимого, а на выявление сущего: «Ядром искусства Дали является двойственный образ. Это некая картина, которая то „включается“, то „выключается“, открывая взору другую, мешающую взгляду сосредоточиться, приводящую зрителей в изумление, сбивающую их с толку, вызывающую восхищение» (там же, с. 7).

Типичным пониманием социокультурной реальности как ее порождения, конструирования является не только искусство, но и телевизионная реальность. Как полагает Дж. Фиске, «телевидение

не представляет (или повторно представляет) фрагмент реальности, а скорее производит или конструирует его. Реальность не существует в объективности эмпиризма, реальность является продуктом дискурса. Телевизионная камера или микрофон не фиксируют реальность, а кодируют ее. Кодирование придает реальности смысл, который является идеологическим. Представляемое является идеологией, а не реальностью» (цит. по: Новикова, 2013, с. 17). Соответственно, специфические особенности телевизионной реальности зависят от ее понимания тележурналистами, она «есть такая картина действительности, которая соответствует представлению о ней авторов программы и стоящим перед ними социальным задачам. Эта картина складывается из визуальных и звуковых элементов (выразительных средств) и технологических приемов их использования, сопоставленных (смонтированных) с учетом воздействия на аудиторию» (там же, с. 37).

Еще одним важным для общества социокультурным феноменом является «судейское усмотрение» в сфере гражданского и уголовного судопроизводства. Судейское усмотрение проявляется в том, что в российских судах за одинаковые по характеру и степени общественной опасности преступления и сходной характеристике личности преступника нередко назначаются разные виды и сроки наказания. Это не удивительно, потому что в процессах применения уголовно-правовых норм нередко возникают ситуации, при которых внешне одинаковые обстоятельства совершения преступления по-разному оцениваются разными судьями, что влечет принятие различных решений. В этой сфере усмотрение — это полномочие, данное судье, выбирать между двумя и более альтернативами, когда каждая из альтернатив законна. Иначе говоря, по своему усмотрению судья имеет право выбирать из ряда возможностей, каждая из которых законна в контексте правовой системы (Барак, 1999, с. 13). Все альтернативы, из которых выбирает судья, являются законными, но только одно решение для конкретной ситуации будет обоснованным, правильным, справедливым (Грачева, 2015).

«Усмотрение может касаться трех объектов. Во-первых, фактов. В данном случае речь идет об оценке доказательств, которую судья осуществляет на основе сложившегося внутреннего убеждения. Безусловно, при осуществлении такой оценки, например, свидетельских показаний или объяснений сторон, жизненный опыт судьи может

сыграть весьма важную роль. Во-вторых, усмотрение может касаться выбора нормы, подлежащей применению. В-третьих — собственно ее применения, т. е. вынесения окончательного решения по делу» (Лозовская, 2012, с. 26).

Многие факты, например, похищено ли имущество в крупном или особо крупном размере, не требуют доказательства и, соответственно, судейского усмотрения. Однако в реальной судебной практике определение достоверности предоставленных следствием фактов во многом зависят от мировоззренческих и иных установок судьи, определяющих предварительное понимание им обстоятельств преступления. «Первопричиной, осложняющей определение достоверности, является природа самого факта-знания, которым в результате судья оперирует: он образуется в результате „двойного фильтрация“ — сначала факт-явление (его следы на материальных носителях) проходят через сознание свидетелей (экспертов/специалистов etc), а затем — воспринимаются судьей в показаниях, заключениях и пр. Таким образом, в судебном факте всегда и неизбежно заложен такой компонент, как пред-понимание субъекта» (Никонов, 2014, с. 24). Немалую роль в доказательстве фактов играет и феномен «туннельного зрения». В судебной практике он проявляется, во-первых, в предвзятости подтверждения: люди склонны приписывать большую достоверность материалам, не противоречащим осознанно или неосознанно избранной ими версии правонарушения, и понижать достоверность материалов, противоречащих ей; во-вторых, в ретроспективном искажении: люди склонны думать, что полученный ответ был неизбежен, наиболее вероятен или предсказуем; в-третьих, в эффекте повторения: «Чем дольше полиция и прокуратура (а также свидетели) живут с выводом о виновности некоего лица, тем скорее им будет казаться, что все улики указывали изначально на этот вывод» (там же).

Что касается формулировки законодательных норм, то также как не нужно абсолютно точно определять понимание (см. параграф «Определение „понимания мира человека“» — Знаков, 2016), нет необходимости формулировать в законе абсолютно определенные нормы, это бывает нецелесообразно. При определении размера наказания нередко точность и определенность отсутствуют: «Это объясняется тем, что каждое конкретно совершенное преступление и личность преступника столь индивидуальны, что законодатель не в силах

установить в законе конкретную меру наказания, одинаково эффективную для всех преступников, совершавших данное преступление. Поэтому он ограничивается установлением общих правил, которые, с одной стороны, исключают судебный произвол, а с другой – дают возможность суду учесть индивидуальные особенности совершенного преступления и личности преступника» (Грачева, 2015, с. 6).

Кроме того, судебское усмотрение включает право на использование оценочных категорий, которые затруднительно точно определить: «уважительные причины», «рыночная стоимость», «сложное дело», «исключительные случаи» и т. п. «Например, согласно Семейному кодексу, если суд установит, что ни один из родителей не может создать ребенку необходимые условия для воспитания и развития, то возможна передача ребенка бабушке, деду, другим родственникам или принятие решения об отобрании ребенка и передаче его органу опеки и попечительства. Высказывания „надлежащее воспитание и развитие“ в ст. 68 СК и „обладание необходимыми средствами“ в ст. 95 СК также являются оценочными, поскольку никаких объективных критериев, которые бы делали возможным установление надлежащего воспитания и развития, законодатель не дает (Вартапетян, 2007, с. 388).

Другой пример понимания и описания социокультурной реальности – логико-смысловая картина арабо-мусульманского мира (Смирнов, 2015). В ее основании лежат три предпосылки: убеждение в целостности как атрибута холистического характера понимания научной рациональности; осознание достоинств и ограничений применения формальной дизъюнктивной субстанциально-ориентированной логики; убеждение в стабильности–изменчивости мира, его субстанциальности–процессуальности.

2.2.2.1. Холистическое убеждение в целостности мира человека

В современной науке развитие системного подхода способствует творческому переосмыслению идеи холизма: принцип целостности превращается в методологическую установку. «Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что активизация исследований целостности во второй половине XX века была более связана не с философским, а с конкретно-научным уровнем интерпретации данного понятия» (Линченко, 2021, с. 36). Сегодня целостность все чаще рассматрива-

ется учеными как исследовательский метод. В психологии конструкт целостности связывается прежде всего с аналитичностью и холистичностью — двумя ключевыми способами осмысления человеком познавательных и социальных ситуаций.

В мышлении людей аналитичность диалектически взаимосвязана с холистичностью, один стиль мышления дополняет другой. Поскольку современный мир сложен и многогранен, то неудивительно, что, исследуя психику живущих в нем людей, психолог должен гибко сочетать в себе аналитические способы рассуждений с холистическими. В узком конкретно-психологическом смысле аналитичность и холистичность — это характеристики типов мышления и мировоззрения, проявляющиеся в понимании мира людьми, в частности, А. В. Брушлинским и О. К. Тихомировым (Знаков, 2013). Психологи отмечают, что в аналитическом стиле переработки информации реализуется преимущественно направленность человека на вычленение элементов понимаемого целого, а в холистическом стиле мышления проявляется стремление понимающего мир субъекта к оценке целостного характера явления (Песков, 2014). В широком социально-культурном смысле аналитичность и холистичность понимаются как типы ментальности, присущие западным и незападным культурам (Henrich, Heine, Norenzayan, 2010).

На этих теоретических основаниях Р. Е. Нисбеттом с коллегами была разработана инструментальная база психологических исследований мышления в виде «Шкалы аналитичности—холистичности» (Nisbett et al., 2001; Choi, Koo, Choi, 2007), адаптированная для русскоязычных выборок (Апанович, Знаков, Александров, 2017). С помощью этого опросника получены новые научно значимые результаты: проанализированы типы задач, специфичных для аналитического и холистического способов мышления; доказано, что системные структуры опыта у аналитичных и холистичных субъектов различны; обнаружены различия в системной организации поведения между преимущественно аналитичными и преимущественно холистичными людьми при решении задач в разных формах социального взаимодействия; показано, что у аналитичных субъектов выше динамика научения в холистических задачах, а у холистичных — в аналитических, т. е. динамика научения в большей степени проявляется в задачах, неспецифичных по отношению к типу ментальности познающего субъекта (Апанович, 2019).

В психологии личности «приверженность идее холизма означает признание возможности понимания личности только как целостной сущности и, соответственно, необходимости изучения индивида как единого целого. Принцип целостности является общепризнанным в современной психологической науке» (Гришина, Костромина, 2021, с. 45). В этой научной области целостность анализируется как характеристика состояния личности, относящаяся к сохранению ее идентичности, самотождественности, логики действий и поступков в различных ситуациях. «Целостность личности — это поддержание в определенном равновесии взаимодействующих тенденций к устойчивости и изменчивости личности. Главная характеристика целостности — ее интегральность, которая проявляется на разных уровнях личностной феноменологии и, соответственно, требует интегральных понятий для ее описания» (там же, с. 39).

Философ А. В. Смирнов анализирует указанную проблему в широком социально-культурном контексте. Что такое холизм применительно к его научной позиции? «Суть холизма состоит в признании уникального свойства мира быть в конечном счете неделимым и неразложимым на множества целым, как это получается в квантовой картине мира: „весь мир (включая и всех наблюдателей) в субквантовом уровне существует как неделимая единица“ (Д. Бом). При этом множество разнообразных „целостностей“ возникает на более высоких этажах иерархии мироздания только благодаря этой исходной целостности, как производные от нее в разнообразных специфических условиях: такими могут быть „целостности“ неорганического мира (например, атомы), целостности живого мира — организмы, и, наконец, целостности психического уровня — душа и сознание» (Сехмистро, 2007, с. 300).

Осуществляя сравнительный анализ арабо-мусульманской и западной культур, А. В. Смирнов большое внимание уделяет определению и описанию необходимого для этого понятийного аппарата: «Целостность — ни в коем случае не целое, которое сложено из частей и распадается на части, о котором спорят, равно ли оно сумме своих частей или больше их. Целостность вообще не противопоставляется части. Целостность такова, что как будто замкнута на себя; но замкнута без того, чтобы иметь сдерживающие ее границы. Ее замкнутость — не та, что предполагает отграниченность от другого, когда бы граница отделяла ее от чего-то иного в отношении

нее. Исходный характер целостности не предполагает, что мы можем говорить о чем-то ином в отношении нее и вообще отделять ее от иного. Поэтому граница целостности и оказывается замкнутостью целостности на себя. Целостность раскрывает себя через обращенность к себе (Смирнов, 2015, с. 173).

При построении логико-смысловой картины мира убеждение в его целостности играет роль одного из внутренних условий холистического мышления, потому что существует в психике познающего субъекта исходно, то есть до категориального различения вещей. Психологам, особенно когнитивистам и специалистам по психологии понимания, это напоминает вневременные, внекультурные матрицы – интерпретационные схемы, фреймы, сценарии, ментальные репрезентации и т. п. С точки зрения А. В. Смирнова, «целостность имеет дело с тем уровнем смыслополагания, когда субъектность (вещность) еще не прошла стадию становления, еще не стала. Целостность – это логико-содержательная соотнесенность» (там же, с. 154). В процессе построения смысловых конструкций картины мира «соотнесенность» означает, прежде всего, взаимодействие способов рассуждений. Рассуждать можно и в соответствии с аристотелевской субстанциально-ориентированной логикой, и на основании процессуально-ориентированной логики классиков арабо-мусульманской философии (удивительно резонирующей с современными методологическими тенденциями социогуманитарного познания): «Мы видим мир преимущественно либо как собрание субстанций, либо как собрание процессов; в каждом случае нам требуется соответствующее понимание логических отношений, чтобы „собрать“ именно такие вещи в целостную картину. На каждом из этих этапов целостность оказывается не достигнутой до конца; она остается тем, что как будто оставило свой след, но не осталось само. Иначе говоря, на каждом из этих условных уровней, или шагов, процедуры смыслополагания можно указать на разрывы целостности» (там же, с. 155). Целостность неразрывно связана со смыслообразованием: породить смысл – значит возвести к целостности. Последний шаг процедуры смыслопорождения – создание познающим субъектом процессуальной логико-смысловой картины мира человека в целом или арабо-мусульманской культуры в частности.

Целостность является внутренним условием холистического мышления, формирующимся в психике субъекта до осознания и по-

нимания им того, что представляет собой целое. Из этого, в частности, следует, что целостность никогда не сводится к сумме ее частей: в социогуманитарном познании, особенно в истории, фрагментарность знания не значит невозможности построения человеком целостной картины мира: «И язык, и мышление представляют собой определенные целостности. Надо понимать, что эти целостности никогда не даны как таковые, т. е. именно как целостности; мы всегда имеем дело с их развернутыми „фрагментами“. Но как черепки разбитого сосуда, обнаруживаемые археологами при раскопках, имеют смысл, складываясь в целое (причем такое целое не становится менее значимым из-за того, что какие-то его части утрачены, может быть, навсегда), так и угадываемая целостность языкового мира и мира мышления не менее значима от того, что мы всегда имеем дело с ее фрагментами, развернутыми как речь и как суждения. Целостность смысла стоит за дискурсивностью осмысленности, к которой мы получаем доступ в нашем языке и нашем мышлении» (там же, с. 294–295).

В современных условиях увеличения возможностей цифровых технологий для объяснения также полезными и интересными могут быть данные о различиях в чтении последовательно и параллельно предъявляемых текстов испытуемыми с преимущественно аналитическим или холистическим типами мышления. Как и предполагали психологи, испытуемые с холистическим стилем лучше решают задачи в условиях параллельного предъявления. В этих условиях «холисты» имеют преимущество по отношению к «аналитикам», потому что «параллельное предъявление текста является более сложной когнитивной задачей и требует более высокого — по сравнению с последовательным предъявлением текста — уровня интеллектуального и когнитивного развития субъекта» (Войскунский, Арестова, Солодов, 2019, с. 72).

2.2.2.2. Холистическая логика и психология познания

В методологии современного социогуманитарного познания остро стоит вопрос о пересмотре соотношений между гносеологическими и онтологическими свойствами предмета познания. Он имеет давнюю историю. Со времени возникновения квантовой физики в течение всего XX в. ученые искали новый язык, позволяющий непроти-

воречиво описывать не только наблюдаемые сущности (для научного представления которых вполне удовлетворительным является естественный язык), но и ненаблюдаемые (Мамчур, 2017). В. Гейзенберг говорил о том, что простые альтернативы (да или нет, бытие или небытие, добро или зло), пока они осмысливаются так, как это обычно происходит в повседневной жизни, остаются бесплодными: «Однако мы ведь знаем из квантовой теории, что в ситуации альтернативы помимо ответов „да“ и „нет“ существуют еще и другие ответы, находящиеся к этим двум в отношении дополнительности; в них устанавливается вероятность ответов „да“ и „нет“ и сверх того фиксируется известная область интерференции между „да“ и „нет“, тоже обладающая информационной ценностью. Существует, таким образом, целый континуум потенциальных ответов» (Гейзенберг, 1989, с. 353).

Сегодня некоторые ответы на поставленные вопросы можно получить, применяя холистическую логику (Цехмистро, 2007). В ней ответы строятся на пересмотре онтологического статуса объектов, включающего не только их реальное измеримое бытие, но и потенциальные, виртуальные *возможности* его проявления: «Полное описание максимально детализированного состояния физической системы представлено волновой функцией, которая, однако, как это ясно в свете вышеизложенных обстоятельств, описывает не элементы, якобы входящие в якобы множественную структуру системы, а лишь вероятности их обнаружения или получения в силу реальной неразложимости системы на множества каких-либо элементов» (там же, с. 304).

Так можно ли считать онтологией не реальное существование электрона, а его вероятностное описание? И хотя здесь речь идет о сравнении реально существующего и некоторого языка, это все-таки возможно, если их рассматривать как единое целое. В целом разные его стороны не противоречат друг другу, потому что никогда не проявляются одновременно. И на этом построена холистическая логика. Она описывает системы, состоящие из двух элементов — координаты электрона и его импульса; при этом известно, что точное значение координаты исключает сколько-нибудь определенное значение импульса, и наоборот. Оба компонента существуют и проявляют себя как один элемент, как единая и неделимая система. «Именно это свойство, препятствуя полному и исчерпывающему разложению квантовой системы на составляющие ее элементы, порождает

их неизбежно вероятностное поведение и, соответственно, вынуждает нас к вероятностному описанию состояния квантовой системы» (там же, 2007, с. 304).

Было бы заблуждением считать, что научная рациональность, сочетающая физическую причинность с логической (мыслимой) точки зрения и направленная на порождение не физических, а логических по своей природе вероятностей, присущих квантовым системам, специфична только применительно к микромиру и не имеет отношения к макромиру человека. Обозначенная проблема выявления явных наблюдаемых и скрытых ненаблюдаемых сторон познаваемого объекта важна не только применительно к описанию микромира, она очень актуальна и для А. В. Смирнова. У него эта проблема проявляется в попытках вырваться из прокрустова ложа дихотомической аристотелевской логики, в понимании ограничений описания мира, возникающих при применении закона исключенного третьего. Напомню, что он состоит в том, что высказывание и его отрицание являются истинным и ложным, ни одно суждение не может быть одновременно и тем и другим.

А. В. Смирнов холистическую стратегию анализа культур осуществляет на основе двух дополняющих друг друга типов логик: «Субстанциально-ориентированный и процессуально-ориентированный взгляды *логически альтернативны, но онтологически взаимно дополнительны*. Каждый из них улавливает то, что не под силу уловить другому. При этом субстанциальный и процессуально-действенный аспекты необходимо присутствуют в мире, поэтому каждая из перспектив дает нам незаменимо-истинное знание о мире» (Смирнов, 2015, с. 383). Субстанциально-ориентированное аристотелевское мышление (логика) ищет устойчивость и законосообразность мира в вещах и действиях с ними. Для классической арабо-мусульманской культуры типична процессуально-ориентированная логика, направленная на открытие устойчивости связи между действователем и результатом действия. «Что такое процессуальный тип мышления, процессуальная логика? Здесь мы встречаемся с таким взглядом на мир, который отталкивается от понимания мира как многообразие действий... Действия не могут не быть привязаны к действователю... это значит, что процессуально-ориентированный взгляд видит мир не просто как многообразие действий, но как многообразие действий-действителя» (там же, с. 227). Главное отличие процес-

суально-ориентированной логики от субстанциально-ориентированной состоит в признании реального существования не только объектов и действующего с ними субъекта, но и онтологического статуса самого процесса взаимодействия. «Такое признание невозможно для субстанциально-ориентированного взгляда, но оно принципиально для процессуально-ориентированного мышления» (там же, с. 227).

Так же как А. В. Брушлинский, А. В. Смирнов отмечает правомерность применения в субстанциальной формальной логике законов исключенного третьего и противоречия. Вся история европейской логики имеет своим источником представление о том, что эту науку можно строить только на основе субстанциального взгляда на мир. Однако логические законы не должны пониматься как имеющие исключительно формальную природу: необходим логико-смысловой подход, вскрывающий зависимость логических законов от содержательного аспекта рассуждений. Человек видит вещи вариативно, и это логико-смысловая вариативность, вытекающая не из сути вещей или даже сути мира, а из целостной структуры смыслополагания. Целостность смыслополагания может определяться как субстанциально-ориентированной, так и процессуально-ориентированной перспективами. При этом переключение фокуса внимания ученого с одной на другую не приводит к конфликту законов двух логик.

Смыслополагание не только целостно, но и процессуально. Процессуальная логика дает возможность объяснять культурные феномены таким образом, который невозможен в формальной. А. В. Смирнов показывает это на примере соотношения намерения и действия. Он делает вывод, что «закон противоречия „А не есть не-А“ не выражает соотношение „намерения“ и „действия“». Нам остается разобрать применимость закона исключенного третьего „А есть либо В, либо не-В“ для описания соотношения „намерения“ и „действия“. Что этот закон мог бы быть применим, следует из того, что „намерение“ и „действие“ не тождественны, это не одно и то же, а значит, они могли бы мыслиться в качестве противоположностей. В таком случае мы могли бы говорить, к примеру, что „человек либо намеревается, либо действует“, и если бы такое утверждение было допустимо, это бы свидетельствовало о релевантности закона исключенного третьего для описания соотношения „намерения“ и „действия“. Однако мы уже знаем, что такое утверждение невозможно: нельзя либо

намереваться, либо действовать, поскольку только переход намерения в действие, исключаящий такое „либо“, сохраняет намерение намерением, а действие действием. Кроме того, закон исключенного третьего предполагает, что „В“ и „не-В“ образуют род, истинный либо мнимый (в смысле Аристотеля), а это условие, как мы видели, не выполняется для „намерения“ и „действия“. В силу этого закон исключенного третьего также нельзя признать отражающим логическую интуицию, обосновывающую соотношение „намерения“ и „действия“ в этических рассуждениях в арабо-мусульманской культуре» (Смирнов, 2015, с. 223–224). Законы тождества, противоречия и исключенного третьего тоже не могут описать отношения между намерением и действием.

2.2.2.3. Убеждения в стабильности или изменчивости мира

Для А. В. Брушлинского диалектическая изменчивость природного и социального миров была аксиомой. Неудивительно, что он рассматривал психику как «отражение непрерывно меняющихся существенных условий жизни» (Брушлинский, 2006, с. 374).

Для А. В. Смирнова диалектика изменений очевидна, потому что в арабской культуре бытие рассматривается не как субстанция, сущность, а как возникновение. Бытие – не сущность, а процесс. В арабском языке нет глагола «быть», а есть глагол «возникать». У арабов вещь – это и субстанция, и действие, протекание. Протекание не имеет пространственного характера, оно не может быть проиллюстрировано. В арабской культуре в отличие от западной нет дихотомии души и тела, они всегда связаны, но связаны через Я. Это потому, что в исламской культуре иная логика: есть противопоставление, но нет дихотомизации (земного и небесного, церковного и светского). Это касается архитектуры, поэзии и многого другого. С этой точки зрения иначе, чем в западном мышлении, определяется действительность. Чем является действительность, что есть на самом деле? В действительности есть некий нерасчлененный поток, который наше сознание организует либо субстанциально, либо процессуально (Смирнов, 2005, 2015).

Таким образом, логико-смысловая картина арабо-мусульманского мира, составляющая значимую часть социальной реальности, непротиворечиво вытекает из законов логики и психологии.

2.2.2.4. «Правильное» в понимании социокультурной реальности

В социокультурной реальности понимание фактов основано не на достоверных знаниях, а на разных *мнениях* людей. Что такое мнение, которое мы высказываем, общаясь с другими людьми? Это наше убеждение, основанное на гипотезе, одном из возможных вариантов развития событий. Любое мнение становится осмысленным только тогда, когда оно сопоставляется с другими мнениями, которые дают ответы на вопросы о том, как иначе могли происходить события в конкретном фрагменте мира человека. Значимость мнения субъекта всегда определяется соотношением с мнениями его собеседников и оппонентов. В социокультурной реальности согласованные мнения групп людей представляют собой разные точки зрения, интерпретации обсуждаемых фрагментов мира, несводимые к одному единственно возможному смыслу. Соответственно главный постулат научного анализа социокультурной реальности звучит так: не может быть единственной истинной интерпретации того, что «на самом деле произошло»: всегда существует несколько альтернатив возможного развития событий.

Разнообразие мнений направлено на формирование не принципиально неодинаковых и несопоставимых друг с другом пониманий фрагмента мира, а, наоборот, на создание целостной картины, углубление понимания, общего для взаимодействующих людей. «Отсюда также следует, что если об определенном предмете имеется некоторое число различающихся между собой мнений, то данный предмет понимается глубже, чем если бы о нем имелась лишь одно мнение, однако при этом понимание интересующего нас предмета возрастает отнюдь не потому, что в каждом из мнений приводятся какие-либо факты, не упомянутые в других мнениях, а, главным образом, в силу того, что только наличие других мнений позволяет очертить контуры и осознать специфичность той или иной „точки зрения“ на предмет, которая имплицитно представлена в каждом из них. Собственно, понимание любого предмета доксоморфного дискурса достигается только тогда, когда взгляд на него, обусловленный той или иной „точкой зрения“, очерчен как можно более ясно, что достигается лишь путем выдвижения по данному предмету некоторого числа разных по содержанию мнений» (Нехаев, 2008, с. 130). Каждое индивидуальное мнение характеризуется тем, что оно не только так

или иначе описывает действительность, но и выражает личную точку зрения, угол зрения, под которым субъект рассматривает объект, понимает окружающий его мир. Неудивительно, что глубокое понимание любого фрагмента мира человека всегда предполагает его «охват» целой сетью частично совпадающих мнений.

Любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько лежащих в основе мнений возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретации – это конкретные способы понимания, чем их больше, тем выше степень полноты понимания. Сколько интерпретаций, столько вариантов понимания одного и того же. Естественно, что это относится и к множественности трактовок психологической природы самого феномена понимания. Между ними есть как противоречия, так и согласованность, сходство ключевых признаков понимания в соответствии с разными теориями. В социокультурной реальности одни и те же факты вследствие их разной интерпретации могут настолько кардинально отличаться друг от друга, что становится трудно установить общее между ними. «Современное познание принципиально интерпретативно. Для современного гуманитария понимать текст – это значит владеть комплексом рациональных процедур, позволяющих объективизировать то или иное знание, привести его к максимально достоверному виду. Поиски ведутся в самых разных направлениях, и одно из новых есть внедрение в практику образования путей герменевтических, интерпретативных подходов, связанных с пониманием» (Борзова, 2013, с. 31).

Мнение представляет собой «такой переход от возможности к действительности, где действительное есть нечто совершенно новое по отношению к возможному» (Нехаев, 2009, с. 16). Мнение нельзя связывать с понятием истинности, потому что какие-то элементы представленного в нем описания мира могут соответствовать действительности, а какие-то не могут (вследствие отсутствия традиционно понимаемого референциального измерения, необходимо для классической корреспондентной теории истины).

Мнения отражают межгрупповую согласованность суждений о правильности или неправильности дискурсивных высказываний. Мнения невозможно оценить как безусловно истинные или ложные: как определить, чьи картины прекраснее – реалистов или абстракционистов, а также какой порок отвратительнее – скупость или за-

вистливость? Мнения построены на разных системах аргументации, в них присутствуют и объективные, и субъективные компоненты. Мнения можно характеризовать только как правильные или неправильные. В основе квалификации высказывания как правильного лежит согласованное мнение людей о должном, о правилах и нормах поведения. Представления о должном, лежащие в основе признания высказываний, текстов правильными или неправильным, формируются на основе соглашений, принимаемых большими и малыми социальными группами. Мнения имеют мало общего с истиной: в соответствии с неодинаковыми ценностными представлениями люди выражают в них свое отношение к объектам познания и понимания.

Категория «правильное» имеет непосредственное отношение как к описанию социокультурной реальности, так и к ее пониманию. Применительно к социокультурным ситуациям люди склонны применять простые и ясные правила, сильно упрощающие их понимание: «Создавая картину мира, человек стремится к максимально правильному отражению реальности и одновременно к *максимальной определенности*. Парадокс заключается в том, что максимальное снятие неопределенности возможно только при отрыве от реальности, при построении замкнутых на себе умозрительных конструкций. В этом случае можно получить непротиворечивую картину мира, дающую хорошо работающее объяснение всего. Но эта абсолютно определенная картина будет не слишком адаптивной» (Улыбина, 2017, с. 100–101). Стремление к простоте проявляется и в понимании человеком физических явлений: «Природа человека такова, что он всегда стремился составить для себя простой и не обремененный излишними подробностями образ окружающего его мира» (Эйнштейн, 2021, с. 50). Эти давно известные факты послужили основанием для различения в мире человека «правильного» и «неправильного» миров (Колотаев, Улыбина, 2017).

Несмотря на лавинообразное нарастание в XXI в. публикаций о сложности и многомерности мира человека, стремление к упрощению образа окружающей действительности проявляется даже в такой интеллектуальной сфере, как наука. В психологии оно выражается в дизайне научного исследования, который В. А. Толочек называет «простой схемой». Такое исследование ограничивается констатацией отдельных различий между двумя объектами. Неудивительно, что его результатами становятся банальные суждения о том, что муж-

чины отличаются от женщин, успевающие учащиеся — от неуспевающих и т. п. «Признаем, что традиционные варианты НИР, названные нами „простыми схемами“ (предполагают использование лишь методов одного класса — обычно опросников и анкет, оперирование лишь однолинейными и плоскостными срезами эмпирических данных, полученных посредством одного типа методик при элиминации других возможных „проекции“ фрагментов социальной действительности), имеют серьезные ограничения» (Толочек, 2021, с. 77–78).

Еще в большей степени стремление к простоте, за которой скрываются имплицитные представления о правильной структуре устройства мира, присуще общественному сознанию людей, ожидающих от ученых простых и ясных объяснений происходящего вокруг: «Разумеется, у людей есть потребность в понимании происходящего вокруг них, и от ученых ждут ответов на ключевые вопросы об устройстве мироздания, но ответов простых, понятных и окончательных, не требующих чрезмерных интеллектуальных усилий. И к тому же соответствующих общественным ожиданиям. Беда в том, что мир (как выясняется именно благодаря достижениям науки) устроен гораздо сложнее, чем нам хотелось бы. Поэтому для того, чтобы современная научная картина мира проникла в массовое сознание, нужны целенаправленные усилия» (Марков, 2015, с. 10).

Концептуальное осмысление понимания субъектом того, что допустимо называть правильным, а что неправильным миром, несомненно, важно для психологии возможного. С точки зрения психологии понимания, в частности психологии возможного, необходимо осуществить анализ фреймов организации повседневного опыта субъекта, понимающего правильный мир. Затем не менее значимым шагом будет выявление фреймов понимания неправильного мира.

Сама по себе «правильность» описывается довольно легко, но при этом следует различать когнитивные и моральные стороны значения этого понятия. С когнитивной точки зрения правильными мы называем события и ситуации, которые можно понять исключительно на основании физических, правовых и моральных законов, правил. Стремление субъекта считать мир человека правильным с точки зрения психологии возможного не только допустимо, но и оправданно: жизнь в таком мире понятна, потому что предсказуема, основана на причинно-следственных связях. Нарушение

правил дорожного движения увеличивает вероятность аварий, несоблюдение предписаний врачей повышает риск возникновения болезней, неподчинение солдата офицеру влечет дисциплинарное наказание. Для того чтобы человеку адаптироваться и успешно жить в стабильном правильном мире, нужно следовать правилам и подчиняться существующим законам. Моральная точка зрения акцентирует очевидный факт, что в обществе «правильность» всегда включает нравственные компоненты, например, справедливость в отношениях между людьми. Вследствие этого правильный порядок жизни людей в обществе основан на гармоничном сочетании когнитивных и моральных аспектов этого понятия. Только когнитивный порядок «не является залогом гармонии, красоты, в конечном счете — блага. Как известно, строгий порядок существовал в концентрационных лагерях, известного рода порядок существует в организованных преступных группировках. Чтобы способствовать утверждению красоты, истины и справедливости, порядок должен быть *правильным*, связанным с правильным мышлением, правильным поведением, правильным отношением к миру, иными словами — основанным на подлинных ценностях и идеалах» (Ремезова, 2021, с. 23).

В том, что мы живем в правильном обществе, в последние два десятилетия нас активно пытается убедить руководство страны. Правильным является общество, основанное на взаимном доверии и справедливости. Оно опирается на два моральных принципа: «Первый: люди доверяют друг другу, общественным институтам и власти, а власть доверяет им. Второй: общественные отношения, особенно распределение и обмен, устроены более или менее справедливо с общей точки зрения — то есть люди в большинстве своем согласны с правилами распределения» (Липатов и др., 2015). К сожалению, психологические исследования показывают, что доверие и справедливость не являются отличительными признаками психологии граждан нашей страны (Юревич, 2019). С этой точки зрения российское общество пока трудно назвать правильным.

Тем не менее стремление людей жить в правильном мире активно поддерживается политиками, рассчитывающими посредством простых и ясных лозунгов получить поддержку избирателей. Летом 2021 г., перед выборами в Государственную Думу РФ, содержание лозунговых призывов отражало необходимость увеличения прожиточного минимума, минимального размера оплаты труда, уменьшения ин-

фляции, отмены пенсионной реформы, обеспечения жильем всех граждан страны и т. п. Сложности, нарушающие этот правильный мир, сразу же возникают при попытках дать ответы на непростые вопросы: где взять деньги на реализацию продекларированных целей? какой должна быть экономика? и т. п.

Направленность на жизнь в правильном мире проявляется в нашем государстве в поисках «духовных скреп» — единых для всех граждан страны духовных оснований, объединяющих общество современной России (это невозможно, потому что их существование противоречит принципу необходимого разнообразия культуры — см. раздел 3.5.). Проявляется такое стремление и в искусстве, причем не только российском. Многочисленные фильмы, снятые в ХХI в. и посвященные Великой Отечественной войне, развиваются по одинаковому сценарию. В них советские люди, преодолевая невероятные лишения, страдания и трудности, мужественно и изобретательно воюют с фашистами, что, в конечном счете, приводит их к победе. По аналогичной схеме созданы фильмы о высших достижениях российских спортсменов (хоккеистов, баскетболистов, фехтовальщиков и др.) на мировых аренах. То же можно сказать о детективах и боевиках, причем не только российских. Смысловое восприятие таких книг и фильмов требует от зрителя лишь извлечения из памяти фрейма понимания правильного мира, в котором затраченные усилия всегда вознаграждаются. «Правильный мир отражает описанную М. Лернером (Lerner, Miller, 1978) иллюзию веры в справедливый мир, состоящую в стремлении людей видеть мир как имеющий правила, соблюдение которых гарантирует достижение успеха и защищает от несчастий. В этом случае удача ощущается как награда за проявленную доблесть, а неудача — как результат допущенных ошибок. А значит, счастье и несчастье всегда заслуженны, а происходящее — справедливо. Нужно только понимать правила и следовать им. Правила отражают то, что на данном этапе, в данной культуре воспринимается как нуждающееся в закреплении и воспроизведении, и не нарушающий правила человек рассматривается как „хороший“, а нарушающий — как „плохой“» (Колотаев, Улыбина, 2017, с. 93).

Представления о правильности мира основаны на убеждении в причинно-следственной обусловленности мира человека и на мнении о том, что дистрибутивная (распределительная) справедливость

всегда торжествует — и в распределении наград, и в воздаянии за причинение ущерба другим людям. Иначе говоря, понимание правильного мира неразрывно связано с убеждением понимающего субъекта в его справедливом устройстве. Убеждение в правильности социального мира если не коррелирует в статистическом смысле, то содержательно корреспондирует, соответствует вере в справедливый мир (Bartholomaeus, Strelan, 2016; Stroebe et al., 2015).

Почему вера в справедливый мир играет значимую роль в познании и поведении? Потому что она служит для человека концептуальным основанием понимания мира, сохранения уверенности в предсказуемости событий и ситуаций. В конечном счете иллюзорная вера в справедливость мира облегчает субъекту формирование мнения, что он может контролировать все, что с ним происходит. Вера в справедливый мир направлена «на то, чтобы привести несогласованные элементы реальности к согласованию. Частично эта установка опирается на связь с эмпирикой, показывающей, что во многих случаях старания действительно приводят к лучшему результату, чем отсутствие стараний, время, затраченное на учебу, — к лучшим знаниям, хорошее отношение к людям вызывает ответное дружелюбие, а соблюдение правил дорожного движения уменьшает шанс попасть в аварию» (Улыбина, 2017, с. 101).

Люди различают справедливость для себя и для других. Когда они считают, что другие заслужили то, что с ними произошло, это укрепляет их точку зрения, согласно которой мир обращается с ними справедливо. Поскольку люди соблюдают личный договор с миром, они ожидают, что другие поступают так же. Когда договор нарушается, наблюдатели, особенно жертвы, воспринимают нарушителей как не соблюдающих договор. Соответственно, нарушители должны быть наказаны. Такая негативная реакция помогает восстановить справедливый мир для других, поскольку теперь существует соответствие между действием и его результатом. И наоборот, когда люди сами становятся жертвами, возникают совершенно иные реакции: вместо выражения жестких социальных установок вера в справедливый мир для себя предполагает ориентацию на свои психологические особенности, в первую очередь на мысли о прощении (Strelan, Sutton, 2011).

Прощение в психологии изучается как многомерный конструкт. Он относится к процессу, с помощью которого жертвы переходят

от отрицательного к положительному настрою по отношению к нарушителю социальных или моральных норм. Существует три основные причины, по которым в концепции веры в справедливый мир для себя поощряется прощение.

Во-первых, такая вера адаптивна, потому что дает людям чувство контроля. Нарушения угрожают личному контролю, а прощение помогает жертвам регулировать свои аффективные и когнитивные реакции, чтобы они больше не несли бремя, возложенное на них преступлением. Таким образом, прощение как внутриличностное явление служит адаптивной функции.

Во-вторых, для людей с высокими показателями справедливости мира по отношению к себе существует моральный долг действовать в соответствии со своим личным контрактом с миром. Поскольку общество ценит и вознаграждает затраченное время и упорный труд, мы получаем то, что заслуживаем, и мы заслуживаем то, что получаем. Неудивительно, что хорошее случается с хорошими людьми, а плохое — с плохими.

В-третьих, люди, которые считают, что мир относится к ним справедливо, в целом положительно относятся к человечеству. Такая позитивная ориентация на других позволяет жертвам отказываться от краткосрочных целей (таких, как ответные меры) и вместо этого уверенно инвестировать в будущее, ожидая, что они будут надлежащим образом вознаграждены за свои действия. Прощение — это ответ, ориентированный на подход, который служит для поддержания ценных отношений. Прощение как межличностный феномен представляет собой полезную, ориентированную на будущее просоциальную стратегию, помогающую жертвам защититься от угроз их самости (Bartholomaeus, Strelan, 2016).

Личный контракт человека с миром расширяет возможности для инвестиций и приверженности долгосрочным просоциальным целям, потому что «люди, которые верят, что мир предназначен только для себя, также склонны быть теоретиками роста. Они рассматривают проступки не как препятствия, а как возможности для роста в отношениях. Таким образом, они ориентированы на будущее, как того требует вера в справедливый мир для себя. Поэтому они принимают соразмерное дальновидное поведение — например, прощение — для защиты от мировой угрозы справедливости» (там же, р. 110).

2.2.3. Экзистенциальная реальность

Экзистенциальная реальность в отличие от эмпирической не объективируема, она не имеет явных референтов в предметном мире (например, какие объекты обозначают слова «содружество» или «участие»?). Ключевыми психологическими феноменами экзистенциальной реальности являются опыт, переживание, бессознательное, постижение, не имеющие объектных референтов. Для экзистенциальной реальности повторяемость не важна, потому что она состоит из индивидуально неповторимых феноменов. В этой плоскости научного исследования психолог имеет дело с частным и уникальным. Эта реальность человеческого бытия основана на таком единстве познания и переживания, в результате которого порождается опыт, имеющий смысл для субъекта. В опыте и через опыт человек понимает всё, что связывает его с людьми и событиями. На экзистенциальном уровне понимание оказывается не столько одной из познавательных процедур (наряду с объяснением, предсказанием и др.), сколько способом бытия человека в мире, дающим ему возможность связывать различные типы знания через неявное знание. Экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни.

Основаниями понимания событий и ситуаций в экзистенциальной реальности являются переживание и опыт. Анализируя экзистенциальную реальность мира человека, исследователи очень часто сталкиваются с невозможностью понимания психологических проблем основанного только на познавательном знании. Например, травматический опыт нельзя понять на основе познавательного знания, его можно только пережить и преодолеть. Подобные проблемы возникают в исследованиях когнитивного и аффективного бессознательного при понимании чужого человека как врага, при анализе принятия или отвержения моральной допустимости абортов, эвтаназии, осознания и переживания терактов и т. п.

События и ситуации экзистенциальной реальности невозможно описать с помощью логически непротиворечивого и вербально выражаемого знания. Поступок или происшествие становятся для человека субъективно значимым событием только в результате

осмысления, освоения его на основе экзистенциального опыта. Естественно, что психологически событие формируется где-то на границе достоверного осознаваемого вербализованного знания и экзистенциального опыта субъекта. Ситуация приобретает событийное значение, если она воспринимается как значимая и эмоционально переживаемая человеком. Событийность следует понимать как одну из важнейших характеристик совместной жизни людей в обществе, их со-бытия. Событийность характеризуется насыщенностью эмоционально окрашенными переживаниями и открытиями, значимыми для конкретной личности. Основная характеристика событий и ситуаций в экзистенциальной реальности – их непредсказуемость, внезапность.

2.2.3.1. Неожиданность и невероятность экзистенциальных событий

Мы живем в таком мире, в котором психологические исследования критических изменяющих жизнь событий приобретают большое не только научное, но и практическое значение. Трудность и неоднозначность понимания людьми критических событий проявляется во многих сферах человеческого бытия, в которых присутствует конфликт фактов и оценочных суждений. Главная проблема состоит в том, что очень часто факты и мнения невозможно четко дифференцировать, точно определить то и другое. Примерами критических событий изобилует медицинская этика: пересадка органов, реанимация пациентов, умирающих от старческого слабоумия, и т. п. Особое и, пожалуй, центральное место в психологии человеческого бытия имеют события, возникающие в критические периоды жизни субъекта, т. е. тогда, когда происходит разрыв привычного существования. Это бывает при опасной болезни, утрате близких, страхе смерти у летчиков-испытателей или обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы. Научно значимыми в этом контексте являются исследования понимания разными категориями людей моральной допустимости эвтаназии, рациональных и эмоциональных оснований выбора у женщин, принимающих экзистенциально-трудное решение об искусственном прерывании беременности, самопонимания хирургов, выполнивших неудачную операцию, и т. п. Критические события в жизни каждого из нас (тяжелое заболевание, неожиданная смерть близкого человека и т. п.)

имеют очень значимый субъективный смысл. Критическими, нарушающими экологию внутренней среды являются также экстремальные природные факторы (стихийные бедствия и катастрофы), в том числе события, порожденные деятельностью человека, например, неосторожное обращение с огнем (Харламенкова, Никитина, 2020). Событие оказывается для субъекта критическим, если оно внезапно и коренным образом изменяет привычное течение жизни и потому требует от человека принятия решений о качественной реорганизации его бытия, а произошедшие изменения сопровождаются не кратковременными эмоциями, а стойкими аффективными реакциями.

А. О. Прохоров называет такие ситуации необратимыми. Он изучил характерные признаки психических процессов, возникающих у людей, попадающих в такие ситуации: «Так, неравновесное состояние, вызванное необратимой утратой, начинается остро и мощно. Многие описывают начальную стадию как ощущение шока, удара или притупления ощущений („пустота, все кончено, тяжело, пусто“). В обратимой ситуации ощущения носили менее интенсивный характер: угнетенность, досада, болевые ощущения. В необратимой ситуации субъекты отмечали, что „жизнь как будто разделилась на до и после этого события“, „всё воспринималось как кошмарный сон“, „всё в тумане“, „всё это происходит не со мной“» (Прохоров, 1998, с. 30). Наблюдаются изменения в психических процессах. Для *памяти* в необратимой ситуации характерна амнезия («ничего не помню», «память отключена») или концентрация воспоминаний на объекте утраты («вспоминала все, что связано с моим братом», «всё, что связано с дочкой, ее игрушки, где играла, что носила», «вспоминала глаза, которые хотели жить»). «При необратимых ситуациях (в острый период) опрашиваемые отмечали резкое ухудшение *мышления*: „мысли путались, ни на чем не могла сосредоточиться“, „ничего не соображала“, „черные мысли о целесообразности существования“» (там же, с. 30). В необратимых ситуациях у людей возникает сумбурность *речи*, трудность в подборе слов, причитания, иногда заикание или невозможность говорить. *Внимание* характеризуется высокой концентрацией на объекте или ключевых элементах ситуации: для необратимых ситуаций характерна погруженность в боль, утрату, горе. «Интересны различия в динамике психических процессов у *мужчин* и *женщин*. В отличие от женщин течение психических процессов у мужчин было менее эмоционально окрашено. При этом опи-

сания мужчин были более логичны, рациональны. Однако для них были характерны более крайние мысли – о самоубийстве и нежелании жить» (там же, с. 32).

В человеческом бытии наиболее распространенные критические события связаны со здоровьем. Например, «онкологическое заболевание несет в себе витальную угрозу. Как показывает опыт общения с онкологическими больными, неожиданность и непонятность возникновения и течения болезни способствуют восприятию ее больным как фатальное событие его жизни, его существования. Вследствие этого у людей, как здоровых, так и больных, представление о раке сопровождается такими предрассудками и мифами, которые усугубляют драматизм ситуации болезни (Чулкова, Моисеенко, 2009, с. 151).

Внезапное осознание смертельного заболевания обычно вызывает у человека шок, а невозможность выхода из критической экзистенциальной ситуации часто приводит к различным формам психической дезадаптации. «После шока, вызванного сообщением о диагнозе, больному, чтобы существовать в изменившемся для него мире и принять болезнь, необходимо пройти несколько стадий: отрицание, агрессию, депрессию, попытку „сговора“ с судьбой, принятие» (там же, с. 154). В таких случаях характер угрозы является внезапным, неизбежным и неотделимым от экзистенциальной ситуации человека.

Наиболее часто угроза осознается на стадии постановки диагноза опасного для жизни заболевания: «Ситуация постановки диагноза „онкология“, воспринимающегося обществом смертельно опасным, является психотравмирующим событием. Травмирующее воздействие такой ситуации, как и любого психотравмирующего события, сопряженного с угрозой жизни обладает рядом характеристик:

- нарушает базовую потребность в безопасности, вплоть до угрозы жизни;
- не поддается контролю;
- имеет непредсказуемый результат;
- превосходит возможности человека, самостоятельно прекратить это воздействие.

Подобное событие является колоссальной нагрузкой для психики человека из-за чрезмерно переживаемых чувств беспомощности и собственного бессилия» (Голубев, Голубева, 2018, с. 33).

Внезапность, неожиданность диагноза может вызвать у больного страх, возникновение тревоги и отчаяния (Иосифян, Арина, Николаева, 2019). В современной медицине ситуация онкологического заболевания никогда не является до конца ясной для врачей, в ней возможны самые разные варианты течения болезни: «Характер угрозы является неизбежным, неотделимым от человека, внезапным» (Никитина, 2021, с. 110). Неудивительно, что для этой экзистенциальной ситуации типична неопределенность прогнозов на будущее, боязнь скорого смертельного исхода, а также страданий и рецидива. Ситуация тяжелой болезни актуализует в сознании пациента иррациональные формы мышления, потому что она связана с опасностью для жизни, неопределенностью, непредсказуемостью.

Неверно было бы считать, что непредсказуемое неожиданное происходит только в медицине, такие ситуации характерны и для других областей человеческой жизни, в частности для бизнеса. Очень показательным в этом отношении является название книги У. Бернстайна «Манифест инвестора: Готовимся к потрясениям, процветанию и всему остальному». Лейтмотивом книги является идея, что жизнь успешного бизнесмена должна проходить в состоянии «опережения непредсказуемых изменений» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018) – как реакции на возможное внезапное снижение курса валют, обвал фондового рынка, разорение компании и т. п. Бизнесмен просто обязан ожидать таких изменений: «К примеру, для тех, кто знаком с крахом Long-Term Capital Management, недавний обвал рынка не был неожиданностью. Предсказать подобные злключения попросту невозможно, однако важно понимать, что время от времени они случаются, и учитывать это, выстраивая свою долгосрочную инвестиционную стратегию» (Бернстайн, 2010, с. 14).

Готовность к восприятию неожиданных возможностей очень важна в творчестве, рассматриваемом под углом зрения преодоления хаоса как такого преобразования незавершенности мира, которое способствует творческому совершенствованию субъекта: «Хаос в окружающем мире и во внутреннем мире человека – явление амбивалентное. Он может быть результатом распада тех или иных форм жизни и культуры, но он же несет в себе и предвосхищение будущего, неисчерпаемые возможности изменений, обновления, создания еще не бывшего» (Мелик-Пашаев, 2020, с. 25).

Обобщая, можно утверждать, что «человек должен быть готов к восприятию неожиданных возможностей. Большинство людей придерживается жестких стереотипов, заданных генетическими программами и социальной средой, и потому не замечает возможности выбрать другой курс. Жить, руководствуясь исключительно генетическими и социальными инструкциями, можно до тех пор, пока все идет хорошо. Но неизбежно настает момент, когда биологические или социальные потребности индивида оказываются фрустрированы и ему нужно формулировать новые цели, создавать новые возможности для переживания состояния потока, иначе его энергию поглотит внутренний хаос» (Чиксентмихайи, 2011, с. 311–312).

И наоборот, если у человека нет установки на восприятие и понимание неожиданного, то многие социальные ситуации могут вызвать у него не только стресс, но и психические отклонения. Неспособность прогнозировать возможное, может приводить к неврозогенезу. На этом положении построена антиципационная концепция неврозогенеза В. Д. Менделевича. В ней ведущим понятием является антиципационная несостоятельность, играющая значимую роль в патогенезе невротических расстройств. «Антиципационная состоятельность (прогностическая компетентность) — это способность личности с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственные реакции на них, действовать с временно-пространственным упреждением. В свою очередь антиципационная несостоятельность характеризует низкий уровень способностей личности к предвидению развития ситуаций и собственные поступки, в том числе при фрустрации» (Граница, 2018, с. 31). Неожиданность сообщений или неожиданный поворот событий нередко становится поводом для возникновения психической травматизации. В. Д. Менделевич выделяет неспособность прогнозирования событий в угрожающих ситуациях в качестве ведущего механизма неврозогенеза. В рамках этой концепции осуществляется психологический анализ антиципационной несостоятельности у здоровых и больных, мужчин и женщин, людей с выраженной и невыраженной способностью к интуиции и т. п.

Таким образом, неожиданность, невероятность и непредсказуемость являются неизбежными, неустранимыми характеристиками критических экзистенциальных ситуаций.

*2.2.3.2. Неправильный мир – значимая часть
экзистенциальной реальности*

Мир человека многомерен и сложен, и потому в каждой из образующих его реальностей можно найти не только «правильное», но и «неправильное». Человек не является простой системой, функционирующей только в правильном мире. Многомерность мира способствует тому, что субъект иногда вынужден действовать в ситуациях с отношениями противоположностей. Противоречивость ситуаций человеческого бытия нередко проявляется в конфликтах интересов взаимодействующих людей. Особенно часто конфликт интересов возникает из-за разного понимания социальных и моральных норм. Во многих ситуациях договоренности, правила и нормы не соблюдаются, в результате чего невинные люди становятся жертвами произвола, а нарушители чувствуют себя безнаказанными. Так, в 2021 г. у автоблужера Э. Давидыча было 674 штрафа за нарушение правил дорожного движения, у Э. Била – 566, у Н. Ивлеевой – 440 нарушений. При этом значительная часть штрафов (в основном, не заплаченных) связана с превышением скорости. Естественно, что нарушители правил так или иначе ущемляют права других водителей и пешеходов, а также порождают у них чувство возмущения безнаказанностью.

Любям трудно понимать, а тем более принимать ситуации не-правильного мира (потерю ребенка, спортивную травму, внезапную опасную перестройку водителя в другой ряд движения) из-за их непредсказуемости, неожиданности, маловероятности. В неправильном мире нарушаются законы причинно-следственной связи, вследствие чего искажается стабильная картина представлений о действительности, затрудняется планирование результатов на основе известных правил – ничего не предрешиено и ничего невозможно предсказать. «За счет этого в этой области не существует связи между моралью и успехом и, соответственно, невозможно проследить причинно-следственные связи и понять правила. В нем можно достичь успеха, но остаться плохим и нелюбимым и можно быть слабым и ничемным, но хорошим и получать любовь. Неправильный мир – это место, в котором невозможно жить, невозможно строить планы и надеяться на лучшее. За счет этого он может включать в себя неоднозначные образы, содержащие в себе возможность изменения себя и реальности» (Колотаев, Улыбина, 2017, с. 96).

В экзистенциальной реальности неправильность проявляется, в частности, в понимании человеком того, что такое справедливость по отношению к другим и самому себе. Первым шагом на пути разрушения веры человека в правильность и справедливость мира может стать внезапное осознание серьезного заболевания: «У больных разрушается иллюзия справедливого устройства мира, возникают вопросы: „Почему я заболел?“, „За что?“, „За какие грехи?“. Эти вопросы очень важны для человека, так как в дальнейшем они могут трансформироваться в поиски ответа на вопрос „Каков смысл моей болезни?“» (Чулкова, Пестерева, 2010, с. 91).

Мнение о несправедливости мира порождает убеждение в его неправильности. Неудивительно, что для психологов наряду с верой в справедливый мир социально значимым предметом исследования стала и вера в несправедливый мир. Первая отражает веру некоторых категорий людей в упорядоченность мира, тогда как вторая – в его произвольность. Например, заключенные больше верят в несправедливый мир, чем тюремные охранники. Вера в несправедливый мир может облегчить совершение преступления или уменьшить чувство вины после него. Такая вера играет защитную роль: при получении негативного опыта людям может угрожать чувство, что они не могут достичь положительных результатов. Из-за этого люди рационализируют, объясняя себе и другим, что негативные события в несправедливом мире неизбежны, следовательно, они случаются не по их вине. Убеждение в несправедливости мира основано на мнении, что награды и наказания не распределяются правильным, должным образом. Люди, убежденные в несправедливости мира, менее оптимистичны, они полагают, что в их жизни негативные события более вероятны, чем положительные. Кроме того, у них более выражены тревожность, депрессия, невротизм (Lench, Chang, 2007).

Люди, часто воспринимающие события как негативные, скорее всего,отреагируют на них, укрепив свою веру в несправедливый мир. Такая реакция способствует появлению гнева, раздражительности и неадекватному поведению. Например, субъекты, считающие мир несправедливым, с меньшей вероятностью будут соблюдать режим лечения, успешно справляться с утратой или травмой (Dalbert et al., 2001). Вера в справедливый мир обусловлена мотивацией защиты себя, она более стабильна и устойчива к изменениям.

Вера в несправедливость мира, напротив, зависит от ситуативного опыта и с большой вероятностью должна измениться с появлением новой информации. В соответствии с психологическими исследованиями с использованием методики «Шкала веры в несправедливый мир» вера в справедливость мира и вера в его несправедливость являются ортогональными и слабо связанными между собой факторами. Людям трудно одновременно поддерживать веру в справедливый мир и веру в несправедливый мир (Lench, Chang, 2007).

В прошлом веке в исследованиях, анализирующих веру в справедливый мир, источники справедливости (что или кто порождает это чувство) не указывались, а скорее отражались в общем понятии «мир». Только недавно в психологической литературе появились публикации, направленные на изучение источников, на основании которых у человека происходит формирование представлений о справедливости, а также действий в ответ на несправедливость. К. Строби с соавт. выделила пять источников справедливости (природа, Бог, другие люди, Я, случайность), которые отображаются в относительно независимых измерениях. Авторы полагают, что способность людей справляться с важными жизненными событиями и их эмоциональное благополучие определяются источниками, которые они считают ответственными за справедливость. По их мнению, определенные источники (Бог, природа, другие люди) должны с большой вероятностью вызывать ориентированные на действие реакции. Хотя обычно предполагается, что люди реагируют на угрозы своей вере в справедливый мир осознанием необходимости восстановить справедливость, восстановление происходит не очень «проактивно»: люди часто обвиняют жертв несправедливости в их судьбе, а не принимают меры по устранению ее последствий. Методика веры в несправедливый мир лучше способна предсказывать социальные действия, когда существует соответствие между доступным типом поведения и предполагаемым источником справедливости. Будут ли люди выступать против несправедливости, зависит от того, кто или что, по их мнению, обеспечивает справедливость мира. Те, кто твердо убежден в том, что Бог определяет мир как справедливый, вероятно, будут участвовать в различных индивидуальных или коллективных акциях в ответ на несправедливые жизненные события, включая непосредственную помощь жертвам несправедливости. Напротив, измерения «Я» и «Случайность» связаны с без-

действием. Следовательно, для ответа на вопрос М. Лернера о том, как люди справляются с несправедливостью в своей жизни, необходимо учитывать не абстрактное всеобъемлющее чувство справедливости, а индивидуальные системы убеждений, относящиеся к тому, кто или что распределяет награды и наказания. Индивидуальные системы убеждений по-разному связаны с компонентами шкалы веры в справедливый и несправедливый мир, а также с восприятием и реакцией на негативные жизненные события (Stroebe et al., 2015).

Итак, зачем психологам говорить о многомерности мира человека? Одна причина заключается в том, что психологический анализ проблем многообразия реальностей и суждений о них способствует переходу от методологического анализа к более конкретному психологическому изучению человека. Другая кроется в содержании самой психологической науки, в которой множественность описаний обнаруживается в самых различных исследовательских областях. Психологи говорят о множестве возможностей презентации Я в опосредствованном компьютером общении, множественной личностной и этнической идентичности, множественном характере онтологии человеческой жизни и т. д. Следовательно, многомерность мира это не только онтологическая данность, но и гносеологическое условие изучения психики.

2.3. Три традиции психологических исследований – три типа понимания

2.3.1. Исследования типов понимания в когнитивной, герменевтической и экзистенциальной традициях

Существующие объективные различия в содержании реальностей неизбежно должны были сказаться на формировании неодинаковых традиций их психологического исследования. Они определяются тем, какие рассуждения психолог считает рациональными и, следовательно, научными. В основе разных традиций проведения психологических исследований лежат неодинаковые рациональные рассуждения. Представления о рациональности (Гусельцева, 2020)

отличаются друг от друга целями исследования, связанными с интересующими представлениями психологов о том, какое познание следует признавать научным.

Когнитивные психологи обычно ссылаются на положение дел в объективном мире и претендуют на истинность получаемого в эксперименте знания. Анализ знаний, необходимых для понимания, — это распространенный методический прием в когнитивных науках. Выявляются знания о закономерных, повторяющихся событиях и явлениях. Закономерности в когнитивной психологии нередко отражаются в моделях. При этом считается, что понимать факт, событие или явление — значит иметь его рабочую модель. В частности, так считает П. Н. Джонсон-Лэйрд (Johnson-Laird, 1983). Еще раньше подобную точку зрения высказывал А. А. Брудный (1975). Когнитивные исследования этого феномена наиболее полно представлены в моделях понимания текста. Например, при понимании научного текста метакатегорией, отражающей целостное понимание, является когерентность (связность). За этим понятием скрывается представление о том, что для понимания субъекту необходимо согласовать между собой его предварительные знания и навыки понимания текста (Best et al., 2005). В модели конструкции–интеграции У. Кинча показано, как знание влияет на формирование понимания. В процессе понимания субъект получает новые знания, способные повлиять на последующее понимание. Эффективный «познавательльно–понимательный» цикл заключается в том, что предварительные сведения всегда необходимы для возникновения понимания, которое, в свою очередь, порождает знание. У. Кинч полагает, что при чтении мы опираемся на свои знания о мире и представления о том, о чем, по нашему мнению, идет речь в тексте. Конечная цель интеграции знаний, представлений и мнений — построить целостную ментальную репрезентацию описываемой ситуации (Kintsch, 2004).

Ключевая роль при построении моделей отводится конструкту «ментальная репрезентация». Ментальная репрезентация читателя состоит из сведений, представленных в тексте, знаний, прошлого опыта, а также порожденных в процессе взаимодействия с текстом выводов. Обычно анализируются два типа выводов: соединительные (bridging inferences) и ассоциативные (knowledge-based inferences). В ситуациях, требующих от субъекта умения структурировать части в целое, узнавание и прогнозы (гипотезы) служат средством, спосо-

бом объединения анализируемых разрозненных элементов решаемой задачи в единую структуру. Другим основанием построения целостной модели содержания понимаемого являются предварительные знания понимающего субъекта о том, что нужно понять. В такие типичные ситуации человек попадает, в частности, тогда, когда нужно понять принципы работы бытового прибора (тостера, электрического звонка, стиральной машины) или причину неисправности какого-нибудь механизма (дверного замка, автомобильного тормоза). В психологических экспериментах испытуемые, хорошо знающие технику и достигающие понимания-объединения, задают вопросы, необходимые для построения целостного сценария работы прибора или механизма. Ответы на них нужны для заполнения пробелов, отсутствующих знаний во внутреннем представлении, фрейме понимающего субъекта. Люди, глубоко понимающие технические устройства, генерируют качественные вопросы тогда, когда они не могут объяснить причины поломки и сталкиваются с необходимостью составления целостного и непротиворечивого сценария. В экспериментах выявлены связи между количеством и качеством вопросов и индивидуальными различиями, имеющими отношение к осмыслению устройства: техническими знаниями и навыками, умением использовать макростратегии понимания, наличием метакогнитивных способностей (Graesser, Olde, 2003). Из исследований понимания текста и построения моделей, безусловно, можно сделать продуктивные выводы о фоновых знаниях, необходимых для понимания, а также о его целевом условии: разных углах зрения, обуславливающих неодинаковость понимания разными людьми одних и тех же событий и ситуаций.

Помимо общепсихологических закономерностей понимания, необходимо учитывать его динамику, обусловленную развитием современных технологий. Как известно, повседневная коммуникация в значительной степени переместилась в Интернет. В этих условиях у значительной части молодых людей наблюдается дефицит понятийного мышления. Он проявляется в трудностях при работе со сложными ситуациями и многозначными текстами. Например, респонденты считают анекдоты неоправданно длинными текстами и предпочитают им ситуативно-контекстные шутки и мемы. Введение в контекст описываемой в анекдоте ситуации, построение реального содержания и противопоставляемого ему ментального пространства в смыс-

ле анекдота, умение дожидаться отсроченного вознаграждения в виде развязки длинного анекдота — необходимые условия понимания. Выполнение таких умственных действий, связанных со способностью длительное время удерживать внимание на понимаемой ситуации, сопряжено с высокой когнитивной нагрузкой, иногда оказывающейся для молодых людей непомерной. По мнению О. В. Щербаковой, такие действия возможны только при наличии сформированного понятийного мышления. Из экспериментальных фактов следует обобщенный вывод: «Мы склонны интерпретировать это как показатель системных изменений в когнитивном поведении носителей русской речевой культуры, связанных с появлением новых языковых и коммуникативных практик» (Щербакова, 2019, с. 165).

Обстоятельный обзор когнитивных исследований понимания представлен в работе А. Р. Хауга и К. А. Глюка, которые проанализировали публикации по философии, психологии, педагогике, нейробиологии, информатике и выделили из них восемь общих признаков этого феномена (Hough, Gluck, 2019).

По их мнению, философы подчеркивают роль схем и языка в понимании мира, отношения и контекст они считают более важными, чем знание. В философии отмечается, что понимание требует правильных умозаключений, соответствующих результатов и достоверных или проверенных знаний.

Психологи подчеркивают, что понимание происходит постепенно: процесс начинается на поверхностном уровне и движется к более глубоким, значимым концепциям и отношениям. И в этом процессе важны рассуждения по аналогии. Понимание требует знания предметной области и когнитивных навыков высшего порядка, которые позволяют осуществлять активную организацию, реорганизацию понимаемого материала, гибкое использование знаний и способность генерировать, конструировать концепции или процедуры. Для того чтобы понять, нужно приобрести базу знаний организованной информации с богатыми наборами отношений, которые можно обобщать для новых ситуаций. Оценка уровня понимания и знаний с помощью метакогнитивного мониторинга важна для выявления ошибочных знаний или запуска поиска дополнительной информации.

Ученые-педагоги подчеркивают взаимодействие когнитивных навыков и знаний высшего порядка. Эти навыки важны для органи-

зации или структурирования входящей информации, определения проблем, выявления пробелов в понимании и использования контекста для уменьшения двусмысленности. Считается, что обучение с учетом множества точек зрения и отношений более эффективно, чем одномерные методы, потому что позволяет более гибко использовать знания, такие, как способность адаптироваться к новым математическим задачам.

Когнитивные нейробиологи предоставляют доказательства того, что понимание представляет собой сложный распределенный процесс и подчеркивают взаимодействие между областями мозга.

Компьютерные ученые сравнивают обработку, связанную с пониманием, у людей и компьютеров. Они отмечают, что понимание включает в себя производительность, пошаговую последовательность, эффективный поиск и использование проиндексированной информации, сети отношений и способность действовать в новых ситуациях, информацию об окружающей среде.

Что касается указанных восьми общих черт понимания, возникающих из этих разных точек зрения, то они, по мнению авторов, следующие. Понимание включает в себя 1) степень понимания, 2) надлежащее использование знаний, 3) организованные структуры знаний, 4) обобщение и передачу знаний, 5) богатые сети отношений, 6) использование контекста или фреймов, 7) торможение конкурирующих отношений или представлений и 8) метапознание или обратная связь.

Обобщая, Хауг и Глюк предлагают определение динамического процесса и результата понимания: «Приобретение, организация и надлежащее использование знаний для получения ответа, направленного на достижение той или иной цели, когда это действие осуществляется с осознанием ее предполагаемой цели» (Hough, Gluck, 2019, p. 23). Надо заметить, что, во-первых, в определении отсутствует главное с точки зрения психологии понимания — какое-либо упоминание о смысле, а понимание это всегда порождение и выявление смысла. Для российской психологии понимания внутренняя связь этого психологического феномена со смыслом сегодня уже является аксиомой, не требующей доказательства (см., например: Борзова, Мосунова, 2020). Во-вторых, как это часто бывает в когнитивных науках, из этого определения нельзя сделать вывод о специфике процесса и результата понимания, его отличиях от мышления и ре-

шения задач. Сами авторы только подчеркивают, что понимание подразумевает метакогнитивное осознание цели и направлено на достижение целей, которые могут различаться по ясности и степени их удовлетворения. Кроме того, они рассматривают понимание как участие в выборе стратегии или подхода к решению проблемы: оно может информировать о решении проблем, но не является синонимом их решения. Вывод: такое определение скорее указывает на психологическую сущность мышления или интеллекта, чем понимания.

Для представителей *герменевтического* подхода, ориентирующихся, прежде всего, на ценности и нормы, разделяемые различными социальными группами, научными являются правильные (с точки зрения входящих в эти группы людей) суждения. В рамках герменевтического подхода к проблеме понимания ключевая роль психологами отводится анализу интерпретаций, приводящих к множественности пониманий одного и того же материала. В контексте ключевой тематики этой книги важно отметить, что «герменевтический опыт имеет своей целью не истолкование данного конкретного предмета, но скорее истолкование возможностей понимания вообще, раскрытие самых общих характеристик, изначально присущих человеческому пониманию» (Бабушкин, 1985).

В книге «The Social Understanding On Hermeneutics, Geometrical Models and Artificial Intelligence» Юрген и Кристина Клювер наметили интересные перспективы возможности анализа классических герменевтических проблем математическими методами (Klüver, Klüver, 2010). С позиций психологии понимания в герменевтической традиции, во-первых, понимание взаимно дополнительно по отношению к объяснению, во-вторых, герменевтика дает психологам ключ к разрешению проблемы сочетания количественных методов исследований с качественными (объективности анализа данных и субъективности их интерпретации). Сегодня в психологии существует разрыв между аналитическим и холистическим способами рассуждений. При использовании количественных методов исследований психологи обычно сосредотачиваются на объяснении частей изучаемого, тогда как при качественных подходах ученые сфокусированы на понимании целого.

Для герменевтической традиции центральным является герменевтический круг, описывающий взаимообусловленность объяс-

нения и интерпретации, с одной стороны, и понимания – с другой. Двусторонняя направленность герменевтического круга (отдельное может быть понято только из целого, но и для понимания целого необходимо понять его части) вполне может способствовать преодолению дизъюнктивности аналитического и холистического стилей мышления ученых, т. е. понимающих мир субъектов (Domenici, 2008; Sandage et al., 2008).

Экзистенциальная традиция психологических исследований характеризуется ориентацией не столько на достоверные знания, сколько на субъективные убеждения и плохо осознаваемые ощущения и чувства, например, уверенность в своей правоте. В этом случае исследования направлены на выявление правдивых суждений субъекта о себе и окружающих людях. В экзистенциальной традиции проводятся исследования, направленные на понимание-постижение мира человека. В частности, интересными являются научный анализ непостижимой эффективности математики в естественных науках (Вигнер, 1971; Хайтун, 2016), а также интеграции рационального и интуитивного опыта как средства понимания математики (Брейтигам, 2013). Очень важен проделанный Н.Л. Мухелишвили и Ю.А. Шрейдером анализ понимания как абсурда (Мухелишвили, Шрейдер, 1998). Точнее говоря, парадигматического понимания ситуаций на основании выявления причинно-следственных связей (например, воздание каждому по его заслугам) и ценностного постижения таких ситуаций человеческого бытия, которые в принципе нельзя непротиворечиво описать средствами логического мышления. Их осмысленность, преодоление кажущейся абсурдности достигается соотношением не с познанием, а с аксиологическими структурами, ценностями.

Наиболее полно обсуждаемая традиция проявляется в исследованиях понимания текста как потенциальных возможностей экзистенции, человеческого бытия понимающего мир субъекта: «Таким образом, для того, чтобы понять текст, необходимо понять, какие возможности человеческой экзистенции открываются этим текстом. Например, библейский текст предлагает определенное миропонимание, определенный взгляд на мир, Бога и самого себя. Целью понимания не является просто знание того, что говорит библейский текст, и предположение, что это действительно так, но понимание возможностей человеческой жизни, которые вытекают из этого зна-

ния, и либо принятие этого понимания человеческого существования и жизнь в соответствии с ним, либо его отвержение» (Ворохов, 2020, с. 104).

Итак, когнитивные исследования завершаются пониманием-знанием психологом результатов исследования, герменевтическим соответствует понимание-интерпретация, а экзистенциальные заканчиваются пониманием-постижением того, что было предметом анализа.

Разные традиции психологических исследований и анализа соответствующих им типов понимания основаны на научном представлении о трех модусах мира: «Как мы уже говорили, экзистенциальные аналитики определяют три модуса мира, то есть три одновременно существующих аспекта мира, которые характеризуют бытие в мире каждого из нас. Первый модус – Umwelt, его буквальное значение „мир вокруг“ – это биологический мир, который в наше время обычно называют окружающей средой. Второй модус – Mitwelt, буквально „с миром“ – это мир существ одного вида, мир близких нам людей. Третий модус – Eigenwelt, „свой мир“ – это мир самости» (Мэй, 2004, с. 145). Модус Umwelt включает адаптацию и приспособление, но в нем отсутствует влияние (на погоду, высоту потолка в помещении и др.). В модусе Mitwelt наиболее значимой категорией является слово «взаимоотношения». В межсубъектных взаимодействиях взаимоотношения всегда основаны на изменениях и развитии людей. Мир человека включает в себя смыслы и значения, которые разрабатываются посредством взаимоотношений, взаимодействия субъектов. Eigenwelt, или собственный мир, – модус, который предполагает осознание человеком себя. Это не просто субъективные внутренние переживания, а та основа, призма, сквозь которую мы рассматриваем мир. Eigenwelt выражает мое понимание того, что значит для меня что-то в этом мире – море, компьютер или другой человек. «Должно быть понятно, что эти три модуса мира всегда взаимосвязаны между собой и всегда обуславливают друг друга. Так, например, в каждый момент я существую в Umwelt, биологическом мире. Но то, как я отношусь к своей потребности во сне, к своему пребыванию на свежем воздухе или к любым другим инстинктам, какое значение я придаю всему этому является существенным и обуславливает мое восприятие и сознавание того или иного аспекта Umwelt. Люди живут одновременно как в Mitwelt, так и в Eigenwelt. Это от-

нюдь не три разных мира, а три синхронно существующих модуса мира» (Мэй, 2004, с. 148–149).

Когда психологи говорят о понимании человеком мира в целом и отдельных его ситуаций, событий и т. п., то они имеют в виду все три модуса – Umwelt, Mitwelt, Eigenwelt. Понимание субъектом мира неоднородно: в разных реальностях оно строится на неодинаковых психологических основаниях. В эмпирической реальности такими основаниями являются знание и значение, в социокультурной – мнение и смысл, в экзистенциальной – переживание и опыт. Каждой реальности человеческого бытия соответствует свой тип обсуждаемого феномена: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение (Знаков, 2016). Психологические знания, становящиеся психологическим фундаментом типов понимания также различны. Основой понимания-знания оказывается познавательное знание (Фуко, 2007), понимания-интерпретации – конвенциональное (Lagattuta et al., 2010; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006), понимания-постижения – духовно-практическое (Адо, 2005). В этих случаях внутренними условиями понимания являются знаки, когнитивные символы и экзистенциальные символы.

Названные выше типы понимания не являются чем-то уникальным, проявляющимся только в психологических исследованиях. Очень сходные по содержанию типы понимания можно обнаружить в разных науках. Например, А. П. Огурцов анализируя общие для социогуманитарных наук традиции и способы понимания мира, выделяет формы и этапы интерпретации понимания в философии. Он отмечает, что в различных философских дискурсах понимание используется, во-первых, для характеристики познавательной способности субъекта, которая представлена в деятельности рассудка, противопоставляемой деятельности разума. Во-вторых, пониманием называют процедуры герменевтического истолкования смысла текстов, расшифровки значения языковых и речевых практик и вообще постижения смысла культурных формообразований. В-третьих, понимание – это специфический для человека способ бытия в мире, основанный на осознанном или бессознательном выборе одной из возможностей существования. «Этим трем формам интерпретации понимания соответствуют три этапа в трактовке понимания в истории философии – от трактовки понимания как одной из познавательных способностей в рационализме через

отождествление понимания с процедурами герменевтики как специфической методологии гуманитарных наук (или наук о духе) к онтологической трактовке понимания, исходящей из изначальной герменевтичности существования и имманентности понимания и пред-понимания бытию человека в мире» (Огурцов, 2001, с. 279). Иначе говоря, речь идет о понимании как познавательной способности: деятельности рассудка, противопоставляемого разуму; понимании как процедуре герменевтического истолкования; понимании как способе бытия человека в мире: выборе одной из возможностей существования.

Экономист Е. В. Балацкий анализирует три способа познания, лежащие в основе естественно-научного, социального и интуитивного знаний, и дает характеристики методологической основы каждого из них — формальной, диалектической и холистической логики (Балацкий, 2015).

Философ В. Н. Порус предлагает трехчленную структуру понимания художественного текста: «Первый тип: „понимание“ — выяснение или усвоение смысла того, что понимается. Выясненный смысл становится знанием: понять текст — значит знать его смысл. Второй тип: „понимание“ есть интерпретация, наделение смыслом. Интерпретация есть акт творчества, инициированный текстом, но поддерживаемый сознанием свободы субъекта, совершающего этот акт. Третий тип: „понимание“ есть процесс со-творения смысла художественного текста, в котором автор текста и понимающий субъект участвуют на равных, вовлекая в это участие всю совокупность культурных факторов» (Порус, 2016, с. 84).

Очень похожая структура обсуждаемого феномена представлена в работе психолога О.Л. Обуховой, осуществлявшей диагностику качества понимания информационного текста.

В ее основу положены представления о трех типах понимания текста:

- воссоздающее понимание — способность читателя восстанавливать в воображении те реалии жизни, которые изображены в тексте; оно ориентировано на эксплицитную информацию текста;
- рефлексивное понимание — способность читателя реконструировать авторскую логику; оно ориентировано на имплицитную информацию текста;

— творческое понимание — способность читателя переносить идеи текста на реалии, не описанные в этом тексте.

«Задача воссоздающего понимания — соотносить отдельные единицы информации с реальностью; вычленять содержащиеся в тексте основные события и устанавливать их последовательность; сравнивать между собой объекты, описанные в тексте, выделяя их существенные признаки; понимать информацию, представленную разными способами (словесно, в виде таблицы, схемы, диаграммы); связывать единицы информации в целостную картину и пр.

Задача рефлексивного понимания — выделить авторскую логику, восстановить систему понятий, в которых автор осмыслил описанную реальность; формулировать выводы, основываясь на содержании текста, находить аргументы, подтверждающие вывод; умение критично отнестись к авторской логике и пр.

Задача творческого понимания — использовать авторскую фактологию и логику для конструирования своих собственных знаний и идей, не упомянутых в тексте, но основанных на прочитанном» (Обухова, 2016, с. 209).

Даже без детального анализа нетрудно обнаружить если не тождество, то явное содержательное сходство описанных выше типов с пониманием-знанием, пониманием-интерпретацией и пониманием-постижением. Конечно же, в понимании разных типов есть нечто общее, но есть и особенное. В макром мире человека, в котором объекты и предметы, безусловно, существуют, обладают онтологическим статусом, мы не видим и не понимаем реальность непосредственно. В сознании понимающего мир субъекта реальность возникает как процесс и результат психической деятельности, вследствие переживания, трансформации, порождения опыта, конструирования новых знаний.

Таким образом, понимая каждый день множество конкретных событий и ситуаций, мы опираемся на свой тезаурус обобщенных знаний о смысловой структуре мира человека. Поскольку для того чтобы понимать частное, мы должны знать смысловую структуру общего, то по большому счету не важно, идет ли речь о понимании реальности в целом или ее составляющих — событий и ситуаций. Именно такой интерпретации конструкта «понимание мира человека» я буду придерживаться в книге.

2.3.2. Области практического применения понимания-знания

Сегодня понимание-знание, пожалуй, наиболее выпукло проявляется в «журналистике факта»: тогда, когда мы смотрим на мир человека как «общество информирования». В таком обществе очень значимыми становятся журналистские расследования, в результате которых обнаруживаются факты, до этого неизвестные большинству людей (Уотергейтское дело, «приключения» Б. Клинтона с М. Левински, неизвестные факты из жизни М. Касьянова, опубликованные «Новой газетой» и т. п.). В современном российском медиапространстве заметное место занимает онлайн-газета «Медуза». «Спецификой журналистского расследования в онлайн-издании можно по праву считать то, что материалы подобного рода публикуются в свободном режиме; текст отражает не только проблемы современного общества, но и затрагивает конфликты личности с социумом, о которых, пожалуй, многие другие издания стараются промолчать. Например, в статье под ироничным названием „У нас в колонии все хорошо“ (от 03.12.2016 г.) рассказывается о пытках и издевательствах, которые становятся нормой для исправительных колоний России. Полемика для журналистского расследования „Медузы“ стали откровения нескольких заключенных, которые наедине с корреспондентом газеты рассказывают об ужасных насильственных действиях, произведенных в стенах тюрьмы. Важным для „Медузы“ было показать проблему не только со стороны аналитического исследования документов и фактов, а услышать мнения самих участников, прочувствовать атмосферу личностной трагедии и понять, почему в России снизился показатель защиты осужденных через интервью с людьми, осведомленными в данной сфере» (Филиппова, 2017, с. 280).

Еще одна отличительная особенность общества информирования (оно сформировалось в середине XX в.) проявилась в рекламном бизнесе. В рекламах товаров, например, холодильников, подчеркивалось качество продуктов, их техническое совершенство, надежность и долговечность. Понимание-знание рекламных объявлений отражало направленность рекламодателей на информированность покупателя, помогающую ему выбрать хороший товар по оптимальной цене. В целом в обществе информирования понимание-знание было направлено на действительность, которую люди воспринимали и представляли как внешнюю по отношению к себе.

2.3.3. Области практического применения понимания-интерпретации

В самых разных областях современной жизни человеку нужно устанавливать связи между различными ментальными пространствами. Например, в журналистике актуальной является проблема различения реальных событий и вербальных фактов в средствах массовой информации (Мохирева, 2012). Сообщения СМИ – это всегда проинтерпретированные факты, а не какие-то якобы первичные данные о том, «как все произошло на самом деле». Несколько очевидцев наблюдали событие под разными углами зрения, неудивительно, что они и описывают его неодинаковыми способами. Результатом оказывается не единообразие, а множественность описаний произошедшего. «Таким образом, реальное событие, отображаясь в медиатексте, теряет свойство континуальности и приобретает признак дискретности. Аудитория воспринимает только одну „грань“ события, актуализированную в данном журналистском тексте (с определенной оценкой, коннотацией, эмоциональной характеристикой), иные аспекты, оказываясь за „границей“ текста, выпадают и из поля зрения реципиентов» (там же, с. 116). Более радикальная точка зрения отражена в известном и весьма распространенном суждении: в политике реальность никому не нужна; главное – то, что кажется реальностью доверчивым массам (а эту «кажущуюся реальность» творят СМИ).

В современном медиапространстве существует не только журналистика факта, но и журналистика мнений. Она наиболее эффективна при воздействии на аудиторию, интересующуюся аргументированным обоснованием разных точек зрения на события (присоединение Крыма к России – это аннексия или справедливое исторически оправданное воссоединение братских народов?). Особенно притягательной для читателя журналистика мнений оказывается тогда, когда факты неочевидны или трудно интерпретируемы. Типичным в этом смысле является название одной из статей: «Что означает арест губернатора Н. Белых: рабочий процесс или сигнал элите». Белых не отрицал факта получения 400000 евро, однако эти деньги были, как он утверждает, не взяткой, а внебюджетным финансированием развития города Кирова. Какая версия соответствует действительности – предмет активных обсуждений в Интернете.

В контексте практики применения понимания-интерпретации уместно вспомнить и о том, что реклама стала рассматриваться как коммуникация, направленная на достижение взаимопонимания между продавцами и покупателями (Лебедев-Любимов, 2002). Интерпретация рекламных сообщений становится необходимой потому, что, согласно современной точке зрения, они не только информируют о товарах и услугах, но одновременно трансформируют их в образы сознания покупателей. Образы становятся неотделимыми от фактических сведений о качествах рекламируемого товара.

2.3.4. Области практического применения понимания-постижения

Общество информирования и потребления постепенно трансформировалось в «общество переживаний» – die Erlebnisgesellschaft (Schulze, 2005). Немецкое слово *das Erlebnis* переводится как событие, которое кто-то пережил и которое произвело на него сильное впечатление. Сегодня в мире, на всей планете, наблюдается стремление людей к получению нового и неожиданного эмоционального опыта, связанного с коллективными действиями и переживаниями. За примерами не нужно далеко ходить. Один из них – проходящие во всем мире флэшмобы, заранее спланированные массовые акции, в которых большие группы людей появляются в общественных местах, выполняют заранее оговоренные действия и затем расходятся.

Изменилась идеология рекламы: от информирования о превосходных качествах товара к ее соответствию представлениям потребителя о лучшей прекрасной жизни. Например, объективно в Москве и других городах в отличие от сельской местности внедорожники не нужны, однако средства массовой информации заполнены сообщениями о приключениях отпрысков богатых родителей на «Гелендвагенах»... В обществе переживаний главным для людей становится такой проект прекрасной жизни, в котором преобладают субъективные ценности, внутренние ориентиры, направленные на переживание желаемого. В современном социогуманитарном познании представления о прекрасном в значительной степени утратили эстетический и этический смыслы. «Современники имеют склонность представлять себе прекрасное как самостоятельную реальность, не зависимую от добра и зла, тогда как для греков, напротив, приме-

нительно к людям, это слово обычно подразумевает нравственную ценность, например, в текстах Платона и Ксенофона, цитируемых М. Фуко» (Адо, 2005, с. 286). Сегодня прекрасное рассматривается скорее под аксиологическим углом зрения: это благо, к которому должен стремиться человек. В мировоззрениях людей все большую роль начинают играть ценности. Именно в ценностных представлениях воплощаются «проекты хорошей жизни», которые становятся целями достойного человеческого бытия. Показательным примером могут служить бурные дискуссии о реновации жилья в Москве, сносе хрущевки и переселении их жителей в новые дома. Дискуссии сделали явным тот факт, что для москвичей жилые здания – не просто квартиры, это некие ценности, которые сформировались у жильцов в прошлом и экстраполируются на будущее. Такие ценности воплощаются в бытовых деталях: окнах с видом на парк, близость друзей и давних приятных соседей и т. п.

Сегодня происходит трансформация подходов к познанию и пониманию реальности в современной журналистике: на смену рационалистическим установкам журналистского творчества приходят ментальные конструкции, основанные на личном знании (Мансурова, 2014). Например, 29 сентября 2017 г. на радиостанции «Эхо Москвы» об этом говорил писатель и журналист Д. Быков: «Профессиональный журналист для меня всегда одно и то же: это человек, который не столько доносит информацию, сколько транслирует свое отношение к происходящему. Это так в России, но это так и в мире – не будем от этого прятаться. Информацию саму по себе может донести и робот, ее может донести прямое включение, это вообще техническая задача. А вот раньше вас сформулировать то, что думает человек при известии о событии, это важно. Не потому, что вы из газеты узнаете, что вам думать, а потому, что журналистика формулирует, находит идеальную форму, находит правильные слова. Она делает примерно то же, что поэзия, только поэзия это делает для каких-то душевных состояний, а журналистика для той концентрированной общественной нравственности, которая выражается в политике. Ведь политика это ничто иное, как наглядный концентрат общественной морали. Для меня профессиональный журналист это человек, который хорошо думает» (Быков, 2017).

Журналистские тексты о социальных событиях становятся все более человекоцентрированными, в них появляется все больше опи-

саний переживаний, чувств, рефлексии и личного опыта людей. Доступность источников информации отодвинула на второй план необходимость журналистских расследований, освободила журналистов от утомительных командировок и поисков данных. «На полосы газет и журналов, на сайты престижных СМИ хлынули потоки откровений, полных чувств и удивлений» (Мансурова, 2014, с. 154). В наше время Интернет заполнен гипертекстами по любому поводу, читателю легче согласиться с каким-либо пусть даже субъективным утверждением, чем позволить убедить себя строгой логикой и аргументацией. «Информация в коммуникационной системе уже доступна и интертекстуальна (вспомним вал публикаций о виновности/невиновности в коррупции губернатора Н. Белых. — В. З.), журналисту достаточно лишь сослаться на какой-либо факт, намекнуть, процитировать известную фразу, чтобы стать социальным „навигатором“ и реализовать функцию выявления социального смысла в приемлемой форме» (там же, 2014, с. 156). Все чаще суть отражаемой реальности преломляется сквозь призму личной позиции журналиста, который отказывается от прямых оценок и решений проблемы. В журналистике доминирующим стало суждение о том, что люди имеют дело не столько с фактами, сколько с предметами их интереса. В результате «объективность и беспристрастность журналистского воспроизведения реальности, еще недавно ценимые как качество адекватности творческого процесса, однозначно уступили социальным и аксиологическим аспектам его результатов. На смену традициям рационализма, положенным в основу журналистского метода постижения жизни, пришло „личностное знание“» (там же, с. 155). Возникает дискурс сопереживания, в котором решающую роль играют не познание, а постижение, эмоциональная сопричастность и личностная включенность. Неудивительно, что такая журналистика апеллирует не к познанию, а к пониманию-постижению.

Итак, научные представления о трех реальностях человеческого бытия, составляющих мир человека, постепенно расширяются и углубляются. Соответственно увеличиваются знания психологов не только о типах понимания мира, но и об его условиях. Общие условия понимания (мнемическое и целевое), наличие которых необходимо во всех ситуациях познания и общения, дополняются специфическими, характерными для понимания эмпирической,

социокультурной и экзистенциальной реальностей. Прделанный анализ показал, что такими внутренними психологическими условиями являются соответственно знаки, когнитивные символы и экзистенциальные символы. Исследования условий понимания имеют не только научное значение, они способствуют возникновению разных типов понимания субъектом областей практической деятельности.

2.4. Знаки и символы в понимании субъектом мира

При понимании эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей внутренними психологическими условиями понимания являются знаки, когнитивные символы и экзистенциальные символы.

Однако, прежде чем обсуждать роль знаков и символов в понимании, необходимо отметить одну особенность речевого употребления этих понятий. Нередко люди говорят «символ», хотя имеют в виду «знак». Так обстоит дело в математике: любой математический символ, по сути, является знаком. В зарубежной психологии исследования так понимаемых символов представляют собой значительную и очень заметную область психологического анализа когнитивного по своей сути понимания математики (Chen, Li, 2014; Reynvoet, Sasanguie, 2016). В таких исследованиях современные психологи нередко пытаются найти связь между оперированием символами и их нейрональными мозговыми коррелятами (Cantlon et al., 2009).

Примером неточного употребления слова в указанном выше контексте различения «символа» и «знака» является интересная и в целом конструктивная статья Л. В. Барсалоу, изучавшего перцептивные «символы» (perceptual symbols). Он считает, что при восприятии объектов прошлые состояния активации сенсомоторной системы сохраняются в долговременной памяти и функционируют как перцептивные символы. Символы связаны с перцептивным опытом и с состояниями, которые их вызывали. Иначе говоря, перцептивными символами называются мнемические следы, оставшиеся от прошлой нейронной активации. Фактически же они являются знаками, не несущими никакой символической функции. Например, для со-

баки амодальный символ связан с перцептивными воспоминаниями о собаках. Восприятие собаки актуализирует эти перцептивные ассоциированные воспоминания, которые обосновывают понимание ситуации (Barsalou, 1999).

2.4.1. Внутренние условия понимания-знания – вербальные и образные знаки

В мире человека, в котором объекты и предметы, безусловно, существуют, обладают онтологическим статусом, мы не видим и не понимаем реальность непосредственно. В сознании понимающего мир субъекта реальность возникает как процесс и результат психической деятельности, вследствие переживания, трансформации, порождения опыта, конструирования новых знаний. В современной науке аксиомой является положение о том, что объективная действительность включает в себя сознание познающего ее субъекта. В эмпирической реальности человек имеет дело с онтологическими данностями, т. е. реально существующими объектами и предметами. Тогда какую роль в понимании эмпирической реальности играют сознание и психика понимающего мир субъекта? Эта роль, условно говоря, гносеологическая, связанная с различными точками зрения на объекты и предметы, а в науке – с разными теориями. Однако различные точки зрения строятся на общем фундаменте значений. По мнению А. А. Леонтьева, «действительность дана, презентирована в сознании каждого отдельного человека как означенная действительность, как объективная реальность, „переведенная“ на язык значений. Значения суть форма идеального существования действительности...» (Леонтьев, 2001, с. 16). Предметные значения, воплощенные в «познавательном знании» (Фуко, 2007), в психике субъекта являются и объектом понимания, и его способом, механизмом. Иначе говоря, значения, знания включают и «знать что» и «знать как». Психологическим основанием понимания-знания понятий, описывающих факты эмпирической реальности, оказывается именно одинаковое для всех значение, а не индивидуальный личностный смысл.

Одно из научных толкований значения заключается в его интерпретации как знака (Леонтьев, 2001). Знак, например, дорожный, есть нечто конкретное, обладающее фиксированным значением (госу-

дарственные флаги — знаки разных стран). Знак указывает на предмет, замещает его, но ничего в нем не изменяет. В военных фильмах про разведчиков неоднократно показывалась ситуация, в которой открытая занавеска на окне означала опасность, фашистскую засаду в квартире. Занавеска, оставаясь занавеской, для знающих людей превращалась еще и в знак опасности, замещающий вербальный запрет: «Не ходи сюда, здесь засада». При понимании эмпирической реальности знаки представлены в психике понимающего субъекта в виде «познавательного знания» (Фуко, 2007). Такое знание по большому счету всегда направлено на адекватное отражение эмпирической реальности. Оно отражает, но не преобразует: ничего не изменяет в познающем ее субъекте, и он ничего не может извлечь из него для собственного преобразования.

В нашем обществе типичными являются информационные знаки: «Осторожно, дети!», «Дорожные работы» и др. Такие знаки имеют две основные функции: информационную и регуляторную. По замыслу создателей знака, его информационная функция заключается в том, чтобы наглядно изобразить ситуацию, которую он отображает. Предполагается, что реципиент без труда поймет информационное сообщение, которое несет в себе знак. Регуляторная функция проявляется в том, что любой член общества должен соотносить концептуальный смысл отображаемой знаком реальной ситуации, в которую помещен знак и в которой находится сам реципиент (Осорина, Целяева, 2014).

Понятийная структура понимания-знания эмпирической реальности строится на знаках, но не включает символы. Внутренние условия понимания субъектом мира, конечно же, потенциально содержат предпосылки для оперирования понимающим субъектом как знаками, так и символами. Однако при понимании событий и ситуаций эмпирической реальности субъект оперирует только однозначными знаками (указателями на объекты и предметы), и знанием, которое может быть истинным или ложным (и потому для определения его истинности/ложности удовлетворительной называется корреспондентная теория истины). В коммуникации понимание-знание эмпирической реальности основано на значениях, не предполагающих возможности различий в их интерпретации. Однозначность соответствует знаку и противоречит психологическому содержанию символа. Знак отсылает понимающего мир субъекта

екта к чему-то конкретному и одновременно указывает на границы содержания понимаемого, за которые невозможно выйти в процессе познавательной деятельности. «Ключ указывает на замок, для которого он сделан. Дверь указывает на то, что через нее можно пройти из одного помещения в другое. Печная труба на крыше избы указывает на то, что в этой избе должна находиться печь в условиях дровяного отопления. Все это является знаками стабильными, неподвижными, однообразными, не влияющими на человеческую волю и не зовущими к изменению действительности» (Лосев, 2014, с. 55). Создавая знаки, в частности, информационные, специалисты всегда стараются добиться однозначного их понимания самыми разными категориями реципиентов, потребителей.

Такую точку зрения на сущность знаков можно считать репрезентативной для современного социогуманитарного познания. С. В. Никоненко полагает, что «знаки необходимы исключительно в функциональном отношении для тех сфер, где требуется искусственно установленная однозначность и устранение разночтений» (Никоненко, 2016, с. 52). А. Н. Веракса считает, что в отличие от символов о знаках можно говорить тогда, когда отсутствует интерпретация, а следовательно, и множественность вариантов понимания (Веракса, 2015). Н. В. Кулагина отмечает, что «любой знак обычно обладает устойчивым значением и противится множественности его истолкований. Важнейшим условием функционирования знака является известное постоянство его понимания» (Кулагина, 2006, с. 4). Знаки необходимы исключительно в тех областях мира человека, в которых нужно искусственно задать однозначность и устранить множественность истолкований и разночтений в понимании событий и ситуаций. Например, по металлическим знакам на бамперах легковых автомобилей можно однозначно отличить «BMW» от «Toyota», «Nissan» от «Renault» и т. д. И наоборот: если каждый водитель, увидев дорожный знак «проезд запрещен», начнет искать его возможные бесчисленные символические смыслы, то обстановка на дорогах быстро превратится в непредсказуемую. «Характерен с этой точки зрения знак „фигурка в юбке“, обозначающий комнату для дам: разночтения здесь исключаются. Это обстоятельство служит маркером, демонстрирующим, что знак в основе своей всегда сигнал, по отношению к которому (если адресат владеет кодом) невозможен акт не(до)понимания» (Лобанова, 2019, с. 205).

2.4.2. Внутренние условия понимания-интерпретации – когнитивные символы

Понимание социокультурной реальности всегда предполагает множественность интерпретаций разных вариантов значения одного и того же объекта или предмета. Эти варианты могут отражать уже символическую, но пока еще когнитивную природу понимаемого. Почему когнитивную? Потому что такие символы основаны на соотношении не с одной, а со многими сторонами мира человека. При принятии решения в процессе познания субъект нередко должен выбрать только одну из множества альтернатив. Когнитивные символы дают субъекту возможность понять многообразие вариантов понимаемого. Когнитивный символ включает в себя знак, отнесенность к предметному содержанию, но вместе с тем потенциально содержит многообразие смыслов, потому что может указывать на разные объекты. В когнитивном символе содержится потенциальное множество предметов и объектов, которые он может обозначать (символом мира может быть любой голубь, пропуск – символом работы человека в учреждении и т. п.), но у понимающего субъекта не сформировано личностное отношение к ним.

Именно такие символы преимущественно исследуются в когнитивной психологии. В частности, в мыслительно-рациональной теории (ACT-R) когнитивной архитектуры познание осуществляется посредством взаимодействия нескольких модулей: визуального; декларативного, с помощью которого познающий субъект извлекает критическую информацию из декларативной памяти; модуля проблемного состояния, содержащего текущее представление проблемы и др. (Anderson, 2005). Важное значение в исследованиях уделяется когнитивному контролю, регулирующему выявление связей между несимволическими и символическими представлениями чисел (Leibovich, Ansari, 2016).

Символы рассматриваются современными учеными как то, что требует множественной интерпретации. Возможность вполне определенной или, наоборот, неоднозначной интерпретации – это семантическая граница между знаком и символом: «Определенность убивает символ, снова превращает его в обыкновенный знак, тогда как его сила и могущество заключаются в том, чтобы ориентировать мысль, а не обозначать. Символ не просто расширяет контур

видения, но и позволяет открыть в предмете нечто такое, что прежде никто не замечал» (Петросян, 2018, с. 113).

Когнитивные символы активно используются в герменевтике, в которой истоки понимания ищутся не столько в самом объекте понимания, сколько в том социальном, культурном, историческом контексте, в который он включен. Смысл любого произведения искусства считается понятным, если его удалось проинтерпретировать с позиций той культурно-исторической эпохи, среды, в которой оно создавалось. Герменевтическая интерпретация символов глубоко укоренена в культуре, в частности, в русском символизме. Как известно, герменевтики полагают, что бытие человека заключается в понимании, т. е. этот психологический процесс трактуется ими не только как способ познания, но и как способ существования человека. Другими словами, понимание это не только гносеология, но и онтология. В течение жизни каждый из нас усваивает множество знаков и символов, которые необходимо понять для создания картины мира. Неудивительно, что герменевтика в символизме становится искусством толкования многозначных символов, связывающих воедино вещи и тексты. Любая вещь воплощает в себе единичное и общее, а герменевтики пытаются выявить специфику взаимодействия в символе вещи и смысла. «Таким образом, интерес к герменевтическому методу символизма показывает, что в социокультурной сфере этот метод является для них приоритетным по отношению к рациональным методам. Задачи философской герменевтики с ее трактовкой понимания как способа существования человека наиболее близки замыслам теоретиков русского символизма. Современная духовная ситуация заставляет по-новому прочитывать уже знакомые тексты. Через раскрытие многозначности текста познается духовная жизнь человека и общества. Размышления о значении герменевтического метода в русском символизме позволяют рассматривать его как наиболее значимый метод современного анализа человека и мира» (Царева, 2017, с. 37).

2.4.3. Внутренние условия понимания-постижения — экзистенциальные символы

В психологических механизмах понимания-постижения ключевую роль играют экзистенциальные символы. С психологической точки

зрения, в отличие от когнитивного экзистенциальный символ выражает нечто субъективно значимое для человека. Различие между когнитивными и экзистенциальными символами восходит к античным мыслителям: «У Аристотеля символы понимаются как знаки, значение которых может быть легко угадано и узнано. У Платона символы воспринимаются как образы, содержание которых раскрыть непросто. Здесь в силу вступает интуиция или прозрение» (Спирова, 2011, с. 20).

Экзистенциальные символы обладают свойством трансцендентности, выхода за пределы наличного перцептивно воспринимаемого бытия – выражением чего-то неявного, не лежащего на поверхности. Кроме того, в таких символах проявляется закодированность, зашифрованность глубинного смысла, таинственность и мистичность понимаемого субъектом мира. Наконец «важнейшими отличительными характеристиками символа выступают признаки, связанные с многозначностью, неопределенностью и даже противоречивостью символизируемого содержания. Это и расплывчатость, и зыбкость его семантических границ, и многослойность, и глубина, и в конечном итоге неисчерпаемость заключенных в нем смыслов» (Воркачев, 2021, с. 7).

Типичным экзистенциальным символом для человека становится могила умершего близкого: при неоднократном посещении кладбища она постепенно превращается в поливалентный личный символ, воплощающий смысл жизни и смерти, объединяющий прошлое, настоящее и будущее. Привязанность, психологическая близость с умершим способствует формированию понимания могилы как неотъемлемой составляющей субъективного Я. Символическое изображение другого в виде памятника или надгробной плиты порождает ощущение присутствия умершего. Человек вступает в диалог: стоя у могилы, он не только реконструирует прошлую жизнь с ушедшим близким, но и строит свое воображаемое будущее. «Формирование символа подразумевает трансцендентность реального мира „как есть“ путем построения воображаемого мира „как будто“. Поливалентные символы представляют собой конструкции „как если бы“: к могиле приближаются так, как если бы мертвый все еще присутствовал каким-то образом, как будто диалог мог происходить конкретно, как если бы его усилия по украшению могилы могли быть признаны умершим и т. д.» (Josephs, 1998, p. 183). Конструктивная ас-

симиляция, создание «как будто», обращение человека к умершему, как к живому, не только порождает «дополнительную» реальность, но и делает диалог личностно значимым, преобразующим его само-го. И. Е. Джозефс демонстрирует это на примере пожилой женщины Лены, год назад потерявшей мужа Макса. Посредством реальности «как будто» женщина поддерживает связь с ее реальной жизненной ситуацией, она трансформирует свой мир и себя. Надгробие идентифицируется у нее с Максом, но не только оно: постепенно образ мужа связывается у нее, например, с камнями в саду у дома: «Лена построила сложную сеть значений: могила как поливалентный символ стала мостом, который связывал ее прошлое, настоящее и будущее, и она была тесно связана с социальным миром (через конструирование голоса покойного). Могила стала частью ее самости в ожидании будущего, создавая чувства надежды и безнадежности (потеря индивидуальности). Эта символическая сеть динамична и ориентирована на будущее, так как социальные перспективы и время динамически переплетаются» (Josephs, 1998, p. 192).

Следовательно, знаковую и символическую роль в мире человека могут играть и предметы. При рассмотрении их в знаковой функции связь между знаком и вещью, на которую они указывают, однозначна — дорожные указатели, школьные оценки и т. п. При использовании в символическом значении функциональность вещи должна отойти на второй план: весы вместо прибора, измеряющего вес, становятся юридическим символом справедливости. Однако при этом вещи-символы все равно сохраняют некоторые ключевые семантические характеристики — в данном случае, уравнивания. Психологам различия между символическими и знаковыми функциями предметов и вещей хорошо известны из психологии развития: «Согласно Пиаже, игровые символы отличны от знаков. Если знаки „окостеневают“ в значениях и их связь с референтами поддерживается не только усилием самого ребенка, но и требованиями извне, то игровой символ — порождение индивидуального субъекта и в широких пределах допускает произвольную замену референтной связи. Становясь символом, объект теряет часть своих феноменальных свойств (форму, вес, объем и т. п.) и превращается в зависимую реальность (в том смысле, что лишь от ребенка зависит, какое значение ему придать). В силу этого ребенок получает возможность приспособить реальность к достижению своих целей, например, взаимо-

действовать с теми предметами, которые ему в реальной жизни недоступны, или ликвидировать неприятные воспоминания путем проигрывания вызвавших их ситуаций» (Субботский, 2007, с. 103). Эти идеи развиваются и применительно к взрослым: фактически вещи становятся символами не того, для чего они нужны человеку, а того, что они для него значат — для любого ученого данные, хранящиеся в его персональном компьютере лично значимы. И далеко не всегда они интересуют других людей. Это означает, что такие вещи-символы становятся частью нашего экзистенциального опыта. Включенность вещи-символа в научную деятельность конкретного субъекта органично вписывается в его жизнь, становится частью экзистенциального опыта, но это то, что может оказаться ненужным другим людям после его ухода.

«Исходя из этого, вещь можно определить как сложный семиотический объект, который, в зависимости от ситуации и контекста, обнаруживает то знаковые, то символические свойства. Так, когда Шерлок Холмс по шляпе, забытой незадачливым посетителем, угадывает его социальный статус, семейное положение, род занятий, финансовые возможности, особенности характера и даже его психологическое состояние — он имеет дело со знаковыми свойствами вещи. А когда мы ставим вопрос: „Что значит эта шляпа для этого посетителя?“, мы сталкиваемся с ее символическим аспектом, выражающим ее включенность в круг личного, интимного существования индивида. Не случайно ответ на этот вопрос может быть дан только самим индивидом, в то время как ответить на вопросы, связанные со знаковыми свойствами данной вещи, может вместо него любой наблюдательный человек, умеющий читать социальные и культурные коды. Знаки отличия легко поддаются чтению со стороны наблюдателя как раз потому, что отражают групповые (обобщенные, типовые) характеристики индивида (вернее, тех сообществ, представителем которых он в данном случае выступает). Это становится возможным благодаря тому, что знаку присуща определенно-го рода безличность: его адресат — это „тип“, то есть всякий (любой), владеющий соответствующим языковым (социальным, культурным) кодом» (Лобанова, 2019, с. 206).

В психологии деятельности знак и символ рассматриваются как принадлежащие к единой полисемической области, а различия между ними «определяются по трем критериям: а) отношения

между формой и содержанием; б) возможности для исчерпывающего познания обозначаемого содержания и в) отнесенности к сфере универсальных значений или личностных смыслов» (Шалина, 2010, с. 16). В соответствии с основными положениями леонтьевского варианта теории деятельности символ связывается с личностным смыслом, он выражает индивидуальное, пристрастное отношение субъекта к символизируемому содержанию. Символ может раскрывать смысловое содержание в индивидуальном бытии, но оставаться бесконечным и непознаваемым в надиндивидуальном плане, а знак понимается как носитель надиндивидуальных значений. Анализ деятельностных способов оперирования этими категориями обнаруживает, что «знак позволяет рационально познавать обозначаемое, а символ доступен для понимания, постижения через интуитивную субъектную интерпретацию» (там же, с. 15). С этой позиции, один и тот же объект предметной реальности может выступать либо как знак, либо как символ. Знаковая или символическая функция вещи зависит от значений, определяемых структурой той деятельности, в которую она включена.

Современные психологи активно анализируют конкретные способы «перехода от поверхности в глубину» предметов и явлений. При этом важное значение придается анализу знаково-символических средств. Однако у классика этого направления Л. С. Выготского в работе «Орудие и знак в развитии ребенка» понятия знак и символ используются как синонимичные (Выготский, 1984). Между тем сегодня, при дифференциации психологических механизмов понимания фактов и событий эмпирической, социокультурной, экзистенциальной реальностей, надо различать знаки, когнитивные и экзистенциальные символы. Кроме того, в современных российских психологических исследованиях можно выделить два подхода к пониманию символа. «В первом случае представление о символе неразрывно связано с предположением скрытого бессознательного измерения психики, символ выражает *постоянное соотношение* между чувственно осязаемым явлением, которое представлено в сознании, и его бессознательным значением; во втором примере понимание специфики символа детерминировано представлением о способности психики к прямому отражению реальности, поэтому символ — это своего рода *уменьшенная копия* реальных объектов; в последнем примере определение символа также содержит имплицитное пред-

положение об ином, скрытом измерении психики, однако соотношение между осознаваемым, чувственно осязаемым явлением и бессознательным смыслом постоянно преобразуется, форма символа, так же как и его смысл, способны трансформироваться и развиваться, как живое существо» (Цыбуля, 2014, с. 114–115).

В психотерапии символы изучаются как средства экспликации альтернативных пространств внутреннего мира пациента, выявления его альтернативных содержаний: «Внимательное рассмотрение существующих способов терапевтического применения символа и его функций в основных школах психотерапии позволяет увидеть, что им соответствует характерное представление об „альтернативном пространстве“ внутреннего мира клиента (его жизненного мира в целом) или „альтернативных психологических содержаниях“, которые противопоставлены актуальному состоянию сознания и бытия клиента: „бессознательное“ (психоанализ), „бессознательная часть души“ (К. Юнг), „измерения бессознательного“ (Р. Ассаджиоли), „сокрытое“ (М. Босс), „неосознаваемое в данный момент“ (гештальт-терапия), „сверхъестественные силы“ (прототипы психотерапии), „потенциал“ или „ресурс развития личности“ (клиент-центрированная терапия) и др. Применение символа как психологического средства в психотерапии обеспечивает „выход“ в пространство альтернативных смыслов и значений, позволяющих клиенту осмыслить и преодолеть его проблемную ситуацию; а также организует или порождает значимый, событийный опыт, приводящий клиента к переосмыслению своей проблемы» (Цыбуля, 2012, с. 169).

Мы живем в среде, содержащей множество символов (веры, духовности, государственной власти и др.), имеющих в мире человека важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. Мировоззрение россиян всегда в значительной степени было символичным. Символы, как известно, имеют в мире человека важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. Символы содержательно неразрывны с экзистенциальными тайнами бытия. В самом полном и глубоком смысле «символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине... Символы не-

сказанны и неизъяснимы, и мы беспомощны перед их целостным тайным смыслом» (Иванов, 1994, с. 141). Символ по своей сути — это знак, обозначающий что-то скрытое, тайное, нередко понимаемое людьми как сверхъестественное. Символ указывает на существование иной, не воспринимаемой органами чувств действительности, которую некоторые ученые называют «скрытой предметностью»: «Другими словами, мы можем говорить о продуктивности символа только тогда, когда его внешняя предметность постоянно соотносится со скрытой предметностью, т. е. с той реальностью, познавательным средством которой он выступает» (Веракса, 2016, с. 57). Понимание значений знаков и смыслов символов происходит во время взаимодействия субъекта с объектом, в процессе умственной деятельности. Причем, из сказанного выше следует, что «смысл символа нельзя разъяснить с помощью однозначной формулы, как в случае знака, его можно только пояснить определенным ассоциативным рядом. Таким образом, смысл выступает как тенденция, он не дан, а задан, и требуется усилие — сознательное и личностное одновременно, чтобы его раскрыть» (Белановская, Грицовец, 2020, с. 45).

Психологические исследования обнаруживают многослойность их содержания символов, направленность субъекта, понимающего символические структуры, на целостное постижение, преодолевающее фрагментарное познание мира. Теоретический анализ психологических потенциалов символов позволяет констатировать, что они обладают экзистенциальной событийностью, направленной на преодоление обыденности. Интеграционные возможности любого экзистенциального символа, проявляются в сочетании «очевидного, явного и скрытого, латентного; в пластичности символа, выражающейся в возможности вместить смысловую бесконечность в замкнутую форму; в заданности смыслов символа как динамической тенденции (а не как наличности в готовом виде), которая актуализирует понимание, постижение символа через развертывание своей идентичности» (Федоров, 2012, с. 29). Трансцендентно-смысловые ресурсы символа позволяют человеку «преодолевать зависимость от наличной ситуации, выходя в пространство индивидуальных и надиндивидуальных бытийных смыслов и осуществляя собственно человеческую идентичность» (там же). В социокультурной реальности символический характер для людей могут иметь не только отдельные предметы (памятники и т. п.), но и целые социальные и миро-

воззренческие системы. Примерами могут быть советская власть и религия (Сухачев, 1997).

Для психологического анализа понимания важно то, что одной из причин постижения или, наоборот, непостижимости символов понимающим мир субъектом является существование в его психике не только бессознательного личностного знания. Не меньшую роль в понимании-постижении символов играет осознание пределов познавательной деятельности, влекущее признание человеком объективно неизбежного незнания полной картины действительности, имеющей символическое обозначение.

Продуктивному анализу направленности взора понимающего субъекта в более глубокие, не поверхностные пласты реальности могут способствовать многочисленные психологические данные о знаково-символическом опосредствовании понимания мира человека. Для психологического анализа понимания важно то, что одной из причин постижения или, наоборот, непостижимости символов понимающим мир субъектом является существование в его психике не только бессознательного личностного знания. Не меньшую роль в понимании-постижении символов играет осознание пределов познавательной деятельности, влекущее признание человеком объективно неизбежного незнания полной картины действительности, имеющей символическое обозначение. Глубокий анализ незнания как составляющей понимания символа дан в лекциях М. К. Мамардашвили об эстетике мышления. Он говорил о том, что «символы есть символы сознания, которые одновременно незнание. Это — со-знание. То есть мы в нем знаем что-то другое, не зная того, в чем мы это знаем. Как бы нечто сопровождает сознание, и в нем будет знание, а в другом месте не будет, но что это такое, мы не знаем. Мы не можем со-знание, то есть вот эту частицу «со-» превратить в объект. Это и есть то самое дополнительное измерение незнаемого, невидимого, ибо мы не видим сознания. Мы видим содержание сознания, но никогда не видим сознание» (Мамардашвили, 2001, с. 53).

Феномен незнания играет существенную роль в разных областях человеческой деятельности, в том числе в образовании. При обучении у творческих заинтересованных в овладении профессией студентов знание о своем незнании становится источником вдохновения, поиска нового и, в конечном счете — стимулом для интел-

лектуального саморазвития личности. («Неизвестное всегда интереснее, чем изведенное, знакомое, известное. Конечно, это и труднее. Приходится добывать знание методом проб и ошибок»). «Недостоаточность наличного знания или незнание чего-то конкретного порождает проблемную ситуацию, а вместе с ней и качественно новое состояние субъекта познания. В процессе деятельности по разрешению проблемной ситуации происходит прирост знания, что, конечно же, способствует развитию личности» (Чарикова, Каргапольцев, Лихненко, 2019, с. 77).

2.5. Домены социального знания

При психологическом анализе понимания человеком явлений, событий, ситуаций, относящихся к трем реальностям, ученые обращаются к различным доменам социального знания. Теория доменов социального знания (Lagattuta et al., 2010; Nucci, 1996; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006) в современной методологии социогуманитарного познания занимает заметное место. Теория доменов предлагает модель того, как люди определяют, оценивают и согласуют области социального знания при вынесении суждений о социально значимых действиях. В теории выделяются три области – моральная, конвенциональная и персональная. Моральный домен социальных знаний включает вопросы справедливости, законности, права. Конвенциональный домен связан с традициями и обычаями. Персональный домен включает проблемы личного выбора, индивидуальной свободы действий. К. Б. Ричардсон с соавт. приводят примеры, связанные с различными областями знаний. Удар одним ребенком другого по голове во время игры, причинение неспровоцированного вреда относится к моральному домену. Разговор в классе без поднятой руки (нарушение правил поведения) – конвенциональный домен. Выбор в пользу необычно длинных волос является типичным примером личного выбора (персональный домен). Обнаружено, что дети, подростки и взрослые используют различный набор критериев, чтобы оценить нарушения моральных и конвенциональных норм. При этом оказывается, что люди рассматривают действия и ситуации, связанные с персональным доменом, иначе, чем связанные с моральным или конвенциональным (Richardson et al., 2012). Исторически

так сложилось, что наибольший массив эмпирических исследований, направленных на обоснование теории доменов социального знания, представлен в психологии развития. Показано, что в ходе интеллектуального и морального развития совсем маленькие дети опираются в основном на знания о себе (персональные знания). Дети постарше и многие взрослые ориентируются на общественные ожидания и общепринятые правила (конвенциональные знания). И лишь небольшое количество взрослых чаще всего руководствуются универсальными этическими принципами (моральные знания).

Научные представления о доменах социального знания непротиворечиво согласуются с описанием психологических оснований понимания мира человека. При этом моральный домен целесообразно соотносить с пониманием-знанием, конвенциональный – пониманием-интерпретацией, а персональный – с пониманием-постижением. Соответственно, их можно и нужно соотносить с познавательным, конвенциональным и духовно-практическим типами психологических знаний.

2.5.1. Познавательное знание

Психологическое содержание понимания-знания строится не на духовном знании, а на познавательном (Фуко, 2007). Такое понимание возникает у субъекта тогда, когда оно основано преимущественно на оценках истинности знаний, представленных в суждениях о фактах. Для психологов принципиальное значение имеют качественные характеристики, особенности знания, играющие ключевую роль в понимании фактов эмпирической реальности. В этом случае знание о реальности дает возможность понимающему субъекту *только отличать истинные высказывания от ложных*. Однако он не может ответить на более сложные вопросы, которые требуют рефлексии, обращения внутрь себя, соотнесения понимаемого с личностным знанием: *почему* существует истинное и ложное и как можно отличить одно от другого. Такое знание, адекватно отражающее эмпирическую реальность, но ничего не изменяющее в познающем ее субъекте и из которого он ничего не может извлечь для собственного преобразования, М. Фуко называл «познавательным» (Фуко, 2007). Он считал, что истинное знание недоступно такому субъекту, какой он есть. Истина не дается человеку простым актом познания:

для ее достижения нельзя ограничиться гносеологическим анализом, нужно учитывать и онтологию существования субъекта, его экзистенциальные изменения во времени.

По формальным (но не содержательным) признакам строения и функционирования в мышлении и общении для описания понимания фактов эмпирической реальности наиболее подходящим является моральный домен социального знания. Моральный домен очень напоминает понимание-знание. Он включает не только знание правил и норм того, чего не следует делать, но также идентификацию действий, относительно которых люди могут обладать личной свободой и контролем. У морали и понимания есть общий базис — долженствование. Моральные действия и знания о них понимаются как обязательные, формально-нормативные и потому положительно оцениваемые всеми членами общества вне зависимости от обстоятельств. Нормативная заданность базовых моральных норм, их общечеловеческая значимость — это проявление объективности существования морали. С этой точки зрения, мораль, несомненно, так же объективна, как факты эмпирической реальности. В свою очередь, психологические механизмы понимания неразрывно связаны с долженствованием. Один из двух главных отличительных признаков этого феномена состоит в том, что понимание — это всегда процесс и результат сопоставления существующего с должным (другой признак — выход за непосредственные границы содержания понимаемого и включение его в более широкий контекст личностного знания). Неудивительно, что понимание морали как должного можно рассматривать как применимое прежде всего к моральному домену социального знания.

Кроме того, в отличие от нравственности конкретного человека, мораль как форма общественного сознания, включающая общенные представления о том, как можно и как нельзя вести себя в обществе, имеет для каждого человека значение, но не имеет личностного смысла. «Значение есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковая для всех людей*, причем эта система может иметь разную глубину, обобщенность, широту охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное ядро — определенный набор связей» (Лурия, 1979, с. 53). Именно поэтому психологическим основанием понимания-знания понятий, описывающих факты эмпирической реальности, оказывается *оди-*

наковое для всех значение, а не индивидуальный личностный смысл. Это относится к понятиям пространства, времени, веса и др.

2.5.2. Конвенциональное знание

Для описания психологического содержания конвенциональных знаний принципиально важными являются результаты исследований, направленных на анализ проблемы «разделяемости» знаний (Андреева, 2009). Обсуждая основания психологии социального познания, Г. М. Андреева пишет не только об индивидуальной, но и коллективной природе повседневного знания. По ее мнению, знание о том, что члены определенной социальной группы и так «все знают», является разделенным. Это означает, что каждый член сообщества обладает таким знанием, и что все они придерживаются некоторого общего intersубъективного способа размышлений, представлений, соображений о реальности повседневной жизни. Именно это способствует достижению взаимопонимания во многих жизненных ситуациях. Люди все разные, поведение их различается. «Поэтому никогда не может быть двух одинаковых мнений даже об одном человеке, не говоря уж о каких-то более сложных социальных объектах. Это особенно актуально именно для социального познания, поскольку, кроме индивидуального опыта человека, здесь включается еще и опыт группы, к которой он принадлежит, и весь опыт культуры. Поскольку люди должны как-то понимать друг друга или хотя бы понимать, о чем идет речь, они неизбежно существуют в некотором общем познавательном пространстве, т. е. разделяют – возможно, в определенных пределах – значение тех или иных познаваемых ими объектов. Средством „разделяемости“ значений является коммуникация, когда образ социального мира вырабатывается сообщая, что предполагает постоянный обмен информацией» (Андреева, 2009, с. 386–387).

Конвенциональные знания – это результат не только отражения мира человека, но и созидательной работы, творчества коллективного субъекта, творящего смыслы в социальном пространстве. Современные психологические исследования позволяют утверждать, что осмысленное знание – порождение не только индивидуально-го сознания, но и коллективного разума. Соответственно, смысл – атрибут психики конкретного субъекта, но вместе с тем он есть продукт меж- и надиндивидуальных или трансперсональных отношений.

Осмысленное знание не только возникает внутри сообществ познающих субъектов, но и определяет то, что мы считаем реальностью. Согласно К. Гергену, знание — это не индивидуальный ментальный образ. Знание следует анализировать не как то, что находится в головах людей, а как нечто, что они совместно создают в ходе языкового взаимодействия (Gergen, 1985). Сегодня «индивидуальное познание понимается в качестве компонента коллективного познавательного процесса. Другой индивид, без взаимодействия с которым невозможен мой познавательный процесс, — это не конструкция моего сознания (или моего мозга, как сказали бы радикальные эпистемологические конструктивисты), а в некотором смысле часть меня самого. Без него я не был бы самим собою, не существовало бы моего Я, не было бы возможно и познание в его специфически человеческих формах» (Лекторский, 2009, с. 35). Современные методологи социально-гуманитарного познания (в частности, Р. Харре) указывают на то, что «генезис знания и мнения — не простое однонаправленное отношение от познаваемого объекта к некоторому состоянию или процессу в познающем. Оно не только опосредуется системами символов и образов, служащими для представления того, что познается, — это отношение взаимно. Познающий воздействует на познаваемый объект, вынуждая его открывать познающему свои различные аспекты. Согласно психологии восприятия, познаваемый объект предоставляет свои определенные аспекты человеку, который к нему обращается. Что именно предоставляет объект, зависит от способа взаимодействия между объектом и познающей его личностью» (Харре, 2009, с. 71).

В этом контексте неудивительно, что для описания событий и ситуаций социокультурной реальности наиболее подходящим является конвенциональный домен социального знания (Lagattuta et al., 2010; Nucci, 1996; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006). Он явным образом соотносится с герменевтической традицией и пониманием-интерпретацией проблем, методов и результатов научных исследований. Конвенциональные знания возникают в результате согласования множества мнений. Признаваемая многими людьми правильность/неправильность мнений оказывается зависимой от местных норм, обычаев и конкретных обстоятельств. Примером может служить правостороннее или левостороннее движение, принятое в разных странах.

Формирование правил и стереотипов поведения происходит в детстве путем сопоставления с личностными предпочтениями и общественными нормами поведения. Например, К. Б. Ричардсон с соавторами обсуждали с детьми такую проблему: «Джон хочет поиграть с группой девочек в куклы, но две девочки говорят, что ему нельзя играть, потому что он мальчик». 80 процентов детей считали, что исключение Джона недопустимо, и ответ часто мотивировался моральными соображениями (отчуждение причинит вред). Тогда детям предлагалась другая ситуация: девочка и мальчик оба хотят играть с девочками в куклы; кого должна выбрать группа? В этом случае некоторые дети обращались только к одному из доменов («Нужно выбрать девочку, потому что мальчикам не нравятся куклы» — конвенциональный домен). Другие соотносили разные системы знаний: «Нужно выбрать мальчика, чтобы дать ему шанс поиграть (моральный домен), даже если он может не знать, как играть с куклами» (конвенциональный домен). В описанных условиях испытуемым нужно было соотнести информацию о целях группы и ее функционировании, проблемы равенства и справедливости, а также учесть психологическое состояние персонажа. В первом случае дети в основном отвергали возможность исключения мальчика из группы, исходя из моральных соображений. Во втором, более сложном сценарии, испытуемые осознавали, что психологический ущерб (либо девочке, либо мальчику) будет следствием любого выбора. Приблизительно половина детей выбирала девочку для игры, следовательно, гендерные стереотипы или проблемы идентичности группы становились более существенными при принятии решения. Исследователи также проверяли, придерживались ли дети своих начальных суждений, сталкиваясь с моральным или конвенциональным контраргументом. Оказалось, что дети охотнее изменяют свой выбор, если изначально выбрали стереотипный ответ — девочку (61 % детей). В этом случае, возможно, происходила активация репрезентативной системы. Вместо того чтобы строго опираться на стереотипное представление о невозможности включения члена аутгруппы, с возрастом дети использовали все большее количество форм рассуждений для размышления о допустимости социального отчуждения. Это согласуется с точкой зрения о том, что развитие гибкой репрезентативной системы происходит с возрастом, и она наиболее активна при оценке таких комплексных сценариев, в которых необходимо учитывать

контекст, а не просто обращаться к системе опыта и единственному домену знаний (Richardson et al., 2012).

Очевидно, что в описанных выше интересных и научно-продуктивных направлениях психологических исследований ученые ищут истоки формирования конвенционального знания не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей. Результатом взаимодействий становится обогащение научных представлений о конвенциональном домене социогуманитарного знания. Конвенциональное знание является субъективным, выражающим личные предпочтения и ценности понимающего мир субъекта. Одновременно в своих интересубъектных основаниях оно объективно, и эта объективность служит основой для взаимопонимания в общении.

2.5.3. Духовное знание

Наличие в мире человека объективно непостижимого, существование таких событий и ситуаций, которые можно понять только на основе экзистенциального опыта, а не рационального знания, в психологической науке способствовало возникновению нового этапа исследований субъекта. Их общим социогуманитарным контекстом послужили размышления М. Фуко (2007) и П. Адо (2005), а конкретно-психологическим – публикации А. В. Брушлинского (2003). В философии – идущее от античных мыслителей и творчески развитое М. Фуко и П. Адо представление о том, что наша собственная жизнь является произведением, которое мы должны создать. Способами порождения духовности являются «практики себя» (Фуко, 2007) и «духовные упражнения» (Адо, 2005). Именно в этом контексте, объединяя два ключевых понятия, «духовность» и «практика», и научные позиции названных ученых я называю третий тип психологического знания духовно-практическим.

Для меня, как и для названных ученых, духовность не тождественна ни религиозности, ни нравственности. В духовности, во-первых, интегрируются, объединяются интеллектуальные и нравственные устремления субъекта. Во-вторых, и, может быть, это главное в психологическом описании этого феномена, духовные устремления человека отражают его попытки выйти за пределы обыденной

жизни и прикоснуться к иным, более глубоким и одновременно возвышенным уровням человеческого бытия. Духовные состояния противостоят материальной природе человека и мира: к вершинам духовного бытия субъект поднимается в редкие моменты интеллектуальных озарений и разрешения нравственно трудных этических конфликтов. Способы разрешения противоречий, конфликтов, являясь мерой проявления активности, самореализации, интегративности конкретных свойств личности, определяют те индивидуально-неповторимые качества человека, в которых он выражает себя именно как субъект — деятельности, общения, созерцания и т. п. В такие моменты в его личностном знании, индивидуальном опыте саморазвития появляется нечто большее, чем «приземленный» образ, модель внешних событий: возникает их внутренний смысл — психологическая основа формирования духовной сущности того, что стало предметом интеллектуальной и нравственной рефлексии субъекта.

Для раскрытия смысла духовно-практического знания надо обратиться прежде всего к феномену «духовного знания» (Фуко, 2007). Именно с помощью такого знания наиболее точно можно охарактеризовать процесс понимания в экзистенциальной реальности. М. Фуко полагал, что без обращения взгляда субъекта вовнутрь, без постижения себя, без духовных усилий, направленных на собственное преобразование, возможно получение только познавательного (когнитивного) знания. Познанию внешнего мира теоретически противостоит духовное знание, которое является пониманием человека, его души, внутреннего мира. Главное, что нужно для его возникновения, — это изменение, перемещение взгляда: на мир и на себя. Смещение взгляда позволяет увидеть вещи иначе и одновременно оценить их. Кроме того, духовное знание построено на таком самонаблюдении и самопонимании, в котором субъект становится способным «уловить себя самого в своей реальности», увидеть себя, как он есть на самом деле. Духовное знание — атрибут не познания, а бытия человека в мире: «Субъект не только открывает для себя свою свободу, но и находит в ней форму существования, приносящую ему все счастье и совершенство, на которые он способен» (там же, с. 335).

Духовное знание отличается от познавательного, отражающего внешний мир, но ничего не меняющего в самом познающем субъекте. Категория «духовное знание» созвучна с рубинштейновским пониманием человека не только как субъекта познания и действия,

но и как субъекта этического и эстетического отношения. Последнее формируется благодаря «онтологизации» человеческой жизни, человеческого способа существования. Познавательное знание абстрактно или конкретно отражает мир, а духовное и неразрывно связанное с ним духовно-практическое указывают, как можно познавать и действовать в ходе преобразования эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальности. Кроме того, в таком знании образ мира виден сквозь призму человеческих потребностей и интересов. Духовно-практическое знание учит нас тому, как относиться к миру человека, другим людям и самому себе.

Действия, направленные на самоизменение, поиски, практику, опыт Фуко называет духовностью. Напомню, что А. В. Брушлинский тоже называл духовностью реализующиеся в человеческой жизни цели, устремления и смыслы (например, идею социальной справедливости). Он подчеркивал, что духовное – «это не надпсихическое, а различные качества *психического* как важнейшего атрибута *субъекта*» (Брушлинский, 2003, с. 50).

Таким образом, интеллектуальность, нравственность субъекта и его направленность на приобщение к необычным формам бытия проявляются в необходимых для этого практических действиях, техниках, упражнениях.

В психологических исследованиях духовность нередко рассматривается как принцип саморазвития и самореализации человека, обращения к высшим ценностным инстанциям конструирования личности. Развитие и самореализация духовного Я субъекта начинается тогда, когда он осознает необходимость определения для себя того, как он конкретно должен понимать общечеловеческие духовные ценности – истину, добро, красоту. Появление у человека хотя бы приблизительного осознанного представления о них свидетельствует не только о признании субъективной значимости духовных ценностей (соответственно интеллектуальных, этических и эстетических), но и о психологической готовности к их усвоению и формированию. Применительно к психологическим исследованиям следует сказать, что мотивационной основой духовно-практического знания является интенциональный компонент экзистенциального опыта (Знаков, 2016, с. 170), выражающий направленность и интеллектуальных, и нравственных усилий субъекта на преобразование своего бытия. Иллюстрацией этого положения может слу-

жить высказывание: «Нравственность — это не столько то, что мы знаем, сколько то, что мы делаем» (Далай-лама, 2016, с. 125).

Итак, понимание субъектом мира неоднородно: в разных реальностях оно строится на неодинаковых психологических основаниях. В эмпирической реальности такими основаниями являются знание и значение, в социокультурной — мнение и смысл, в экзистенциальной — переживание и опыт. Каждой реальности человеческого бытия соответствует свой тип обсуждаемого феномена: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение (Знаков, 2016). Психологические знания, становящиеся психологическим фундаментом типов понимания также различны. Основой понимания-знания оказывается познавательное знание, понимания-интерпретации — конвенциональное, понимания-постижения — духовно-практическое. В этих случаях внутренними условиями понимания являются знаки, когнитивные символы и экзистенциальные символы.

Перспективность дальнейшего академического изучения доменов знания для психологии возможного как перспективного направления психологии понимания не вызывает сомнения. Вместе с тем, остается актуальным вопрос о детерминации понимания событий и ситуаций в эмпирической, социокультурной, экзистенциальной реальностях: ее психологические механизмы одинаковы или различны?

2.6. Три типа детерминации понимания

2.6.1. Эволюция научных представлений о детерминизме

В психологии решение проблемы детерминизма происходило в целом так же, как в философии и других науках: психологи пытались описать и проанализировать *общие* закономерности детерминации, которые применимы для выявления причин и следствий поведения человека в любых ситуациях и при любых обстоятельствах. Способ рассуждений при этом очень похож на размышления физиков о законах тяготения или движения планет. Иначе говоря, в основании таких рассуждений было представление о том, что мир един, а задача ученых — найти, определить общие для природной и социальной среды законы его детерминации. На этом классическая наука незыб-

лему стояла вплоть до начала прошлого века. Однако в XX–XXI вв. научные представления о фундаментальных закономерностях развития процессов в природе и обществе значительно изменились. И главное изменение состоит в отказе от попыток ученых вывести единые общие законы, согласно которым, как в классической ньютоновской физике, основанием любого следствия являются вполне определенные причины: если известны начальные условия материального тела, то можно вычислить его положение в будущем.

В классической науке научная рациональность рассуждений ученых была направлена на поиск вечных и неизменных законов, описываемых истинными суждениями о природе и обществе. Сегодня, после работ И. Пригожина, М. Н. Эпштейна и других ученых, стало очевидно, что в мире человека, включающем природу, существуют, как минимум, два типа законов. Одни направлены на объяснение необходимого, того, чего не может не быть; другие – возможного, того, чего нет в действительности: оно может быть, а может и не быть. Необходимость различий в описании закономерностей двух типов ясно осознавали И. Пригожин и И. Стенгерс: «Наше видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности. Долгое время в западной науке доминировала механистическая картина мироздания. Ныне мы создаем, что живем в плюралистическом мире. Существуют явления, которые представляются нам детерминированными и обратимыми. Таковы, например, движения маятника без трения или Земли вокруг Солнца. Но существуют также и необратимые процессы, которые как бы несут в себе стрелу времени. Например, если слить две такие жидкости, как спирт и вода, то из опыта известно, что со временем они перемешаются. Обратный процесс – спонтанное разделение смеси на чистую воду и чистый спирт – никогда не наблюдается. Следовательно, перемешивание спирта и воды – необратимый процесс. Вся химия, по существу, представляет собой нескончаемый перечень таких необратимых процессов» (Пригожин, Стенгерс, 2014, с. 11).

В классической науке кажущаяся простота мира и, соответственно, проблем детерминации формировалась в результате изучения простых систем с периодическим поведением. Научные представления о простоте природного и социального миров показали свою несостоятельность, когда стало ясно, что мир человека в основном состоит из неустойчивых динамических систем, которые чаще

поддаются научно корректному описанию в терминах случайности, чем необходимости. В неклассической науке «важную роль при описании динамики системы начинают играть категории случайности, потенциально возможного и действительного. Причинность не может быть сведена только к ее лапласовской формулировке — возникает понятие „вероятностной причинности“, которое расширяет смысл традиционного понимания данной категории. Новым содержанием наполняется категория объекта: он рассматривается уже не как себестоительная вещь (тело), а как процесс, воспроизводящий некоторые устойчивые состояния, и изменчивый в ряде других характеристик» (Степин, 2000, с. 625).

В наше время уже очевидно, что в мире человека сфера применения детерминизма в его классическом понимании не универсальна, а ограничена: «Детерминизм, долгое время казавшийся символом научного познания, в настоящее время сведен до положения свойства, справедливого только в ограниченном круге ситуаций» (Пригожин, Стенгерс, 1994, с. 97). В мире человека такими ситуациями являются только те (простые и устойчивые), которые относятся к эмпирической реальности. Вследствие этого, например, в социологии дело доходит до полного отрицания детерминизма и утверждения ненужности этого понятия: «Организаторы ХУП Всемирного социологического Конгресса (Швеция, Гетеборг 2010 г., „Социология в движении“ — „Sociology on the move“) начинали обоснование главной темы этого форума с фразы „Determinism is dead in the social sciences“ (Wieviorka 2010). Судя по всему, „смерть детерминизма“ предлагалось рассматривать как одно из самых существенных „движений“, демонстрирующих эволюцию категории — от классического признания фундаментальной ее роли как методологической основы исследования социальных процессов и построения научных объяснений до потери доверия к ней в современных условиях» (Орланов, 2019, с. 265).

Такую категоричную точку зрения вряд ли можно признать правильной: целесообразнее вести речь не о «смерти детерминизма», а о развитии содержания этого понятия. В социологии одна из таких альтернативных позиций называется «рефлексивным детерминизмом»: «Суть такого подхода правомерно выразить тезисом о субъектно-объектной, в этом смысле двойственной, обусловленности социальных явлений и процессов» (Орланов, 2019, с. 268). Отмеча-

ется, что необходимо учитывать не только лапласовскую причинно-следственную связь событий («из А следует Б»), но и то, что «если события связаны принципиально неоднозначно (случайным образом), это еще не означает отсутствия общих условий, в рамках которых проявляется тот или иной случайный фактор. Иным общим условием может соответствовать и иной диапазон случайных факторов» (там же, с. 267). В современной науке начинает складываться новая интерпретация детерминизма, связывающая его с управлением: «Управление начинает основываться на соединении вмешательства человека с существом внутренних тенденций развивающихся систем. Поэтому здесь появляется в некотором смысле высший тип детерминизма – детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и возможностью выхода на желаемое будущее. Это детерминизм, который усиливает роль человека» (Князева, Курдюмов, 2005). Такая точка зрения логично вытекает из современной синергетики, согласно которой в сложных системах, к примеру социальных, всегда можно выявить целое поле возможностей, а развитие систем зависит от множества различных переменных.

2.6.2. Проблема детерминизма в психологии

В психологической науке проблема детерминации психического развития всегда была одной из центральных, ее анализ и обсуждение занимают большое место в трудах классиков отечественной психологии. Например, в концепции С.Л. Рубинштейна главными являются «три аспекта принципа детерминизма, важнейшие для субъектно-деятельностного подхода: внешние причины действуют только через внутренние условия; детерминация любого явления процессуальна; внутренние условия организованы системно» (Харламенкова, 2013, с. 17). А. В. Брушлинский считал, что детерминация любого человеческого действия, в частности, мышления, не дана изначально как нечто готовое, она образуется, постепенно формируется, т. е. выступает в виде процесса. Внутренние условия для его дальнейшего развития создаются только в ходе самого мышления (Брушлинский, 2003, с. 238).

К. В. Карпинский выделяет три формы субъектной детерминации психического развития человека. Первая форма детерминации представлена деятельностью как процессом субъект-объектного

взаимодействия человека с миром. Вторая форма – саморегуляция как процесс субъект-объектного взаимодействия человека с собственной деятельностью. Наконец, третья форма – самодетерминация как процесс субъект-объектного взаимодействия человека с самим собой (Карпинский, 2020). И. Н. Погожина фокусирует внимание не на внутрисубъектных, а на общенаучных основаниях детерминации развития содержания познавательных процессов человека и анализирует преемственность постнеклассических, классических и неклассических моделей детерминации развития психики. В ее работе обосновывается, что психику человека следует понимать как функционирование открытой развивающейся, неравновесной, самоорганизующейся системы (Погожина, 2015).

Обобщая, можно утверждать, что в психологии указанные методологические тенденции получили развитие в представлениях о множественности детерминации поведения человека. Основная причина этого заключается в том, что научные описания природных объектов, в том числе с помощью математических моделей, обычно содержат значительно меньше переменных, чем интерпретации результатов психологических исследований: «Например, в модели идеального газа можно изменять две переменные – объем и температуру – и следить затем, как изменяется третья – давление. Однако для объектов, которыми занимается психология, характерно чрезвычайное разнообразие поведения в разных ситуациях, или, другими словами, большое количество степеней свободы» (Ушаков, 2018, с. 72).

В системно-субъектном подходе Е. А. Сергиенко детерминация психического развития рассматривается как полидетерминированный процесс, включающий множество пересечений биологических, генетических, социальных, исторических и культурных компонентов. Полидетерминация психического развития анализируется на основе сложной модели мультидисциплинарных и межпарадигмальных решений, направленных на поиск генетических, генетико-молекулярных и нейрональных механизмов психического развития (Сергиенко, 2017).

Аналогичные соображения с позиций культурно-деятельностной психологии высказывает Т. В. Корнилова: «Развитие идей культурно-деятельностного подхода и конкретно-психологических системных представлений приводит к пониманию *множественности* причинности, если речь идет о познании и личности, и отказу от одноуров-

невых и односложных объяснений (при развитии многоуровневых построений). Одна причина не может быть положена в основу анализа личностных структур: дихотомии „внешнее (действует) через внутреннее“ или „внутреннее – через внешнее“ (отличие подходов С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева) не могут сводить психологический анализ к одному виду или модусу причин. Для развития психологических теорий, конкретизирующих те или иные методологические предпосылки в подходах к личности, необходимым звеном становится понимание *плюралистичности* психологических объяснений» (Корнилова, 2018, с. 372).

Например, множественность причинности, полидетерминация дискурса проявляется в полиинтенциональной системности журналистской речи. Л. Р. Дускаева, анализируя содержание медийных текстов, отмечает многослойность дискурса и, соответственно, несколько источников детерминации речи журналистов. Полиинтенциональность журналистской речи определяет ее семантико-смысловое наполнение, структуру текста или гипертекста, которая включает четыре потока воздействующего информирования: фактологический, прескриптивный, оценочный и нормативный. Назначение фактологической информации заключается в описании мира человека: событий, явлений, законов, процессов, человеческих отношений, характеров, судеб – в таком виде, в каком они представляются аудиторией. «Представление дескриптивных (фактологических) сведений, а тем более их осмысление, протекает в свете того социального идеала, которого придерживается журналист. И этот идеал (в прямом или скрытом виде), будучи основой оценок и предложений, выступает как прескриптивная информация, как представление о желаемом будущем, разделяемом журналистом. Наложение прескриптивной информации на дескриптивную, сравнение имеющихся данных с идеалом, анализ фактов в свете „желаемого будущего“ позволяют журналисту дать оценку происходящему событию, наметившейся тенденции или выявившейся закономерности. Так возникает валюативная (оценочная) информация. Оценка может быть высказана прямо или содержаться в характере подачи материала; журналист может стремиться к тому, чтобы высказать свою точку зрения на происходящее. Наконец, чтобы предложить путь к преобразованию действительной ситуации (того, что есть) в направлении к желаемому будущему, необходимо дать конкретные представления

о способах достижения этого будущего. Так возникает нормативная информация, дающая ответ на вопрос „что делать?“ в связи с определенно оцененными фактами жизни» (Дускаева, 2012, с. 259). Компоненты смысловой структуры медиатекста представлены в разных изданиях и публикациях. «Четыре информационно-содержательных потока, под воздействием авторской интенции различным образом взаимодействуя в конкретном медиатексте, определяют своеобразие его поверхностно-речевой структуры и речевого облика. Действительно, дескриптивная (фактологическая) информация передается в фактографичности, которая создается средствами передачи фактов, ситуаций, событий, описания действующих лиц, их смысловых позиций. В оценочности выражается оценочная информация, в побудительной призывности – прескриптивная, в рекомендательной побудительности – нормативная. Благодаря фактографичности, оценочности реализуется информационная направленность газеты. С помощью побудительности даются рекомендации к решению общественных проблем. Эта типовая смысловая структура медиатекста под влиянием интенциональности творческого коллектива преобразуется, обретая конкретные очертания в отдельном периодическом издании. Каждый из перечисленных информационных потоков проявляется в композиционно-стилистических особенностях текстов, которые формируются отбором и сочетанием не только разноуровневых языковых, но и паратекстуальных и аудиовизуальных средств» (там же). Мне подобное различие разных аспектов смысловой структуры медиатекста очень напоминает три типа понимания мира человека (Знаков, 2016).

Такую же полидетерминацию обнаруживают психологические исследования дискурса, в которых разные виды направленности описываются как иерархические. В частности, в политическом дискурсе направленность на действительность образует нижний уровень интенциональной иерархии высказываний политика. Интенции второго уровня иерархии направлены на апологизацию себя и дискредитацию политического противника. Цель апологизации – привлечь к своей кандидатуре избирателя, дискредитации – настроить его против конкурентов. Третий уровень интенциональной системы состоит в направленности на агитацию «своего» избирателя. Индивидуальное своеобразие политических выступлений проявляется в выраженности основных интенциональных направленностей,

а также в наборе конкретных интенций, которыми они представлены (Дискурс в современном мире..., 2011, с. 24–25).

Итак, полидетерминация отражает как саму действительность, так и языковые средства ее описания: «Реальность, изучаемая наукой, — это также „конструкция нашего разума, а не только данность“. Урок из принципа дополнительности, который важен для всех областей знания, состоит в следующем. Множественность описания системы неустранима. Нет „божественной“ точки зрения, с которой открывается „единственно верный“, исчерпывающий взгляд на всю реальность. Богатство реальности превосходит возможности любого одного языка, любой логической структуры» (Александров, Александрова, 2010, с. 25).

Вместе с тем многомерность мира человека и исследования полидетерминации многих событий и ситуаций не означают обязательности поиска «теории всего», т. е. единых оснований и причин понимания всех трех реальностей — эмпирической, социокультурной, экзистенциальной. Напротив, для аналитической ясности следует попробовать выделить главные, доминирующие детерминанты, играющие конституирующую роль в понимании каждой реальности. И хотя это некоторое упрощение проблемы детерминации, мне очевидно, что вследствие качественного различия реальностей выявление и описание ведущей доминирующей детерминанты в понимании каждой из них может оказаться научно значимым и практически полезным.

Я попытаюсь сделать это, выделив три ключевые понятия, с помощью которых можно описать детерминацию понимания в эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностях, — *необходимое, правдоподобное, невозможное*.

2.6.3. Детерминация понимания эмпирической реальности

Первый шаг мне кажется бесспорным: про *эмпирическую реальность*, основанную на пространственно-временных отношениях, можно сказать, перефразируя мнение И. Пригожина, что она характеризуется свойствами, справедливыми только в ограниченном круге ситуаций. Понимать такие ситуации следует как причинно-следственно детерминированные. Детерминированные процессы отражают физическую и логическую необходимость, они неизбежны и необратимы: сорванная ветром крыша сарая обязательно упадет на землю

и сама не вернется на прежнее место, а из ребенка вырастет взрослый, который никогда снова не станет подростком. С логической точки зрения, суждения об эмпирической реальности дихотомичны, они либо истинны, либо ложны. С точки зрения научной рациональности, истинность или ложность это главная характеристика таких суждений, потому что в них выражается необходимое — то, чего не может не быть.

В естественных науках необходимость нередко связывают с фактами, т. е. тем, что непременно проявится в действительности, в эмпирической реальности. Вот как писал об этом выдающийся физиолог А. А. Ухтомский: «Единственный неизбежный, по закону противоречия присущий признак *действительности* в наших глазах тот, что она есть нечто *принудительно (фактически) необходимое*, ибо, как мы уже говорили, не будь твердость печного угла принудительно необходимым фактом, я никогда не имел бы случая заинтересоваться существованием этого предмета в действительности; мне известно, для меня существует лишь то, что носит печать необходимости на себе» (Ухтомский, 1997, с. 340–341).

Категорией «необходимое» следует описывать даже ситуации, на динамику которых могут оказывать влияние несколько потенциальных возможных факторов, но их результатом все равно оказывается именно необходимое — либо то, либо это: «Так, пресловутая ситуация выпадения „орла“ и „решки“ дает нам схему детерминации, где конечный исход (равновероятность двух возможных событий) заведомо объективно задан самим строением монеты, имеющей лишь две устойчивые плоскости. Вся невероятно сложная детерминация отдельного акта падения монеты (события), обуславливающая известную вариативность последовательности событий (например, скорость падения, наличие вращающихся моментов, температуры, влажности, движения воздуха и пр. и пр.), не оказывает по существу никакого влияния на заданную равновероятность событий. Уже эта простейшая ситуация из области неживой природы дает нам модель диалектического соотношения двух факторов: закономерного и случайного, определяющего и второстепенного, причем закономерный фактор действует не вопреки случайному и не наряду с ним, а как раз через него» (Асеев, 1978, с. 24).

Психология — часть истории культуры и человеческого познания. Это в полной мере относится к пониманию категории «необ-

ходимое», имеющей глубокие корни в истории науки и культуры. В эпоху средневековья люди руководствовались представлениями об упорядоченном космосе и, соответственно, существовании неизблемых законов, с помощью которых можно и нужно описывать мир. Написание и чтение текстов диктовалось правилами необходимой и предустановленной однозначности. Даже значения аллегорических образов и символов, которые встречались в текстах, определялись в энциклопедиях и теологических трудах, т. е. символика носила объективный и определяющий характер. В сущности, это был дискурс однозначного и необходимого, который можно было интерпретировать в рамках «объективно заданного», но понимать его каждый читатель должен был единственно возможным образом: «Замкнутое в себе, имеющее один только глубинный смысл произведение художника эпохи средневековья отражало представление о космосе как об иерархии ясных и предустановленных порядков. Произведение как педагогическое сообщение, как моноцентрическое и необходимое структурирование (в той же самой железной внутренней согласованности метра и рифмы) отражает науку, основанную на силлогизмах, логику необходимости, дедуктивное сознание, через которое может постепенно вырисовываться реальный мир, постепенно, без непредвиденных скачков, двигаясь в одном направлении, исходя из первоначал науки, которые отождествляются с первоначалами самой реальности» (Эко, 2006, с. 91).

Таким образом, применительно к пониманию эмпирической реальности ключевым понятием является «необходимое», а детерминация является причинно-следственной.

2.6.4. Детерминация понимания социокультурной реальности

К социокультурной реальности уже не применима корреспондентная теория истины, в ней нет никаких абсолютных критериев истинности одних высказываний и ложности других. Вследствие этого политические выборы, конкурсы красоты, суждения об интеллектуальном превосходстве одного человека над другим и т. п. построены на мнениях, разных интерпретациях содержания понимаемого. Мнения не могут быть истинными, они правильны, верны с точки зрения одних людей и неправильны, не являются верными с позиции других. Иначе говоря, от мнений мы ожидаем не истинности, а *правдоподобия*.

Задам риторический вопрос: какое из двух приведенных ниже мнений кажется более правдоподобным для человека, выросшего в русской культуре?

Первое выражено в высказывании известного поэта и критика XIX в. Аполлона Григорьева: «Пушкин это наше все». Он видел в Пушкине воплощение всего самобытного, особенного, что есть в русском народе, что отличает его сознание и образ жизни от представителей других стран. Эту мысль в статье, посвященной двухсотлетию со дня рождения великого поэта («„Пушкин — наше всё“ (теоретико-литературные уроки Пушкина)», развивают Ю. Б. Боров (1999) и другие современные литературоведы. Такое мнение имеет серьезные культурно-цивилизационные основания: «Спустя сто лет после петровских реформ, в XIX в. в России в разных областях культуры, в том числе в теоретической мысли, начинается новая эпоха. В области словесности — Пушкин. Конечно, и до него были прекрасные поэты. Но именно Пушкин стал тем писателем, после которого возникла современная русская литература. Не случайно последующие русские мыслители оценивают Пушкина не просто как поэта, но и как человека, который осмыслил русские характеры, осмыслил судьбу России; как человека, который смог в литературном виде дать свое представление о том, что такое Россия» (Смирнов, 2019, с. 95). Пушкин первым из русских писателей предпринял создание концептосферы, словесного образа русской культуры как целостной системы. «В отношении собственно художественного метода Пушкин также реализовал редкий синтез классицизма и романтизма, сентиментализма и реализма, фольклоризма и многого иного, вышедшего за пределы не только пушкинской эпохи, но и системы русской классики вообще. Пушкин представлял собой смысловой узел множества культурно-исторических тенденций России Нового времени, он явился точкой концентрации множества нерешенных проблем национального масштаба и потому стал в известном смысле кульминационным моментом новоевропейского развития России XVIII—начала XIX в., во многом обусловившим ее дальнейшее духовное движение в XIX и XX вв.» (Кондаков, 2020, с. 11).

А вот другое мнение, суждение Э. Лимонова, высказанное им в книге «Священные монстры»: «Не нравится мне Пушкин? Я же говорю: от него нужны только календарные стихи, а в остальном он выпал с парохода современности давным-давно. Его проза, все эти

„Метель“, „Выстрел“, „Станционный смотритель“ – обыкновенная дворянская продукция с гусарами и прочей традиционщиной. Эти повести мог написать любой, какой угодно писатель своего времени» (Лимонов, 2019, с. 12).

Не требуется каких-то особенных умственных усилий, чтобы сделать очевидный вывод. В этом случае интеллектуальная легкость понимания первого мнения по сравнению со вторым определяется именно его значительно большим правдоподобием для русского человека. Нельзя сказать, что одно из высказанных суждений является истинным, а другое ложным, но можно утверждать, что первое для представителей русской культуры является правильным, а второе – не является.

Социокультурная реальность строится на новых, переосмысленных по сравнению с классической наукой основаниях смысла причинности. О переосмыслении говорят И. Пригожин и И. Стенгерс: «Как мы теперь знаем, общую детерминистическую связь между причиной и следствием необходимо заменить новыми свойствами, соответствующими качественному различию между устойчивыми и хаотическими режимами» (Пригожин, Стенгерс, 1994, с. 81). Обобщенно говоря, переосмысление причинности позволяет ученым понять, как из хаоса парадоксальным образом может возникать порядок (Пригожин, Стенгерс, 2014).

Для психологической науки переосмысление принципа причинности играет огромную роль, наиболее наглядно проявляющуюся в психологии неравновесных состояний (Прохоров, 1998). Типичным примером таких состояний являются мнения. «В психическом целом неравновесные (неустойчивые) состояния выполняют специфические функции, ведущей из которых является функция формирования новообразований в структуре личности и ментальности субъекта. Возникновение новообразований осуществляется в ходе неравновесных процессов благодаря „расшатыванию“ прежнего порядка и структуры психологической организации неравновесным состоянием» (там же, с. 7). Неравновесные состояния обуславливают возникновение новообразований в структуре личности, которые затем «закрепляются в виде свойств, черт и др. Возникшее новообразование, например, в виде нового обобщения (новое понимание, смысл, новое значение и пр.), приводит к сглаживанию неравновесности и переходу системы (субъекта) в относительно устойчивое (равно-

весное) состояние. Этим завершается цикл „равновесие—неравновесие—равновесие“ до следующего нарушения равновесия — ситуации, приводящей субъекта в состояние неравновесности» (там же, с. 12).

В современной психологической науке проблема соотношения устойчивости и изменчивости стала одной из ключевых применительно к психологии личности. Характерной функцией личности как сложной системы является ее способность к изменчивости. Естественно, что психологи стремятся применять методологические следствия теории неравновесных состояний для понимания процессуальной природы личности и изменчивости ее психологической феноменологии. Эта методология сегодня применяется для анализа личности как неравновесной системы, характеризующейся непредсказуемостью изменений и множественностью возможных состояний. Именно такой взгляд на личность позволяет продуктивно анализировать взаимосвязь устойчивости и изменчивости ее свойств и поведенческих проявлений (Гришина, Костромина, 2021).

Динамика флуктуаций от неустойчивости к равновесию, переход от хаоса к порядку — один из важнейших способов «возникновения новообразований в структуре личностных свойств. Возникшие новообразования в структуре личности связаны с механизмом, который называется „возникновение порядка через флуктуацию“ (по И. Пригожину). В равновесных состояниях он ослабляется и подавляется, тогда как в неравновесных состояниях, наоборот, усиливается и тем самым „расшатывает“ прежний порядок и основанную на нем структуру. В результате этого возникает неустойчивое состояние и появляется особая точка перехода (точка бифуркации) или разветвления. Какую из возможных структур и направлений в этой точке „выберет“ система (какое знание или обобщение появится у субъекта), по какому пути пойдет ее дальнейшее развитие, а (новому обобщению, знанию или новому образованию в структуре личности будет соответствовать и „новое“ поведение) — все это зависит часто от случайных факторов и заранее предсказать трудно» (там же, с. 13).

Случайность и непредсказуемость выбора направления, по которому будет развиваться система, это тот путь, по которому мы обычно идем, высказывая мнение по любому поводу. Мнение отражает не реальный, а лишь возможный предмет. Любые вопросы об онтологическом статусе мнения относятся к онтологии возмож-

ного, но не действительного: оно представляет *не предмет, а только его возможность*.

Для психологов это положение является принципиально важным, но отнюдь не новым, потому что на выявление новых возможных качеств предметов направлено творческое мышление. В научной школе С. Л. Рубинштейна даже разработан специальный метод исследования мышления, получивший название «анализ через синтез». Вот как его описывает А. В. Брушлинский: «Объект в процессе мышления включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из объекта, таким образом, как бы вычерпывается все новое содержание; он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нем выявляются все новые свойства, которые фиксируются в новых понятийных характеристиках» (Брушлинский, 2006, с. 105–106).

Самым значимым с точки зрения психологии возможного является то, что С. Л. Рубинштейн и его ученики анализируют «возможное» *не как выбор одной альтернативы из нескольких, а как некий бесконечно богатый потенциал, спектр возможностей содержания предмета*, на который всегда направлено творческое мышление. «Поворот предмета разными сторонами», «вычерпывание нового содержания» — это и есть такой психологический анализ мышления, который противостоит современным концепциям принятия решения как интеллектуального и личностного выбора.

Таким образом, необходимо развести *два* варианта содержания «возможного» — его интерпретации как альтернатив, выбора вариантов (правда или ложь, альтруизм или эгоизм, оправдание или осуждение) и как раскрытия новых потенциальных возможностей уже, казалось бы, проанализированного предмета исследования. Игра в шахматы или психология принятия решений сфокусированы на «внешнем» выборе, анализе множества вариантов, рассматриваемых познающим субъектом, один из которых, в конечном счете, принимается за правильный. А литературовед, специализирующийся на творчестве Ф. М. Достоевского, всю жизнь имеет дело с творчеством одного писателя, он лишь открывает все новые грани его творчества. Психологическим анализом мышления как перебора вариантов, например, в системах искусственного интеллекта, ученые занимаются уже более пятидесяти лет. За прошедшие пол-

века были выявлены не только достоинства, но и многочисленные неустранимые недостатки методов перебора.

Недостатки мышления, основным принципом которого является перебор вариантов, не сводятся только к интеллектуальной сфере, иногда они имеют весьма ощутимые материальные последствия. Современным вариантом решения задачи методом перебора является Федеральный закон Российской Федерации от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Миллионы граждан России в течение полугода совершают сотни, а иногда даже тысячи звонков. Среди граждан только единицы являются террористами, а информация из их звонков составляет ничтожную долю от общего числа, и ради этих единичных случаев надо перебирать гигантские массивы «пустой» информации. Огромные материальные вложения с целью реализации закона (в частности, создание хранилищ данных с большим объемом накопленной информации) привели к удорожанию сотовой связи и сказались на финансовом положении миллионов россиян. Заложенный в законе способ анализа данных никак нельзя признать оптимальным. Неудивительно, что современную психологию возможное больше интересует не как множество альтернативных вариантов выбора, а как потенциал для более углубленного понимания того, что мы уже знаем.

Анализируя психологию возможного, ученым нужно ответить на вопрос: какой тип детерминации напрямую связан с формированием убеждения в правдоподобии понимаемых ситуаций и в наибольшей степени характеризует понимание социокультурной реальности? Я полагаю, что наиболее подходящей в этом контексте является категория и, соответственно, феномен, «каузального инкрементализма» (поэтапности, пошаговости, *англ.*), термин, введенный в нашу психологию Т. В. Корниловой. Стратегия каузального инкрементализма основана на осознании людьми, принимающими решение, например в бизнесе, хаотичности, непредсказуемости, неопределенности изменений внешней среды. Вследствие этого субъекты, принимающие решение, понимают, что построить целостную причинно-следственно обусловленную картину бизнес-ситуации невозможно. Вместо этого они ориентируются на достижение

конкретных целей, реализуемых совокупностью последовательных шагов в заданном направлении и отказываются от детального планирования всей последовательности действий, приближающих их к конечной цели. В каузальный инкрементализм заложена идея о том, что «причинный вывод может содержать в себе последовательность шагов, из которых как минимум два включают выводы о разных причинно-следственных связях» (Корнилова, 2018, с. 375). Главным при этом становится человеческий фактор: основное значение при выборе решения имеет не столько рациональное обоснование идеальных общих целей, сколько различия в мотивах, интересах, моральных и социальных нормах взаимодействующих субъектов. Следовательно, инкрементальное принятие решений происходит не только на рациональной основе, большую роль играют интуиция, прошлый опыт и т. п. Как будет показано в главе 3, в «обществе переживания» типичной ситуацией, в которой люди ориентируются не на рациональные, а на ценностные иррациональные компоненты понимания мира человека, является постправда.

2.6.5. Детерминация понимания экзистенциальной реальности

При понимании *экзистенциальной реальности* мышление человека направлено на осмысление непостижимого и невозможного. Отношение к «непостижимому» в имплицитном виде проходит по всей истории философской мысли. Проявленность, постановка этой проблемы — заслуга русской философии (Ткачев, 2009). Для психологов сегодня уже совершенно очевидно, что экзистенциальный опыт как компонент человеческого бытия включает и объективно непостижимые для субъекта области. Внепонятийное, иррациональное, бессознательное и надсознательное знание о мире можно характеризовать или как «*непостижимое для нас*» или как «*непостижимое по существу*» (Франк, 2007). Непостижимость мира человека — это один из атрибутов человеческого бытия, а непостижимое для нас оказывается закономерным следствием человеческого разума, пытающегося разгадать загадки сложного многомерного мира.

Вот как об этой взаимосвязи человеческого разума и противостоящего ему мира писал Н. Н. Талб: «Сейчас мы попробуем разобраться в том, что не принято афишировать: в структурных ограничениях нашей возможности предсказывать. Эти ограничения накладываются не человеческой природой, а природой самой этой деятельности —

слишком сложной не только для нас, но и для любых инструментов, которые есть или когда-либо окажутся в нашем распоряжении. Отдельные Черные лебеди вечно будут неуловимы, значит, удач в прогнозировании нам не ждать» (Талеб, 2016, с. 275–276).

Одна причина непостижимости некоторых событий и ситуаций заключается в принципиальной невозможности их предсказания, понимания и объяснения в терминах рациональных когнитивных схем. Изучая психику человека, особенно применительно к социокультурной и экзистенциальной реальностям, психологи имеют дело не столько с достоверными знаниями, сколько с ценностями и смыслами. Последние уходят своими корнями в потребностно-мотивационную сферу и глубины бессознательного. И получается, что подлинно научное психологическое исследование начинается с осознания ученым ограниченности и потому непродуктивности многих привычных когнитивных схем и шаблонов для изучения внутреннего мира человека.

Другая причина непостижимости некоторых событий и ситуаций человеческого бытия связана с нередко возникающими у современного человека трудностями определения онтологии социального мира. Такие трудности неизбежны при нарушении наших ожиданий, порождающих невозможность совместить очевидное с, казалось бы, невероятным. Иногда происходящее настолько расходится с привычным для субъекта течением бытия, что его почти невозможно признать реальностью. Очень показательный пример есть в книге В.А. Шкуратова о событиях 11 сентября 2001 г. Собеседник журналиста «рассказал о впечатлениях своего знакомого. Тот ехал из нью-йоркского аэропорта и смотрел на горящие небоскребы. Он видел пожар, но не мог признать его за реальность. Это был вымысел. Признать подлинность зрелища оказалось крайне трудно. В этих отрывочных впечатлениях просматриваются контуры смещенной онтологии, в которой реальность и вымысел поменялись местами. В спорах между сторонниками социального конструкционизма и доктрины отражения, похоже, наступает решающий перелом. Картина перед глазами человека фиктивна (сконструирована) и в то же время перцептивно реальна. Она вынесена за пределы той условной рамочности, которая позволяла воспринимать ее в качестве „как бы реальности“ и помещена туда, где раньше находилась реальность без „как бы“» (Шкуратов, 2002, с. 22).

С. Л. Франк убедительно показал, что непостижимое следует рассматривать как неведомую глубину действительности, которая лежит в ином измерении бытия, отличного от предметного понимаемого и объясняемого мира. Действительность, даже предметно-объектная, никогда не может быть описана только понятиями, потому что она представляет собой нечто большее, соотносимое с непостижимым. Предвосхищая современную проблематику неявного знания (Полани, 1985), С. Л. Франк писал: «Действительный состав нашего знания и познания заключается, напротив, в том, что все открыто или явно „данное“ (в узком, специфическом смысле этого слова) дано лишь на фоне не-данного, неявного, неизвестного» (Франк, 2007, с. 37). Всякое знание содержит в себе незнание (и выявление возможного), а познание содержит указание на непознанное, неизвестное, неведомое. «Таким образом, наше знание в любом его состоянии и в любой области, к которой оно относится, не только *сопровождается* незнанием, но и внутренне с ним смешано. Следовательно, бытие всегда и во всяком своем отрезке познаваемо и *одновременно* непостижимо. *Всё познанное, знакомое, известное не перестает оставаться для нас непостижимой тайной*» (там же, с. 51). С. Л. Франк подчеркивает, что непостижимое для нас определяется существованием не только предметного знания, но и некой скрытой от познающего субъекта действительности, которая, как сказал бы М. Фуко, может быть описана только на основе духовного знания: «Мы формулируем это общее положение так: *всякая вещь и всякое существо в мире есть нечто большее и иное, чем все, что мы о нем знаем и за что мы его принимаем, — более того, есть нечто большее и иное, чем все, что мы когда-либо сможем о нем узнать; а что оно подлинно есть во всей своей полноте и глубине — это и остается для нас непостижимым*» (там же, с. 55).

Непостижимое по существу возникает как отражение объективных характеристик самого бытия. Человеческое бытие всегда есть нечто большее и иное, чем все мыслимое, и тем более описываемое — в понятиях.

Во-первых, потому, что в любой момент времени бытие уже потенциально содержит то, чем оно станет в будущем. Иначе говоря, любая реальность человеческого бытия является возможностью и того, чем она станет, но пока еще не является. В этом ракурсе размышления о возможном актуальны по отношению не только к эмпири-

ческой реальности, но и к социокультурной. В диалоге смысловая наполненность событий оказывается тем выше, чем с большим числом возможностей их развития они сопоставляются. В психологии понимания это соответствует полноте понимания, прямо зависящей от количества интерпретаций, включенности понимаемого в разные контексты. И это относится не только к тому, что может быть, но и тому, что, безусловно, существует сейчас или было в прошлом. Парадоксально, но наше понимание исторических фактов, прошлых событий определяется сегодняшним их осмыслением. Вспомним высказывание, которое нередко звучит иронически, но тем не менее потенциально содержит в себе глубокий смысл: «Россия – страна с непредсказуемым прошлым». Его пояснением может служить такое суждение: «Даже прошлое, которое, несомненно, было тем, чем оно было, и то невольно впускает эту модальность возможного в свой завершённый мир, поскольку каждый факт по мере его удаления от нас превращается в гипотезу, открывает простор для интерпретаций, для многочисленных „что было бы, если бы“. Мы начинаем гадать о том, что раньше знали. Вчерашний факт превращается в сегодняшнюю гипотезу» (Эпштейн, 2004, с. 115).

Модальность возможного применительно к истории означает, что ее нужно рассматривать не только в контексте реализованных событийных альтернатив, но и с точки зрения множества нереализованных возможностей: «В этих высказываниях есть твердая последовательность: ретроспективный взгляд неизбежно подводит к выводу, что реально произошедшее – не только наиболее вероятное, но и единственно возможное. Если же исходить из представления о том, что историческое событие – всегда результат осуществления одной из альтернатив и что в истории одни и те же условия еще не означают однозначных последствий, то потребуются иные приемы подхода к материалу. Потребуется и другой навык исторического подхода: реализованные пути предстанут в окружении пучков нереализованных возможностей. Представим себе кинофильм, демонстрирующий жизнь человека от рождения до старости. Просматривая его ретроспективно, мы скажем: у этого человека всегда была только одна возможность, и он с железной закономерностью кончил тем, чем должен был кончить. Ошибочность такого взгляда станет очевидной при перспективном просмотре кадров: тогда фильм станет рассказом об упущенных возможностях, и для глубокого раскры-

тия сущности жизни потребует ряда параллельных альтернативных съемок. И возможно, что в одном варианте герой погибнет в 16 лет на баррикаде, а в другом — в 60 лет будет писать доносы на соседей в органы госбезопасности» (Лотман, 1996, с. 320–321).

Бытие человека как осознание собственных возможностей, условно говоря, осуществляется, по крайней мере, в двух основных направлениях. Я мыслю, но осознаю реальные возможности и ограничения своего физического тела: я могу пройти пешком десять километров, но вряд ли смогу пробежать 42 км марафонской дистанции). Вместе с тем я мыслю и в своем творческом мышлении свободен, например, осознаю множество возможных вариантов написания этого текста (напомню современную модификацию знаменитого тезиса Декарта: «Существовать — значит мыслить возможное»).

Во-вторых, бытие больше мышления потому, что в человеческом бытии немало событий и ситуаций, количество сведений о которых явно превышает возможности оперативной памяти и мышления познающего мир субъекта. В контексте психологии человеческого бытия, основанием которой является психология субъекта, уместно заметить, что «непостижимое по существу» С.Л. Франка как скрытое, недостижимое, лишь искомое субъектом явным образом перекликается с искомым, неизвестным в процессе мышления, которое, по А. В. Брушлинскому, изначально никогда не совпадает с заданным требованием задачи (Брушлинский, 2006).

Непостижимость для человека многих событий и ситуаций определяется невозможностью определения их причин или последствий. Например, мэр мегаполиса ни при каких условиях не может знать, где именно может прорвать трубу, а руководители спецслужб обо всех готовящихся терактах. Примеры подтверждают очевидное: существуют такие сложные многомерные ситуации, в которых люди никогда не смогут узнать все причины их последующего изменения. Иначе говоря, причины непознаваемы.

Вместе с тем в мире человека случаются события, причины которых искать не только безрезультатно, но и бесполезно: они произошли «не из-за прошлого, а для будущего». Сегодня во всем мире происходят теракты в местах больших скоплений людей. И пострадавшим бесполезно спрашивать: «Почему я, за что мне это?» Ни за что: он/она стал(а) жертвой не потому, что до этого поступал(а), вел(а) себя неправильно. Террористы его/ее даже не знали и о нем/ней не дума-

ли. Цели террористов всегда устремлены в будущее, их задача — запугать и заставить выполнить свои требования не пострадавшего, а совсем других людей. Другими словами, целью является не наказание, а предупреждение.

Этот пример не уникален для мира человека и истории человечества. М. Н. Эпштейн иллюстрирует эту мысль библейским сюжетом из Евангелия от Луки о восемнадцати жителях Галилеи, на которых упала Силоамская башня. Речь идет об откровении Иисуса Христа о беспричинности, но небеспоследственности несчастных случаев и роковых происшествий. В ответ на жалобы людей «Иисус сказал им на это: думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, то так же погибнете». М. Н. Эпштейн пишет: «Парадокс этого рассуждения в том, что погибшие погибли не из-за своей вины — они не были греховнее тех, что остались жить; но те, что остались жить, могут погибнуть уже по своей вине, потому что перед их глазами есть пример тех, кто погиб, не успев раскаяться. Получается, что гибель людей и связана, и не связана с их виной, причем это относится к одному и тому же событию, такому характерно-случайному „происшествию“, как падение Силоамской башни» (Эпштейн, 2004, с. 556).

Из сказанного следует, что непостижимость определяется неразрывной связью прошлого и будущего не только в индивидуальной жизни, но и в целостном человеческом бытии, понимающем или не способном понять себя.

Согласно Франку, «всякая реальность в ее конкретности металогична и потому сверхрациональна, непостижима по своему существу. Поэтому и все ведомое нам и нам знакомое остается лишь ведомой и знакомой *стороной* реальности, ведомым и знакомым ее «явлением» или «отображением», тогда как сам источник и носитель всего ведомого — сама реальность как таковая, — *будучи открыта нашему созерцанию*, именно в этом созерцании усматривается как *по существу непостижимое*. Она непостижима, таинственна и чудесна в этом смысле, повторяем, не по слабости наших познавательных способностей, не потому, что скрыта от нашего взора, а потому, что *ее явно нам предстоящий состав сам по себе, по своему существу превосходит все выразимое в понятиях и есть в отношении содержания знания нечто безусловно инородное*. Именно в этом смысле оно *непостижимо по существу*» (Франк, 2007, с. 71).

Следует уточнить: непостижимость не означает принципиальной невозможности понимания. Непостижимость человеком некоторых событий и ситуаций возникает вследствие трудностей концептуализации. Другими словами, объединения в целостную схему, структуру осознаваемых и неосознаваемых, но все-таки интуитивно понятных категориальных знаний о понимаемом. Ведь понимание — это всегда соотнесение нового с известным, включение предмета понимания в структуру личностного знания понимающего субъекта. А когда мы имеем дело с непостижимым, то невозможно однозначно выявить причины и следствия событий и явлений — они детерминированы случайным для понимающего мир субъекта способом. Тогда возникает вопрос: какое ключевое понятие наилучшим образом подходит для раскрытия психологических механизмов детерминации того, что есть и происходит в экзистенциальной реальности? Таким понятием является «невозможное». Детальный анализ невозможного, а также немислимого осуществлен в следующей главе.

Итак, неоднородность понимания, его неодинаковость и кажущуюся разнонаправленность ни в коем случае нельзя считать недостатком психологического анализа этого феномена. Неодинаковость понимания вытекает, во-первых, из многоуровневости действительности мира человека, состоящей, по меньшей мере, из трех указанных выше реальностей. Во-вторых, с возникновением и развитием психологии возможного ученые все больше внимания уделяют неявным, скрытым, неочевидным и даже тайным сторонам мира человека. Их выявление и описание возможно только на основе научных представлений о множественном характере детерминации природного и социального миров. Продвигаясь в изучении понимания от эмпирической реальности к пониманию экзистенциальной, мы вынуждены переходить от линейного лапласовского детерминизма к учету закономерной случайности и непредсказуемости многих событий и явлений природной и социальной действительности.

С точки зрения методологии современной науки в течение XX в. кардинально изменились научные представления о детерминизме: многое из того, что раньше считалось случайным, теперь анализируется учеными как вполне закономерное. В классической науке научная рациональность рассуждений ученых была направлена на поиск

вечных и неизменных законов, описываемых истинными суждениями о природе и обществе. Сегодня, после публикации работ И. Пригожина, М. Н. Эпштейна и других ученых, стало очевидно, что в мире человека, включающем природу, существуют как минимум два типа законов. Одни направлены на объяснение необходимого, того, чего не может не быть, другие – возможного, того, чего нет в действительности: оно может быть, а может и не быть (Пригожин, Стенгерс, 1994, 2014; Эпштейн, 2001). Замечу, что законы первого типа проявляются, прежде всего, в эмпирической реальности, а второго – в социокультурной, особенно в экзистенциальной реальности.

В мире человека простыми и устойчивыми ситуациями являются только те, которые относятся к эмпирической реальности. В социокультурной реальности лапласовский жесткий детерминизм, напротив, мешает пониманию событий. Для обоснования этого тезиса приведу цитату из работы крупного философа и политического теоретика Х. Арндт: «То, что несоответствие между «причиной и следствием» достигло таких размеров, что в конце концов стало комичным, стало одним из отличительных признаков современной истории и политики – и, между прочим, одной из основных причин того, почему для современных историков и идеологов так соблазнительны представления об объективной причинности или суеверная вера в необходимость, будь то необходимость гибели или спасения. Однако некоторое несоответствие между объективными элементами и свободным действием людей, с одной стороны, и событием – с его величественной необратимостью, оригинальностью и избытком смыслов – с другой, присутствует всегда и пронизывают всю человеческую реальность. Это также причина того, почему мы не знаем ни одного исторического события, которое не зависело бы от огромного числа совпадений или для которого мы не могли бы представить одну или несколько альтернатив. Необходимость, из которой сознательно или бессознательно исходит вся каузальная историография, не существует в истории. Что реально существует, так это необратимость самих событий, пронзительная эффективность которых в сфере политического действия означает не то, что отдельные элементы прошлого получили свою окончательную, определенную форму, а что родилось нечто неотвратимо новое» (Арндт, 2018, с. 532).

Невозможность использования лапласовского детерминизма применительно к социальным событиям обусловлена, в частнос-

ти, тем, что они принадлежат одновременно и прошлому, и будущему. Любое событие означает конец какого-то промежутка человеческой истории, истоками которого стали компоненты, элементы произошедшего. Однако будущее развитие события ни в коем случае не сводится к составляющим его элементам. Причины события потому нельзя вывести, только обратившись к его истокам, что в социокультурной реальности любое развитие выходит за пределы наличного. Событие как будущее определяется мотивами, стремлениями, действиями людей – всем тем, что Х. Арендт называет сферой человеческой свободы.

Исследование возможного, невозможного и немислимого должно основываться на таком переосмыслении детерминации психического, согласно которому случайное следует рассматривать как закономерное проявление научной картины мира. Невозможное, немислимое являются неотъемлемой частью экзистенциального опыта понимающего мир субъекта. Актуальная задача психологических исследований – определить, как из онтологической случайности и неупорядоченности мира может возникать гносеологическая упорядоченность возможного и невозможного. Сегодня нельзя понять мир без анализа такого мысленного структурирования. Поскольку мир рассматривается учеными как веер возможностей, то возможное, невозможное, немислимое, безусловно, оказываются центральными проблемами современной науки. Соответственно устремленность психологии возможного в будущее отражает важнейшую тенденцию ее развития.

Глава 3

Необходимое, правдоподобное, невозможное и немыслимое

Если политика есть искусство возможного,
то вся наша жизнь — политика.

Ч. Павезе

В мире человека возможное неразрывно связано с действительным, но в психологии понимания мира субъектом их соотношение, «удельный вес» неодинаковы. Можно сказать, что действительное это осознанное, в психике субъекта оно представлено в форме осознаваемых знаний (на каком континенте находится государство Камерун?). Действительное понимается по типу понимания-знания.

В эмпирической реальности действительное обладает очень большим удельным весом, потому что люди осознанно выбирают альтернативы, на основании которых совершают поступки (зимой отправляться на длительную прогулку целесообразнее в пальто или в купальном костюме?). В эмпирической реальности осознанный выбор альтернатив невелик и сводится к дихотомии «да—нет». Вместе с тем, не следует забывать о потенциальных возможностях понимаемой эмпирии. Например, с психологической или физической точки зрения ответ на простой вопрос: «Снег белый или черный?» явно неоднозначен.

В социокультурной реальности действительное представлено широким спектром мнений, к одному из которых присоединяется понимающий субъект (летом отдыхать лучше в Сочи или в Мурманске?). Жить в социокультурной реальности — значит изначально признавать возможность и даже необходимость иных точек зрения. В этом залог творческого развития субъектов общения

В экзистенциальной реальности понимание мира основано на экзистенциальном опыте и постижении, и потому многие альтерна-

тивы изначально скрыты, неосознаваемы понимающим. Иначе говоря, альтернативы являются не столько действительными, сколько возможными. Возможное оказывается неосознаваемым бессознательным, которое субъект, опираясь на свои переживания и экзистенциальный опыт, может понять только по типу понимания-постижения. Например, в конце 2011 г. правительство Израиля обменяло военнопленного капрала Г. Шалита на 1027 палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах за совершение террористических актов и другие преступления против мирных жителей. Очевидная диспропорция этого решения с точки зрения уравнительной справедливости, согласно которой по принципу «равное – за равное» следует соблюдать эквивалентность при оценке вреда и его возмещения, не может быть объяснена никакими сознательными логическими рассуждениями. Решение было основано на повседневном знании и экзистенциальном опыте людей, долгие годы живущих в условиях арабо-израильского конфликта.

Следовательно, в эмпирической и социокультурной реальностях действительность для познающего мир субъекта никогда не бывает единственной, однозначно понимаемой, потому что он предвосхищает, прогнозирует, а иногда и просто догадывается о существовании возможного, на основании которого можно расширить представления о действительном. Психологический анализ содержания указанных понятий сегодня очень актуален для психологической науки, потому что вопрос о соотношении необходимого и возможного возникает в самых разных ее областях (см., например: Менделевич, 2019).

Цель главы – проанализировать три типа детерминации понимания в эмпирической, социокультурной, экзистенциальной реальностях и соответствующие им понятия: необходимое, правдоподобное, невозможное и немислимое.

3.1. Необходимое – отличительный признак эмпирической реальности

3.1.1. Необходимое и случайное в понимании эмпирической реальности

В самом общем значении этого понятия «необходимое» – то, чего не может не быть, чего невозможно избежать. В философии «необ-

ходимым называют явление, однозначно детерминированное определенной областью действительности, предсказуемое на основе знания о ней и неустранимое в ее границах» (Левин, 2001, с. 53). Даже если причины неизвестны, суждения о необходимости люди нередко делают на основании повторяемости событий (солнце восходит и заходит, день сменяется ночью и т. п.).

Обращение психологов к анализу философских категорий не означает их склонности к абстрактному теоретизированию, оно обусловлено глубинными потребностями психологической науки, в частности, психологии личности. Например, Н. В. Гришина пишет о том, чего «фактически лишен человек, существующий в современной реальности с ее сложностью и неопределенностью, вынуждающей его к самостоятельному определению „требований ситуации“, ставящей его в условия необходимого самоопределения в пространстве возможностей, фактического конструирования собственного жизненного пространства и самоконструирования» (Гришина, 2018а, с. 132).

В современной психологии понимания категория «необходимое» наиболее глубоко и полно изучена применительно к эмпирической реальности мира человека. В необходимом проявляется главная детерминистическая тенденция событий и явлений: ньютоновское яблоко под воздействием гравитационного поля обязательно упадет с яблони на землю — это давно установленная закономерность. Однако это не означает отсутствия в эмпирической реальности случайного, непредсказуемого. Момент падения зависит от случайного (с точки зрения человека) совпадения многих факторов: биохимических процессов, влияющих на созревание плода, силы ветра, влажности и других.

С точки зрения диалектики «необходимое» неразрывно связано со «случайным». Интересна классификация Ю. В. Чайковского (2004), проанализировавшего семь типов случайных явлений.

1. Непонятая или неизвестная закономерность. Распространенность таких случайных явлений в человеческом обществе очень велика — от детских стишков-считалок (где закономерность не видна только детям) до первобытных людей, у которых, по Л. Леви-Брюлю, не было ничего случайного.

2. Скрещение несогласованных процессов: два и более причинных ряда могут быть известны, но их несогласованность может определять суть дела (случайность движения молекул газа и случайность мутаций).
3. Уникальность: случайностью нередко называется то, что может не повториться при воспроизведении прежних условий.
4. Неустойчивость движения. Случайные явления такого вида вызваны нерегулярностью отображения множества начальных точек движения во множество конечных (проявляются в теории естественного отбора).
5. Относительность знания, проявляющаяся в принципе дополнителности, теории естественного отбора и других областях научного познания, обнаруживших, что закономерное с одной точки зрения может быть случайным с другой.
6. Имманентная случайность, т. е. случайность, внутренне присутствующая данному объекту (явлению). При этом «вопрос об имманентности случайности оказывается на деле связанным с вопросом об относительности знания. Если вы объявили какое-то явление имманентно случайным, то вас может опровергнуть любой, кто укажет в нем закономерность, вами не замеченную» (Чайковский, 2004, с. 175).
7. Произвольный выбор: случайностью следует назвать всякий выбор элемента из какого-то множества, который человек не может характеризовать однозначно. «Другими словами, случайность разнообразия можно характеризовать как такой взгляд на него, при котором мы отказываемся исчерпывающе характеризовать отдельные объекты, но можем, хотя бы в принципе, характеризовать их множество» (там же).

Е. Е. Сапогова, анализируя случайность как онтологу автобиографических нарративов и опираясь на модель Ю. В. Чайковского, выделяет несколько уровней случайных происшествий, характеризующихся нарастанием «степени случайности».

«На нулевом уровне никакой случайности в рассказах о себе и своей жизни нет, все выглядит детерминированным, и причинно-следственные связи между разными событиями кажутся человеку очевидными, пусть даже он приписывает их высшим силам, абсолюту, богам, трансцендентным сущностям и пр.

Первую ступень случайности демонстрируют явления, одновременно состоящие из детерминированных и стохастических компонентов. Примером может служить стрельба в цель, где выбор цели и прицеливание неслучайны, но всегда возникает случайный разброс попаданий. Греки обозначали ее словом „стохазома“ (целиться, догадываться, отгадывать).

На второй ступени находятся явления, которые при повторении однотипных условий встречаются с достаточно большой частотой (именно им посвящены практически все известные „случаи“ мировой литературы – встречи, дуэли, утраты, находки, аварии и пр.).

Но основная масса случайных происшествий относится к третьей ступени: здесь мы имеем дело с явлениями, которые, как кажется, должны наступать в жизни с большой степенью вероятности, но на деле почти не возникают в опыте конкретной личности („большая любовь“, „торжество справедливости“, „награда за жертвование“, „возможность подвига“, „возвращение покинувшего“ и т. п.), что, в общем, не мешает всем нам „верить и ждать“.

Четвертый уровень „случайности“ относится к явлениям, у которых нет устойчивой частоты, но при желании их наступление человек может попытаться спровоцировать своими действиями („искушая судьбу“, пускаясь в авантюры, рискуя). Он похож на случайное блуждание, „поиск приключений на свою голову“, и, соответственно, „кто ищет, тот всегда находит“, хотя и не всегда найденный случай – „тот самый“, желанный. В личных историях такого типа встречаются сюжеты поездок в аномальные зоны, рискованных экспериментов на себе (с наркотиками, опасными веществами и действиями и пр.), постановки себя в экстремальные обстоятельства с надеждой „узнать, что будет, если“ и т. п.

Пятая ступень содержит „допустимые явления“: они почти никогда не происходят, но люди считают их появление в принципе возможным, поскольку знают об их существовании по свидетельствам неких „очевидцев“. Это хорошо отражает литературный жанр быличек, распространенный в современном городском фольклоре, в котором фигурируют привидения старых квартир, вернувшиеся после многолетнего отсутствия и не ориентирующиеся в настоящем времени знакомые, встречи с двойниками, контакты с умершими родственниками, актуальное переживание своих прошлых жизней и пр. В личных историях это могут быть крупные выигры-

ши, внезапные получения наследства от неизвестных лиц, чудесные спасения из безвыходных обстоятельств, неожиданная помощь свыше и пр.

На шестой ступени оказываются случайные происшествия, наступление которых предсказать уже невозможно, хотя можно абстрактно предполагать и верить, что они могут произойти в принципе (встреча с инопланетянами).

Седьмой уровень предполагает случайные происшествия, наступление которых не выражается ни распределением вероятностей, ни частотами, но все же они допускают какую-то детерминацию в форме личных предпочтений, фантазий и ожиданий субъекта. Они похожи на действия Винни-Пуха, вырывшего яму с намерением поймать способного угодить в нее неизвестно существующего или нет, странного зверя слонопотама.

И наконец, на восьмом уровне находятся события, исключающие любую детерминацию, поскольку людям неизвестен даже ряд, из которого могут „выпадать“ подобные альтернативы (вспомним булгаковское: „Земля налетит на небесную ось“). Здесь мы имеем дело с хаосом, полной непознанностью, и вряд ли кто-то всерьез может думать о встречах с такими событиями» (Сапогова, 2017, с. 294–295).

Таким образом, в психологических исследованиях необходимое и случайное представлено не только в скрытом, имплицитном, но и в явном виде.

3.1.2. Признаки понимания эмпирической реальности

Можно выделить несколько признаков, характеризующих понимание ситуаций, событий и явлений эмпирической реальности.

1. Психологическими основаниями понимания предметов, событий и ситуаций являются «предметные значения» (Леонтьев, 2001) и знания. Психологическим основанием понимания-знания понятий, описывающих факты эмпирической реальности, оказывается именно одинаковое для всех значение, а не индивидуальный личностный смысл. И это неудивительно: высказывание «Расстояние от Москвы до Парижа по прямой – 2487 километров или 1544 мили» имеет для всех образованных людей одинаковое значение, но в нем потенциально не содержится личностного отношения, индивидуального смысла (для порожд-

дения смысла нужны дополнительные высказывания). Другое дело, что в метрической и американо-британской мерах длины выражены неодинаковые значения, т. е. формы идеального существования действительности.

2. Психологическое содержание понимания-знания строится не на духовном, знании, а на познавательном (Фуко, 2007). Такое знание по большому счету всегда направлено на адекватное отражение эмпирической реальности. Оно отражает, но не преобразует: ничего не изменяет в познающем ее субъекте, и он ничего не может извлечь из него для собственного преобразования. Познавательное знание абстрактно или конкретно отражает мир, а духовное и неразрывно связанное с ним духовно-практическое указывают, как можно познавать и действовать в ходе преобразования эмпирической, социокультурной и экзистенциальных реальностей.
3. В эмпирической реальности мы понимаем объективно истинное знание о закономерно повторяющихся процессах и явлениях (солнце всходит и заходит, и так происходит каждый день). Основная цель научных исследований эмпирической реальности – сформулировать законы бытия, описывающие то, что есть. «Законом» в этом значении понятия называется то, что регулярно повторяется и происходит именно так, как происходит. Изучая явления, подчиняющиеся таким законам, ученые стараются выявить объективно существующие причинно-следственные связи и устойчивые отношения. Хотя это может показаться странным любому здравомыслящему человеку, но сегодня существование эмпирической реальности необходимо снова доказывать. С появлением в 2011 г. в Италии «нового реализма» научные дискуссии о существовании действительности обрели новые рамки, ограничительный концептуальный каркас, который определяет необходимость различения онтологии и гносеологии: действительность, существующую независимо от наших представлений о ней, и теоретические модели, включающие способы ее познания и понимания. М. Феррарис иллюстрирует такое различие на примере изучающих природу школьников и судей, которые при вынесении приговора опираются на модельные представления – прецеденты, установления, законы (Феррарис, 2014).

С методологической точки зрения сложнее обстоит дело с пониманием микромира. В этом контексте одним из самых научно значимых оказывается вопрос об онтологическом статусе ненаблюдаемых сущностей современной физики: являются ли они реальными объектами или представляют собой социальные конструкты? (Мамчур, 2017). Другими словами, это вопрос о том, что, например бозон Хиггса, существует в природе до того, как его предсказала теория? В физических экспериментах его открыли или создали, как утверждают социальные конструкционисты? Аргументация последних такая: открытия и бозона Хиггса и других элементарных частиц были бы невозможны не только без физических теорий, но и без армии экспериментаторов, построивших суперколлайдер, технологов, сконструировавших экспериментальные установки, и многих других. Иначе говоря, предварительное осмысление проблемы определяет конкретное видение результатов ее решения. Вместе с тем очевидно и обратное: природная детерминация просматривается даже в сложных социальных конструктах. Например, болезнь, это отклонение от нормального функционирования организма, как бы оно не трактовалось в разных культурах. Обсуждая вопрос о том, идет ли речь о создании или открытии микрообъектов в ходе экспериментов, Е. А. Мамчур высказывает мнение, с которым я полностью согласен: «Мне думается, что социальные конструктивисты делают в данном случае довольно типичную для современной философии науки ошибку: они смешивают, не различают два на самом деле различных плана рассмотрения проблемы — эпистемологический (иногда говорят эпистемический) и онтологический. Чтобы остаться на реалистических позициях, конструктивист должен сказать: да, мы конструируем результаты экспериментов, но только в эпистемическом, но не в онтологическом смысле. Между тем социальные конструкционисты, оставаясь в рамках онтологического плана рассмотрения эксперимента, в котором бозоны обнаруживаются, рассуждают так, как будто в процессе эксперимента создаются, конструируются реальные объекты микромира, т. е. само сущее» (там же, с. 112–113).

Таким образом, понимание даже «простых» природных объектов оказывается сложным многомерным психологическим феноменом, требующим тщательного соотнесения необходимого действительного и возможного.

3.1.3. Необходимое в понимании познавательных тайн

В обыденной жизни типичным примером скрытых от понимающего субъекта возможностей, которые есть в социальных ситуациях и которые необходимо раскрыть, являются познавательные тайны. В психологии их анализ представлен, в частности, в одном из двух видов интерпретации, используемых психологами при обсуждении личностных проблем. А. А. Пузырей проиллюстрировал эти виды интерпретации на примере анализа Л. С. Выготским трагедии о Гамлете (Пузырей, 2005).

Первый вид интерпретации, когнитивный, познавательный, раскрывается указанием на попытки читающего пьесу У. Шекспира, выявить сокровище в тексте, т. е. разгадать загадку, понять, в чем секрет. Иначе говоря, для адекватной содержательной интерпретации субъект должен преобразовать возникшую проблемную ситуацию в задачу, которую нужно решить. Когнитивную (познавательную) интерпретацию мы используем каждый раз, когда пытаемся осмыслить какое-то явно осознаваемое содержание нового знания: точка кипения воды 212 градусов — это по шкале Цельсия или Фаренгейта? Осмысление требует от субъекта преобразования проблемной ситуации в задачу, в которой уже уточнены ее условия: знание различий названных шкал, обращение к энциклопедии и т. п. Именно такой вид интерпретации нетрудно обнаружить в рассуждениях авторов приведенных выше публикаций о возможных Я. В психике людей анализ возможных вариантов Я (я пишу диссертацию, я веду ребенка в школу, я отдыхаю на черноморском берегу) обычно завершается осознанным выбором конкретных поступков. Когнитивная интерпретация в наибольшей степени применима к ситуациям, которые я описывал как познавательные тайны (Знаков, 2016), а А. А. Пузырей называет секретами. Как в детективном романе, когнитивная интерпретация направлена на преобразование проблемной ситуации в решаемую задачу, замещение содержания загадки интерпретируемым: «Понимание „секрета“ упраздняет его „реальность“; понятый или „раскрытый“ секрет как таковой уже не существует. Существует же теперь — как некая „позитивность“ понимания — его „разгадка“, некий позитивный, лишенный „характера требования“, обращенности к нам, „вопрошания“, ясный и прозрачный для рационального сознания, ему „соразмерный“ смысл. „Секрет“ — это то, что содер-

жит или, наоборот, что „держит“, на чем „держится“ всякий детектив – обычный, „нормальный“ детектив, который всегда содержит загадку, с самого начала уже имеющую или предполагающую свою разгадку или известный – и именно рациональный – „ответ“» (Пущырей, 2005, с. 308).

Что такое тайна как познавательный, а не мистический и фантастический феномен? О. Михайлова и Т. Снигирева так отвечают на этот вопрос: «Инвариантное значение слова *тайна* связано с оппозицией „знание–незнание“. Во-первых, тайна – это незнание, отсутствие знания в силу его интеллектуальной недоступности; это либо еще непознанное, которое дает стимул к познанию и в будущем может стать понятным, известным, либо принципиально непознаваемое. Во-вторых, тайна связана и с другим членом оппозиции – знанием, поскольку тайна – это чье-то знание, но известное не всем; знание, которое намеренно, сознательно скрывается от других» (Михайлова, Снигирева, 2021, с. 583).

Обычно в словарях тайна определяется только в познавательном ключе: как нечто неразгаданное, еще не познанное или как скрываемое от других, известное не всем, секрет (Ожегов, 1988, с. 642). «В русском языке термин „тайна“ имеет два смысловых значения: нечто абсолютно неизвестное всем и нечто относительно неизвестное для какого-либо круга лиц. Итак, в лексическом значении тайна включает в себя сведения как никому неизвестные, так и те, которые лицо сообщило или доверило другому» (Трофимова, 2013, с. 682). Следовательно, познавательной тайной является все, что сейчас скрыто от посторонних, но затем может быть раскрыто: врачебная, юридическая, тайна усыновления и т. п. Иначе говоря, как загадка или секрет, для разгадки которых у понимающего мир субъекта нет необходимых знаний, умений и навыков. Для разгадки секрета необходима мыслительная деятельность субъекта, побуждаемая познавательной мотивацией. То же относится и к тайнам природы: то, что сегодня науке неизвестно, завтра может быть раскрыто учеными.

Типичным примером когнитивного секрета является юридическое понятие государственной тайны. Другой типичный пример – тайна исповеди. Он приобретает остроту и социальную значимость в дискуссиях о том, надо ли разрешить священнослужителям раскрывать тайну в тех случаях, когда они на исповеди узнали о готовящихся терактах, насилии над детьми и других общественно опасных

преступлениях. В разных странах этот вопрос решается по-разному: в Австралии с марта 2019 г. священники, сохранившие тайну исповеди о совершении сексуального насилия в отношении детей, подлежат ответственности, а в США тайна исповеди сохраняется, т. е. священник имеет право отказаться от дачи показаний; он также имеет право предотвратить передачу сведений другим лицам. В нашем государстве этот вопрос активно обсуждается во всем диапазоне возможных вариантов. Между полярными решениями «разрешить-запретить» находятся, например, такие суждения: «Тайна исповеди – профессиональная тайна, так же как и врачебная, адвокатская, недопустимо ее раскрытие. Тем не менее, важно отметить то, что таким образом, можно предотвратить будущие преступления или помиловать тех, кто незаконно был привлечен к ответственности. По нашему мнению, стоит ввести пункт в федеральное законодательство, позволяющее священнослужителям взаимодействие с правоохранительными органами о сообщении готовящегося правонарушения, но это не будет как допрос, и священнослужители не будут иметь процессуальный статус, как свидетель. Это анонимное сообщение, а правоохранительные органы должны самостоятельно раскрыть правонарушение, собрать доказательства. То есть священнослужитель самостоятельно будет выбирать ситуации, при которых ему стоит обратиться в правоохранительные органы» (Осипова, Воронина, Савощикова, 2019, с. 155).

Примерами проблем, загадок, которые нужно разгадывать, избилует наука. Одной из самых актуальных для человечества проблем сегодня является глобальное потепление: не миф ли это? А если так, то каковы его причины? В этом случае ученые, условно говоря, противостоят природе и потому уместно говорить о том, что в начале XXI в. человечество столкнулось с проблемой глобального потепления.

Содержательно познавательная тайна раскрывается в описаниях событий, хотя и иррациональных, но реальных. Я имею в виду то, что есть, что бывает, но необъяснимо. Познавательная тайна – это то, что объективно существует, но недоступно пониманию и объяснению субъекта (по крайней мере, до тех пор, пока не откроются какие-нибудь новые обстоятельства). В русской классической литературе это отражено в таком жанре (группе произведений, объединенных совокупностью формальных и содержательных свойств), как «таинственные повести» (Лазарева, 2005; Сенькина, 2008).

В психологии когнитивной тайной, секретом является феномен скрываемой идентификации – специфического процесса, при котором субъект, опасаясь социального порицания, скрывает некоторые свои личностные характеристики (грубость, эгоизм, аутизм и т. п.) или особенности поведения и увлечений (общение с определенными людьми, любовь к боевикам, мультсериалам и т. п.). «В когнитивном подходе избегание и сокрытие рассматриваются как факторы хронификации тревоги (Beck, Emery, Greenberg, 2005), а связанная с избеганием пассивность считается фактором хронификации депрессии (Бек и др., 2003). Независимо от того, насколько реалистичны при этом опасения человека, „тайна“ нарушает регуляторные процессы, не давая возможности получить обратную связь от окружающих (Carver, Scheier, 1998): говоря метафорически, человеком управляют его догадки и домыслы без возможности их проверить, и чем больше он избегает „раскрывания“, тем больше опасается негативных последствий» (Рассказова, Тхостов, Емелин, 2019, с. 121).

Исследования познавательных тайн, секретов в психологии личности хотя и не многочисленны, но, безусловно, интересны. В психологических публикациях отмечается, что тайна занимает заметное место во внутреннем мире человека, она может играть позитивную или негативную роль в его саморазвитии и личностном росте. Познавательные тайны отделяют внутреннее Я от внешнего: субъект, имеющий секрет и скрывающий его, может думать одним способом, а вести себя другим. С одной стороны, раскрыть тайну – значит разоблачить себя перед другими. С другой стороны, тайны бывают темными и отрицательными, ведущими к конфликтам во внутреннем мире, нарушению целостности личности. «Например, у человека есть чувство гнева по отношению к своей семье, но оно не реализовано, и в то же время у него есть нормативная ценность „ненавидеть свою семью – это нехорошо“. Тогда он откажется от переживания гнева, либо искажает и скрывает его, так что гнев становится секретом. То есть люди теряют и эту часть себя. Я в это время больше не является законченным Я, а является расщепленным и сломленным Я» (Zhihong, 2020, p. 55).

Таким образом, обычно тайны помогают формированию личности и построению самосознания. Однако темные болезненные секреты, познавательные тайны разрушают внутренний мир, они влияют

на наше физическое и психическое здоровье, становясь препятствием на пути к саморазвитию и самореализации.

Секрет, тайна соответствует тому, что в психологии мышления называется задачей, проблемой. Различие между проблемой и тайной очень отчетливо понимал и выражал французский экзистенциалист Г. Марсель: «Действительно, кажется, что фундаментальное различие между проблемой и тайной состоит в том, что с проблемой я сталкиваюсь, я обнаруживаю ее перед собой, но я могу ее охватить и разрешить; а тайна есть нечто, во что я сам вовлечен, следовательно, она мыслится лишь как сфера, в которой теряется смысл различия между „во мне“ и „передо мной“ и его изначальная значимость» (Марсель, 1994, с. 99).

Вполне удовлетворительное определение познавательной тайны можно дать, опираясь на данные современной психологии мышления, в которой различаются проблемная ситуация и задача (загадка). А. В. Брушлинский писал: «Необходимо различать *проблемную ситуацию* и *задачу*. *Проблемная ситуация* — это довольно смутное, еще не очень ясное и мало осознанное впечатление, как бы сигнализирующее „что-то не так“, „что-то не то“. Например, летчик начинает замечать, что с мотором происходит нечто непонятное, однако он пока не уяснил, что именно происходит, в какой части мотора, по какой причине, и тем более летчик еще не знает, какие действия надо предпринять, чтобы избежать возможной опасности. В такого рода проблемных ситуациях и берет свое начало процесс мышления. Он начинается с анализа самой этой проблемной ситуации. *В результате ее анализа возникает, формулируется задача, проблема в собственном смысле слова*. Возникновение задачи — в отличие от проблемной ситуации — означает, что теперь удалось хотя бы предварительно и приблизительно расчленить данное (известное) и неизвестное (искомое). Это расчленение выступает в словесной формулировке задачи» (Брушлинский, 1998, с. 444–445).

Следовательно, с позиций психологии мышления познавательная тайна — это такая проблемная ситуация, которую субъект *не может преобразовать в задачу*. Столкнувшись с чем-то непонятным и неразрешимым, на каком-то этапе осмысления проблемы человек понимает, что у него нет необходимых знаний, умений, навыков и потому сознательно отказывается от ее решения.

Различение и описание признаков двух видов тайн в значительной мере является категориально-классификационным: в психологии людей они представляют собой скорее некоторый континуум, чем два дизъюнктивных полюса. В реальной жизни познание неотделимо от отношений и соблюдения норм морали. Например, в уголовном праве одним из оснований негативной оценки обществом действий по разглашению тайны является моральная ответственность за нарушение этических норм, в соответствии с которыми разглашение чужих тайн считается безнравственным поступком. «Тайна предполагает не просто информацию, а ее определенное состояние, правовой режим. Мы скрываем информацию потому, что она неблагоприятным для нас образом может повлиять на мотивацию поступков, на поведение и мнение других субъектов. Защищая те или иные сведения, мы прежде всего защищаем самих себя, свои собственные интересы. Вне этих интересов тайны не существует» (Селезнева, 2013, с. 97). При этом тайна как правовое явление рассматривается как запрещение доступа к информации, разглашение или иное использование которой может повлечь возникновение ущерба.

Если говорить точнее, то тайну как правовое явление следует называть «секретом», потому что в этом контексте речь идет не о тайнственном, непознаваемом, непостижимом, а о сведениях, которые по тем или иным соображениям следует скрывать от большинства людей. Секретами являются военная, банковская, медицинская, коммерческая, персональная, служебная, налоговая и другие виды тайн. В юридической литературе выделяются три группы секретов — общественно-бытовые, социально-значимые и социально-опасные.

К *общественно-бытовым* относятся секреты, основой применения которых являются морально-этические отношения в социальном обществе. По направленности в них различают секреты самозащитные, доброжелательные и злонамеренные. «*Самозащитными* секретами являются такие состояния, факты, события, имеющие место в жизни физических или функционировании юридических лиц, обладание сведениями, о которых посторонними лицами не может нанести вреда инициаторам секрета, но является для них нежелательным» (Сериков, 2011, с. 124). Ожидаемой реакцией от *доброжелательных* секретов (неожиданные подарки, организованные встречи и т. п.) является их положительная оценка теми, от кого ранее информация о планируемых событиях скрывалась. Цель *злонамерен-*

ных секретов – поставить человека в неприятное положение, ввести в нежелательное заблуждение, вызвать отрицательные эмоции.

К группе *социально-значимых* секретов относятся государственные тайны, имеющие общегосударственное значение; служебные тайны, соблюдение которых является необходимым условием для выполнения функций в рамках полномочий, предоставленных государством; гражданские тайны, касающиеся прав и свобод всех граждан и применяющиеся ими в целях защиты своих интересов от конкурентов, преступных элементов и иных злоумышленников.

Социально-опасные секреты: их существование и применение обусловлено наличием противостояния между людьми, когда некоторые физические лица (пользователи, инициаторы секретов), пытаются достичь своих целей посредством умышленного применения секретов для реализации преступных замыслов (совершения действий преступным путем). «Секретами этого вида являются способы, приемы, методы и средства, используемые злоумышленниками при осуществлении преступных действий (обман, воровство, грабежи, взятки, коррупция, физические и психологические воздействия, угрозы, убийства и др.)» (там же, с. 125).

Включение познавательных тайн в более широкий культурно-мировоззренческий контекст дает основания говорить о различиях в их понимании в западной и восточной цивилизациях. В европейской цивилизации, основания которой заложили древние греки, тайна – это приобщение человека к чему-то иному: непостижимому миру, не имеющему чувственных пространственно-временных границ. «В других цивилизациях этого не произошло. Считается, что Восток – это мир тайн. Но на самом деле это только поверхностное мнение, потому что, например, во всех основных китайских учениях тайны принципиально раскрываемы, поскольку они принадлежат этому миру. Возьмем ли мы конфуцианство, буддизм или даосизм, везде предполагается раскрываемость тайны... Нет непостижимых тайн, потому что все они находятся в этом мире» (Гильмутдинова, 2020, с. 129–130).

Таким образом, понимание тайны как познавательной проблемы, как чего-то принципиально раскрываемого соответствует восточной культурно-мировоззренческой традиции. Европейскую культуру, ориентирующуюся на сокрытое, непостижимое, в большей степени характеризует экзистенциальная тайна.

3.2. Правдоподобное – возможное в социокультурной реальности

Политика есть искусство возможного.

О. Бисмарк

3.2.1. Основания снижения ценности правды в современном обществе

В XXI в., когда исследования начали проводиться под углом зрения «общества переживания», стало очевидно, что во многих областях наблюдается снижение удельного веса категории «истины». Вероятно, это одна из причин того, что сегодня в нашей стране престиж профессии ученого значительно ниже, чем полвека назад. Однако для социогуманитарного познания в целом и методологии психологии в частности это не означает, что научное знание становится менее объективным. Просто фокус исследовательского внимания все чаще оказывается направленным на такие явления и феномены (страхи, самообман, экзистенциализм, мудрость и др.), которые невозможно описать, применяя только основанную на дихотомической логике «да/нет» корреспондентную теорию истины. Научный анализ содержания подобных явлений и феноменов требует от психологов обращения к опыту, переживанию, постижению познающего и понимающего мир субъекта.

Истоки другой причины следует искать в социальной природе самой истины. Мировоззрение, основанное на идеале истинности, представляет собой стремление людей представить точную картину мира, общего для всех. Сегодня во многих областях жизни на смену этому мировоззрению пришла система взглядов, основанная на альтернативном идеале – на искренности. По мнению Г. Г. Франкфурта, теперь люди стараются лишь честно выражать самих себя. Он так характеризует члена современного общества: «Убежденный в отсутствии у действительности какой-либо внутренней природы, отождествимой с истиной, он всецело отдался попыткам выражения собственной природы. Человек как будто решил: раз уж верность фактам лишена смысла, надо быть верным себе» (Франкфурт, 2008, с. 107). В политическом смысле истина и искренность отдаленно напоминают идеалы двух разных типов общества – коммунистического коллективного («общего для всех») и капиталистического индивидуального («выражение себя»).

В человеческом общении фактическая истинность сообщений не тождественна их правдивости. По этой причине, к примеру, в «новой журналистике» снимаются «ограничения относительно фактичности, достоверности материала. Даже дословная передача высказываний должностных лиц зачастую вводила читателей в заблуждение. Высказывания были фактическими, но это не гарантировало их правдивость. Иными словами, даже факты не несли в себе истины» (Дичковская, Кунцев, Товмиразев, 2019, с. 177). В современном многомерном мире человека это неудивительно: «СМИ все чаще презентуют нам лингвистическое, культурное, этническое, религиозное, экономическое разнообразие вокруг. Растет тенденция считать „правду“, заявленную определенными культурными традициями, действительной лишь в некоторых рамках. Любая правдивость, обоснованная заявлениями, принадлежащими культуре, ограничивается лишь пределами этой культуры. Это привело к тому, что различные убеждения воспринимаются как альтернативная правда, каждая из которых равноправно верна» (там же, с. 178).

Если учесть целостный контекст развития «общества переживания», то неудивительно, что в 2016 г. словом года по версии «Оксфордского словаря» стала «постправда» (тогда же словом года для немцев стало понятие «постфактический»; Spitzer, 2017). Слово определяется как «относящееся к таким обстоятельствам или обозначающее такие обстоятельства, в которых объективные факты влияют на формирование общественного мнения меньше, чем воззвания к эмоциям и личным убеждениям» (Word of the year..., 2016). Впервые понятие «постправда» употребил в 1992 г. американский сценарист С. Тесич. В очерке «Правительство лжи», размышляя о событиях в США (Уотергейте, войнах во Вьетнаме и в Персидском заливе), говоря о нечестности политиков, он акцентировал внимание читателей на безразличии к истине или даже бегстве от истины избирающих их граждан. Он объяснял это тем, что люди «больше не хотели плохих новостей независимо от того, насколько они правдивы или жизненно важны» (Tesich, 1992, p. 12).

В следующем 2017 г. по версии издательства Collins понятием года стало fake news, т. е. «фальшивая, часто сенсационная информация, распространенная под видом новостей» (The Collins Word..., 2017). С точки зрения психологии понимания, между постправдой и фейком есть принципиальное психологическое отличие. Оно за-

ключается в интенции, мотивационной составляющей высказывания: фейк это намеренная ложь, а постправда это неправда, которая может быть и случайной. Далее речь пойдет только о постправде, для меня важно обратить внимание на некоторые ее психологические механизмы.

В эпоху постправды типичными являются высказывания, оцениваемые как правдивые или лживые. Жалобы, что нас обманывает правительство, СМИ, продавцы в магазинах раздаются отовсюду и каждый день. Однако всегда ли пренебрежение истиной, искажение фактов является ложью, которую я должен воспринимать как личное оскорбление и негативным последствием которой может оказаться посттравматический стресс? Или есть связанные с неправдой коммуникативные трудности, с которыми субъекту следует не бороться, а просто понимать их?

Постправда – это не только типичное, но и закономерное порождение «общества переживания». В «обществе переживания» люди иначе, чем в «обществе потребления» и «обществе знания», смотрят на многие области человеческой жизни. В частности, в нем трансформируется идеология рекламы: от информирования о превосходных качествах товара (например, холодильника) к определению ее соответствия представлениям потребителя о прекрасной жизни, которая явно будет лучше той, которой он живет сейчас (что выбрать: Ладу или Мерседес?). И если рекламное обещание будет далеким от действительности и противоречить разумным доводам, то это его достоинство, а не недостаток. Об этом говорил один из основоположников рекламного бизнеса К. М. Хопкинс: «Реклама должна быть сильнее обычных доводов, как пьеса должна быть ярче реальной жизни» (Хопкинс, 2005, с. 17). В «обществе переживания» главным для людей становится такой проект прекрасной жизни, в котором преобладают субъективные ценности, внутренние ориентиры, направленные на переживание желаемого. Именно в ценностных представлениях воплощаются «проекты хорошей жизни», которые становятся целями достойного человеческого бытия.

Изменения в ценностных представлениях современных людей в США даже привело к тому, что в 2018 г. появился концепт «разрушение правды». Он характеризует современное коммуникационное пространство, в котором ведущими являются четыре тенденции: нарастание противоречий между фактами и их интерпретациями;

нивелирование различий между фактами и мнениями; увеличение мнений и личных точек зрения, влияющих на восприятие фактов; «утрата доверия массовой аудитории к традиционным источникам информации, прежде считавшимся авторитетными» (Грачев, Евстифеев, 2020, с. 230). Однако я не стал гиперболизировать, чрезмерно обобщать названные тенденции. Мы живем в многомерном мире человека, в котором есть почти детерминированные явления, и корректные суждения о них соответствуют корреспондентной истине. Другие явления можно описать, высказав мнения, которые могут быть истинными только с когерентной точки зрения. Применительно к медиасфере это означает непротиворечивое сосуществование прежних правил журналистского расследования, документальной журналистики (репортажи о коррупции, дворцах, принадлежащих видным политическим деятелям) и способов описания действительности с помощью «разрушения правды» и постправды.

Прежде чем анализировать психологическую специфику современного понимания феномена постправды, необходимо пояснить два семантических аспекта этого термина.

1. Префикс «пост» как общепринятое отнесение высказывания к последовательности во времени («постимпрессионизм», «постсоветский» и т. п.) имеет для обсуждаемого феномена вторичное значение. Первичным является указание на контексты и обстоятельства, в которых понятие «правда» стало неважным или неактуальным: «Когда сегодня говорится о постправде, то речь идет не об отклонении от некоей истины, не об искажении ее, но о преодолении самой антитезы „правда—ложь“. Постправда — это не ситуация после правды, но ситуация по ту сторону правды» (Ростова, 2018, с. 134).
2. В понятии «постправда» объединяются неодинаковые для русской культуры слова «истина» и «правда» (Поиск..., 2018). В западных языках (английском, французском, испанском) такого различия нет, вследствие чего ученые вынуждены использовать разные определения «правды», например «научной» и «социально конструируемой» (Deligiaoui, 2018, p. 303). Отсутствие в западных языках различия «истины» и «правды», традиционного для русского языка, приводит к появлению новых понятий, в которых высказываемая истина включает личные пристрастия,

аффективные отношения говорящего. Например: «Глубиноподобие (depthiness) – это термин (или же нечто подобное термину) Тимотеуса Вермюлена, представляющий собой комбинацию „глубинности“ Фредрика Джеймисона и труднопереводимого на русский язык выражения комика Стивена Кольбера truthiness, которое зачастую вспоминают многие авторы при обсуждении постправды. Truthiness – подобное истине, более-менее истинное. Если истина представляет собой эмпирически верифицированное или прошедшее через рационально-логические фильтры знание, то truthiness Кольбера отсылает к глубинной правде, нутряному знанию, ничем таким не заверенному. Причем знанию неотъемлемо личному и аффективному: если что-то для тебя, по твоим ощущениям правда, то так оно и есть, даже если это не правда для кого-то еще» (Морозов, 2021. с. 289).

Следовательно, необходим более глубокий анализ содержания «истины» и «правды». Реализация такого анализа требует от ученых проведения исследований в двух направлениях:

- 1) основываясь на различии правды и истины, проанализировать психологические причины и обстоятельства, способствующие высказыванию субъектами общения постправды;
- 2) исследовать, как названные психологические феномены влияют на слушателей и приводят ли они к изменению понимания социально-политических проблем, а также попыткам скорректировать первоначальную дезинформацию.

Моя задача – исследовать, изучить соотношение возможного и правдоподобного в социокультурной реальности. Или, иначе говоря, анализировать не постистину, а постправду. Необходимо также изучить те психологические факторы и обстоятельства (нечувствительность к логической аргументации, самоутверждение, самообман и др.), которые определяют понимание социального или политического контекста как ситуации постправды. Такие ситуации изменяют общественное сознание людей во всем мире, способствуют формированию убеждений в легальности и допустимости бездоказательных утверждений (о вмешательстве России в президентские выборы США, русских хакерах и др.). С точки зрения психологии понимания, ситуации постправды чаще проявляются не в эмпирической, а в социокуль-

турной и особенно в экзистенциальной реальности. Важно показать, что не весь современный мир, но значительная его часть, преимущественно в «обществе переживания», меняется в направлении обесценивания истины и признания важности целевых и ценностных аспектов коммуникации.

3.2.2. Истина и правда

Понимание истины в классической науке в значительной степени является наследием традиции ее анализа в эпоху Просвещения. В этот период европейской истории ученые стремились распространять знание, популяризировать его, у многих из них происходил отказ от религиозного миропонимания и обращение к разуму как к единственному критерию познания человека и общества. Задача истины — основываться на достоверном знании и противостоять мистике и любой таинственности: «Когда доходит до освещения реальности, служащей для благополучия людей, задача просветительства не ограничивается вопросом знания. Ему нужно привести реальность в такое состояние, чтобы истина о ней и в ней достигалась легко. Забота об истине требует доступности реальности для обозрения, подготовки ее к состоянию („про)освещенности“. Просветительство не терпит сопротивления этому, так как препятствие истине одновременно — помеха благосостоянию человека и угрожает ему самому» (Цибизова, 2019, с. 142).

Проведенные уже в наше время исследования обнаружили, что истина — это категория логики и теории познания, выражающая соответствие наших знаний о мире самому миру. Правда — категория психологии взаимопонимания, выражающая не только соответствие знаний миру, но и степень адекватности наших оценок социальной действительности. Истина — категория гносеологическая, характеризующая содержание знания, правда — понятие онтологическое, отражающее отношение человека к истинному знанию. Истину мы познаем, а правду понимаем. Логическая категория «истина» по содержанию и объему оказывается беднее психологической категории «правда». Истина и правда устанавливаются относительно хотя и частично пересекающихся, но все же разных миров. Истина — характеристика суждения об объективной отстраненной от человека эмпирической реальности, а правда — атрибут канала

коммуникации, о правде уместно говорить только применительно к миру общающихся и понимающих друг друга людей в социокультурной и экзистенциальной реальностях. Правда всегда содержит зерно истины – без этого она не может быть правдой. Однако это зерно еще недостаточно для того, чтобы истинное событие стало правдой в коммуникативной ситуации. Во-первых, объективно истинное событие становится правдой в ситуации общения только в том случае, если общающиеся верят, что событие действительно произошло. Во-вторых, субъекты общения обычно воспринимают как правдивые не все высказывания об обсуждаемых истинных событиях, явлениях, фактах, а только, по их мнению, правдоподобные, а именно те, которые они понимают и принимают. Наконец, в-третьих, многие считают истинность второстепенным признаком правдивости суждений о поведении людей, а основным – их соответствие требованиям справедливости. При этом главным оказывается вопрос не о том, верно ли в суждении отражена действительность, а о том, насколько оно согласуется с представлением о правде как справедливости и основанном на справедливости порядке вещей (Знаков, 1999).

Правда – это такая истина, которая становится предметом личностного отношения, субъективной оценки. Оценка субъектом своего или чужого истинного суждения зависит от характера понимания им обсуждаемого поступка, его ценностно-смысловой позиции и мировоззрения. В зависимости от того, в какой контекст личностного знания включается знание о поступке другого человека, познанная истина приобретает для субъекта разный смысл. И это основная причина того, почему при осмыслении одной и той же истины возможно появление различных вариантов правды.

Можно выделить по меньшей мере три аспекта соотношения истины и правды.

Гносеологический аспект. Истина – это категория логики и теории познания, характеризующая только соответствие знания действительности. Правда – категория психологии общения и взаимопонимания, выражающая не только соответствие знаний миру, но и степень адекватности наших оценок социальных отношений, поведения людей (например, моральных оценок). Истинное знание отражает законы природы и общества, т. е. того, что происходит. Правдивые сведения, отражающие закономерности поведения человека, кроме

истинных знаний о том, что реально происходит, всегда включают в себя представление передающего эти сведения субъекта о том, что должно происходить.

Аксиологический аспект. Объективно истинное знание (в частности, законов природы) обладает для субъекта определенной ценностью. Однако с точки зрения психологического анализа содержания понятий, ценность истины отличается от ценности правды. Субъект понимает как правду только те объективно истинные суждения, которые характеризуют межличностные взаимодействия с выраженным этическим отношением человека к человеку.

Практический аспект. Истина представляет собой и результат познания, и его конечную цель. К примеру, основной целью работы ученого является получение нового истинного знания. В классических концепциях истины последняя рассматривается как такая характеристика отношения между высказыванием и действительностью, которая включает в себя объективное знание о свойствах действительности, но не включает субъективное понимание возможностей практического применения знания. В отличие от истины психологическое содержание правды всегда включает интенцию, установку субъекта так или иначе использовать правдивые сведения в коммуникативных ситуациях. Правда не является конечной целью общения и межличностного познания (за исключением случаев, когда человек поставил перед собой задачу «найти правду»). Она всегда высказывается субъектом для чего-то (например, для того чтобы дать психологическую характеристику значимого другого), т. е. с определенной целью, которую партнеры по коммуникации должны адекватно понимать.

Описанные различия между истиной и правдой свидетельствуют о том, что ни одна из этих категорий не может быть универсальной, характеризующей высказывания обо всех ситуациях человеческого бытия. Этот вывод относится и ко многим утверждениям и афоризмам, составляющим культурный фонд человечества.

3.2.3. «Платон мне друг, но истина дороже»

Афоризм «Платон мне друг, но истина дороже» известен всем образованным людям, однако в контексте книги не лишне напомнить о его происхождении: «Греческий философ Платон (427–347 гг. до н. э.)

в сочинении „Федон“ приписывает Сократу слова: „Следуя мне, меньше думай о Сократе, а больше об истине“. Аристотель в сочинении „Никомахова этика“ полемизирует с Платоном и, имея в виду его, пишет: „Пусть мне дороги друзья и истина, однако долг повелевает отдать предпочтение истине“. Лютер (1483–1546) говорит: „Платон мне друг, Сократ мне друг, но истину следует предпочесть“ („О порабощенной воле“, 1525). Выражение „Amicus Plato, sed magis amica Veritas“ — „Платон мне друг, но истина дороже“, сформулировано Сервантесом во 2-й части, гл. 51 романа „Дон Кихот“ (1615)» (Мостицкий, 2012). Для меня важно проанализировать не столько философско-литературное значение этой крылатой фразы, сколько когнитивное, герменевтическое и экзистенциальное. В ней в сконцентрированном виде воплощены современные научные представления о типах понимания людьми эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. Следует подчеркнуть, что понимание каждой из них основывается на неодинаковых интерпретациях истины, правды и обмана (Знаков, 1999). Соответственно можно говорить о разных модификациях афоризма, отражающих суть понимания субъектом каждой из трех реальностей.

Только к эмпирической реальности применима первоначальная формулировка: «Платон мне друг, но истина дороже». Она означает, что для меня Платон человек значимый, лично ценный, но я не могу ради него нарушать общепринятые правила определения истинности или ложности высказываний людей в коммуникации. Правила основаны на дихотомической логике и корреспонденции, соотношении высказывания с реальностью. Понимание фактов и событий в эмпирической реальности обусловлено в основном выбором из объективно существующих альтернатив (среднесуточная температура в средней полосе России выше летом или зимой?). Основанное на незнании либо намерении нарушение правил определения истинности или ложности утверждений приводит к непониманию или ложному пониманию. Анализ отечественных и зарубежных психологических исследований показывает, что ложь целесообразно характеризовать по трем основным признакам: фактическая истинность или ложность утверждения; вера говорящего в истинность или ложность утверждения; наличие или отсутствие у говорящего намерения ввести в заблуждение слушающего. Положительные ответы на относящиеся к трем признакам скрытые во-

просы («есть или нет?») характеризуют ложь как противоположность не постправды, а постистины.

В социокультурной реальности обсуждаемый афоризм формулируется так: «Платон мне друг, но правда дороже». В этой реальности варианты понимания определяются субъективными интерпретациями понимаемой ситуации и потому не может быть однозначно истинных суждений (решение о принятии беженцев в Европу это либо проявление гуманизма, либо политическая ошибка). Понимание в этом случае основано не на истинности суждений, а на их правильности. Правильность – это согласованные мнения о том, что для конкретных групп людей является правдой, а что – не является. В категории «правда» содержится указание на корреспонденцию, соответствие утверждения объектам и предметам, о которых в нем говорится, причем это относится не только к существованию материальных объектов (компьютер, река и т. п.). То, что есть в сознании людей, реально существует: шахиды считают немусульман неверными и они совершают теракты. Аналогично реально существующими являются герои компьютерных игр и литературные персонажи. Например, «чтобы убедиться в истинности того, что Гектор действительно был троянским воином в „Илиаде“, необходимо выполнить конкретные операции, такие, как поиск книги в библиотеке, визуальное опознание, что она называется „Илиада“, чтение ее на языке, который знает читатель, и, наконец, выяснение, что в этой книге находится история определенного персонажа, названного Гектором и играющего роль троянского воина. Этот литературный персонаж не является материальным и имеет чисто литературное существование» (Агацци, 2016, с. 28).

Кроме соответствия утверждения действительности, психологическое содержание правды включает в себя интересубъектные стороны понимаемого высказывания. Интересубъектная, конвенциональная составляющая правдивости понимаемого высказывания, по Э. Агацци, заключается в нахождении одинаковых для общающихся людей процедур его проверки: если водители останавливаются, увидев красный сигнал светофора, значит, они знают и одинаково понимают правила движения. Правдивость даже самых простых утверждений типа «два умножить на два равно четыре» определяется интересубъективным способом – знанием партнеров по общению процедур проверки (в данном примере – правил арифметики).

Применительно к экзистенциальной реальности афоризм звучит так: «Платон мне друг, а истины не надо». В этой реальности главное для общающихся людей – не придерживаться фактов в разговоре, а учитывать цели, ценности, нормы партнеров. Это нужно для того, чтобы не только вызывать положительные эмоциональные переживания у собеседников, но и акцентировать их внимание не на конкретном содержании сказанного, а на подтексте, неявных сторонах ситуации.

Например, 15 января 2019 г. в Государственной думе при обсуждении спорного вопроса о Курильских островах В. В. Жириновский напомнил депутатам о том, что Япония была в Тройственном пакте вместе с фашистской Германией, много раз нападала на Россию, «и ни разу нога русского солдата не ступала на японскую землю по своей воле, а они всегда мечтали до Урала захватить русские земли» (Жириновский предложил..., 2019). Подтекст сказанного ясен: миролюбивые русские обсуждают проблему островов с агрессивными японцами. А существует ли хотя бы один японец, мечтающий захватить российскую территорию до Уральских гор, доказать невозможно, более того, в этом контексте это и не нужно. Главное в этой политической ситуации – приобрести новых сторонников и вызвать одобрение уже имеющихся. По мнению многих политиков, в этой реальности главное для общающихся людей – не придерживаться фактов в разговоре, а учитывать цели, ценности, нормы партнеров. Это нужно для того, чтобы не только вызывать положительные эмоциональные переживания у собеседников, но и акцентировать их внимание не на конкретном содержании сказанного, а на подтексте, неявных сторонах ситуации.

Способы аргументации, используемые В. В. Жириновским, не уникальны, сегодня их проявления можно обнаружить в разных областях человеческого бытия. В «обществе переживания» появилось немало контекстов, в которых наиболее значимыми оказываются ценностные и прагматические стороны коммуникативной ситуации, а определению соответствия высказываний фактам, действительности отводится второстепенная роль. Как свидетельствуют, например, многочисленные теледебаты на российском телевидении, коммуникативная ситуация постправды такова, что спорщики даже не стараются найти истину, для них главное – победить в споре. То, что в прошлом веке выглядело как скандальный вызов правилам

«хорошего тона», в «обществе переживания» стало общекультурной нормой, существование и даже легализацию которой сегодня признает такое весьма авторитетное и влиятельное издание, как «Оксфордский словарь».

3.2.4. Западная постправда и русское вранье

В западных социогуманитарных науках «постправда» в 2016 г. стала словом года в основном по политическим причинам (президентские выборы в США, выход Великобритании из Евросоюза и др.), но употреблялось оно в СМИ, политике, социологии и раньше. В научных публикациях представлены два магистральных направления изучения постправды.

Первое – политическое направление описания постправды (Политика..., 2017). В нем больший удельный вес имеет анализ не постправды, а постистины: делается акцент на фейковых новостях и сознательной лжи политиков, искажении истины вместо анализа сущности политической реальности. В рамках первого направления очень важен анализ феноменов, включаемых в проблемное поле постправды. В медиапространстве в него входят высказывания, в которых эмоции доминируют над фактами. Анализируется также дезинформация, искажение фактов в фейковых новостях, в частности появившееся на сайте «Комсомольской правды» за две недели до кончины Д. А. Хворостовского сообщение о его смерти («Он жив!..», 2017). Имеют значение и утверждения, в которых границы между правдой и вымыслом настолько стерты, что возникает подозрение в самообмане: и говорящие, и слушающие одновременно нечто знают и скрывают это от себя. Большую роль играет высокая скорость чередования событий в Интернете, не позволяющая пользователю успеть отличить истину от лжи (Ростова, 2018). Тенденциозное освещение событий: не изложение фактов, а смещение акцентов, замалчивание деталей, искусственная героизация или, напротив, стигматизация обсуждаемых персонажей (Ефанов, 2018). В политике «действует метод растворения информации, когда она не скрывается, а топится в широком потоке, из которого нужные крупинки может извлечь лишь специалист. Почти все происходит гласно, демократия не ущемлена. Но то, что нужно скрыть, население не заметит» (Журавлев, 2021, с. 46).

В 2016 г. во время кампании по выборам президента США независимая организация «PolitiFact», занимающаяся анализом высказываний политиков, доказала, что 70% всех заявлений Д. Трампа (о нью-йоркской преступности; о глобальном потеплении; о том, что Х. Клинтон продавала оружие исламистам) были частично или целиком ложными, однако избиратели продолжали считать его честным человеком и харизматичным лидером. Аналогично в Великобритании было опровергнуто утверждение, что членство в ЕС обходится стране в 350 млн. фунтов в неделю, тем не менее сторонники выхода не перестали считать взнос чрезмерно высоким.

С одной стороны, фейковые новости, нарушающие постистину, расширяют границы предметного поля постправды, а с другой — наличие дезинформации нередко ведет к тому, что люди вообще перестают верить фактам. В частности, С. ван дер Линден с коллегами обнаружили это при обсуждении глобальных изменений климата, предоставляя испытуемым проверенные убедительные факты, а затем частичную дезинформацию (van der Linden et al., 2017). Было проведено множество исследований того, как люди относятся к исправлению дезинформации, т. е. сведений, которые изначально считались правдивыми, но затем были скорректированы. Большинство психологов соглашались с выводом, что исправления редко бывают полностью эффективными: несмотря на их признание, люди чаще всего продолжают полагаться на сведения, которые, как они теперь уже знают, были ложными. С. Левандовски с коллегами называют это явление «эффектом непрерывного влияния» (Lewandowsky, Ecker, Cook, 2017).

Выявлены психологические свойства людей, склонных доверять альтернативным источникам информации, например, не традиционным СМИ, а менее достоверным источникам — блогам, социальным сетям и т. п. Они более других восприимчивы к ложной информации, чаще принимают на веру конспирологические новости, основанные на альтернативных аргументах, истинность которых трудно проверить. Конспирология направлена на упрощение действительности, создание простой и понятной картины мира. Для этого она объясняет значимые социальные и политические события следствием тайных заговоров влиятельных людей и организаций (Del Vicario et al., 2016).

Второе направление — философско-антропологическая аналитика постправды, включающая пока немногочисленные описания

и объяснения таких социальных, политических, культурных, экзистенциальных ситуаций, в которых «у каждого своя правда», зависящая от экзистенциального опыта, рефлексии и даже самообмана; фокусирование внимания на том, что истине в таких ситуациях люди придают мало значения (Ростова, 2018; Deligiaouri, 2018; Lockie, 2017). В этом контексте, пожалуй, наиболее значимым открытием является обоснование появления альтернативной эпистемологии (Lewandowsky, Ecker, Cook, 2017). Она не только не соответствует стандартам документальных подтверждений, необходимости поиска фактов и опровержения дезинформации, но и применяется для анализа иной, альтернативной реальности. Дезинформация – дефект, изъян нашего информационного ландшафта, но «постправда – это проблема не пятна на зеркале. Проблема заключается в том, что зеркало – это окно в альтернативную реальность» (там же, р. 356). Такая реальность состоит из сведений неистинных, но тем не менее присутствующих в сознании и влияющих на поведение тысяч людей. В соответствии с этой альтернативной реальностью бывший президент США Б. Обама родился в Кении, изменение климата – это мистификация, созданная китайцами или климатологами, НАСА управляет колонией детей-рабов на Марсе. «Опросы общественного мнения подтвердили, что элементы этой альтернативной эпистемологии принадлежат значительной части американской общественности. Например, опрос 2011 г. показал, что 51 % первичных избирателей-республиканцев думали, что тогдашний президент Обама родился за границей. Аналогично, 20 % респондентов в репрезентативной выборке США были согласны с утверждением, что изменение климата является мистификацией продажных ученых» (там же, р. 357).

Возникновение альтернативной эпистемологии именно в наши дни закономерно с точки зрения методологии социогуманитарного познания, направленного на выявление сходства и различий признаков модернистской и постмодернистской научной рациональности. Качественное увеличение неопределенности социальной среды, связанное с хаосом, случайностью, ее многовариантностью и альтернативностью, неизбежно порождает изменение точек зрения на истину как атрибут научного описания социокультурной реальности. В частности, «общее у постмодернистских социологических теорий то, что они изначально не нацелены на выявление истины, на выработку целостного знания о существенных связях определен-

ной области действительности. Теории постмодерна по духу релятивистские. Они открыты не только для рациональных, но и для иррациональных понятий. Их главная цель — не найти исчерпывающие ответы, а выявить характерные тенденции современного общественного развития» (Кравченко, 2007, с. 33).

Во втором направлении исследований анализируются также приемы, на основании которых возникает постправда в коммуникации. К ним относится намеренное упоминание только части необходимых для понимания утверждения сведений и преднамеренное умалчивание других важных фактов. Следует заметить, что, согласно психологической классификации, это соответствует обману (Знаков, 1999). Важным условием возникновения постправды является и отсутствие социальной ответственности за распространение ложных сведений: «Постправда — это некий контекст, модальность, ситуация, которые делают возможным распространение ложных новостей, причем не предполагающих за это ответных санкций. В таком модальном (релятивистском) контексте не имеет значения, правда ли новость или нет. Важно, чтобы она соответствовала двум условиям: эмоциональному настрою потребителя информации и политическим целям коммуникатора. То есть неважно, произошло событие или нет — ведь оно могло бы произойти» (Чугров, 2017, с. 46). Получается, что действительное и возможное уравниваются в правах: раз событие могло произойти, то его общественная значимость не меньше того, которое бесспорно произошло.

В современном мире, особенно в массмедиа, постправда играет значительную роль в общении людей: «Постправда как коммуникативная стратегия представляет собой избирательное использование фактов, которые подкрепляют позицию актора, и полный отказ от фактов, которые не поддерживают. В парадигме постправды когнитивный параметр „правдивость/истинность“ замещается прагматическим параметром „выгодность/прибыльность“ и маркетинговым параметром „привлекательность“, которая повышается за счет рекреатизации, визуализации, селебритизации» (Пономарев, 2019).

По психологическим механизмам западная постправда удивительно напоминает русское вранье (Знаков, 1999). Несмотря на современный политический контекст, ученые находят проявления постправды еще в «Государстве» Платона. Вранье — характерный феномен русской культуры, но оно тоже возникло не в наши дни. Сло-

во «врать» в русском языке употребляется обычно в тех случаях, когда речь идет о чем-либо малосущественном, незначительном. Иначе говоря, слово «вранье» у нас употребляется для выражения социально и морально более нейтрального явления, чем умышленная ложь. Вследствие этого враньем иногда называют тривиальную, незначительную, безвредную, безобидную, простительную ложь.

Первым на этот феномен обратил внимание Ф. М. Достоевский в очерке «Нечто о вранье». Он писал: «С недавнего времени меня вдруг осенила мысль, что у нас в России, в классах интеллигентных, даже совсем и не может быть негущего человека. Это именно потому, что у нас могут лгать даже совершенно честные люди. Я убежден, что в других нациях, в огромном большинстве, лгут только одни негодяи; лгут из практической выгоды, то есть прямо с преступными целями. Ну а у нас могут лгать совершенно даром самые почтенные люди и с самыми почтенными целями. У нас, в огромном большинстве, лгут из гостеприимства. Хочется произвести эстетическое впечатление в слушателе, доставить удовольствие, ну и лгут, даже, так сказать, жертвуя собою слушателю. Пусть припомнит кто угодно — не случилось ли ему раз двадцать прибавить, например, число верст, которое проскакали в час времени везшие его тогда-то лошади, если только это нужно было для усиления радостного впечатления в слушателе. И не обрадовался ли действительно слушатель до того, что тотчас же стал уверять вас об одной знакомой ему тройке, которая на пари обогнала железную дорогу» (Достоевский, 1989, с. 85).

Вранье представляет собой социокультурный феномен, типичный для российского самосознания и вместе с тем неразрывно связанный с особенностями личности врунов. Перечислю выделенные ране отличительные признаки вранья (Знаков, 1999).

Вранье — не дезинформационный феномен, а коммуникативный: это один из способов установить хорошие отношения с партнером, доставить своей выдумкой удовольствие себе и ему. Это не столько средство преднамеренно искаженного отражения действительности, сколько способ установления контакта и сближения людей. Социальная допустимость вранья и даже его нормативная заданность отражена в русских пословицах: «Не любо, не слушай, а врать не мешай»; «Врать не устать, было б кому слушать»; «Не хочешь слушать, как люди врут, — ври сам!» (Пословицы..., 1993, т. 1, с. 385).

Вранье не рассчитано на то, что ему поверят, в этом акте отсутствует намерение обмануть слушателя. Рассказывая небылицы, человек и не рассчитывает на то, что кто-то в них поверит. Иначе говоря, он не надеется обмануть партнера. Эту особенность русского вранья отмечают иностранцы, хорошо знающие Россию. Р. Ф. Смит так выражает эту мысль: «Ожидает ли враль, что ему поверят? Конечно, нет. Не может быть большей ошибки, чем вывод о том, что эти творческие измышления предназначаются для того, чтобы их принимали всерьез» (Smith, 1989, с. 44). В русской культуре вранье имеет характер конвенционального соглашения о принятии к сведению сообщения партнера (в тех случаях, когда правда нежелательна для говорящего).

Вранье не предполагает унижения слушателя и получения за его счет какой-то личной выгоды. Бескорыстность и кажущаяся бессмысленность вранья всегда приводили в изумление иностранцев. Очень показательный пример, приведенный немецким профессором моральной философии, воспроизводит А. А. Гусейнов: «Я заметил, — сказал тот в минуту откровенности, — что российские коллеги имеют совершенно странную привычку обманывать без нужды, без видимой пользы для себя. К примеру, наш общий друг Б., которого, как вы знаете, я высоко ценю и стараюсь опекать здесь, в Германии, где он проходит научную стажировку. Мы с ним договорились, что он напишет благодарственное письмо в фонд, который выделил для него стипендию. По прошествии некоторого времени я спрашиваю его, написал ли он письмо. Он мог вообще его не писать, формально он не был обязан делать этого. Мог написать позже. Да и спросил я о письме из вежливости, чтобы продемонстрировать свое участие в его делах. Словом, совершенно спокойная светская ситуация, допускавшая любой возможный ответ. Во всяком случае ответы типа „знаете ли, никак не соберусь“, „нет, пока не написал, но я предполагаю в течение месяца написать“, „а стоит ли вообще писать?“ были бы вполне органичны. Однако друг наш ответил просто „да“. А чуть позднее я, впрочем, совершенно случайно, установил, что это не так. Он сказал неправду. Почему он так поступил? Аналогичный опыт был у меня с двумя другими коллегами» (Гусейнов, 1996, с. 97).

Российский ученый называет это явление немотивированным обманом (с моей точки зрения, в строгом смысле слова это не обман, а вранье, но не будем придираться к словам) и отмечает, что он «вмон-

тирован» в нашу общественную коммуникацию. «Вопрос, поставленный проницательным коллегой, стал занимать меня. Наблюдая уже пристрастным взглядом за собой и окружающими, перебирая жизненные впечатления, я установил поразительную точность сделанного немецким профессором наблюдения. Действительно, обман — и именно обман как бы на пустом месте, без давления обстоятельств, без желания извлечь особую пользу, обман из-за любви к искусству, словом, просто обман — вошел в наши нравы, стал своего рода неписаной нормой. Почти естественным состоянием. Мне вспомнился случай с товарищем, который находился в Москве в командировке. Однажды он звонил домой жене из моей квартиры и на вопрос, откуда он говорит, ответил, что из гостиницы. А другой раз, разговаривая с ней же, но уже из гостиницы, на тот же вопрос, откуда он говорит, ответил, что из моей квартиры. Эпизод этот анекдотичный, но по-своему показательный» (там же, с. 99).

Для психолога приведенные примеры чрезвычайно важны и занимательны, но не как социальные казусы, а как задача, которую предстоит решить: теоретико-экспериментальные исследования должны доказать, что за видимой немотивированностью такого обмана скрываются вполне серьезные социальные отношения и экономические условия жизни людей. Одна из главных социальных причин вранья заключается в извечной безотрадности русской жизни и неинтересности, скучности правды, вызывающей желание расцветить, приукрасить ее. И потому мотивы этого коммуникативного феномена, интуитивно понятные любому русскому, остаются неведомы большинству иностранцев, проводящих с нами торговые, политические и иные переговоры.

Классическое вранье характеризуется тем, что враль получает нескрываемое удовольствие, наслаждение от самого процесса изложения небылиц. Вместе с тем во вранье всегда есть некоторый элемент самолюбования и самовозвеличивания: врущий человек хочет хотя бы на время стать объектом всеобщего внимания, почувствовать себя более значительным, ценным в глазах окружающих. Главное, чего хочет враль, — восторженного внимания публики. Жизнь отражается в искусстве, и потому в русской литературе в изобилии представлены вдохновенные вруны — один Хлестаков чего стоит! Другой показательный пример — серия очерков А. Ф. Писемского «Русские луны» (1956).

Обращаясь к анализу психологических механизмов вранья, нельзя не отметить, что нередко его нужно рассматривать как внешнее проявление защитных механизмов личности, направленных на устранение чувства тревоги, дискомфорта, вызванного неудовлетворенностью субъекта своими взаимоотношениями с окружающими. Стремление человека защитить свой внутренний мир от «несанкционированного вторжения», нежелание обнажать душу перед окружающими из боязни насмешек или проявления снисходительного отношения — достаточно серьезный повод для вранья. Немало ярких иллюстраций можно найти в биографии выдающегося французского писателя, написанной С. Цвейгом: «Стендаль не прочь приврать без всякого внешнего повода — только для того, чтобы вызвать к себе интерес, и скрыть свое собственное я: словно искусный боец — удары шпаги, сыплет он град мистификаций и измышлений, чтобы не дать любопытным приблизиться к себе (Цвейг, 1996, с. 390). Как подобные литературные примеры, так и данные экспериментальной психологии личности убеждают в том, что изучение защитных механизмов — рационализации, проекции, отрицания и др. — может существенно расширить не обыденные, а научные представления о природе обсуждаемого феномена.

Проходят столетия, а в русском национальном самосознании отношение к неправде и вранью мало изменяется, и вот уже наша современница писатель Л. Е. Улицкая в специальном сборнике повестей проводит художественное исследование женского вранья. Она пишет: «Можно ли сравнивать крупную мужскую ложь, стратегическую, архитектурную, древнюю, как слово Каина, с милым женским враньем, в котором не усматривается никакого смысла-умысла, и даже корысти?» (Улицкая, 2002, с. 4). Героини ее маленьких новелл выдумывают, сочиняют, дописывают собственную жизнь, уходя от обыденности, предопределенности, — просто потому, что так интереснее, значительнее. В результате художественного исследования автор делает безоценочный вывод о том, что «женское вранье, в отличие от мужского, прагматического, — предмет увлекательнейший. Женщины все делают иначе, по-другому: думают, чувствуют, страдают — и лгут» (там же, с. 5).

Однако наука создает более широкий контекст проблемы, под другим углом зрения: не уникального психологического свойства русских, а общечеловеческого. В этом фокусе видны не только психоло-

гические, но и культурно-лингвистические основания сознательного отказа людей от истинности высказываний. Говоря о культурно-лингвистических основаниях, следует иметь в виду уже веками существующий феномен западной брехни. Это наименование заимствовано из перевода книги профессора Йельского университета Г. Г. Франкфурта «К вопросу о брехне» (2008). Русские издатели книги выбрали именно этот вариант перевода английского слова *bullshit*.

По коммуникативным проявлениям брехня очень похожа на вранье: и то, и другое характеризуется оторванностью от истины, безразличием говорящего субъекта к фактам, действительному положению дел. Г. Г. Франкфурт делает очень важный шаг в направлении от истины к правде, от корреспондентной к коммуникативной теории. Он говорит о том, что коммуникативные мотивы брехуна не связаны с действительным положением дел в мире и безразличны к истине: «Его цель – обмануть насчет своих действий и намерений. Это и есть единственное неперемнное качество брехуна» (Франкфурт, 2008, с. 93).

Такой переход от анализа высказывания как соответствия действительности к описанию открытия или сокрытия действий и намерений говорящего чрезвычайно важен в контексте исследований понимания не только вранья и брехни, но и их семантических антиподов – истины и правды. Фактически здесь мы имеем дело с онтологией и гносеологией классического и неклассического понимания научной рациональности. Классическая онтология истины основана на убеждении в существовании упорядоченного естественного мира, простых универсальных неизменных законов природы, генерализации причинно-следственной связи. В гносеологическом плане нормальным считается устранение субъекта и субъективных факторов из процесса познания.

Позиция Г. Г. Франкфурта, в которой фокус внимания ученых смещается с анализа действительности на способы действий с ней и взглядов на нее, соответствует неклассической рациональности. С онтологической позиции можно сказать, что ей соответствует представление об изначальной неопределенности и даже хаосогенности мира, его самоактивности, постоянном развитии. «Онтологический статус приобретает понятие „потенциально возможное“, вводится представление о „пространстве возможных событий“, действительное выступает как выбор, реализация одного из вари-

антов потенциально возможного» (Черников, Перевозчикова, 2019, с. 103). Гносеологические установки неклассической рациональности включают рассуждения о принципиально не наблюдаемых сущностях, например, виртуальных частицах (Мамчур, 2017) и увеличении роли теоретических конструкций в научном познании. Идеалы и нормы неклассической науки характеризуются «отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины природы, выработанной на том или ином этапе развития естествознания. В противовес идеалу единственно истинной теории, „фотографирующей“ исследуемые объекты, допускается истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания» (Степин, 2000, с. 623).

Примеры стремления скрыть свои подлинные намерения легко найти, в частности, в пранк-журналистике. В «обществе переживания» появилось немало сфер человеческой жизни, психологические и социальные основания которых строятся на сознательном отказе от истинных утверждений. Одной из них, приобретающей все больший политический и социальный вес, является субкультура пранкерства. «Под пранком (от *англ.* prank – „проказа, выходка, шалость, шутка“) понимается телефонное хулиганство, телефонный розыгрыш» (Вдовиченко, 2017, с. 39). Пранкеры, представляясь чужими именами, вели телефонные разговоры с президентом Украины, американскими конгрессменами, российскими политиками и другими политическими и медийными персонами. Сегодня, когда моральный плюрализм стал распространенным явлением, у пранкеров берут интервью, спрашивают, как они это делают (дозваниваются до президентов, генсека НАТО и т. п.), но практически никто не осуждает их за то, что они делают (какая мотивация у них преобладает, хотят ли они манипулировать общественным мнением, преследуют ли цели создания стереотипов, испытывают ли угрызения совести за то, что представляются другими людьми, и т. п.). СМИ чаще всего подчеркивают социальную допустимость и творческий характер деятельности пранкеров, а пранк-журналистика описывается как одна из новых форм политической коммуникации и получения общественно важной информации. Между тем в психологии остаются открытыми многие вопросы: каковы типы личности пранкеров? почему

в этой роли чаще оказываются мужчины? является ли побудительным мотивом пранкера намерение стать победителем в словесной дуэли? обязательно ли обладать чувством юмора для пранкерства? может быть, главная побудительная причина пранкерства – своеобразный эскапизм, стремление избежать «ада внутри себя»?

3.2.5. Перспективные направления психологических исследований понимания постправды и вранья

Психологические исследования понимания причин постправды и вранья в коммуникации (в том числе – с самим собой) должны проводиться как минимум в трех направлениях: 1) анализ соотношения когнитивных и личностных предпосылок неправдивых утверждений; 2) изучение рациональных осознаваемых и эмоциональных неосознаваемых компонентов высказываний; 3) исследование внутренних психологических условий и внешних социально-психологических обстоятельств, способствующих порождению альтернативных реальностей.

С точки зрения психологии возможного очень важно исследовать соотношение когнитивных и личностных предпосылок неправдивых утверждений как проявление конструктивистского понимания истины и постправды. Психологи вносят существенный вклад в следование этой традиции хотя бы потому, что такова психология человека, конструирующего представления о правдивости и лживости высказываний окружающих его людей. Как показывает метаанализ, проделанный Н. М. Брашиер и Е. Дж. Марш, суждения об истине отражают умозаключения, сделанные на основе трех типов информации: базовые оценки, чувства и согласованность со сведениями из памяти (Brashier, Marsh, 2020). Как правило, люди склонны понимать входную информацию как правдивую, потому что большинство утверждений в нашей среде верны. Кроме того, они интерпретируют чувства, например чувство легкости обработки информации, в качестве доказательства истинности. Наконец, люди могут учитывать, соответствуют ли утверждения фактам, хранящимся в памяти.

Следовательно, есть разные способы, которыми люди конструируют правду. Суждения об истине отражают выводы из базовых оценок, чувств и соответствия воспоминаниям. Вероятностные оценки событий отражают способность отличать истинные утверждения

от ложных: утверждения, сделанные носителями языка («Жираф может обходиться без воды дольше, чем верблюд»), кажутся более правдоподобными, чем те, которые произносятся с иностранным акцентом. Повторяющиеся утверждения также более правдоподобны, чем новые: «Витамин С предотвращает простуду», – потребители продолжают покупать ненужные добавки отчасти потому, что слышат этот лозунг снова и снова. Согласно информационной теории чувств (Schwarz, 2012), люди интерпретируют свой субъективный опыт как доказательство истины. При принятии решений о степени правдоподобия высказываний они интерпретируют как доказательства истинности субъективные переживания, которые коррелируют с истиной, но могут оказаться также и ложными. Наконец, человек склонен делать выводы о правдоподобии на основании соответствия существующим знаниям, хранящимся в памяти (Unkelbach, Rom, 2017). Мы опираемся на знания, чтобы понять мир, и склонны принимать утверждения, которые соответствуют фактам, хранящимся в памяти, и отвергать не соответствующие им. Вместе с тем люди также имеют неправильные представления о мире (например, о том, что Великая Китайская стена видна из космоса), а также путают мнения и факты. «Каждый из этих трех выводов увеличивает точность в целом. Байесовский подход к базовым ставкам (например, утверждение утверждений „истинными“ чаще, чем „ложными“) часто оказывается эффективным, учитывая, что большая часть информации, встречающейся в повседневной жизни, является правдой. Утверждения, сопровождаемые чувством легкости, с большей вероятностью будут правдой, чем те, которые кажутся странными или трудными для понимания. Вероятно, утверждения, согласующиеся с информацией, хранящейся в памяти, имеют тенденцию быть более точными, чем не соответствующие ей» (Brashier, Marsh, 2020, p. 501).

Наиболее обобщенной личностной чертой, характеризующей людей, которые не слишком обременены размышлениями о моральной недопустимости искажений истины, является макиавеллизм. В его основании лежит убеждение в том, что ради получения выгоды можно врать и обманывать. Как показали проведенные ранее психологические исследования, у людей, склонных к вранью, высокие показатели по шкале макиавеллизма; у них низкая самооценка нравственных качеств личности по «Личностному дифференциалу», невысокие значения по фактору альтруизма методики

Лири и, наоборот, высокие — по фактору подозрительности (Знаков, 1999). Естественно, что поведение макиавеллистов в ситуациях постправды — важное направление будущих психологических исследований. То же можно сказать о роли мотивации искажений, психологических защит, самопредъявления и самоутверждения в формировании постправды.

Напомню, что постправда определяется как обозначение обстоятельств, в которых эмоциональные воздействия больше влияют на формирование общественного мнения, чем объективные факты. В психологических исследованиях подобное соотношение эмоционального и рационального представлено в исследованиях самоообмана. Эти исследования очень важны для понимания постправды, потому что позволяют ответить на вопрос: как возможна ситуация, в которой и говорящие, и слушающие знают, что утверждение не может быть истинным, и вместе тем скрывают это от себя. В «обществе переживания», отвечая себе на вопросы типа «Чего я хочу?», субъект не может делить все на черное и белое. Обычно ответы находятся в промежуточной области вероятностей, возможных истин, предположений, путей к решению. В этой области достаточно места для ошибок и искажений, а самообман может вырасти из этих искажений. При анализе отдаленных во времени перспектив развития Я недостаток реальных знаний нередко компенсируется далекими от действительности ложными воспоминаниями (Brown, Reavey, 2017). Как показывают психологические исследования, забытая или устаревшая информация остается в памяти и если она вспоминается, то воспринимается и понимается субъектом как достоверная, не вызывающая у него сомнений (Esker et al., 2014). Следовательно, картина произошедших событий оказывается искаженной. Кроме того, при интерпретации возможных Я не следует игнорировать и ложные убеждения субъекта, основанные на самообмане (Mele, 1999).

Наряду с анализом психологических черт и источников желаний, способствующих появлению самообмана, ученые изучают его фасилитаторы, т. е. свойства личности, упрощающие возможности нарушения социальных норм и ценностей (Van Leeuwen, 2008). Самообман может возникнуть даже тогда, когда субъект заинтересован в том, чтобы быть максимально рациональным, эмоции совершенно таким же образом обусловлены рациональностью, как рациональность — эмоциями. Иначе говоря, самообман появляется вследст-

вие взаимодействия когнитивных и эмоциональных факторов. Он приводит к слепому бесконтрольному принятию человеком веры в то, что при тщательном рассмотрении было бы охарактеризовано им как ложное (Sahdra, Thagard, 2003).

Неизбежность появления постправды подтверждается и приведенными выше результатами психологических исследований произвольных искажений истинности высказываний вследствие ложных воспоминаний, самообмана, манипуляции и других особенностей психологии человека. В частности, «эмпирические исследования Я-концепции и самооценки показывают, что представления о себе не меняются даже перед лицом неопровержимых доказательств. Я-концепция человека часто не основана на реальных событиях и фактах: у людей есть идеи о себе, которые не обеспечены социальной реальностью» (Аванесян, 2018).

Постправда это выражение мнения, представляющего собой неистинностный нарративный способ понимания мира говорящим. Такой нарратив ориентирован не на достоверные сообщения о фактах, а на их интерпретацию с учетом интересов аудитории. Из психологических исследований давно известно, что люди склонны упорядочивать информацию о мире, используя простые, понятные и предсказуемые когнитивные модели. Для этой цели применяются схемы, эвристики, скрипты и другие средства, которые помогают человеку организовать противоречивую информацию о мире и свести к минимуму усилия по ее обработке. Наиболее общей формой систематизации информации в социогуманитарных науках принято считать нарратив. Нарративный принцип выражает способность и склонность субъекта упорядочивать, казалось бы, случайные факты и явления в непротиворечивую последовательность событий (Сарбин, 2004). Последовательность представляет собой связную и законченную историю. «Связанным является тот рассказ, который имеет четкую структуру повествования с началом, серединой и концом. В согласованных повествованиях есть конкретные, очевидные темы, и они легко понятны читателю» (Lodi-Smith et al., 2009, p. 680). История описывается с начала до конца и отвечает на вопросы «что произошло?» и «как все это было?». Для психолога нарративный принцип характеризует не столько событийную структуру того, о чем человек рассказывает, сколько тип интерпретации. Это один из возможных способов организации фрагмента мира субъектом, проявляю-

щийся в том, что он видит и как излагает историю. Неудивительно, что «нарратив не является описанием реальности, он представляет собой „инструкцию“ по ее определению и пониманию, средством, благодаря которому интерпретация определенных эпизодов вызывает их к существованию в качестве понятных в определенной культуре, осмысленных событий» (Кутковая, 2014, с. 29).

Нарративный способ мышления понимающего мир субъекта вообще типичен для понимания социокультурной реальности, он соответствует множественной природе возможных мнений об одном и том же событии. Главное, что следует ясно осознавать психологу-исследователю: когда мы говорим о нарративе, то имеем в виду структуру самого повествования или способ организации мышления рассказчика, который определяет разные варианты интерпретации событий и, соответственно, порождения, а не отражения рассказа о том, «как это было»? Для психологических исследований более значимым чаще оказывается второе: нарративная организация знаний и опыта субъекта определяет схемы познания и понимания мира. Нарративная организация определяет то, как люди рассказывают истории, описывающие превратности человеческого бытия, и включает правила структурирования событий, т. е. способы конструирования реальности рассказчиком.

Нарративное понимание целенаправленно, непротиворечиво, правдоподобно (но совсем не обязательно правдиво), диалогически направленно. Такой способ понимания, хотя и основан на осознании субъектом множества альтернатив, проявляется в стремлении человека придерживаться какой-то одной версии описания событий, соответствующей индивидуальному способу смыслового структурирования понимаемого. Личностный смысл описания, повествования, рассказа не только сужает коридор возможностей, ограничивает их число, но и создает переход от прошлого к настоящему и будущему. Нарративный способ понимания событий человеческого бытия основан на какой-то одной принятой субъектом версии происходящего. Такое понимание непротиворечиво, правдоподобно, целенаправленно. В нарративном способе понимания заложено стремление понимающего субъекта (например, рассказывающего историю) достичь определенной цели, изложить события так, как, по его мнению, они происходили (японцы «всегда мечтали до Урала захватить русские земли»).

Событийность и устремленность в будущее – характерная черта нарративного способа понимания. Она отражает необратимость акта нарративного понимания: что понято, то уже свершилось и осталось в прошлом. С нарративной точки зрения, постправда как выражение мнения индивидуального или группового субъекта отражает такой способ понимания, основанием которого является не истинностная, а ценностно-смысловая картина мира. «Таким образом, постправда представляет собой коммуникативный процесс, порождающий нарратив с упомянутыми свойствами: отдельные факты и аналитические выводы обладают в нем меньшей убеждающей силой, чем готовые интерпретации, предлагающие более или менее целостную картину мира, которая резонирует с уже существующими личными убеждениями граждан. Факты, не вписывающиеся в нарратив постправды, отвергаются» (Гарбузняк, 2019, с. 186). Не соответствующую фактам постправду потому и невозможно опровергнуть, что в сознании реципиента факты не играют самостоятельной роли, они уже изначально встроены в неистинностную нарративную структуру понимания.

В Великобритании 6 ноября 2019 г. распустили парламент, который так и не смог решить главный вопрос: как (и надо ли) организовать выход страны из состава Евросоюза? Начиная свою новую предвыборную кампанию, премьер-министр Великобритании Б. Джонсон сказал: «Присоединяйтесь к нашему правительству, которое верит, что Британия возвысится в мире. Или выбирайте Джереми Корбина и лейбористов. Они заняли сторону Путина, Россия которого устроила отравления на улицах Солсбери» (Смелые заявления..., 2019). Джонсона не смутило то, что он уже попался на вранье по поводу Солсбери, ему было важно любой ценой понизить рейтинг основного конкурента. Это типичный пример нарративного способа мышления, основанного на неистинностном нарративе. Психологически значимым в этой ситуации является то, что Джонсон считал свое мнение правильным, а действительно ли лейбористы заняли сторону Путина и Россия имела отношение к отравлению в Солсбери – вопросы второстепенные и потому незначимые. Объективно Россия может либо иметь отношение к отравлению Скрипалей, либо не иметь, но ни один из вариантов не повлияет на систему аргументации Джонсона, потому что она построена на неистинностном нарративе.

Итак, независимо от социальных или моральных оценок следует признать, что в мире человека есть предпочитаемые и отвергаемые альтернативные возможности. Если использовать метафору, то можно сказать, что многие люди плавают в море возможного, даже не думая о том, чтобы найти островок истины. И бесполезно возмущаться и осуждать их, потому что в «обществе переживания» появилось немало сфер человеческой жизни, психологические и социальные основания которых строятся на сознательном отказе от истинных утверждений.

В политическом смысле сегодня эпоха постправды трактуется расширительно, как социальное и моральное разрешение сознательно искажать факты и не придерживаться в общении истины — соотвественствия высказывания действительности. Однако с логико-психологической позиции мы имеем дело с более строгим и точным описанием постправды. В этом смысле феномен постправды не случайно возник на неклассическом этапе развития научной рациональности и реализуется преимущественно в виде мнений в социокультурной реальности. Постправда характеризует не ситуацию «после узнавания правды», а контекст анализа и оценки. Это аналитическая ситуация, в которой, услышав фактическое утверждение, мы начинаем размышлять о том, почему не можем отнести его к истине, почему это все же не совсем правда, что в ней есть кроме отнесения к действительности и к моральной категории справедливости? О постправде нужно говорить не в тех случаях, когда речь идет о прямом искажении действительности (в политике и массмедиа это соответствует понятию *fake news*), а тогда, когда мы пытаемся заново проанализировать, переоценить и, в конечном счете, изменить сами основания истины. А это уже один из признаков переосмысления парадигм рациональности — классической, неклассической и постнеклассической.

В данном случае «постправда» меня интересовала преимущественно как психологическая категория, как феномен общения. Однако ограничение анализа только этой стороной проблемы может привести читателя к категоричному и, по существу, морально недопустимому выводу о том, что игнорирование корреспондентных аспектов истины всегда происходит вследствие преследования коммуникантами корыстных интересов. Особенно явно на это указывают высказывания политиков — Жириновского, Джонсона, Трампа, од-

нако основанием их мировоззрения является не корреспондентная, а когерентная истина: «В отличие от ученого, стремящегося создать ясную картину реальности, которая продолжает существовать даже в том случае, если ему не удастся правильно ее представить, политик активно участвует в производстве той реальности, которая ему нужна, то есть той, которую другие, по его мнению, должны считать тем, что без его вмешательства не состоялось бы» (Фуллер, 2021, с. 253).

Сегодня ясно, что постправда — продукт интеллектуальной ситуации, уходящей своими корнями еще в античность. Проблема соотношения корреспондентных и когерентных сторон высказываний, которые ученые считают удовлетворяющими требованиям научной рациональности, гораздо сложнее: она уходит в глубину веков и существует сколько же, сколько наука. Н. Макиавелли в трактате «Государь» при описании роли элит в социальном мироустройстве использовал метафоры львов и лис. Львы стараются выигрывать, играя по существующим правилам. Лисам такая стратегия кажется слишком прямолинейной и тяжеловесной, они полагают, что «цель оправдывает средства»: в ходе взаимодействия для достижения полезного результата правила игры можно и нужно менять (Макиавелли, 1998). Психологам было бы интересно сравнить стратегии львов и лис с их личностными качествами, в частности, верой в справедливость мира и верой в несправедливость мира (Bartholomaeus, Strelan, 2016; Dalbert et al., 2001). Можно предположить, что современные лисы характеризуются высоким уровнем веры в несправедливый мир. Они воспринимают его как конкурентное поле сражения, на котором правила и договоренности соблюдать не нужно, а невинные люди закономерно становятся жертвами произвола.

В современной науке позиция лис соответствует конструктивистскому пониманию истины и постправды. В наше время очевидно, что постправда — продукт интеллектуальных ситуаций, существовавших во все периоды человеческой истории. Вот, например, как это проявлялось в речах и образе мышления такой одиозной личности, как Гитлер: «Курт Шушниг... мыслил как юрист и политик. Разговаривать ему с Гитлером было трудно. Тот мог громоздить одно ложное обвинение на другое с такой скоростью, что на них и ответить не представлялось возможным. Шушниг стал одним из первых иностранных политиков, сбитых этим с толку, но не последним. Кажется, он и не понял, что Гитлер его аргументы не слышит. Фю-

пер был политическим деятелем совсем другого рода. Он не желал искать взаимоприемлемые компромиссы. Для него не имело значения, что „факты“, приводимые им, не соответствуют действительности» (Рис, 2018, с. 131).

Придание большого значения не фактам, а дискурсам, правилам познания, которые можно и нужно изменять для достижения полезного результата с точки зрения психологии возможного вполне естественно и закономерно. У ученых до сих пор нет абсолютно точных процедур для измерения даже эмпирической реальности (момент падения яблока с яблони, вероятность падения монеты «орлом» или «решкой» и т. п.). Еще труднее рассуждать о понимании социокультурной и экзистенциальной реальностей, построенных на многообразии возможностей – мнений, правдоподобных высказываний, тайн и т. п. В этих условиях сохраняется противостояние реалистов и антиреалистов: «Реалисты считают, что истина или ложность действительно является фактическим положением дел независимо от того, известно оно нам или нет. В этом смысле высказывание всегда является „определенно“ истинным или ложным. И наоборот, антиреалисты отрицают существование такого фактического положения дел, пока мы о нем не узнаем, или, по крайней мере, пока у нас не будет процедуры, позволяющей нам узнать о нем. В этом смысле высказывание является „неопределенно“ истинным или ложным, пока мы не найдем какого-то способа решить этот вопрос» (Фуллер, 2021, с. 253).

Из сказанного следует простой вывод: говоря о постправде, не нужно давать ей морально негативную характеристику. Пост-правда всегда будет сопровождать истину, и для этого есть объективные основания в человеческом познании.

3.3. Экзистенциальная реальность: понимание невозможного и немыслимого

Политика не есть искусство возможного;
политика — искусство невозможного.

В. Гавел

Исследование психологических характеристик невозможного для экзистенциальной реальности является актуальной научной пробле-

мой. В эмпирической реальности категория необходимого представлена знанием, выраженным в вербальном виде. Понимание фактов и событий экзистенциальной реальности, нередко воспринимаются понимающим мир субъектом как невозможное, которое нельзя выразить только словами, нужны еще интуиция, озарение, созерцание — постижение в полном смысле этого слова. Сомнение в достаточности слова для описания предмета собственных исследований типично для представителей социогуманитарных наук и деятелей искусства (в театрах ставятся пьесы А. П. Чехова, основанные на одних и тех же сценариях, но очень различающиеся по образно-изобразительным средствам).

Для уточнения содержания понятий, разграничения возможного и невозможного необходимо сказать несколько слов о диалектическом соотношении понятий и подвижных границах между ними. Можно выделить, по меньшей мере, три стороны этой проблемы.

1. Мир человека состоит из большого множества людей, в нем невозможное для одного субъекта вполне возможно для другого: уровня достижений великих музыкантов или спортсменов не могут достичь любители. Для психологов, в частности, исследующих мотивацию, здесь необъятное поле деятельности: как люди оценивают возможное для себя и стремятся к нему или понимают, что высокий уровень при их знаниях, умениях, навыках недостижим.
2. Историческая подвижность границ между возможным и невозможным. Развитие науки и техники делают ранее невозможное возможным: в XIX в. были невозможны полеты на самолетах, в XX — разговоры по телефону во время пешей прогулки по лесу и т. п. В дальнейшем обсуждении, говоря о невозможном, я буду обсуждать преимущественно то, что считается таковым сейчас, в наше время.
3. Продолжая развивать проблематику временных границ при анализе обсуждаемых понятий необходимо осознавать, что «развитие науки может смещать границу между возможным и невозможным в противоположном направлении, т. е. может переводить нечто из разряда возможного в разряд невозможного. Так, до проведения известных опытов Л. Пастера многие ученые придерживались гипотезы о возможности самопроизвольного зарождения

жизни (гипотезы абиогенеза). И только эти опыты достаточно строго обосновали невозможность абиогенеза» (Финогентов, 2010, с. 52).

Современный способ интерпретации, например квантовой механики, состоит в том, чтобы считать действительность пространством возможностей. Ученые знают, что «когда содержание настоящего меняется, меняется и наше ощущение того, что было и будет возможным. В этом отношении нет ничего такого, что должно было бы навечно оставаться невозможным, поскольку подходящее событие могло бы решительно изменить пространство возможностей. Но точно так же то, что было возможным, впоследствии может стать невозможным» (Фуллер, 2021, с. 270).

3.3.1. Научный контекст изучения невозможного

Невозможным является то,
противоположное чему
необходимым образом истинно.

Аристотель

Применительно к естественным наукам продуктивную попытку классификации невозможных событий и процессов предпринял американский физик М. Каку. Он выделил три типа невозможного. К первой категории относятся технологии, сегодня пока еще невозможные, но не нарушающие известные науке законы природы (телепортация, двигатели на антивеществе, телепатия, телекинез). Вторая категория включает невозможности другого типа: это технологии, лишь недавно возникшие в научных представлениях о физическом мире. Если они вообще возможны, их реализация может растянуться на тысячи или даже миллионы лет (машины времени, возможность гиперпространственных путешествий и путешествия сквозь кротовые норы). Последнюю категорию американский физик называет невозможностями третьего типа: «Это технологии, которые нарушают известные нам физические законы. Удивительно, но невозможных технологий этого типа оказалось очень мало. И если когда-нибудь окажется, что они тоже возможны, это будет означать фундаментальный сдвиг в наших представлениях о физике» (Каку, 2019, с. 21–22). К этой кате-

гории невозможного относятся вечный двигатель и предвидение будущего.

Из классификации М. Каку следует, что люди характеризуют что-то как невозможное либо по причине недостаточности современных знаний и отсутствия соответствующих навыков, либо вследствие внутренних свойств самого объекта познания.

3.3.2. Пять типов невозможного

Прежде чем анализировать понимание невозможных событий и ситуаций, необходимо хотя бы приблизительно классифицировать категориальные признаки обсуждаемого феномена. В современной научной литературе представлены по меньшей мере пять значений категории «невозможное», обусловленных как объективными обстоятельствами, так и знаниями и ожиданиями познающего субъекта.

1. Невозможность – это существующее у субъекта противоречие между логически допустимым (не противоречащим законам логики) и физической недопустимостью действия (противоречием законам природы). Например, невозможно привезти из леса на легковом автомобиле большую новогоднюю ель высотой 50 метров.
2. Как невозможные человек понимает и воспринимает «беспричинные» события – те, единственную причину возникновения которых определить нет никакой возможности. Следовательно, такие события невозможно предсказать. Между тем их немало, и они значимы для человечества. К ним относятся Первая мировая война, Великая депрессия в США 1929–1933 гг., распад СССР и др. В XXI в. высокоразвитая наука и медицинские технологии не помогли ученым предсказать возникновение пандемии COVID-19. Все эти события до их наступления оценивались людьми как невозможные. Типичным примером является теракт, произошедший в США в сентябре 2001 г.: «11 сентября – событие невозможное, невообразимое. Оно произошло прежде, чем стало возможным (даже фильмы-катастрофы его не антиципировали, наоборот, они лишь исчерпали наше воображение). 11 сентября относится к порядку радикальной непредсказуемости (когда обнаруживается парадокс, согласно которому

нечто становится возможным лишь после того, как оно произошло» (Бодрийяр, 2017, с. 191).

Н. Н. Талеб называет невозможное событие «черным лебедем», обладающим тремя характеристиками: «Во-первых, оно аномально, потому что ничто в прошлом его не предвещало. Во-вторых, оно обладает огромной силой воздействия. В-третьих, человеческая природа заставляет нас придумывать объяснения случившемуся после того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» (Талеб, 2016, с. 14). Обобщающим утверждением автора служит положение о том, что миром движет аномальное, неизвестное, неправдоподобное, невозможное с точки зрения наших нынешних знаний. При этом он приводит весомые аргументы против связи причин и следствий, которые свидетельствуют о том, что у каждого события может быть бесконечное число возможных причин (там же, с. 30, 100).

В мире человека принципиально невозможно определить причины или последствия многих событий и ситуаций. Например, мэр мегаполиса ни при каких условиях не может знать, где именно может прорвать трубу, а руководители спецслужб — обо всех готовящихся терактах. Примеры подтверждают очевидное: существуют такие сложные многомерные ситуации, относительно которых люди никогда не смогут узнать все причины их последующего изменения. Иначе говоря, причины непознаваемы. В науке применительно к эмпирической реальности давно известно, что нельзя одновременно точно определить координаты и импульс элементарных частиц: чем точнее измеряется одна характеристика, тем менее точно можно измерить другую. Причем это не связано с несовершенством методов измерения или измерительных приборов, а является следствием объективных свойств микрообъектов, их двойственной корпускулярно-волновой природы. Эта закономерность отражена в принципе неопределенности В. Гейзенберга.

Неудивительно, что непредсказуемость мира отражается в языке, которым мы его описываем. В русской культуре часто употребляется частица «авось», означающая, что связанное с ней выражение описывает события, имеющие ничтожно малые шансы на их осуществление. Когда мы ее используем, то имеем в виду

непредсказуемость жизни: поскольку она нами не контролируется, бесполезно строить какие-то планы и пытаться их осуществлять — остается только положиться на удачу: «Таким образом, русская частица *авось* подводит краткий итог теме, пронизывающей насквозь русский язык и русскую культуру, — теме судьбы, неконтролируемости событий, существованию в непознаваемом и не контролируемом рациональным сознанием мире. Если у нас все хорошо, то это лишь потому, что нам просто повезло, а вовсе не потому, что мы овладели какими-то знаниями или умениями и подчинили себе окружающий нас мир. Жизнь непредсказуема и неуправляема, и не нужно чересчур полагаться на силы разума, логики или на свои рациональные действия» (Вежбицкая, 1997, с. 79).

3. Невозможное часто отождествляется с неправдоподобным. В науке появление невозможного может служить индикатором кризисного состояния принимаемой сообществом ученых парадигмы: при увеличении не соответствующих ей, неправдоподобных, маловероятных данных возникает вопрос о ее переосмыслении. Более общий контекст понимания невозможного как неправдоподобного нетрудно найти в истории человечества. Как известно, она полна не только несбывшихся прогнозов, но и, наоборот, реализации того, что незаурядные умы считали невозможным. Лорд Кельвин говорил, что летательные аппараты (самолеты) тяжелее воздуха и никогда не взлетят. «Он считал рентгеновские лучи обманом и был уверен, что у радио нет будущего. Лорд Резерфорд, открывший атомное ядро, отрицал возможность создания атомной бомбы и сравнивал любые попытки такого рода с «погоней за солнечным зайчиком»» (Каку, 2019, с. 15).

Отсутствие новых событий в предыдущем опыте человека способствует их восприятию как неправдоподобных, невозможных. Типичный пример есть в воспоминаниях о бывшей узнице фашистского концлагеря Иде Гринспан: «Вскоре после прибытия в лагерь другие заключенные сказали Иде, что здесь есть газовые камеры, но ей казалось, что это просто невозможно. „Никто им не верил, — вспоминает Ида. — Никто из нас в это не поверил. Это было уму непостижимо! Мы говорили, что это сплетни, глупая молва“. А потом вновь прибывшие почувствовали тошнотворный запах из крематория Биркенау» (Рис, 2018, с. 391).

Подобных примеров множество, и они порождают необходимость отличия невероятного, неправдоподобного от действительно невозможного.

4. Нередко невозможным считается неизвестное: «У невозможности тоже эпистемический аналог — неизвестность, непознаваемость, непостижимость, немыслимость, непредставимость, недопустимость. Если незнание — это отсутствие знания, то непознаваемость, немыслимость и другие синонимы этого модального ряда указывают на принципиальную невозможность знания, то, что описывается философски как агностицизм» (Эпштейн, 2001, с. 207). На первых этапах решения творческих задач неизвестное часто кажется субъекту невозможным. Хороший пример содержится в статье о деятельностном потенциале категории «незнание». Преподаватель обсуждает со студентами проблему устойчивости небоскреба, построенного с большим углом наклона: «Падающая башня Абу-Даби — футуристический небоскреб в столице Объединенных Арабских Эмиратов. Это уникальный небоскреб, примыкающий к Национальному выставочному центру. Еще на этапе строительства небоскреб был внесен в Книгу рекордов Гиннеса как здание с самым большим наклоном в мире. Здание имеет статус „наиболее сложного архитектурного и инженерного проекта“. При значительном смещении вертикальной оси здание обладает высокой устойчивостью и безопасностью, а его гибкая волнообразная форма помогает создать необходимое затенение» (Чарикова, Каргапольцев, Лихненко, 2019, с. 80). Наклон здания значительно больше, чем у знаменитой Пизанской башни в Италии — 18°, а не 4°, как в Пизе. Затем в статье приводится суждение профессионала: «Инженер по конструкциям Мона Васингх, описывая работу над проектом Capital Gate, говорит: „Когда я увидела проект, подумала, что его невозможно построить! Архитекторам нарисовать здание проще, чем нам воплотить его в реальность. Это на грани возможного. Без озарения здесь не обойтись“» (там же, с. 81–82). И такая реакция — не редкость, неизвестное во многих областях кажется нам невозможным.
5. В психологии невозможным часто называют то, что не имеет смысла, то, для чего смысл трудно найти. В теориях В. Франкла и Ф. Е. Василюка потеря смысла жизни переживается субъектом как такое невозможное, которое нужно преодолеть. В частнос-

ти, «переживание есть особая деятельность, назначение которой состоит в преодолении ситуаций «невозможности», в восстановлении или порождении осмысленности жизни» (Василюк, 2007. с. 466). В экзистенциальной реальности в таком психическом состоянии человек оказывается во время кризисной ситуации – невозможности жить, реализовать внутренние необходимости своей жизни. Напомню, что Ф. Е. Василюк понимал критические ситуации именно как внутреннее состояние невозможности реализации субъектом своих стремлений, мотивов, ценностей. При этом типам состояний невозможности и реализуемости многих ситуаций соответствуют свои типы состояний возможности (Василюк, 1984). Невозможность проявляется не только в кризисе: экзистенциально невозможным является желание человека стать, к примеру, директором института, противоречащее его реальным знаниям, умениям и навыкам. Другой пример – нереализуемое ни сейчас, ни в обозримом будущем желание субъекта стать обладателем очень дорогого автомобиля Ferrari.

3.3.3. Психологические исследования невозможного

Будьте реалистами –
требуйте невозможного!

Лозунг парижских студентов в 1968 г.

В современной психологии уже появились исследования, направленные на анализ невозможного как компонента человеческой психики. Их актуальность обусловлена тем, что в сознании современных людей возможное, допустимое по законам физического и социального миров, непротиворечиво уживается с невозможным – магией, верой в чудеса и т. п. Так происходит во всех странах. В просвещенном технологичном XX в. вера в колдовство, хиромантию, НЛЮ, лох-несское чудовище проявляется не в меньшей степени, чем в прошлые столетия. В нашем отечестве миллионы россиян верили в то, что А. М. Кашпировский способен излечивать физические недуги на расстоянии, А. В. Чумак тоже удаленным способом может заряжать воду, наделяя ее целебными свойствами, и т. п. У их адептов, воспринимающих такие «чудеса», дифференциация между воображаемым и действительным не абсолютна, граница между ними весьма неустойчива. Во время просмотра телепередач невозможные объек-

ты и события пересекают границу и внедряются в сферу обыденной действительности. Результаты психологических исследований дают основание «предположить, что вера в неперманентность существования и вера в реальность необычных явлений представляют собой ветви одного дерева — наличия в психике современного человека особой потребности, которую мы называли „потребностью в необычном“ или „потребностью в трансцендентном“. Для удовлетворения этой потребности индивид стремится не просто к чему-то новому, а именно к необычному, нарушающему основы современной научной картины мира, выходящему за рамки возможного. Можно думать также, что неудовлетворенность этой потребности в современных рационализированных культурах лежит в основе повышенного интереса современного человека к сказкам, мифам, фантастическим произведениям, исследованиям необычных явлений и всему тому, что удовлетворяет „трансцендентальный голод“» (Субботский, 2007, с. 390).

Мир, в котором мы живем, развивается по определенным законам, согласно которым объективно существует не только возможное, но и невозможное: человек не может свободно проходить сквозь каменную стену, предметы не могут сами перемещаться в пространстве без внешних воздействий и т. п. «Возникает вопрос, какую роль подобные „невозможные“ феномены могут играть в обыденной жизни человека. Используя термины гештальт-психологии, можно предположить, что их наиболее очевидная функция состоит в создании „фона“. Действительно, характеризуя невозможные феномены как „ложные“, человек все же нуждается в них, поскольку они составляют оппозицию тому, что он считает истинным. Таким образом, если возможные феномены рассматривать как „фигуру“, то невозможные займут положение „фона“. Помимо того, что невозможные феномены постоянно воспроизводятся воображением, они культивируются в альтернативных, необыденных реальностях, таких, как: цирк (институт „цирковых волшебников“ и фокусников), сновидения, визуальная и виртуальная реальности» (там же, с. 361). Невозможные феномены, помимо роли «фона», выполняют и другие функции в жизни субъекта. «В тех ситуациях, в которых рациональное мышление неприменимо или неэффективно, современный человек может прибегать к магическим манипуляциям с целью взять под контроль свои страхи и переживания (например, при мысли о возможности собственной гибели или гибели близких). Эта за-

щитная, терапевтическая роль невозможных феноменов, будучи иллюзорной, тем не менее, значима в жизни индивида» (там же, с. 368). Нерациональные и бесполезные, с когнитивной точки зрения невозможные феномены оказываются психологически полезными в эмоциональной сфере понимающего мир субъекта.

В наши дни уже типичными становятся исследования невозможного Я как неотъемлемого составляющего личности. В человеческом бытии существуют ситуации, когда возможности субъекта переживаются им самим как «невозможности». В них актуализуется невозможное Я как проявление значимого возможного Я, которое испытывает влияние руминации – непреодолимой привычки все переосмысливать: повторяющиеся переживания, совершенные ошибки, пережитые обиды и т. п. В эмпирическом исследовании выявлены связи невозможного Я с высоким уровнем нейротизма, негативизма, а также выраженной тенденцией к самообвинению (Гришутина, Костенко, 2019).

Невозможное как один из психологических механизмов формирования и развития личности отчетливо проявляется в исследованиях альтернативных жизненных историй. Некоторые нереализованные шансы, альтернативные варианты развития событий не смогли воплотиться в жизнь, но они сохраняются в психике субъекта, его подсознании. Они отражают хотя и неосознаваемый, но возможный жизненный сценарий, основанный на непринятой, отвергнутой человеком смысловой картине мира (Аванесян, 2018). Нереализованная возможность, отвергнутый субъектом вариант саморазвития может развиваться им в виде альтернативной жизненной истории. «Традиционно считается, что жизненный выбор – это своего рода развилка, пройдя которую человек оставляет невыбранный вариант позади, в своем прошлом. Однако анализ биографических историй показывает, что неслучившаяся ситуация может развиваться человеком параллельно его основному жизнеописанию – в виде альтернативной жизненной истории. Она продолжает оставаться частью его актуального автобиографического дискурса, содержащего нереализовавшиеся или отвергнутые возможности, превращаясь в своего рода возможное Я. Альтернативная жизненная история часто создается в точке «перегиба» и связана с переломным событием жизни, которое нарушает непрерывность и взаимосвязанность линии времени и Я-концепции. Однако, несмотря на свой альтернативный характер,

эта история усиливает тематическую согласованность автобиографии, поскольку пронизана основными ценностями и жизненными принципами человека, которые по-прежнему остаются актуальными в его жизненном пространстве. Таким образом, альтернативная история темпорально дезинтегрирует жизненную историю, а тематически интегрирует ее» (Аванесян, 2019, с. 267–268).

С точки зрения психологии возможного основная причина определения некоторых событий и ситуаций как невозможных заключается в принципиальной невозможности их предсказания и объяснения в терминах рациональных когнитивных схем. Изучая психику человека, особенно применительно к социокультурной и экзистенциальной реальностям, психологи имеют дело не столько с достоверными знаниями, сколько с ценностями и смыслами. Последние уходят своими корнями в потребностно-мотивационную сферу и глубины бессознательного. И получается, что подлинно научное психологическое исследование начинается с осознания учеными ограниченности и потому непродуктивности многих привычных когнитивных схем и шаблонов для изучения внутреннего мира человека. В какой-то момент психолог становится способным честно сказать: «Я знаю, что этого не знаю и вряд ли когда-нибудь смогу узнать». Это значит, что он достиг ведающего, умудренного неведения, о котором говорил еще Н. Кузанский (Кузанский, 2000). Иначе говоря, психолог осознал непостижимость предмета своего исследования.

Пониманию субъектом невозможных событий препятствуют трудности, испытываемые им при объединении элементов в целостную схему, структуру осознаваемых и неосознаваемых, но все-таки интуитивно понятных категориальных знаний о понимаемом. Ведь понимание — это всегда соотнесение нового с известным, включение предмета понимания в структуру личностного знания понимающего субъекта. А когда мы имеем дело с невозможным, нельзя однозначно выявить причины и следствия событий и явлений — они детерминированы случайным для понимающего мир субъекта способом.

Исследование психологических характеристик невозможно является актуальной научной проблемой при анализе понимания экзистенциальной реальности. Изучая ее, ученые имеют дело не с массовыми явлениями, а с настолько маловероятными, неправдоподобными событиями, что они кажутся невозможными. Неправдоподобность событий препятствует адекватному осмыслению, по-

рождению их смысла. После событий 11 сентября 2001 г. потребность многих американцев в совладании с их психологическими последствиями привела к появлению большого числа теорий заговора, большинство из которых по своей сути иррациональны: «Теория заговора всегда является иррациональной из-за нарушенной доказательной базы. Согласно теории познания, подобные объяснения могут складываться из-за параноидального выражения бессилия в ситуации, когда факты и их логика становятся психологически непонятными и невыносимыми. Теоретик заговора пытается сохранить последние остатки убедительности своих объяснений, видя, что кто-то относится к нему неуважительно, хотя они не должны были относиться так. „Они“ хотят причинить нам вред – и это тоже важный секрет. При этом довольно неясно, кто такие „они“» (Airaksinen, 2009, p. 124).

Убеждения теоретиков заговоров являются до крайности неправдоподобными: согласно мнению одного из них, американцы изначально умнее и лучше арабов. Арабы не могли незаметно спланировать теракт и взорвать башни, значит, это сделало американское правительство: «События 11 сентября слишком значимы, и их сложно понять, используя наши повседневные модели понимания. Таким образом, это было невозможное событие. Масштабы разрушений, очевидно, были понятны и хорошо задокументированы. Тем не менее, люди не могли поверить в эти факты. Подобный когнитивный диссонанс был достаточно болезненным, и чтобы его преодолеть, необходимы некоторые механизмы снижения тревоги» (ibid., p. 127–128).

Таким образом, понимание экзистенциальной реальности реализуется в виде направленности понимающего мир субъекта на осмысление невозможного, таких событий и явлений, причины которых не только неизвестны сейчас, но и принципиально непостижимы.

3.3.4. Личность как невозможное: экзистенциальная тайна

Тайной невозможно овладеть через знание, к ней можно только приблизиться на иррациональном уровне постижения, а в целом онтологическая неисчерпаемость тайны делает сам процесс ее постижения самоценным и бесконечным.

О. М. Кордас, Ю. А. Николаева

Суждение о личности как экзистенциальной тайне перестает пониматься как парадоксальное при включении его в более широкий методологический контекст возможности порождения упорядоченной структуры из хаоса: «Каким образом из хаоса может возникнуть структура? В ответе на этот вопрос ныне удалось продвинуться довольно далеко. Теперь нам известно, что неравновесность — поток вещества или энергии — может быть источником порядка» (Пригожин, Стенгерс, 2014, с. 12–13).

В философии, антропологии, психологии распространенным является мнение о том, что любой человек — это тайна, загадка, без разгадывания которой его невозможно понять. Классическим стало суждение Ф. М. Достоевского, написавшего в 1839 г. брату Михаилу: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (Достоевский, 1987, с. 317).

Многие крупные ученые обсуждают тайну не в литературном и мистическом ключе, а как реальный научный феномен. В частности, Д. Чалмерс говорит о внутреннем единстве двух тайн (таинственными являются сознание и квантовая механика), он полагает, что между двумя этими наиболее загадочными проблемами может существовать какая-то глубокая связь. Чалмерс пытается вывести «закон минимизации тайны»: «Если есть две тайны, то соблазнительно предположить, что у них имеется общий исток. Это искушение усиливается тем обстоятельством, что проблемы квантовой механики кажутся тесно сопряженными с понятием наблюдения, сущностным образом предполагающим отношение между опытом какого-то субъекта и всем остальным миром» (Чалмерс, 2013, с. 413).

Проблемы непостижимого и таинственного занимали умы многих ученых. Например, К. Поппер не сомневался в существовании непостижимых тайн, сравнивая теологический и атеистический способы познания мира, он говорил: «Мы можем знать, как мало мы знаем, но это не должно оборачиваться позитивным знанием о существовании непостижимых тайн. В мире неизмеримо много непостижимо таинственного, но я считаю неприемлемым как выводить теологию из недостатка знания, так и оборачивать наше неведение в нечто вроде позитивного знания. Некоторые виды атеизма бездумны и самонадеянны, они должны быть отвергнуты, но агностицизм — признание незнания и исследование — это правильный путь» (Буров, 2014).

Само понятие тайны указывает на отсутствие однозначных знаний о человеке: тайна – это вопрос без ответа. Экзистенциальная сфера нашей жизни обычно строится на отсутствии достоверных знаний или хотя бы согласованных мнений. Л. И. Анцыферова писала: «Главное же, что должен понять человек, выстраивающий свою жизнь в этой действительности, это то, что миру свойственно неожиданное и невероятное, мир полон тайны» (Анцыферова, 2004, с. 22). Следствие объективной таинственности мира состоит в том, что важной частью экзистенциального опыта субъекта является не только непостижимое, но и тайна. По существу, осознание «непостижимо-го для нас» (Франк, 2007) означает признание того, что некоторые стороны экзистенциального опыта хотя и реальны, но непостижимы и даже таинственны. Некоторые компоненты психики человека непостижимы и таинственны не вследствие слабости наших познавательных способностей, разума и рассудка, а потому, что их невозможно представить в понятийном знании.

В человеческом бытии есть немало тайн, в которые люди непосредственно вовлечены и которые следует рассматривать только в контексте экзистенциальных ситуаций. В такие ситуации субъект включен так, что для психолога чрезвычайно трудно дифференцировать его внутренний мир и внешние обстоятельства, в которых он находится. И здесь речь идет уже о другом, содержательно более глубоком виде тайны. В его основании лежит не познавательное стремление к решению задачи, а, наоборот, осознанный человеком отказ от разгадывания, принятие ее как субъективной ценности. Это такие тайны, которые не внутри нас, а те, в которые мы вовлечены как субъекты человеческого бытия: «Но тайну отличает именно семантика, связанная с непроницаемостью, недоступностью для осознания. Причем наблюдается двойственное отношение к тайне: с одной стороны, желание ее открыть, постичь, с другой – невозможность, недопустимость или опасность ее раскрытия» (Кордас, Николаева, 2016, с. 103).

По своей психологической сути экзистенциальная тайна такова, что она может приоткрываться только субъекту, способному к интеллектуальному и духовному напряжению. Этот феномен формируются в психике человека как соотношение возможного и невозможного. В частности, в социогуманитарных науках существует обоснованное суждение о том, что «тайна – возможное знание, но знание, к ко-

торому еще не найден ключ, язык понимания» (Кордас, Николаева, 2016, с. 104). Прежде чем переходить к психологическому анализу духовности, надо разобраться в возможных контекстах возникновения тайны. Я имею в виду социальные и коммуникативные обстоятельства, в которых может порождаться тайна.

Сначала о философском и мировоззренческом контекстах тайны. В самом общем смысле человеческое бытие неотделимо от тайн: «Бытие как таковое, т. е. в его безусловности, и тайна есть просто одно и то же. При этом „тайна“ означает здесь не загадку, которая требует разрешения (хотя бы это разрешение фактически было для нас невозможно), а „таинственное“ по самой своей природе, т. е. трансрациональное – то, что по своему существу противоположно всему постижимому» (Франк, 2007, с. 134).

Фундаментальный философский анализ этой проблемы представлен в работе преподавателя Белградского университета Ч. Д. Копровицы (Цибизова, 2019). В ней тайна анализируется как основополагающая для философии и неотделимая от проблемы знания. «Фоном» анализа стали авторитетные позиции платонизма и просветительства. Тайна понимается ученым как одна из противоположностей знания не только на предметном уровне, но и на метауровне – широком контексте социального и антропологического статуса истинного знания. Таинственность не просто равнозначна незнанию, она является его позитивным антиподом: «Открытая тайна – то, что появляется из таинственного, – вызывает уважение. В таком случае отношение к таинственности меняет не свой действительный характер, но лишь модальность пребывания относительно возможности знания. При сведении сущности таинственного к незнанию открытое теряет свою ценность. Это линия разграничения между аутентичным и неаутентичным отношением к таинственному» (Цибизова, 2019, с. 135). С этой позиции, тайна представляет собой не просто концентрированное выражение того, что немислимо и непостижимо. Неприятие тайны оказывается последствием неограниченной самоуверенности разума, опирающегося на просветительский постулат о человеке как мере всех вещей: «Просветительская позиция не различает три случая непознанности: еще не открытого фактического состояния – настоящего или будущего (какой силы было разрушительное землетрясение в античности), сущности некоего уникального объекта (например, сущность-тайна красоты

«Давида» Микеланджело), сущности-тайны целостности (тайна возможности совокупности всего, что составляет целостность бытия)» (там же, с. 137). По мнению автора, просветительский здравый разум — это не отправная точка для возвышения с целью мысленного обозрения мира, а самоабсолютизированное неистинное мнение человека. Просветительство не признавало и не верило в символическое, трансреальное, таинственное. Просветители не понимали, как вещное, предметное может быть воплощением чего-то духовного, сущностного, и потому платонизм для них — суеверие: «То, что вещное воплощает сущностное, непонятно, таинственно и неприемлемо, так как человек — мера всех вещей, а Мнение/Мышление — единственная мера и возможность Знания. Просветительство заключает в себе результат неприятия мышлением собственной ограниченности, точнее ограниченности абсолютизированной позиции здравого разума, из которого проистекает данное движение. Это последствие неограниченного самомнения мышления, считающего себя всемогущим: если устранить ограничения, ему будут мешать лишь внешние препятствия» (там же, с. 141).

Однако сегодня, на этапе постнеклассической науки, ученым ясно, что тайна есть не раскрытая действительность, находящаяся за внешней границей, которую нужно стремиться преодолеть. Открытие вещей, выявление в них не только возможного, но и невозможного делает их не только видимыми, но и понятными. Следовательно, тайна — антипод не только открытости, но и понятности. И наоборот: неприятие, игнорирование тайны — последствие неограниченной самоуверенности разума, опирающегося на постулат о человеке как мере всех вещей.

Иное понимание тайны представлено в религиозном мировоззрении. Для верующих людей тайна это принципиально непознаваемое, находящееся за пределами возможностей человеческого познания. Тайна превосходит потенциал человеческого разума в силу своей чрезмерной сложности, принципиальной абсурдности либо отделенности от познания непреодолимыми препятствиями. Поскольку Бог принципиально непознаваем, непостижим, то всё священное является тайной, ценность которой — в ее закрытости.

Анализ тайны имеет глубокий смысл в современном литературоведении. Развернутое обоснование этого мнения представле-

но в интересной книге Портера Эбботта, посвященной непознаваемому и невыразимому в литературе (Abbott, 2013). Он утверждает, что читатели всегда должны пытаться разрешить двусмысленности и неопределенности в литературных текстах. Однако в любом значительном литературном произведении есть идеи, остающиеся за пределами нашего понимания, существуют пробелы, которые нельзя заполнить, разумы персонажей, не поддающиеся познанию. Эбботт считает, что неотъемлемой частью опыта чтения являются и намеренно вызванные состояния незнания. В литературном произведении существуют принципиально незаполняемые пробелы (Эбботт называет их «вопиющими пробелами»), «пробелы, которые мы просто не можем заполнить, но которые требуют заполнения, чтобы завершить повествование» (Abbott, 2013, p. 112). Есть «мудрость в том, чтобы принять с полным когнитивным осознанием тот факт, что есть вещи, которые мы просто не знаем и не можем знать» (Abbott, 2013, p. 115).

Почему так важно не пытаться заполнить пробелы и каковы преимущества пребывания в когнитивной двусмысленности? Эбботт пытается, рассмотреть проблему непознаваемого и невыразимого в контексте самоидентификации Я как единства Я эмпирического и Я трансцендентального. Ссылаясь на Э. Левинаса, он утверждает, что, прежде всего, важно признать, что другой — это абсолютно другой, который не может быть сведен к роли или функции в моем мире. Ученый считает, что для Левинаса глубинным мотивом, стоящим за потребностью читать других, является страх потерять целостность своего Я «под чарами другого». У читателя есть личная заинтересованность в том, чтобы не уменьшать и не упрощать другого. При этом таинственность, непроницаемость разума другого человека определяется закономерным незнанием: «Наше постоянное отсутствие знаний включает в себя больше, чем то, чего мы не знаем и не будем знать о том, что происходит в умах других людей. Загадки Я, которые я рассматривал в первой и второй частях, — это загадки, которые всегда с нами и поэтому всегда, в этом смысле, доступны, если их легко игнорировать или заменить тем, что считается знанием. Умы других людей, включая загадки собственного Я, которые должны пребывать в этих умах, представляют собой другой вид непознаваемости. Это непознаваемость, которая приходит вместе с вашим существом, в какой-то степени запертым от умов других.

Его тоже можно легко игнорировать или описывать с уверенностью» (Abbott, 2013, p. 151).

Сегодня Эббот пытается рассмотреть проблему непознаваемого и невыразимого в контексте самотождественности Я, он анализирует ее как единство эмпирического Я и Я трансцендентального. В прошлом веке ту же проблему решал русский символист Вяч. Иванов. Для него трансцендентальным является понятие Другого, которое «в учении Иванова рассматривается в двух значениях: Другой как инаковость (другое вообще) и Другой как другое лицо моего „Я“». Оба понятия объединяет идея самопонимания индивида. Понятия сосуществуют, объясняя друг друга: инаковость Другого открывается через понимание себя и наоборот. Основная мысль рассуждений Вяч. Иванова: человек для самосознания должен постоянно стремиться понять Другого, который находится не только рядом, но внутри собственного мира личности» (Царева, 2019, с. 68–69).

В целом можно сказать, что содержание книги П. Эбботта далеко выходит за узкие рамки литературоведения: проблемы неизведанного, таинственного и невыразимого обсуждаются в ней в широком антропологическом социогуманитарном контексте.

Для отечественной литературной традиции антропологический контекст описания тайны является очень характерным и даже типичным. В кратком метафорическом виде этот контекст выразил поэт Г. И. Чулков: «Мир, в котором живет душа поэта, прост и реален, но за этой видимой простотою, за этой ясностью образов и мыслей таится незримый мир, полный тревоги и тайны» (Чулков, 2001, с. 405). «Тайна» как поэтическое слово и отражение мировоззрения творца отчетливо и даже выпукло представлено в поэзии А. А. Ахматовой. Тайна — это характеристика ее психологического автопортрета, получающего в поэзии и литературоведческих произведениях смысловое наполнение на биографическом, личностно идентификационном и собственно поэтическом уровнях творчества: «Комплексный анализ слова и образа *тайны* в творчестве Анны Ахматовой показал, как настойчиво она создавала ауру тайны вокруг своей судьбы. Намеренная двойственность даты рождения, моделирование образа детства как времени осознания своей личности, легенда о рано появившемся даре видения и предвидения соотносимы с ахматовскими ликами лирической героини (Кассандра — дева Луны — колдунья — чингизидка), коррелируют с основными сферами ее по-

эзии: Античность, магическая власть поэзии, история» (Михайлова, Снигирева, 2021, с. 577). Одновременно тайна — это и неотъемлемая составляющая описываемого ею человеческого бытия, проявляющаяся в том, что «в поэзии Анны Ахматовой возникает образ тайны, не всегда обозначенный словом, но вырастающий из создаваемой атмосферы стиха и сопредельный с тайным страхом и мистическим ужасом. Тайное как иррациональное, необъяснимо страшное почти обязательно присуще стихам о времени и месте, в которых осуществляется повседневная жизнь поэта» (там же, с. 587). Как точно подметила Н. Ю. Смирнова, «именно живое чувство „тайны“ обуславливало в сознании Ахматовой понимание этого слова как обозначения непостижимости законов поэзии, как, впрочем, и законов мира, в который погружено человеческое „я“ — от личного, любовного чувства до общечеловеческого бытия» (Смирнова, 2004, с. 11).

Ахматова всегда чутко улавливала иррациональные моменты бытия, отражающиеся и в науке, и в философии, и в настоящей поэзии. Для нее мир без тайны, без несказанного, неизреченного был безжизненным призраком, мертвой схемой: «„Геометрически точное“, по определению К. Чуковского, мышление А. Ахматовой сочеталось в ней не только с интуицией, но и с редкостным даром создавать в стихах и вокруг стихов атмосферу тайны. При том, что многочисленные признания Анны Андреевны о „соре, из которого растут стихи, не ведая стыда“ о „рифм сигнальных звоночках“ и тому подобное, казалось бы, призваны были развеять самую искусную завуалированность. Из этого сочетания предельной четкости и осмысленности процесса стихотворчества-ремесла и его загадочности, необъяснимости-тайны возник один из самых значительных циклов ахматовской поэзии: „Тайны ремесла“. Именно из этих двух компонентов частично состоит концепция творчества А. Ахматовой, причем легко прослеживаются и истоки, питающие эти тенденции» (Крюкова, 1998, с. 18).

Ахматова использовала обсуждаемое понятие не только в цикле стихов «Тайны ремесла», для нее «тайна» в подлинном смысле слова — выражение и бытия, и творчества, например, А. С. Пушкина: «Кто хоть сколько-нибудь знает пушкинскую „тайнопись“, и даже тот, кто ее совсем не знает, не может не догадаться, о ком идет речь. Это просто очередной „арапский профиль“ и кудрявая голова на полях рукописи. А тайнопись у Пушкина была. Не знаю, довольно ли

сказано в науке о величайшем поэте XIX века (во всяком случае) про эту его особенность и так ли легко довести эту мысль до рядового читателя, воспитанного на ходячих фразах о ясности, прозрачности и простоте Пушкина» (Аматова, 2019, с. 78).

Тайна занимала в творческом мировоззрении поэта настолько значимое место, что она считала ее отсутствие, полную договоренность серьезным недостатком стихов (в частности, М. Цветаевой): *«Пушкинская тайнопись... И все-таки „Дубровский“ — неудача Пушкина. И слава Богу, что он его не закончил. Это было желание заработать много, много денег, чтобы о них больше не думать. Это, в противоположность „Пиковой даме“, вещь без Тайны. А он не мог без Тайны, она одна всегда влекла его неудержимо. „Дубровский“, оконченный, по тому времени был бы великолепное „чтиво“»* (там же, с. 98).

На основании анализа произведений поэта и приведенных цитат можно заключить, что в творчестве А. А. Ахматовой тайна была не познавательной загадкой, секретом, а выражением концептосферы, словесного образа русской культуры как целостной системы. Иначе говоря, можно и нужно говорить о сопричастности тайны к экзистенциальным глубинам бытия или в широком смысле — к русской ментальности. Ее инвариантными свойствами и неизменными константами являются неосознаваемость, нерелефированность, логическая невыявляемость, сокровенный характер. «В число таких свойств ментальности входят также консерватизм и инерционность, сопротивляемость воздействию со стороны социальных образований» (Постовалова, 2021, с. 13).

Социально-психологические аспекты тайны представлены, прежде всего, в исследованиях общения людей в малых группах. Фундаментальный комплексный анализ проблемы применительно к семейным, в частности, межпоколенным отношениям, проделала Н. И. Олифиринович (Олифиринович, 2016). В ее книге тайна рассматривается не как индивидуальный, а как коммуникативный феномен. Она выделяет семь характеристик семейных тайн: системность, парадоксальность, поддержка гомеостаза, конфликт между формой и содержанием, непредсказуемость, интроективный характер, цикличность.

Прежде чем обращаться к конкретному содержанию характеристик, необходимо уточнить: действительно ли в книге идет речь

о тайне или можно сказать, что это «потаянные семейные секреты»? Ответ на этот вопрос автор дает в самом начале книги, описывая тайну как точку бифуркации, риска для человека и его семейной системы. Тайна рассматривается как экзистенциальный феномен, воздействующий на судьбу человека, побуждающий его к выбору (знать или не знать), концентрирующий энергию подавления, отрицания, сокрытия секретных сведений для защиты семьи от болезненной и разрушительной реальности. Тайна в книге анализируется как не только знание о чем-то, но и эмоциональное переживание факта, запускающее определенное поведение.

«Чтобы событие стало семейной тайной, необходимы следующие условия.

1. Невозможность принятия и открытого проговаривания данного события вследствие его несоответствия личным, внутрисемейным или социальным нормам и правилам.
2. Отсутствие внутрисемейных ресурсов для проживания данного события.
3. Сильные эмоции и переживания, сопровождающие данное событие: гнев, обида, страх, стыд, презрение, зависть.
4. Опасения по поводу возможного осуждения, отвержения или полного разрушения семьи вследствие раскрытия факта события.
5. Прямое или косвенное влияние тайны на остальных членов семьи» (Олифинович, 2016, с. 10).

Автор выделяет несколько видов семейных тайн. Страшной тайне сопутствует страх или даже ужас: хранители тайны боятся, что ее разглашение будет разрушительным для членов семьи. Постыдная тайна основана на стыде, вызванном нарушением моральных или нравственных норм, совершением социально осуждаемого поступка. Печальная тайна – преобладают негативные эмоции (тоска, уныние, грусть), воспоминание о ней сопровождается депрессивным фоном у родственников. Святая тайна: ее хранению сопутствует чувство гордости, ощущение правильности происходящего. Мрачная тайна сопровождается ощущением обреченности, предрешенности, невозможности изменить ситуацию.

Таким образом, с экзистенциальной точки зрения, в книге речь идет, безусловно, не о секретах, а о тайнах. Выяснив это, кратко опишу семь характеристик семейных тайн.

Системность проявляется в том, что семейная тайна никогда не принадлежит одному человеку, она касается всех членов системы, сложившихся отношений — ее рассекречивание может привести к изменению образа семьи. Тайные сведения о каком-то члене семьи (бесплодии, алкоголизме, проблемах с законом и др.) не раскрываются по причине боязни разрушения сложившихся отношений, правил, благ, утраты социального статуса семьи и т. п. Важную роль в отказе от разоблачения тайны играют защитные психологические механизмы подавления и отрицания.

Парадоксальность: тайна одновременно и защищает, и разрушает семью. Тайна — это то, что может дестабилизировать или нарушить жизнь семейной системы. Тайные сведения не положено знать и одновременно их очень важно узнать.

Поддержка гомеостаза: семья нуждается в стабильности, порядке, предсказуемости, а раскрытие тайны может приводить систему к семейному кризису. Тайна выполняет функцию поддержки гомеостаза в системе, вследствие чего семья охраняется и оберегается даже тогда, когда уже утрачен первоначальный смысл ее сохранения — хранители тайны стоят на страже привычного порядка.

Конфликт между формой и содержанием: тайна порождает «постоянное напряжение в попытке замаскировать неприглядное содержимое красивым фасадом. Чаще всего форма — это мертвая внешняя оболочка, через которую пытается прорваться наружу опасная, неприятная, стыдная, разрушительная сущность семейной тайны» (там же, с. 138).

Непредсказуемость. Этот пункт системного анализа семейной тайны прямо соотносится с постнеклассическими взглядами И. Пригожина: «Никто не знает, к чему на самом деле приведет как сохранение, так и раскрытие тайны. Само возникновение семейной тайны маркирует точку бифуркации, в которой система либо переструктурируется и перейдет в более упорядоченное состояние (мы связаны навек этим страшным секретом), либо подвергнется разрушению и распаду. Тщательная охрана тайны связана именно с этим страхом: никто не знает, как на самом деле будет лучше для семьи и что случится, если информация станет доступной. Нужно ли бездетному из-за болезни мужу знать, что он воспитывал не своего ребенка? Нужно ли рассказывать счастливо живущей в браке женщине, что у мужа до встречи с ней была другая семья?» (там же).

Интроективный характер. Интроекция – помещение вовнутрь того, что было внешним. Семейные тайны чаще всего оказываются маркерами интроектов: прародители, родители, другие хранители тайны вербально и невербально сообщают о том, что тайна опасна, ее нужно хранить любой ценой, а раскрыв тайну, человек утрачивает право на членство в семье.

Цикличность. «Процесс жизни семьи подчиняется не линейной, а циклической логике. Иногда упрощенное видение ситуации (она была легкомысленной, поэтому забеременела и родила ребенка, и ее выгнали из дома) мешает заметить важные взаимосвязи и взаимовлияния в семье. Когда проблема исследуется системно, оказывается, что все были вовлечены в проблему и каждый вносил свой вклад. И самое удивительное: когда нам удастся восстановить цикл, в который вовлечены различные родственники, мы можем обнаружить повторение этого цикла в других семейных отношениях. Семейная тайна, появившись в одном поколении, имеет тенденцию повторяться. Аксиома осмысления семейной тайны – это отказ от поиска правых и виноватых. Все и виноваты и не виноваты одновременно» (там же, с. 138). В семье, в которой кто-то из ее членов хранит какую-то тайну, через некоторое время происходит разграничение, разделение на «правых» и «виноватых», на обвинителей и жертв. Такие способы построения границ формируются один раз, но воспроизводятся снова и снова в следующих поколениях.

В российской психологии уже проведены фундаментальные и интересные исследования межпоколенных семейных отношений (Крюкова и др., 2009; Сапоровская, 2011), однако вопросы трансляции тайны в них пока не затронуты, хотя очевидно, что они являются научно значимыми и перспективными.

Второй, экзистенциальный, вид интерпретации как раз и направлен на объяснение личности как тайны. Этот вид интерпретации (впрочем, называя его иначе) обстоятельно и глубоко анализирует А. А. Пузырей: «Второй, альтернативный способ чтения и понимания, которого предполагает держаться сам Выготский, как раз и ставит феномен тайны „во главу угла“, как раз и пытается брать именно „тайну“ в качестве исходной, отправной точки для развертывания работы понимания, но так же, как я уже сказал, и предельной, последней ее точки – точки, в которую понимание должно также снова и снова „возвращаться“, или, быть может, лучше было бы сказать:

которой оно снова и снова должно еще достигать — как „последней“ и „истинной“ реальности. Задача понимания состоит здесь, стало быть, не в том, чтобы разоблачать таинственное, рассеивая его, как только снаружи обволакивающий и скрывающий понимаемое „туман“, но, напротив, в том, чтобы утвердить „тайну“ как таковую в ее неустрашимости и реальности, то есть понять „тайну“ не как то, что извне скрывает и заслоняет понимаемое, но, напротив, как то, что является внутренне самому понимаемому присущим и, больше того — его существом и корнем — тем, в чем или „из чего“ понимаемое получает оправдание своего существования, достигает его подлинности» (Пузырей, 2005, с. 310–311).

Применительно к экзистенциальной психологии личности категория «тайны» не является чем-то основополагающим и сакральным, просто в ней содержится указание на то, что возможное это такое потенциальное, которое для субъекта либо становится, либо не становится действительным. Особенно значимо такое соотношение возможного и действительного для экзистенциально главного в человеке, выражающего его не только индивидуально-личностную, но и общечеловеческую родовую сущность. Именно для психологического анализа такой сущности необходимо использовать экзистенциальную интерпретацию. В этом смысле, пожалуй, центральным феноменом человеческого бытия является духовность.

На существование таких очень значимых в жизни любого человека тайн обращал внимание А. Мень: «Загадка — вещь принципиально разрешимая. Если лохнесского ящера поймут или по-настоящему сфотографируют, — конец загадке, она разгадана: вот плезиозавр, который умудрился дожить до наших дней... Но есть вещи, которые являются тайной. Это о них говорил Гёте, что одним рассудком постичь эту вещь до конца нельзя, к этому требуются еще вживание, чувства, интуиция, озарение. Творчество поэта — тайна! Творчество художника, музыканта — тайна! <...> Сколько бы мы ни раскладывали на составные элементы... впечатление, которое мы получаем от картины или симфонии, от нас всегда ускользнет что-то главное. Так вот, тайна — это то, что никогда не может быть полностью исчерпано только рассудочным, аналитическим путем познания. А загадка — только то, что еще не раскрыто, что пока не познано» (Мень, 2013, с. 62–63). В более обобщенном философском смысле на принципиальную неразрешимость тайны и ее отличие от загадки ука-

зывает А. Ф. Лосев: «Тайна не есть просто отсутствие, небытие. Она также не есть и то, что может быть раскрыто или разрешено. Тайна, которая может быть раскрыта, вовсе не есть тайна, а только наше временное недомыслие, более или менее случайная загадка и незнание ввиду тех или иных обстоятельств. Тайна есть *то, что по самому существу своему никогда не может быть раскрыто*. Но она может *являться*. Явление тайны не есть уничтожение и разрешение тайны, но есть только такое ее состояние, когда она ясно ощутима, представляема, мыслима и сообщима — притом сообщима именно *как тайна же*» (Лосев, 2016, с. 230).

Экзистенциальная тайна является атрибутом и опыта субъекта, и ситуации, в которую он попадает. Приобщение к таким тайнам позволяет субъекту включиться в какой-то иной, условно говоря, более глубокий и одновременно более возвышенный уровень бытия. Экзистенциальные тайны более значительны, чем неразгаданные загадки внешних событий жизни. Осознание психологом тайны как экзистенциальной ценности означает признание существования иных, неочевидных и более сложных для научного анализа планов бытия. Существование таких тайн ясно осознавал французский экзистенциалист Г. Марсель: «Есть высшие реальности, которые становятся более ясными и определенными лишь благодаря своей причастности тайне. Здесь нет ничего похожего на банальный агностицизм, согласно которому, наоборот, тот факт, что объект познаваем или нет, ничего в нем не меняет. Именно в этом и заключается различие между тайной и невежеством. Тайнственно лишь то, что есть потребность не раскрывать» (Марсель, 2005, с. 281).

А. А. Пузырей, продолжая анализировать работу Л. С. Выготского, отмечает, что тайна внутренне присуща трагедии о Гамлете. Тайна «утверждается при этом не только как исходная, отправная точка понимания трагедии, но также и как последняя, предельная его точка, и далее — как неустранимый пониманием — бытийный — феномен» (Пузырей, 2005, с. 305). Для читателя или зрителя задача понимания состоит не в том, чтобы разоблачать таинственное, неясный и туманный для субъекта контекст понимаемого. Здесь присутствует стремление понять тайну «не как то, что извне скрывает и заслоняет понимаемое, но, напротив, как то, что является внутренне самому понимаемому присущим...» (там же, с. 311). На это же указывает и сам Л. С. Выготский: «Не разгадать эту загадку — была цель

этих строк, не раскрыть тайну Гамлета, а принять тайну как тайну, ощутить, почувствовать ее. И если загадочность и непостижимость произведения только усилились в этой интерпретации его, то это не прежняя, начальная его загадочность и непонятность, проистекавшие от внешней темноты трагедии и стоявшие помехой на пути к художественному ее восприятию, — а новое, глубокое, глубинное ощущение тайны, создавшееся в результате восприятия этой пьесы» (Выготский, 1987, с. 288). В этом случае «интерпретация» — не замещает собой «интерпретируемое», не заступает его место, не «упраздняет» его, делая его существование впредь уже избыточным, «излишним»; она — не «вместо него», но «вместе с ним»; интерпретация есть только «продолжение», «расширение», «углубление» понимаемого, читаемого текста; но все же она есть всегда только его «часть», его — исходного, читаемого, понимаемого текста — «орган», позволяющий ему «сказаться» — полнее, точнее, членораздельнее» (Пузырей, 2005, с. 314–315). Очевидно, что индивидуальная специфика понимания таинственности как неустранимой составляющей бытия зависит от внутреннего мира реципиента и его активности, направленной на порождение собственного смысла понимаемого. При этом углубление, расширение, полнота интерпретации достигаются за счет объединения содержания текста с личностным знанием понимающего субъекта.

В жизни человека бывают события, причины или последствия которых навсегда остаются для него экзистенциальными тайнами. В тот момент, когда мы страхуем жизнь от несчастных случаев или имущество от стихийных бедствий мы не имеем никаких шансов точно оценить вероятность наступления таких событий. И если страховый случай так и не произошел, то они так и остаются для нас экзистенциальными тайнами. Для каждого человека тайной является не только дата собственной смерти, но и то, что с ним будет после нее. Люди не могут предсказывать время смерти, они лишь по-разному *оценивают*, относятся к этому событию. Для одних это безусловная трагедия, неприятные мысли о которой они стараются отодвигать на задний план сознания; для других — размышления об итогах, что удалось сделать, а что нет; у третьих преобладает тревога по поводу семьи. Применительно к таким содержащим тайну экзистенциальным ситуациям невозможно и бессмысленно формулировать конкретные причинные вопросы (почему? зачем? из-за чего?). На-

пример, на протяжении нескольких столетий для человечества тайной остается улыбка Джоконды Леонардо да Винчи, но какие небанальные вопросы здесь уместны, о чем тут спрашивать?

Таким образом, экзистенциальная тайна – это вопрос без ответа.

Экзистенциальная тайна по своей природе холистична, нерасчленима на смысловые части, составляющие. В таинственном не *может быть противоречий*, потому что экзистенциальная тайна бытия по своей природе не аналитична, а холистична. Это значит, что, хотя и на уровне бессознательного, но тайна включает представления субъекта о том, что противоречивые компоненты экзистенциальной ситуации все же неотделимы от нее как целого. Более того, можно найти угол зрения, при котором противоречия не только не устраняются, но и превращаются в свою противоположность. Зачем, имея дело с типичными проявлениями холистического рассудка (к примеру, пиковыми переживаниями, по А. Маслоу, – мгновениями эстетического восторга, творческого озарения и т. п.), вносить в них обманчивую ясность аналитического разума? Разве рефлексивное препарирование своего чувства любви к другому человеку увеличит степень счастья? Скорее, наоборот. В человеческой жизни всегда были и есть события и ситуации, представляющие для каждого из нас непреходящую ценность, изменяющие наш внутренний мир, но остающиеся тайной за семью печатями. По большому счету такие глубокие тайны не зависят от их осознания, критической оценки, но являются тайнами бытия, имеющими для людей непреходящую экзистенциальную ценность. Тайна есть неустрашимый и непроблемный контекст действительности, ее не только нельзя осознать, но обычно и не нужно осознавать. Подлинно экзистенциальное понимание заключается в том, что к непостижимо-му и таинственному не следует подходить так же, как к анализу решения познавательной задачи, проблемы. Познавательную задачу мы решаем до тех пор, пока аналитическим способом не только находим, но и устраняем скрытое в ее условиях противоречие. Тайна обладает для людей экзистенциальной ценностью, ее нужно не разгадывать, а принимать. Экзистенциальная тайна сложнее для понимания и психологического анализа, чем познавательная. С психологической точки зрения, она обладает, по меньшей мере, четырьмя признаками.

1. Тайна – это такая проблемная ситуация, которую субъект не может преобразовать в задачу. Столкнувшись с чем-то непонятным и неразрешимым, – на каком-то этапе осмысления проблемы человек понимает, что у него нет необходимых знаний, умений, навыков и потому сознательно отказывается от ее решения. Для психологии мышления аксиомой является положение о проблемности этого психического процесса: «Проблемность возникает тогда, когда субъект осознает, что имеющейся у него информации недостаточно для действия в определенной ситуации. Своевременное обнаружение проблемности является пусковым моментом для возникновения и разрешения профессиональной проблемной ситуации. У субъекта возникает потребность в преодолении затруднения, которое на момент столкновения с ним представлялось для него неразрешимым» (Кашапов и др., 2019, с. 36).
2. Человек оценивает проблемную ситуацию как жизненно значимую для себя: проблема превращается в незабываемое экзистенциально ценностное событие.
3. Таинственными для нас становятся не все проблемные ситуации, а только редкие, вероятность наступления которых очень мала. Если у меня сломается телевизор и я не смогу его починить, то буду рассматривать эту ситуацию не как тайну, а как отсутствие у меня знаний, которые есть у телемастера.
4. Таинственные явления оставляют неудовлетворенной познавательную мотивацию субъекта, вызывают в его сознании что-то, похожее на «эффект Зейгарник»: они будят воображение, дают волю фантазии, но не приводят к рациональному объяснению произошедшего.

Для психологов важно получить ответ на вопрос: «Тайна – это проблема психологии мышления или психологии понимания?» Ответ на него зависит от направления нашей мысли: от тайны к загадке или от загадки к тайне.

Первый случай соответствует переходу от рубинштейновской проблемной ситуации к леонтьевской задаче. Столкнувшись с чем-то неопределенным и непонятным, например, увидев в небе объект, похожий на НЛО, мы начинаем думать о возможном оптическом обмане, атмосферных явлениях или испытаниях оружия на соседнем

военном полигоне. Гипотезы способствуют формулированию условий задачи, запуску мышления и превращению тайны в пока неразгаданную загадку.

Со вторым случаем мы имеем дело тогда, когда осознаем, что тайна не имеет ничего общего с обычной фантазией или мистикой. В русской литературе есть давняя традиция описания подобных нереальных феноменов. «Вий» Гоголя, «Демон» Лермонтова, цикл «таинственных повестей» В. Ф. Одоевского.

Однако для меня более значимыми и интересными являются содержащие тайну описания событий, хотя и иррациональных, но реальных. Я имею в виду то, что есть, бывает, но необъяснимо. В этом смысле бесценным материалом являются «таинственные повести» писателя-реалиста И. С. Тургенева. Например, в рассказе «Собака», когда герой выключал свет и ложился спать, у него под кроватью начинала ворочаться и издавать характерные звуки не живущая у него собака. При включении света собака пропадала. Это можно было бы приписать слуховым галлюцинациям героя, но когда он пригласил к себе переночевать приятеля, тот услышал то же (Тургенев, 2019).

В повестях описываются случаи из жизни, подлинные, но не имеющие рационального объяснения. Когнитивно такие тайны непознаваемы. В экзистенциально-герменевтическом контексте в них проявляется плюралистичность мира, множественность ответов на вопросы (в частности, что скрывает в себе улыбка Джоконды?). Многообразие ответов и вариантов интерпретации таинственного — это не что иное, как разные способы понимания. Следовательно, тайна — это проблема психологии понимания.

Зачем психологам необходимо изучать феномен тайны? Некоторые исследователи высказывают суждение о том, что если тайна непознаваема, то она не может быть предметом научного и, в частности, психологического исследования. Я с этим не согласен. Анализ тайн помогает ученым не только перемещать фокус внимания в поле изучаемых проблем, но и понять иные по сравнению с познанием, более глубокие пласты мира человека. Неудивительно, что одной из ближайших задач психологии понимания следует считать осознание и психологический анализ различных тайн, относящихся к эмпирической реальности (таких, как собака у Тургенева), социокультурной (таких, как символы) и экзистенциальной (таких, как тайна смерти).

Таким образом, абстрагируясь от религиозного и мистического контекстов употребления понятия «тайна», в современном научном дискурсе необходимо различать два наиболее распространенных вида тайны – познавательную (когнитивную) и экзистенциальную (бытийную). Главная методологическая проблема при этом заключается в том, что тайна существует в психике субъекта *онтологически*, а попытки сформулировать и разрешить ее как познавательную когнитивную задачу приходят в противоречие с *гносеологической* плоскостью рассмотрения этого феномена. Познание это всегда постижение иного, неподобного, и, следовательно, изначально тайного или таинственного, которое субъективно значимо для познающего субъекта: «„Тайна“ есть такое *значимое*, которое, сохраняя свою неоспоримую значимость, при этом *не является* известным (познанным) или *даже никогда не может стать* полностью известным (познанным). Тайна, иначе говоря, есть *значимое неизвестное*. С таким значимым неизвестным мы встретились уже дважды, выяснив, что 1) не все постижимо как постижимое, кое-что постижимо как непостижимое, *тайное*; 2) основания рационального познания остаются иррациональными, не поддающимися „объяснению“, *тайными*» (Аванесов, 2010, с. 8–9).

На еще один методологический аспект проблемы обратил внимание Н. Н. Талеб: лежащие в основании тайны случайные события могут быть либо «детерминистическим хаосом» (Хакен, 2001, с. 204), либо «истинной случайностью». «Свойства детерминированно-хаотической системы полностью предсказуемы, но предсказать их очень трудно... Истинно случайная система действительно случайна, и свойства ее непредсказуемы» (Талеб, 2016, с. 326). Когда мы сталкиваемся с познавательной тайной, то для нас она представляет собой детерминированно-хаотическую систему до тех пор, пока разгадка не найдена. В основании экзистенциальной тайны находится истинная случайность, и самое разумное для понимающего мир субъекта – как можно раньше понять невозможность и ненужность разгадки.

Итак, почему личность можно изучать как экзистенциальную тайну? Потому что в процессе постижения тайна переживается как экзистенциально значимый опыт. В момент переживания тайны личность преобразуется: выходит за свои прежние границы и становится другой.

3.3.5. Понимание невысказанного

3.3.5.1. Понятие «невысказанное» в социогуманитарном познании

Начиная исследовать понимание невысказанного, сначала нужно определить семантику этого феномена, хотя бы приблизительно очертить его содержательные контуры. Наиболее очевидными являются три значения «невысказанного».

Во-первых, невысказанным мы называем непонимаемое, то, что сначала кажется понимающему субъекту невозможным, невероятным, недопустимым, но потом может оказаться понимаемым и даже вполне приемлемым. Невысказанное превращается в высказанное, непонимаемое становится понимаемым. К примеру, для обычного человека невысказанным является сознательное и рациональное детоубийство. Такой поступок невысказан, непонятен потому, что барьером для понимания оказываются ценностные ориентации цивилизованных людей, для которых на вершине иерархии находится ценность человеческой жизни.

Во-вторых, невысказанным для нас навсегда остается и принципиально непонятное, в частности, ответы на вопросы: «Почему именно я заболел ковидом?», «За что мне это?». Они невысказаны потому, что мы не знаем и никогда не узнаем конкретные причины болезни. Бессмысленно искать ответы на вопросы, на которые нет ответов, просто надо осознать, что тайны – неотъемлемая составляющая человеческого бытия.

В-третьих, невысказанными нередко называют известные, понятные сами по себе факты, но анализируемые в редком, неожиданном контексте: «Четверть века огромные просторы Предуралья защищала и преумножала невысказанное для Московской Руси образование – частная армия Строгановых» (Абрамова, Трапезников, 2021).

Обычно словарные определения «невысказанного» сводятся либо к «невероятному», «невозможному», тому, что трудно представить (ядерная война в современном мире), либо к чрезвычайному, исключительному по степени проявления (запредельно высокая цена товара или очень красивая женщина). Однако это только когнитивное содержание феномена, для психологов гораздо более значимым и интересным является его экзистенциальное значение, связанное с принятием или отвержением морально-нравственных норм. Показательным

примером может служить фильм режиссера Г. Джордана «Немыслимое». До какой степени физических и моральных истязаний могут доходить представители спецслужб по отношению к террористу, готовому выдержать любые пытки, но не сказать, в каком из многомиллионных городов должна взорваться ядерная бомба? Как и в случае других моральных дилемм, на этот вопрос нет однозначного ответа, соответствующего общепринятым нормам поведения.

Научно значимая проблема осознания и определения феномена немислимого давно обсуждается, в частности философами, и это неудивительно. «В современной философии „немислимое“ выступает в самых различных обличьях (например, как „бессознательное“ или как „отчужденный человек“), но выполняет сходную роль: исподволь влияя на человека, оно побуждает его к знанию и действию. Внедряясь в бытие, мысль приводит его в движение, она не скользит по объекту, но становится реальной силой, действием, практикой» (Автономова, 1994, с. 18).

М. Н. Эпштейн развивает эту мысль с точки зрения философии возможного: «Можно представить философию в совершенно другой роли, чем принятые сейчас дискурсивно-дискуссионные формы изоляции ее от единичного: как мышление, вписанное в круг своих предметов, взаимодействующее именно с чуждостью немислимого, в той странной связи с референтами мысли, когда философия не отстраняется от них и не растворяет их в себе, а сопresentствует с ними в одном метатекстуальном пространстве. Мышление само указывает на немислимое и полагает себя рядом с ним, как неотделимое от него и к нему несводимое» (Эпштейн, 2001, с. 158).

Проблема соотношения когнитивных и экзистенциальных составляющих немислимого была предметом размышлений М. Фуко. В напряженных интеллектуальных поисках онтологии немислимого он пришел к выводу, что сегодня декартовское «я мыслю» уже не приводит с очевидностью к «я существую». Cogito не приводит к утверждению бытия, зато оно открывает возможность целого ряда вопросов о способе бытия человека и его отношении к немислимому. Это происходит потому, что «в современном cogito речь идет о том, чтобы понять все значение того промежутка, который одновременно и отделяет, и вновь соединяет сознающую себя мысль и ту ее часть, которая укореняется в немислимом» (Фуко, 1994, с. 345). Немислимое противостоит рефлексивному познавательному знанию как не-

четкая проекция человека с его истиной. В то же время такая проекция играет роль основы, позволяющей человеку вернуться к своей истине: «Это темное место, в котором столь часто видят глубинную область природы человека или же неприступный оплот его истории, на деле связано с ним совсем иначе: одновременно и чуждо и необходимо для него — это и тень, отбрасываемая человеком, вступающим в область познания, это и слепое пятно, вокруг которого только и можно строить познание» (там же, с. 347).

С.Л. Франк, рассуждая о невысказанном, ставил сразу две проблемы. Во-первых, прежде чем говорить о невысказанном, нужно знать содержание мыслимого. Во-вторых, познающий субъект должен ясно осознавать, что познанию доступно не только данное в опыте, но и далеко выходящее за его пределы: «Воспрещать же невысказанное не только бессмысленно, но и невысказанно: чтобы выразить запрещение, надо уже мыслить то, что запрещается. Мы видим: даже само допущение невозможности выйти за пределы опыта предполагает эти пределы, которые сами невысказаны вне допущения чего-то запрещенного; даже убеждение, что нам доступно только данное в опыте, предполагает непосредственную мыслимость чего-то иного» (Франк, 1995, с. 123–124).

Мыслимость соотносится с логически возможным и невозможным, при этом подчеркивается, что мыслимое нуждается в невысказанном в качестве фона и условия его возможности (Анкин, 2016б). Невозможное рассматривается как предел, до которого может доходить человеческая деятельность, а невысказанное — как предел понимания: «Невозможное — это, в отличие от невысказанного, предел деятельности. Несовпадение пределов понимания и пределов деятельности представимо в виде вполне конкретной эпистемологической схемы для любого рода вопроса: всякий вопрос или конкретная проблема возникают и решаются как: 1) нечто мыслимое и одновременно возможное; 2) нечто мыслимое, но невозможное; 3) нечто невысказанное, но возможное; 4) нечто невысказанное и одновременно невозможное. Такого рода схема описывает соотношение рецепции в целом как совокупности процедур познания и понимания с проекцией как совокупностью процедур деятельности. По ней можно проанализировать любого рода „природу“, на фоне которой выстраивается культура как человеческое в человеке» (Нестеров, 2017, с. 63). Фантастические романы, а также развитие новой техники позволя-

ют современному человеку раздвинуть границы немислимого, увидеть новые грани возможного и невозможного.

В социогуманитарных науках понятие «немислимое» впервые использовал Г. Кан, ведущий аналитик «RAND Corporation» в период холодной войны. Анализируя возможные сценарии развития человечества после ограниченной термоядерной войны, в которой погибнет около 25–50% мирового населения, он отстаивал принцип «мыслить немислимое». Академические ученые, не обладавшие интеллектуальной смелостью, закрывали глаза на такого рода проблемы и указывали на очевидное, а не на возможное – неприемлемость ядерной войны. Кан, наоборот, считал, что нужно анализировать все возможные варианты будущего развития, в том числе кажущиеся сегодня невероятными и немислимыми. Он справедливо полагал, что история часто оказывается намного более многообразной, чем это представляется возможным даже незаурядным мыслителям. В качестве примера он приводил Первую мировую войну. До ее начала возможный сценарий войны мог восприниматься только как дурной сон, совершенно невероятное событие. Тем не менее, зигзаги исторических событий привели к тому, что война произошла, в результате чего пострадали миллионы людей. По Кану, принцип «мыслить немислимое» заключался в необходимости поиска максимального результата с помощью инноваций, которые были бы полезны для мира, в котором уничтожены фундаментальные составляющие современной инфраструктуры. «Мыслить немислимое» – значит сегодня думать над созданием технологий, необходимых на следующий день после конца света (Kahn, 1962).

В XXI в. сценарии немислимого (на примерах фармацевтических компаний, недооценивающих последствия продвижения некоторых лекарств; отказа католической церкви от борьбы с систематическими злоупотреблениями в отношении священников-педофилов; предположений японских инженеров и ученых о том, что их реакторы могут выдержать землетрясения, и др.) продуктивно продолжает анализировать Ф. Е. Тетлок с соавт. (Schoemaker, Tetlock, 2012; Tetlock et al., 2000). Он полагает, что табу (неявные ограничения, запреты на то, что можно сказать и даже подумать) являются универсальной чертой социальных систем. Проследив постфактум любую катастрофу до ее первопричин, практически всегда можно найти предупреждающие сигналы, предвещавшие гибель. Вместе с тем оказывается,

что лидеры игнорировали сигналы, к которым им следовало прислушаться. В таких ситуациях корень проблемы — не в отсутствии доказательств, а в нежелании руководителей противостоять «отвратительным» идеям, потому что сигналы противоречили существовавшим у них ментальным моделям и ценностям. Вследствие этого они переходили в область «невыразимого» или «немыслимого». Ф. Е. Тетлок называет такие ситуации «сценариями табу», потому что идеи, рассматриваемые правящим большинством как табу, не привлекают того внимания, которого они заслуживают. Из-за этого табуированные сценарии представляют собой пагубные риски для организаций.

Мы все придерживаемся убеждений и ценностей, которые считаем универсальными и отказываемся подвергать сомнению, пока не столкнемся с обстоятельствами, которые их нарушают. Причем некоторые ценности кажутся священными — их нельзя нарушать. К ним относятся неприкосновенность человеческой жизни, необходимость защиты детей и сохранения окружающей среды для будущих поколений. Предложения, связывающие эти ценности с компромиссами или подрывающие их моральную значимость, как правило, вызывают яростный протест. Однако прогресс человечества требует осмысления новых возможностей: «Давние табу, возможно, придется пересмотреть из-за инноваций, технического прогресса или просто нового образа мышления. Лидерам, возможно, потребуется подвергнуть сомнению табу организации, чтобы увидеть новые возможности, или предупредить друг друга о надвигающейся угрозе, которая, возможно, слишком ужасна, чтобы ее можно было даже рассматривать. Это могут быть неконтролируемые расходы на периферии зоны евро; риски, связанные с чрезвычайно прибыльным, широко используемым лекарством; опасности устоявшейся технологии, такой как ядерная энергетика в Японии; или новая технология, такая как геновая инженерия» (Schoemaker, Tetlock, 2012, p. 12). Для переоценки и устранения табу авторы рекомендуют руководителям развивать организационную культуру, которая поощряет интеллектуальное любопытство.

Неудобные возможности надо исследовать именно потому, что они разрабатываются как предварительные гипотезы. В этом случае, рассматривая альтернативные точки зрения, изложенные в конструктивном духе, руководители с меньшей вероятностью будут ошеломлены сценариями, которые были невидимы из-за табу на высказыва-

ние правды. Это может быть сделано посредством поощрения всех, кто откровенно выступает против преобладающих норм. При этом отмечается, что при рассмотрении табуированных сценариев эмоциональные барьеры часто даже более сложны, чем когнитивные. «Понимая это, лидеры должны поощрять культурное разнообразие, терпимость к двусмысленности и уважение к различиям» (там же, р. 20).

Есть публикации, авторы которых исследуют, как невозможное сказывается на формировании идентичности личности. В этом контексте даже мысль о нарушении табу считается невозможным действием, влекущим наказание. Анализируется модель, в которой табу являются частью определения личности. Отмечается, что нарушения табу изменяют набор индивидуальных предпочтений и указывают на информацию о возможных личных выгодах. Однако поскольку нарушения табу требуют больших затрат, то они противоречат идентичности человека (Fershtman, Gneezy, Hoffman, 2008).

Категория «невозможное» применяется и в других гуманитарных и социальных науках (Gowing, Langdon, 2018; Thomson, 2018). Один из примеров изучения невозможного в исторической науке – статья, посвященная гаитянской революции (единственному в истории успешному восстанию рабов, произошедшему во французской колонии Сан-Доминго в 1791–1803 гг., в результате которого колония получила независимость). Гаитянская революция была невозможна в то время, когда она произошла, потому что европейцы XVIII в. мыслили по-расистски. Однако она невозможна и для многих современных историков, которые не могут примириться с историей, какой она была на самом деле (Serinwall, 2013).

3.3.5.2. Психология понимания невозможного

В психологии задача изучения невозможного также уже давно оценивается учеными как очень значимая. Исследования детерминации понимания экзистенциальной реальности свидетельствуют о том, что наряду с возможным в психологической науке, например в психологии личности, психологии мышления очень важно изучать не только невозможное, но и невозможное. В этом плане «остается актуальной постановка вопросов о тех психологических процессах, посредством которых человек в своих предвосхищениях или прогнозах выходит из области возможного в мышлении на основе до-

ступной ориентировки в область прогнозов „немыслимого“, соотносит их рефлекслируемые и интуитивные основания» (Корнилова, 2016, с. 22).

В роли психологического механизма осознания границ между мыслимым и немыслимым, непознанным и потому невозможным выступает понимание: «Например, человек смог исследовать материальную природу только тогда, когда отделил ее от нематериальной и очертил ее область. Изучение расширенной области познаваемого требует изменения методов анализа. Важно показать недопустимость применения выводов при исследовании одной области мыслимого к другой области. Человек осознает смешение границ мыслимого как непонимание. Понимание и непонимание взаимопредполагаемы» (Маслова, 2007, с. 11). При этом «возможные варианты понимания являются реализацией рационального осознания в пределах определенных границ. Сознание человека формирует обратную связь между достигнутым пониманием и его границей, за которой обнаруживается новая область непонятого» (там же).

Важным психологически значимым проявлением немыслимого является соотношение сознательного и бессознательного. Иногда немыслимое так глубоко запрятано в сознании понимающего мир субъекта, что его нельзя «извлечь» и объяснить с помощью фреймов, когнитивных схем, вообще на основе рациональных знаний. И тогда для объяснения обсуждаемого феномена полезно вспомнить мысль, сформулированную индийским мыслителем Д. Кришнамурти: «Понимание не приходит со знанием. Оно приходит в интервале между словами, между мыслями, этот интервал — безмолвие, не нарушенное знанием; оно открыто, неуловимо, внутренне полно» (цит. по: Налимов, 1979, с. 112).

Вероятно, наиболее известными примерами немыслимого в истории человечества можно считать теракты и Холокост — планомерное убийство миллионов людей по этническому признаку. Нормальному человеку трудно понять мотивацию и логику мышления нацистов и террористов, потому что «нормальность» основана на представлении об абсолютном приоритете ценности человеческой жизни. С приоритетом ценности человеческой жизни у человечества всегда были проблемы: моральная заповедь «Не убий» — это запрет убийства одного человека, а за истребление врагов во время войны людей не наказывают, а награждают. Пример — советский пропагандистский

лозунг «Убей немца!» (не одного, а многих), стихийно появившийся в июле 1942 г. и поддержанный советской пропагандой для активизации ненависти к главному противнику СССР во Второй мировой войне. Другой пример – смертные казни, законодательно разрешенные в некоторых странах. Таким образом, убийство человека не разрешено в качестве морального запрета, а правовой закон запрещает только незаконное убийство, совершающееся по чьему-либо произволу.

Многовековые противоречия между правовыми и моральными нормами, относящимися к индивидуальному или массовому убийствам, особенно отчетливо проявились во время Нюрнбергского процесса, суда над нацистами, причастными к массовому истреблению людей. Подавляющее большинство подсудимых были осуждены как преступники, но сам процесс вскрыл множество изъянов правовой системы, породивших мнение о его глобальном провале: «Нигде это озадачивающее положение не проявилось нагляднее, чем в ужасном провале Нюрнбергского процесса. Попытка свести демографическую политику нацизма к понятиям уголовного права о преследовании и убийстве привела к тому, что, с одной стороны, сама чудовищность преступлений сделала любое мыслимое наказание смехотворным, а с другой стороны, никакое наказание не могло даже быть признано „правовым“, поскольку это предполагало, вместе с повиновением заповеди „не убий“, возможный ряд мотивов, качеств, которые заставляют людей становиться убийцами и делают их убийцами и которые совершенно очевидным образом абсолютно отсутствовали у обвиняемых» (Арендт, 2018, с. 513). Главная проблема обвинителей – использование ими рациональных аргументов, зафиксированных в правовых документах, которыми невозможно объяснить интуитивные, иногда совершенно бессознательные основания человеческого поведения. Нелепость – производная от расхождения сознательного и бессознательного.

Обсуждаемый феномен глубоко и содержательно проанализирован в статье О. П. Зубец «Как мыслить совершившему нелепое?» (Зубец, 2020). Ее название отражает связь понимания и самопонимания, оно указывает на два значения «нелепого»: что выступает в такой роли для свидетелей совершенного и почему сами субъекты действия не осознают и потому не признают нелепыми поступки, которые другие люди расценивают как ужасающие, не укладывающиеся в рамки человеческой логики и морали?

Психологически приемлемый ответ на второй вопрос, по-видимому, заключается в подавлении нравственного рациональным: скрупулезное выполнение правил, указаний начальства не дают пробудиться угрызениям совести за совершенное (геноцид, убийство тысяч людей в концлагерях и т. п.). Рационально обоснованным, в частности, является такое суждение: умерщвляя неизлечимо больных, выполняя программу оздоровления населения Германии, нацисты давали шанс другим пациентам, потому что высвобождались финансы. В концлагерях страх ответственности перед властями у служащих чудовищной машины смерти оказывался сильнее совести. Х. Арендт отмечает, что управляющие лагерями люди из СС были совершенно нормальны и, казалось бы, в психологическом отношении ничем не отличались от других людей. Она пишет о представителе лагерной администрации: «Он развел частные и общественные функции, семью и работу настолько далеко, что больше не может найти в себе самом какую-либо связь между ними. Когда его профессия заставляет убивать людей, он не считает себя убийцей, потому что он сделал это не из предрасположенности, а в силу своей профессии. Просто так он и мухи не обидит. Если сказать члену этого нового профессионального класса, созданного нашим временем, что его призовут к ответу за то, что он сделал, он не почувствует ничего, кроме того, что его предали. Но если в шоке катастрофы он действительно осознает, что на самом деле он был не только функционером, но и убийцей, то выходом для него будет не бунт, а самоубийство — точно так же, как многие уже выбрали путь самоубийства в Германии, где волны самоубийств идут одна за другой. И от этого никому из нас пользы тоже не будет» (Арендт, 2018, с. 248–249).

Чудовищные преступления нацистов в большинстве случаев не выводимы из их онтогенеза и личных качеств: «Как свидетельствует Лоренц Риз о Менгеле, „ничто в его предыдущем опыте до Аушвица не указывало на то, что он способен на садизм в гигантских масштабах“. Более того: люди, совершавшие немыслимое зло, во всех остальных отношениях отличались множеством моральных добродетелей: Менгеле был явно мужественным человеком, получившим железный крест за спасение двух танкистов. Грюнинг говорит, что работа в Аушвице вела к возникновению дружеских связей, о которых он намного позже вспоминает с радостью, Гесс в дневнике представляет ответственным, жаждущим правдивости человеком, симпатизи-

рующим цыганам, но выполняющим свой долг по их уничтожению» (Зубец, 2020, с. 30).

Однако главное, что объединяло подсудимых нацистских преступников, — вытеснение из сознания морально-нравственных аспектов вменяемой им вины, подмена их вербально-рациональными рассуждениями. Подмена приводила к тому, что они не понимали, за что их судят. А. Эйхман, ответственный за депортацию и убийство почти шести миллионов евреев, на суде в Иерусалиме говорил, что чувствует свою вину перед Богом, но не перед законом: «Я был всего лишь верным, аккуратным, корректным, прилежным исполнителем. Был вдохновлен чувствами к своей родине... Внутренне я никогда не был ни подлецом, ни изменником... Я... если стану строго и беспощадно судить себя сам, то должен буду обвинить себя в содеянии убийствам. Но я еще не вижу ясно, имею ли я на это право по отношению к моим непосредственным подчиненным... я с чистой совестью и верой в сердце исполнял приказы и следовал долгу» (Зубец, 2019, с. 56). Если так рассуждал один из высших чинов нацистской Германии, то неудивительно, что такими же рациональными убеждениями руководствовались рядовые исполнители: «Курт Франц, до войны служивший в Бухенвальде, был убежденным нацистом и принимал участие в программе Т-4, то есть уже несколько лет жил в атмосфере ненависти к евреям. Он и ему подобные полагали, что тех, кого Третий рейх считает недостойными жизни, убивать не просто можно — нужно. Очевидно, при этом Франц полагал, что люди, которых он унижает, мучает и убивает, на самом деле вообще не люди, но это не может быть единственным объяснением его садизма» (Рис, 2018, с. 332).

Фактически суды над нацистскими преступниками выявили новый вид «немотивированных» преступлений: «Юридический процесс учитывает намерение и ситуативные обстоятельства, но процесс над Эйхманом обозначил преступление совершенно иного рода — без намерения и даже иногда понимания, что совершается зло, с убеждением в законности совершаемого» (Зубец, 2019, с. 52).

Перейдем теперь к анализу первого значения «нелепого», представленного в статье О. П. Зубец: что выступает в такой роли для свидетелей совершенного? Корни ответа на этот вопрос следует искать в расхождении права и морали, отраженном в ироническом высказывании, что успешным результатом деятельности адвоката

является победа разума над справедливостью. В противоположность этому экзистенциальная реальность, в частности, жизни в концлагере несводима к познаваемым рассудком ее фрагментам, она больше, чем сумма фактических элементов: «Апория Освенцима по сути является апорией исторического познания вообще: она заключается в несовпадении фактов и правды, несовпадении констатации и понимания» (Агамбен, 2012, с. 9). Включение в анализ невысказанного категории «правды» сразу же обозначает выход за узкие пределы когнитивной сферы. Правда в отличие от истины всегда становится предметом личного отношения, субъективной оценки поступка, зависящим от моральных ценностей и мировоззрения понимающего мир субъекта. Одним из главных компонентов правды является представление о справедливости.

Для выживших узников, свидетельствующих об ужасах лагерного существования, правда означает нечто, невыразимое в словах, потому что для них она заключается не в конкретных описываемых фактах, а в том целом, которым они порождены. Здесь отчетливо проявляется разница между знанием и экзистенциальным опытом: бывшие узники свидетельствуют о чем-то таком, о чем слушатели не могут даже помыслить, потому что подобных фактов нет и не может быть в их экзистенциальном опыте: «Правда свидетелей не выразима в цифрах и эмпирически не схватываема. Она оказывается чем-то недостижимым, а клятва бессмысленной, так как донести правду есть главный смысл жизни этих выживших» (Зубец, 2019, с. 56). Вместе с тем если нет отрефлексированной правды, справедливости, то нет и осознанного морального выбора.

Невозможность морального выбора, к примеру, для матери, принуждаемой нацистами сказать, кому из двух сыновей отправиться в газовую камеру, сразу же переводит ситуацию в разряд невысказанного. Такой выбор не может быть нравственным, потому что он не укладывается в нормы человеческой морали: «Моральный выбор становится невозможностью, недопустимостью выбора» (Зубец, 2020, с. 27). Ситуацию нельзя понять просто как факт: она отсылает к глубинным представлениям о справедливости, человеческом достоинстве и даже чувству вины за бессилие и соучастие в невысказанном. Такая вина основана на горечи осознания выжившим заключенным того, что его бессилие способствует превращению невысказанного в норму, определяющую правила существования в концлагере. Другой со-

вершенно иррациональный источник вины: я жив, потому что другой умер вместо меня: «Человек не способен выжить в концентрационном лагере, не почувствовав себя виноватым за то, что ему так невообразимо повезло, в то время как миллионы погибли и многие погибли у него на глазах... В лагерях он был вынужден годами, день за днем наблюдать уничтожение других, чувствуя — наперекор логике, — что он должен помешать этому, испытывая вину за то, что часто бывал рад, что погиб не он» (Агамбен, 2012, с. 95).

Обобщая, можно утверждать, что немислимое порождается в результате попыток осознать и понять существование, которое абсолютно невозможно помыслить. Д. Агамбен пытается объяснить причины возникновения немислимого, используя древнегреческую метафору Горгоны — лица, на которое запрещено смотреть, лица, несущего смерть тому, кто осмелится взглянуть на него. В то же время это притягивающее взор человека зрелище, которого невозможно избежать. Применительно к Освенциму «увидеть Горгону» значит осознать невозможность видения: «Образ Горгоны, вид которой обращает человека в не-человека, означает, что „в глубине“ человеческого находится не что иное, как невозможность лицецерения. Однако именно то, что эта уже нечеловеческая невозможность лицецерения вызывает к человечности — как апострофа, которую невозможно игнорировать, — именно это и ничто другое является свидетельством. Горгона и тот, кто взглянул ей в лицо, мусульманин, и тот, кто свидетельствует о нем, сливаются в единый взгляд, в единую невозможность видения» (там же, с. 57).

В современной литературе свидетельства выживших узников лагерей смерти принято анализировать в терминах посттравматического стресса и травмы. Такой фокус анализа позволяет лучше понять, почему свидетели не могут точно выразить, а нередко и не хотят думать о чудовищных обстоятельствах, которые повлияли на формирование их невыразимого опыта. Такой немислимый и невыразимый опыт является не только индивидуальным, но и коллективным. Рассмотрим эти два основания подробнее, но сначала скажу о трех значениях слова «невыразимый», которые приводит Т. Терезис в работе, ставшей уже классической для этой области исследований. Что люди имеют в виду, когда говорят, что Холокост невыразим?

1. Слово «невыразимый» означает словесно непредставимый, неопишуемый. Сказать, что Холокост невыразим, значит заявить,

что это травмирующее историческое событие просто превосходит все имеющиеся в нашем распоряжении средства его вербального представления.

2. «Невыразимое» означает плохое, нежелательное или даже ненавистное. Его употребляют для характеристики социально неприемлемых явлений или моральных суждений, например, когда люди говорят о «чудовищных злодеяниях Гитлера». То, что невыразимо, — плохо, нежелательно или ненавистно.
3. «Невыразимое» — то, что нельзя произносить или говорить. Здесь невыразимое квалифицирует «священный» объект, т. е. объект, о котором либо нельзя говорить, потому что он находится за пределами профанного мира и его языка, либо нельзя говорить, потому что говорить на нем было бы профанацией (Trezise, 2001).

На индивидуальном, личностном уровне осмысления невыразимого опыта свидетельствующий субъект сталкивается, во-первых, с недоступностью своих видений прошлого, кошмаров для сознания и памяти. В лагерях смерти произошли события, о возможности которых раньше никто не мог подумать — они не только изменили привычные способы осмысления мира человека, но и впоследствии качественно преобразовали научные знания о травме. Как отмечает К. Карут, «травма — это не просто патология, но способ или попытка выражения истины. Травматические образы и повторы — это не искажения реальности; скорее, они возникают как следствие чрезмерности увиденного» (Травма: пункты, 2009, с. 561). Сознание выжившего не справляется с осмыслением чудовищности произошедших событий, они являются для него бессмысленными и потому непостижимыми: «Особенность видений из прошлого в том, что они — не просто прямая репрезентация события, подобно буквальному смыслу, но скорее что-то вроде отпечатка или воспроизведения, у которого нет смысла. То, что передается здесь, — это не просто событие, т. е. нечто, что может быть рассказано обычным образом, но неспособность события обрести смысл, стать частью сознания. Чтобы видеть, надо не осознавать. Видение из прошлого фактически говорит: ты должен видеть, но ты не можешь знать. Видимая „буквальность“ образа поэтому есть не репрезентация события, но сила его непостижимости или сопротивляемости осмысливанию. Образ на самом деле говорит: есть что-то, что ты еще не понял» (там же, с. 565).

Во-вторых, свидетели ощущают недостаточность возможностей языка для выражения опыта пережитого. Во время свидетельства выжившие узники сталкиваются с невыполнимой задачей: вообразить невообразимое и рассказать неопишемое. В результате важнейшей составляющей дискурса становится несказанное, воплощенное в молчании. Анализируя еврейско-американскую и арабо-американскую литературу о Холокосте, М. А. Аль-Агхери пишет: «В процессе он пытается преодолеть разрыв между миром, который читатель способен постичь, и миром, который никогда не видел, даже в кошмарах. Чтобы достичь этого, дискурс Холокоста выходит за рамки структурных ограничений языка и превращается в передаваемый метадискурс молчания» (Al-Aghberi, 2015, p. 61). Молчание выживших само по себе является важным источником информации для психологов: свидетели осознают, что должны говорить, но не знают, как это сделать, потому что после произошедших событий у них нет никакой рассказанной истории, есть только «замороженный» невыразимый опыт. Обращение к опыту трудно еще и потому, что такое действие способствует повторному переживанию того, что хочется забыть: «Учитывая, что у Холокоста две жертвы (те, кто умер, и те, кто выжил), рассказ о травмах для выживших становится своего рода повторным проживанием события; поэтому они умирают дважды. Склонность к невыразимости дает выход, хотя и не может скрыть напряжения между двумя импульсами: импульсом сказать и дать миру знать и противодействующим импульсом подавить рассказ и забыть, чтобы жить нормально. В этот момент проявляется важность молчания как попытки проникнуть в тень переживания» (там же, p. 63). Молчание, разумеется, вызывает трудности в общении, но тем не менее не способствует утрате у говорящего надежды на понимание. Парадоксальность такой надежды отмечает Е. Г. Трубина: «Невыразимость и непостижимость происшедшего часто толкает выжившего на парадоксальную реакцию, в которой неверие в способность окружающих понять то, что он пережил, совмещается с надеждой на такое понимание» (Травма: пункты, 2009, с. 908).

Ученые отмечают, что психология молчания изучает широкий круг психологических феноменов. Они включают молчание как способ саморегуляции, молчание как выражение чувств, молчание как отказ от взаимодействия, молчание, связанное с погружением в себя для саморефлексии или творчества, и другие виды умст-

венной активности (Ожиганова, 2016б). За молчанием понимающего мир субъекта скрывается и рациональное, и интуитивное знание (осознанное и бессознательное). Во время молчания у субъекта происходит «переключение внимания, временное прекращение мыслительного процесса, после чего, как правило, возникает, понимание, другое видение, открывается новый путь к решению проблемы, создается возможность для того, чтобы сформулировать рекомендацию, дать совет» (Ожиганова, 2020, с. 90). В дидактике подчеркивается, что молчание по своей природе диалогично, оно направлено на поиск нового смысла путем сопоставления разных смысловых позиций общающихся людей: «Молчание — это всегда „щель“ в языке, через которую видна новая реальность. Граница слова и молчания — колыбель, в которой рождается новое знание. Молчание есть пауза, зазор между смысловыми позициями, словами. Человек создает контекст возле некоей лакуны, чтобы ее заполнить. Однако заполнить можно только *выйдя за пределы*, края этой лакуны, совершив „прыжок“. Молчание — „переход“, „прыжок“ от одного смысла к другому. Во время „прыжка“ нет мысли, лишь после него этот разрыв тут же заполняет мысль, а значит, речь — внутренняя и внешняя» (Король, 2019, с. 9).

Философы и методологи социогуманитарного познания указывают на то, что молчание — неотъемлемый признак мудрости. Молчание важно для мудреца, потому что он понимает, что бытие глубже сознания человека, его слов и мыслей. Мудрец говорит о том, что есть, т. е. о бытии мира и вещей. Обычно мудрец хранит свою мудрость в уединении, для него важно хранить ее. большей частью он молчит, а говорит, лишь когда захочет или когда случается что-то из ряда вон выходящее. «В сущности, мудрец мудр и сам по себе, ему не нужно говорить. Ничто не понуждает его говорить, ничто не обязывает его распространять свою мудрость, учить ей или выказывать ее. Этим объясняется то, что мудрец, так сказать, структурно молчалив. А если и говорит, так только если кто-то обратился к нему с вопросом или если в государстве чрезвычайная ситуация» (Фуко, 2014, с. 26—27). Связь молчания с глубинными проблемами человеческого бытия, отражающимися в невыразимом опыте, подчеркивал А. Ф. Лосев: «Мудрецы обошли всю землю и небо, познали все тайны и могут помочь просящему о помощи только одним — молчанием. В этом заключается их мудрость, ибо молчат они не потому, что им нечего

сказать, а потому, что им известна суетность всякого слова и мысли, что жизнь гораздо глубже слова и мысли, что и бытие глубже самого человеческого сознания» (Лосев, 1979, с. 374).

Коллективный уровень осмысления невыразимого опыта состоит в осознании того, что индивидуальные следы травмы можно и нужно связывать с предшествующей травматизацией родственников травмированного. К. Карут пишет: «К примеру, о ветеранах Вьетнама можно сказать, что они травмированы не только войной, но и теми детскими травмами, для которых военные события стали спусковым крючком; в свою очередь, эти травмы детства имели связь с военными травмами их собственных отцов. В более широком масштабе в одном исследовании было обнаружено, что вероятность травматизации израильских солдат — участников войны в Ливане была на 75 процентов выше, если их родители пережили Холокост» (там же, с. 573). К коллективным причинам не только неумения, но и нежелания рассказывать о пережитом относится и ориентация на принятый в общественном сознании императив молчания о Холокосте, замалчивания прошлых актов насилия. Отказ свидетельствовать является следствием также неспособности друзей и читателей верить в правдивость рассказываемого. Вместе с тем у последних есть групповые основания сокрытия истины: «Можно сказать, что история, которая мне не принадлежит, есть история молчания. И это молчание не является моей собственностью, но несет в себе историю других» (там же, с. 578).

В искусстве, особенно в немногочисленных фильмах о Холокосте, невыразимый опыт предствлен как то, с чем невозможно справиться в одиночестве и о чем, может быть, даже не стоит говорить. На поверхностном уровне анализа прошлого нередко это проявляется в попытках не допустить возникновения у зрителя негативных переживаний, заменив их изложением сюжета: «Таким образом, возникшая индустрия фильмов о Холокосте приводит к вытеснению и забвению трагедии, формируя то, что Э. Сантнер называет „нарративным фетишизмом“ (Травма: пункты, 2009, с. 389–407). „Нарративный фетишизм“ — способ, который предполагает отказ от скорби. Вместо этого он стирает следы травмы, заменяя траур сюжетным оформлением» (Дремова, 2021, с. 223).

Приведенные выше психологические и культурные причины, по которым свидетельства выживших узников концлагерей следу-

ет считать попытками выражения невысказанного, безусловно, требуют дальнейшего глубокого научного исследования.

Как невысказанные, непонятные, иррациональные обычно воспринимаются не только действия, направленные на массовое уничтожение людей. Для большинства из нас неизвестными, непонятными, невысказанными являются также мотивы поведения и ценностные ориентации модераторов социальных сетей, ведущих планомерную работу по подталкиванию подростков к совершению суицидов. Такими же невысказанными в обыденном сознании выглядят любые проявления несправедливой агрессии и насилия, в широком смысле называемые «злом»: «Определяя что-то как зло, предполагают, что обсуждаемые действия или события не подвластны обычному человеческому пониманию и располагаются вне границ этики и даже нормального человеческого поведения. Однако зло – результат обычных психологических процессов и их проявлений в поведении» (Ениколопов, 2011, с. 309).

Психологический анализ причин зла вскрывает его множественную детерминацию. Каждая из перечисленных ниже причин отражает точку зрения людей, понимающих ситуацию как невысказанную.

Во-первых, очевидны различия в *социальных позициях*, определяющих специфику интерпретации преступления. Жертва, например, ограбления с применением насилия, воспринимает его как шокирующее и отвратительное. Преступник может понимать ситуацию иначе: «ничего личного», он всего лишь хотел завладеть ценностями жертвы. В результате жертва может испытывать гораздо большие страдания, чем мыслил и предполагал преступник. В этом проявляется феномен несовпадения оценки масштабов случившегося жертвой и преступником, обычно не способным посмотреть на ситуацию глазами пострадавшего (Baumeister, Campbell, 1999). Неудивительно, что жертвы часто описывают поведение преступников как проявление чрезмерной беспричинной жестокости, а преступники указывают на провоцирование со стороны жертв: «Она сама этого хотела, иначе для чего надела такую короткую юбку?» Жертвы категорически осуждают преступников, объясняя произошедшее их негативными моральными качествами. В то же время преступившие закон, признавая свой проступок, обычно указывают на оправдывающие их обстоятельства.

Во-вторых, значимую роль играют *ситуационные факторы* возникновения нелепой жестокости. Важнейший среди них — коллективная ответственность (точнее, коллективная безответственность), способствующая возникновению новых социальных и моральных норм, допускающих поведение, ранее считавшееся нелепым. Детальный психологический анализ действия ситуационных факторов на примере жестоких пыток американских надзирателей в иракской тюрьме «Абу-Грейб» осуществил Ф. Зимбардо. Там триггером, пусковым механизмом действия ситуационных составляющих взаимодействия с заключенными послужила инструкция, которую начальство давало подчиненным: «Используйте свое воображение. Сломайте их. Надо, чтобы вы их сломали, когда мы вернемся» (Зимбардо, 2020, с. 544).

В-третьих, то, что одним кажется нелепым, другие могут совершать во имя вполне *социально приемлемых целей*: «В некоторых случаях люди могут совершать чудовищные преступления и даже массовые убийства для реализации своих положительных идеалов, ценностей группы или утопических проектов. Например, самое большое число жертв в истории было в период сталинских и маоистских чисток. Эти смертельные кампании, однако, были реализацией идеалистических проектов создания утопического общества, основанного на равенстве, разделенном богатстве и достоинстве для всех» (Ениколопов, 2011, с. 322).

Перечисленные три причины жестокости как нелепого не исчерпывают основания его возникновения: психология агрессии — огромная область психологической науки. Однако они немного проясняют психологию возможного перехода от нелепого к вероятно объяснимому.

3.3.5.3. «Окна Овертона» и теракты: от нелепого к допустимому

Главный вопрос, возникающий при психологическом анализе обсуждаемого феномена: как в цивилизованном обществе возможно то, что подавляющему большинству людей кажется нелепым и недопустимым? Частичный ответ на него можно получить при обращении к технологии окон возможностей Овертона. Американский политолог Дж. П. Овертон, вице-президент Макинакского центра

публичной политики (Mackinac Center for Public Policy), погибший в 2003 г. в авиакатастрофе, описал пять стадий трансформации идей, сначала воспринимающихся большинством людей как шокирующие, разрушительные, антиобщественные. В результате многочисленных обсуждений идеи понимаются уже как приемлемые и нормативно заданные. Основная гипотеза Овертона состояла в предположении, что для каждой проблемы или идеи в социуме существуют границы, рамки, называемые им «окном возможностей». На каждой стадии понимания проблемы границы можно изменять, преобразуя область невозможного в сферу обычного и потому морально приемлемого.

Сегодня метод «окон Овертона» применяется в самых разных сферах общественной жизни: при обсуждении проблем переброски ресурсов пресных вод, способных при дальнейшем развитии парникового эффекта предотвратить аномальные наводнения и засухи (Суздалева, Горюнова, 2015), инцеста, гомосексуализма (Володенков, Федорченко, 2015), каннибализма (Каткова, 2020) и др. При этом всегда сохраняется пятизвенная структура рассуждений.

Стадия 1 – от немислимого к радикальному. Отвергаемую, казавшуюся абсурдной идею надо начать публично обсуждать. «Организация ЛГБТ христиан еще в 2011 г. опубликовала скандальную статью „Педофилия: смесь гомосексуализма и ювенальной юстиции“ с „Манифестом «бойлаверов»“, которая пропагандирует педофилию и настаивает на легализации сексуальных отношений с детьми» (Григорян, 2017, с. 25). Хотя тема и вызывает со стороны общества преимущественно негативную реакцию, ее обсуждение подтверждает факт существования данного явления и его претензии на особое место в публичном пространстве.

Стадия 2 – от радикального к приемлемому. Осуществляется целенаправленное воздействие на массовое или групповое сознание с целью создания определенной установки. В результате немислимая ранее идея воспринимается как нечто, уже присутствующее в жизни и потому допустимое (хотя пока еще нежелательное). Для утверждения допустимости обсуждаемого явления приводятся различные доказательства, тщательно подбираются выражения: каннибализм может быть заменен на антропофагию или антропофилию.

Стадия 3 – от приемлемого к разумному. На третьем шаге обсуждений проблемы в общественном сознании формируется установка на необходимость непредвзятого отношения к немислимой непри-

емлемой ранее идее. Происходит формирование отношения к ней как к такой данности, с которой нельзя не считаться.

Стадия 4 — от разумного к популярному. В сознании людей формируется такое стремление поддержать идею, при котором ее противники уже не воспринимаются как противники. Обращается внимание на тех, для кого решение этой проблемы является важным и актуальным. «Например, сорокапятилетняя лесбиянка, воспитательница детского сада подала иск против Франции в Страсбургский суд после того, как ей не разрешили усыновить ребенка в 1998 г. Европейский суд по правам человека в Страсбурге постановил, что действия властей Франции являлись незаконными, в результате чего Франция должна была выплатить денежную компенсацию в размере 10 тыс. евро» (там же, с. 25–26). О теме пишут и говорят, и люди всерьез начинают задумываться, не стоит ли им поменять свое отношение к обсуждаемой проблеме.

Стадия 5 — от популярного к норме. Превращение ранее немислимой идеи в стереотип мышления и поведения большей части общества. На этом шаге обсуждений идея может быть закреплена в законодательных актах или стать незыблемой нормой общественной морали. В западном мире это происходит с легализацией однополых браков.

Приведу пример того, как универсальные окна Овертона реализуются в науке, какие стадии мышления приводят к принятию ранее отвергаемых идей.

- «← 1-й шаг *„от нелепого до радикального“* — информирование широких научных кругов о возникновении новой идеи, противоречащей сложившимся представлениям или существующим парадигмам;
- 2-й шаг *„от радикального до приемлемого“* — активное формирование в ходе организуемых дискуссий психологической установки, согласно которой новая идея воспринимается как уже признанная некоторой частью научных сообществ;
- 3-й шаг *„от приемлемого до разумного“* — формирование отношения к данной идее как к одному из развивающихся направлений;
- 4-й шаг *„от разумного до популярного“* — включение идеи в состав приоритетных путей решения проблемы;

- 5-й шаг „от популярного до нормы“ – превращение ранее „немыслимой идеи“ в парадигму» (Суздалева, 2015, с. 17).

По существу, Овертон указал на универсальные закономерности превращения немыслимого в допустимое. Эти закономерности, начиная с античности, всегда существовали в человеческом обществе (Володенков, Федорченко, 2015). В современных публикациях упоминания об окнах Овертона чаще всего встречаются в контексте политических манипуляций общественным сознанием (Szalek, 2013). Однако меня интересует не «для чего», а «как»: почему человек начинает понимать как допустимое, оправданное и даже нормативно заданное то, что раньше ему казалось невозможным и немыслимым?

Самым общеизвестным примером такого немыслимого являются теракты: как, по каким причинам люди могут уничтожать других людей, в том числе невинных детей и женщин? Первоначальный наиболее распространенный ответ на этот вопрос заключался в негативной характеристике террористов: ими становятся молодые люди из бедных семей с низким уровнем образования, психически неустойчивые и т. п. Последующие научные исследования все это опровергли. У исполнителей терактов нет высокого уровня психопатологии (Moghaddam, 2005), они психически нормальны (Crenshaw, 2000), религиозны, вежливы, серьезны, спокойны, целеустремленны, отчужденны и немногословны (Grimland, Apter, Kerkhof, 2006). Не подтверждается также и гипотеза о происхождении террористов только из бедных семей и их низком уровне образования. Такой психологический портрет весьма отличается от стереотипа импульсивного жестокого террориста и напрашивается вывод, что они такие же люди, как все. Следовательно, причины немыслимого надо искать в чем-то другом.

Превращение человека в террориста происходит в течение нескольких стадий трансформации Я и становления новой идентичности. В исламском фундаментализме будущие террористы проходят несколько ступеней изменения своей идентичности, которую Ф. Мохаддам называет «лестницей терроризма». На высшей ее ступени террорист начинает считать, что «другие» (американцы, христиане и т. п.) настолько виноваты в разрушении традиционных мусульманских ценностей, что их жизнь, даже жизнь женщин и детей,

ничего не стоит: «Лестница по пути к терроризму включает в себя трансформации идентичности, когда личность продвигается от одного уровня осознания себя и окружающего мира к другому. Со временем индивид продвигается от „основания к вершине здания“: он или она изменили свою идентичность таким образом, чтобы допустить возможность разрушения и уничтожения других людей» (Мохаддам, 2011, с. 66).

Как и в соответствии с реализацией метода окон Овертона, подчеркивается, что последовательность стадий не обязательно должна жестко выдерживаться, некоторые из них могут быть пропущены, но общая структура соблюдается. Вот пример формирования экстремистских установок у арабских террористов: «Израильский психолог Ариэль Мерари (Ariel Merari) изучала этот феномен в течение многих лет и обрисовала общие шаги по пути к смертельному взрыву в Израиле. Сначала старшие члены экстремистской группировки ищут людей с сильным патриотическим порывом. Как правило, это проявляется в публичных заявлениях против Израиля или в поддержке мусульманских и палестинских действий. Затем потенциальных новобранцев вовлекают в разговор о том, как сильно они любят свою страну и насколько ненавидят Израиль. Потом им предлагают посвятить себя обучению. Те, кто берет на себя подобное обязательство, становится частью маленькой секретной ячейки, состоящей из трех-пяти молодых людей. Старшие учат их ремеслу: как собрать бомбу, как маскироваться, как выбирать цель и рассчитать время. Наконец, они делают видеозапись, в которой заявляют о своем решении стать „живыми мучениками“ ислама („аль шахид аль-хай“). В одной руке они держат Коран, в другой винтовку; на их головах повязки с орденом, что свидетельствует об их новом статусе. Поскольку видео посылается их родственникам, то оно прочно связывает их обязательством совершить финальный шаг. Новобранцам говорят, что своим мученичеством они заработают место подле Аллаха после жизни не только себе, но и своим родственникам. Кроме того, их семьи иногда снабжают немалыми финансовыми средствами или назначают им ежемесячную пенсию» (Зимбардо, Бойд, 2010, с. 171).

Самый общий вывод западных психологов заключается в том, что корни терроризма следует искать в социальных условиях жизни людей, а не в их индивидуальных характеристиках. Ф. Зимбардо

до и Дж. Бойд полагают, что кажущееся иррациональным поведение террористов, их немислимые поступки можно рассматривать как допустимую данной культурой попытку получить вознаграждение или избежать наказания в трансцендентном будущем: «С позиции, которую открывает нам Трансцендентное будущее, действия террористов-смертников – не сумасшедшие, фанатические, пропитанные ненавистью или отчаянием. Скорее, это действия, совершенные религиозными людьми, которые не имеют возможности надеяться на хорошее будущее в этой жизни, но питают сильную надежду на Трансцендентное будущее» (там же, с. 181).

Таким образом, события и ситуации, которые люди оценивают как немислимые, характеризуются, во-первых, подавлением иррационального рациональным; во-вторых, выходом за границы привычных нравственных рассуждений, обусловленным невозможностью морального выбора; в-третьих, таким расхождением между знанием и экзистенциальным опытом понимающего мир субъекта, при котором он оказывается в амбивалентной позиции: одновременно надо и нельзя видеть немислимое.

3.4. Духовное как вне-возможное

Духовность относится к таким экзистенциальным феноменам, которые А. Г. Асмолов с коллегами называет «вне-возможным» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018). Режим конструирования вне-возможного осуществляется не благодаря вероятностному прогнозу, а вопреки ему, потому что в экзистенциальных ситуациях человек не основывается на прошлом опыте, а находится в состоянии ожидания и опережения непредсказуемых, неожиданных для него изменений. Такие ситуации очень напоминают историю с рождественской индюшкой, которая, оценивая свою прошлую жизнь, никак не могла предположить, что может стать украшением рождественского стола (Талеб, 2016).

Духовность является не адаптивным, а преадаптивным феноменом, возникновение которого человек, например занимающийся творческой деятельностью, может ожидать и даже предчувствовать. Тем не менее, как бы людям ни хотелось упорядочить свою жизнь, сделать ее понятной, предсказуемой и в творческих, и в других про-

фессиях, не только момент возникновения духовности, но и сам факт ее появления предсказать практически невозможно. Как и другие экзистенциальные события, духовные состояния всегда внезапны, неожиданны, непредсказуемы. «Положительное психологическое значение понятия „духовность“ безусловно и очевидно, так как несет в себе всеобщее понимание веры в идеалы, следовательно, изначально возвышающее человека над обыденностью, заставляющее выйти за пределы адаптивной необходимости» (Гончарова, 2021, с. 79). Неудивительно, что «духовность противостоит адаптивной активности существования человека, которая, по сути своей, лишена избыточности, направлена на выживание и поддержание утилитарности существования. Избыточная же активность человека проявляется в феноменах, которые непосредственно не ведут к адаптации» (там же, с. 80). Очевидно, что рассматриваемая под таким углом зрения духовность является не адаптивным, а преадаптивным феноменом опережения непредсказуемых изменений.

В психологии возможного феномен духовности является очень важным. Духовность – один из главных отличительных признаков человеческой психологии, момент возникновения которого, тем не менее, практически невозможно предвидеть. Невозможно предсказать, когда у человека возникнет духовное психическое состояние и что нужно делать для того, чтобы это произошло. Нередко так бывает у летчиков-испытателей. Как показал В. А. Пономаренко, возникновению духовных состояний способствуют особые условия профессиональной деятельности, связанные с угрозой для жизни. Из самонаблюдений летчиков следует, что, несмотря на широкий спектр интерпретаций понятия духа, они связывали его с психологической защитой от состояния ожидания гибели, подспудного страха, угрозы психического истощения. Духовный слой рефлексивного сознания «в виде радости преодоления возвышенных чувств от удачно выполненного полета, приобщения к Пространству как фактору преддверия Духа, видимо, и создает ту духовную доминанту, которая удерживает „в подвалах“ подсознания видовые защитные реакции и инстинкты самосохранения, предчувствий, навязчивых состояний, суеверий, фиксированных фобий и пр. Поэтому, если дух „приземлить“, то его можно представить как психическое состояние, формирующее резерв выносливости в опасной профессии» (Пономаренко, 1997, с. 272). Внезапное возникновение

критических ситуаций способствует актуализации духовного слоя рефлексивного сознания: «В процессе полета летный экипаж нередко попадает в ситуации, когда его природа (инстинкт) выступает в качестве „противодуха“: вынуждает уйти от опасности, презрев нравственные нормы, отдавая личность на съедение трусости и страху. Вот тут и приходит на помощь Дух, целесообразность которого не в усилении волевого начала, а в открытии правды о себе, о своем моральном и профессиональном „потолке“, т. е. в Откровении! Эти мгновенные переживания, когда ты познаешь, чего стоишь как личность, и есть духовный процесс очищения от самодовольства, гордыни, осознания вины, выхода за пределы своих возможностей» (там же, с. 214).

В этом контексте неудивительно, что описанный ниже анализ психологических составляющих духовности представляется мне очень важным для психологии возможного.

В 1998 г. в журнале «Вопросы психологии» была опубликована статья, в которой проанализированы четыре основных направления исследований духовности. В исторически первом религиозном направлении источники происхождения духа ищутся не в человеке (его сознании, созерцании, постижении, продуктах деятельности), а в божественном откровении, вере в то, что духовность — от Духа Святого. Во втором направлении ученые осуществляют поиски корней духовности не столько в самом человеке, особенностях его психологии, сколько в продуктах жизнедеятельности: объективации высших проявлений человеческого духа, творчества в памятниках старины, произведениях науки и искусства. С этой точки зрения, духовность субъекта — результат его приобщения к общечеловеческим ценностям, духовной культуре, а дух прежде всего категория культурологическая, мировоззренческая. В рамках третьего направления исследований психологи акцентируют внимание на изучении ситуативных и личностных факторов, способствующих возникновению у человека духовных состояний. Духовное состояние — это психологический феномен, характеризующийся тем, что человек временно «не замечает» внешнего мира, не ощущает своих органических функций, телесности, а сосредоточивается на осмыслении и переживании духовных ценностей, т. е. познавательных, этических или эстетических аспектов человеческого бытия. Наконец, в четвертом направлении духовность рассматривается как принцип саморазвития и саморе-

ализации человека, обращения к высшим ценностным инстанциям конструирования личности. Развитие и самореализация духовного Я субъекта начинаются тогда, когда он осознает необходимость определения для себя того, как он конкретно должен понимать общечеловеческие духовные ценности — истину, добро, красоту. Появление у человека хотя бы приблизительного осознанного представления о последних свидетельствует не только о признании субъективной значимости духовных ценностей (соответственно интеллектуальных, этических и эстетических), но и о психологической готовности к их усвоению и формированию (Знаков, 1998).

За прошедшие два десятилетия интерес к проблеме духовности не угас, напротив, есть много признаков, по которым можно судить о том, что в социогуманитарном познании он неуклонно возрастает (Де Чикко, 2007; Davis et al., 2009; King, Mara, DeCicco, 2012; Salem et al., 2013). Как показывает анализ литературы, в категориальном смысле, т. е. с точки зрения определения понятий, пожалуй, наиболее сложным является вопрос о разграничении содержания «духовности» и «религиозности» (Малькова, 2018; Ivtzan et al., 2013; Murray, Ciarrocchi, Murray-Swank, 2007). Религиозность чаще всего определяется посредством указания на организационные и институциональные стороны поведения людей: она представлена индивидуальными убеждениями и исполнением обрядов, религиозных практик, а духовность включает личные и трансцендентные аспекты (Barry et al., 2010).

Светское и религиозное направления современного переосмысления феномена духовности характеризуются двумя общими признаками. Во-первых, в определениях духовности содержится указание на необходимость хотя бы временного абстрагирования человека от своей телесности, физической природы. «Духовное бытие начинается и существует там, где начинается освобождение человека от всякой поглощенности, от оккупации чужой и, главное, собственной самостью» (Буравлева, 2011, с. 189). Отвлечение от наличного Я предполагает выход за его пределы, трансценденцию, направленность на высшие ценности человеческого бытия (истину, добро, красоту и др.). Чтобы достичь духовного состояния, субъект должен стремиться превзойти себя такого, каков он сейчас есть. Во-вторых, духовность основана на работе над собой, и потому неудивительно, что в психологических исследованиях проявляется такой ин-

интерес ученых к внутреннему миру человека, который предполагает его преобразование, самотрансформацию. Целью преобразования является «духовная трансформация, начинающаяся на индивидуальном уровне» (Руткевич, 2014а, с. 6). В процессе духовной трансформации человек одновременно и углубляется в себя, и выходит за свои пределы. Таким способом от фактической стороны эмпирической реальности он переходит к осознанию более широкого контекста человеческого бытия, постижению иных по сравнению с познанием, более глубоких пластов мира. В этом контексте духовность можно определить как универсальный опыт, с помощью которого люди способны время от времени обращаться как к возвышенному, так и к глубинной содержательной сути и человека, и человечества (Farias, Hense, 2008).

Вместе с тем, нельзя не заметить не только общее, но и различное – неодинаковость толкования содержания духовности в публикациях светского и религиозного направлений.

В светском направлении религиозность и духовность анализируются как самостоятельные, нетождественные конструкты (Parras, 2004). Духовность отделяется от религиозности или даже противопоставляется ей (Moberg, 2010). Многие ученые отмечают, что сегодня «быть духовным» не обязательно означает «быть религиозным». «Появление и укоренение „духовности“, „постсовременной духовности“ в современной жизни означает поворот от „института к индивиду“, от традиции, церковности – к человеческой субъективности, к самореализации, внутреннему миру человека, для которого главный авторитет – он сам. Это переход от трансцендентности к имманентности, от авторитета высших сил, Бога, церкви, посредников – к самому человеку» (Руткевич, 2014б, с. 53). Психологи, согласные с содержательным различием феноменов религиозности и духовности, активно изучают их поведенческие проявления. В частности, обнаружены различия в типах просоциального поведения: люди с высокой степенью религиозности нередко демонстрируют помогающее поведение по отношению к близким, но не к чужим, а субъекты с высокой степенью духовности (по психометрическим показателям) чаще помогают не только близким, но и незнакомцам (Saroglou et al., 2005). Духовность положительно связана со здоровьем человека, ее связи с физическим и психологическим функционированием комплексны и разнонаправленны (MacDonald, Friedman, 2002). Когни-

тивная духовная направленность и духовный опыт положительно коррелируют с альтруизмом и эмпатией. У людей с высокими психометрическими показателями духовности более высокий уровень самореализации, устойчивости Я и ниже оценки по шкалам депрессии (Huber II, MacDonald, 2012).

Иначе духовность трактуется в религиозном направлении. В традиционном религиозном смысле «духовность тесно связана с понятием «Духа», с «духовной жизнью», которая в целом понимается как мера восхождения человека к Богу (Абсолюту, Божеству, Духу) и единения с ним» (Руткевич, 2014а, с. 21). Духовный субъект наполнен божественным духом и свободен от страстей. Собственно духовная сторона его жизни заключается в процессе преобразования «внутреннего» человека по божественному образцу. Вместе с тем «дух есть то, что связывает отдельного индивида, субъекта психической деятельности, личность человека со всем человеческим родом во всей развертке его культурного и исторического бытия. Духовность придает смысл жизни отдельному человеку, в нем человек ищет и находит ответы на вопросы: зачем он живет, каково его назначение в жизни, что есть добро и зло, истина и заблуждение, красивое и безобразное и т. п.» (Слободчиков, 2014, с. 81).

В российской психологии XXI в. проблема духовности неоднократно и весьма обстоятельно обсуждалась христианскими психологами (Василюк, 2014; Слободчиков, 2014; Христианская психология..., 2017). Я человек неверующий (не воинственный атеист, а рационалист, не принимающий для себя веру в Бога только потому, что нет достаточно четких доказательств существования Бога). Однако как ученый я с искренним уважением отношусь к богословию, теологии. Например, из исповеди Блаженного Августина (Августин, 1991) можно узнать о внутреннем мире человека, его самопознании, самопонимании, пожалуй, не меньше, чем из современных хрестоматий по психологии сознания и личности. Именно поэтому проблема духовности меня очень интересует. Вместе с тем не стоит пытаться анализировать содержание этого понятия с позиций христианской психологии: есть квалифицированные психологи, которые сделают это лучше меня.

Цель раздела – проанализировать нерелигиозные психологические стороны духовности, которые присущи всем людям, верующим и неверующим.

3.4.1. Определения и модели духовности

Сложность и аналитическая глубина содержания обсуждаемого феномена неизбежно порождают множественность его определений и контекстов употребления. Сегодня духовность анализируется как усвоение ценностей, выход за пределы индивидуальности, образованность, способ борьбы с кризисом культуры (бездуховностью), поиски идеала и т. п. (Колкунова, Малевич, 2014). «Духовность как потенциальная сущность личности, обеспечивающая и одновременно стимулирующая развитие и саморазвитие, лежит в основе освоения социального опыта, таким образом реализуя задачу преобразования себя. Значит, духовность является результатом становления, одновременно обеспечивая сам процесс становления духовной личности. Это одна из причин неоднозначности понимания природы духовности» (Григорова, 2018, с. 103). С точки зрения психологического анализа интересным и продуктивным является подход, в котором духовность рассматривается как метасистемное свойство самоорганизации внутреннего мира человека: «Духовность как психологическое явление в разнообразных формах выражения охватывает все сферы психики, характеризуя высшую степень их развитости (когнитивную, регулятивную, аффективную). Высшая степень развитости духовных свойств и качеств человека раскрывается в деятельности, в поступках человека и духовных переживаниях целостности и единства с высшей реальностью – метасистемой» (Яссман, Яссман, 2011, с. 6).

Из российских монографических психологических исследований заслуживает внимания фундаментальная книга Г. В. Ожигановой (2016): в ней проблема духовности проанализирована глубоко и разносторонне, представлена трехуровневая интерактивная психологическую модель духовности. Модель охватывает три важнейших аспекта духовности (моральный, ментальный, трансцендентный) и включает как нерелигиозную, так и религиозную сферы.

1. Ценностно-нравственный уровень (гуманистически ориентированное добродетельное поведение, жизненные смыслы и цели, направленные на благо других людей, служение людям, человечеству).
2. Ментальный уровень, связанный с особой работой ума и сознания: рефлексивность, измененные состояния сознания; внутрен-

ний опыт, связанный с глубокой релаксацией, с позитивными процессами углубления и расширения самосознания; пиковые переживания, связанные с творческой работой, и др.

3. Сакрально окрашенный уровень: духовные практики, ориентированные на встречу с высшей реальностью; духовная жизнь, связанная с определенной религиозной конфессией; измененные (трансцендентные) состояния сознания и внутренний опыт духовно-религиозного характера; возвышенные трансцендентные переживания нерелигиозного характера.

«Особое значение в психологической модели духовности имеют трансцендентные состояния сознания и внутренний опыт, которые служат, во-первых, мостом между нерелигиозной и религиозной духовностью, во-вторых, представляют собой психологическую реальность, отражающую духовно-религиозную жизнь человека, и могут фиксироваться и исследоваться в психологической науке в виде описаний этих состояний и опыта» (Ожиганова, 2016а, с. 81).

Зарубежные ученые обсуждают проблему духовности применительно к самым разным профессиональным сферам человеческой жизни: как ключевого фактора в совладании иранскими военными с последствиями отравления горчичным газом (Ebad et al., 2009), как понимание духовной помощи турецкими медсестрами (Cetinkaya, Azak, Dtindar, 2013) и др. В теоретическом контексте проблема духовности нередко обсуждается в связи с описанием и измерением духовного интеллекта (King, DeCicco, 2009). Значительные усилия направляются и на построение факторных моделей духовности. Например, Д. А. Макдоналд разработал пятифакторную модель, основанную на теоретическом и статистическом анализе 18 репрезентативных характеристик обсуждаемого феномена. Факторами описываются: 1) когнитивная ориентация на духовность (это измерение относится к тому, что выражается нерелигиозными средствами, в частности, включает убеждения, установки и представления о значимости духовности для повседневной жизни); 2) духовный опыт; 3) экзистенциальное благополучие; 4) вера в сверхъестественное; 5) внутренняя религиозность: участие в религиозных верованиях и практике ради самого себя (MacDonald, Friedman, 2002).

Таким образом, из анализа научной литературы следует, что духовность не сводится к чему-то одному, например способности к ре-

флексии или ориентации на трансцендентные стороны человеческого бытия. Ниже проанализированы три составляющие обсуждаемого феномена, описание которых отсутствует в современной научной литературе: метаперсональные, деятельностные и духовно-практические основания духовности.

3.4.2. Метаперсональные основания духовности

Сегодня в различных областях психологии (социальной, кросс-культурной, трансперсональной, психологии личности) развивается теоретическое и концептуальное представление о метаперсональной самоинтерпретации субъекта. Она определяется как идентичность, выходящая за пределы индивидуального Я и охватывающая более широкие аспекты бытия, такие как человечество, жизнь, психика или космос. При метаперсональной самоинтерпретации субъект ощущает свою неразрывную связь со всем человечеством и осознает себя частью природного и социального мира (Mara, DeCicco, Stroink, 2010). Интересно, что психологи ищут истоки формирования психики и субъектных качеств, в том числе духовности (Де Чикко, 2007), не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей.

В этом контексте теоретико-методологический анализ духовности целесообразно осуществлять в том же направлении, в котором психологи изучают сознание. В отечественной психологии сознание и самосознание человека долгое время рассматривались как производные от его деятельности и общественного бытия. Сегодня точка зрения на происхождение и природу этих феноменов изменилась. В гуманитарных науках распространенным является утверждение, что интра- и интерсубъективность сознания и самосознания человека и группы не противостоят друг другу как две разные реальности. Российский философ Ф. Т. Михайлов отмечал, что индивидуальное и общественное сознание «одновременно, как нечто единое, нерасчлененное творятся и творчески воссоздаются обращениями людей друг к другу и к самим себе» (Самосознание..., 1997, с. 2). Сходную точку зрения высказывал В. П. Зинченко. Он говорил о том, что сознание «находится не столько в индивидуе, сколько между индивидами. Конечно же, сознание — это свойство индивида,

но в не меньшей, если не в большей мере оно есть свойство и характеристика меж- и надындивидуальных или трансперсональных отношений» (Зинченко, 1991, с. 21). Такой взгляд на сознание соответствует общей установке социогуманитарных наук, согласно которой «исходное противопоставление „я“ и „ты“ элиминируется за счет рождения „мы-отношения“ – некоей единой субъективности, продукта наших отношений. Отсюда дескрипция реальности, формулируемая этой субъективностью, не может быть приписана себе или Другому, а есть только совместное ее конструирование, существующее лишь в рамках некоторого „мы“ и распадающееся с его разрушением» (Мусиц, 2019, с. 98).

Духовность также следует рассматривать как порождение «меж- и надындивидуальных или трансперсональных отношений». Правомерность такой точки зрения нетрудно найти, например, в размышлениях Ф. Е. Василюка о типах духовного совладания. Духовное совладание – одновременно и преобразование внутреннего мира субъекта, в частности неизлечимо больного или находящегося в тюремном заключении, и обращение к «внешнему» пространству межличностных отношений. Такой тип совладания возникает в жизни человека, во-первых, при невозможности изменения обстоятельств жизни и осознания необходимости трансформации своего отношения к ним: «У ценностного совладания совсем другое отношение к социальной и физической реальности, где властвует принцип адаптации. Похоже, ценностное совладание не загипнотизировано этой реальностью, не считает ее последним словом бытия, последней его границей. Действия ценностного совладания не совершаются в плоскости адаптации, они дают шанс вывести человеческую ситуацию в другое измерение» (Василюк, 2014, с. 143). Страдание от физической боли или ограничения свободы не исчезает, но перестает отторгаться, приобретает иную ценность и получает смысловое оправдание. Ценностное духовное совладание открывает в неблагоприятных жизненных обстоятельствах «вход в новую реальность, в которой эти обстоятельства обретают, быть может, и трагичный, но важный и необходимый для жизни смысл» (там же, с. 145). Во-вторых, духовное совладание по своей природе синергично: общение с людьми, оказавшимися в такой же ситуации, взаимная поддержка являются важным условием перехода от осмысления только реальных физических обстоятельств к ценностно-духовному осознанию и, в конечном

счете, – к преодолению. «При этом меняется характер самого личного переживания, оно становится опосредованным отношениями с другими людьми, включает в свою структуру диалогические акты сочувствия и благодарности, солидарности и взаимности. Переживание приобретает соборный и синергийный характер. И благодаря этому оно становится объективно продуктивным, оно способно производить новую общность, общность людей, объединенных деятельной и сострадательной любовью» (там же, с. 149).

Следовательно, для формирования и развития духовности нужна работа над собой, активность субъекта, психическая деятельность по преобразованию его внешнего и внутреннего мира, в которой существенную роль играет метаперсональная самоинтерпретация. Такой выход за пределы конкретных физических и социальных обстоятельств жизни соответствует направленности хотя бы на временное приобщение к идеальным духовным основаниям человеческого бытия.

3.4.3. Порождение духовности в психической деятельности

В последние годы и даже десятилетия в отечественной психологии количество публикаций, в названии которых упоминается слово «деятельность», резко сократилось. Сегодня почти нет исследований, методологическим основанием которых действительно является теория деятельности, а методики учитывают ее единицы – мотивы, цели, действия, операции. Некоторую надежду на современное переосмысление оснований психологической теории деятельности дает масштабный цикл исследований А. В. Карпова. В нем «предпринята попытка охватить единым теоретико-методологическим подходом основные аспекты фундаментальной общепсихологической проблемы деятельности, в качестве которых выступает совокупность базовых гносеологических планов исследования – метасистемного, структурного, функционального, генетического и интегративного» (Карпов, 2015, с. 2).

К переосмыслению категории «деятельность» психологов подталкивает и современный контекст социогуманитарного познания. Это следует из публикаций, относящихся к самым разным наукам. Социологи говорят о том, что социокультурная реальность представляет собой «не статическое состояние, а динамический процесс, она про-

исходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов» (Штомпка, 1996, с. 266). В экзистенциальной психологии со времен М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра известно, что «существование предшествует сущности». Д. А. Леонтьев, анализируя взгляды И. Пригожина, отмечает, что деятельность первична по отношению к психическим образованиям, а «актуальный, протекающий здесь и теперь процесс первичен по отношению к устойчивым структурам, которые являются скорее следствиями этого процесса» (Леонтьев, 2018, с. 11).

Новый ракурс возрождения интереса к субъектно-деятельностным основаниям психики раскрывается при обращении к работам М. Фуко и П. Адо (Адо, 2005; Фуко, 2011). Главное в их трудах – не анализ внутренней сущности субъекта, а изучение тех дискурсов, практик, которые они называли духовными. Характер дискурса, практики, т. е., деятельности, определяет взгляд на изучаемое, специфику развития психики. В этом контексте важнейшую роль начинают играть способы преобразования субъекта, полагания себя. По М. Фуко, субъективность проявляется во внутренних условиях познающего мир человека, прежде всего, в его опыте. Сегодня уже ясно, что нужно не только анализировать развитие знания о человеке как субъекте, но и учитывать, какие дискурсивные практики конституируют матрицу возможного знания, другими словами, как деятельность не только определяет практики, но и зависит от них.

Исторически так сложилось, что сферой человеческой деятельности, духовная сущность которой ни у кого не вызывает сомнения, является искусство. Проблема духовности всегда была актуальна для теории и психологии искусства (Кандинский, 2018; Леонтьев, 1983). С философской точки зрения, «духовность в искусстве – это особое свойство произведения искусства вызывать у реципиента (или приводить его в) созерцательно-медитативное состояние, отключать его *ratio* и выводить его дух на уровень сверхсознания, когда устанавливается прямой контакт с метафизической реальностью, Универсумом в целом, его духовными основаниями» (Бычков, 2018, с. 81).

А. Н. Леонтьев искал духовные основания искусства, анализируя феномены и категории «эстетическая деятельность», «значение» и «личностный смысл». Он полагал, что сущность искусства, понимания любого произведения заключается в переходе от его безразличного, «равнодушного» значения к личностно окрашенно-

му смыслу. Искусство «несет в себе, воздействует на людей, передает людям именно самое сильное в регуляции деятельности — смысл. Поэтому искусство не информирует, оно движет людей, подвигает их, в смысле подвига, к жизни. Искусство этим и совершает великую борьбу против утраты смысла в равнодушных значениях» (Леонтьев, 1983, с. 239). Как происходит переход от значения к смыслу? Посредством изменения направленности мышления субъекта: от изучения поверхностных очевидных свойств предметов и объектов к их глубинной сути: «В эстетической деятельности происходит вечная борьба с материалом, его преодоление, снятие его косности» (там же, с. 238). Искусство — это способ воплощения духовного мира человека. По А. Н. Леонтьеву, искусство и, соответственно, духовный мир не могут быть переданы и сохранены как знание, информация, т. е. рациональным путем. Истоки духовности — не в познании, а в бытии: «Искусство заставляет человека жить в истине *жизни*, а не истине *вещей*» (там же, с. 239).

Ранее фактически такое же освобождение от «вещного плена» искали В. В. Кандинский и К. С. Малевич. По В. В. Кандинскому (2018), произведение только в том случае является искусством, если его создателем двигал «принцип внутренней необходимости». Духовное в искусстве возникает на основе «принципа внутренней необходимости» произведения, без этого нет ни образа, ни искусства. «Кандинский поднял статус художника, предложив зрителю компромисс: он создавал прекрасные, яркие картины в надежде, что мы в ответ удержимся от соблазна свести цвета к известным нам предметам и позволим себе перенестись в воображаемый мир, словно слушая музыку» (Гомперц, 2017, с. 205). Аналогичный тип анализа искусства мы обнаруживаем в работе К. С. Малевича «Мир как беспредметность». Подчеркивая, что человек всегда хочет постигнуть то, что от него скрыто в непонятном, он утверждает: «Беспредметность — единственная человеческая сущность действия, освобождающая от смысла практичности предмета как ложной подлинности» (Малевич, 2016, с. 13). Дальнейший ход рассуждений, которым нельзя отказать в логичности, приводит его к радикальному выводу: «Итак, вся предметность — это только извращение действительного, т. е. беспредметного» (там же, с. 110).

Таким образом, для формирования и развития духовности, помимо погружения в себя, выхода в пространство межсубъектных

взаимодействий, а также обращения к трансцендентному, нужна теоретическая и практическая деятельность, посредством которой субъект выявляет глубинные сущностные свойства предметов и вещей. В процессе деятельности, в частности эстетической, человек одухотворяет их и наделяет личностными смыслами и ценностями. Вследствие этого искусство является важнейшим способом как постижения человеческого бытия, так и самосозидания преобразующих себя человека и человечества.

3.4.4. Духовно-практическое знание

Формирование духовности как углубления в себя, постижения сущности человека и человечества, а также направленности на выход за свои пределы, стремления к возвышенному требуют от субъекта деятельности по трансформации себя: «Духовностью называют поиск, практическую деятельность, опыт, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для достижения истины, для самоопределения. Точнее, духовность — духовно-практическая (не утилитарная) деятельность по самосозиданию, самоопределению, духовному росту человека. Без нее невозможны ни самостоянье человека, ни величие его» (Зинченко, 2003, с. 86). В современной научной литературе воплощение в одном феномене деятельностных, саморефлексивных и трансцендентных компонентов представлено в категории «духовно-практическое знание». Она возникла в результате размышлений и П. Адо, А. В. Брушлинского, М. Фуко и других ученых (Адо, 2005; Брушлинский, 2006; Фуко, 2007). Основанием их научных взглядов стали два принципиальных соображения:

- 1) для понимания мира, познания истины субъект не может оставаться таким, какой он есть: достигнув высшего уровня активности, целостности, автономности, человек должен еще преобразоваться, превзойти самого себя;
- 2) познание неразрывно связано с деятельностью, а декларативное знание (знаю «что») — процедурным знанием (знаю «как»).

Из этих оснований в психологии развивается не субъектный, а субъектно-деятельностный подход А. В. Брушлинского. Действия, направленные на самоизменение, поиски, практику, опыт, М. Фуко называ-

ет духовностью. «Духовная практика подразумевает и то, что можно назвать структурой трансформации сознания, и то, что можно отнести к технике его трансформации. Техника духовных практик — это способы и методы воздействия на сознание, управляющие его состояниями» (см.: Максимова, 2013, с. 123). Именно в этом контексте, объединяя два ключевых понятия: «духовность» и «практика», следует говорить о духовно-практическом знании.

Направленность субъекта на приобретение к необычным формам бытия проявляется в необходимых для этого практических действиях, техниках, упражнениях. Согласно П. Адо, духовные «упражнения являются творчеством не только мысли, но всей психики индивида; оно особенно раскрывает настоящий масштаб этих упражнений: благодаря им, индивид возвышается к жизни объективного Духа, то есть снова помещает себя в перспективу Всего („увекочить себя, себя превосходя“»)» (Адо, 2005, с. 22). Духовные упражнения необходимы для преобразования бытия и, соответственно, видения мира субъектом. «Следовательно, они обладают не только моральной, но также и экзистенциальной ценностью. Речь не идет о кодексе хорошего поведения, но об образе бытия в глубочайшем смысле термина. Название „духовные упражнения“ в общем-то оказалось наилучшим, потому что оно означает, что речь как раз идет об упражнениях, вовлекающих в себя весь ум» (там же, с. 67). Духовные упражнения П. Адо рассматривает как практики, направленные на формирование души и полное изменение бытия. «Изначальный мотив философа, который собственно и является творчеством, — создать свое рациональное представление о состоянии совершенства и соответствующие духовные практики, упражнения разума, настраивающие индивидуальную жизнь на духовное продвижение к идеалу мудрости, к проявлению в себе как субъекте некоего Всеобщего. Духовные практики, которые при этом создавались, были самотворчеством их авторов, но поскольку у каждого из них находилось много последователей, эти упражнения несли в себе ядро всеобщего, как бы общий план структуры и возможностей самотворчества в рамках философии» (Горелов, Горелова, 2019, с. 540).

Примером такой практики является ценностное духовное совладание с тяжелым заболеванием. В его психологической основе лежит желание «изменения образа жизни, преображения, если угодно, желание обновления, серьезных, быть может, фундаментальных пе-

ремен в жизни, а не просто временных заплат и текущего ремонта» (Василюк, 2014, с. 147). Другой пример — понимание произведений искусства. Процесс понимания-постижения «художественных произведений — это не только процесс восстановления, возобновления, возрождения смысла, это еще и постоянное творение самой способности понимания — творение понимающего субъекта. Своим произведением художник лишь открывает перспективу творческих актов смыслообразования. В цепи этих актов формируются и трансформируются смыслообразующие способности людей» (Порус, 2016, с. 94).

Итак, духовность — самое человеческое в человеке — является комплексным и даже системным феноменом. Духовность отличает нас от животных, а высшие проявления человеческого духа неотделимы от прогрессивного развития человечества. Духовность нельзя свести ни к одной из названных выше ее составляющих. Холистичность обсуждаемого феномена проявляется в том, что его стороны не существуют сами по себе. Парадокс в том и состоит, что ни деятельность, ни межперсональность, ни трансценденция — это еще не духовность. Они есть только тогда, когда образуют духовность — отличное от своих компонентов единое целое. Еще раз хочу подчеркнуть, что для меня духовность не тождественна ни религиозности, ни нравственности — она в равной мере присуща всем людям, верующим и атеистам. В духовности, во-первых, интегрируются, объединяются интеллектуальные и нравственные устремления субъекта. Во-вторых, и, может быть, это главное в психологическом описании этого феномена, духовные устремления человека отражают его попытки выйти за пределы обыденной жизни и прикоснуться к иным, более глубоким и одновременно возвышенным уровням человеческого бытия. Духовные состояния противостоят материальной природе человека и мира: к вершинам духовного бытия субъект поднимается в редкие моменты интеллектуальных озарений и разрешения нравственно трудных этических конфликтов. Способы разрешения противоречий, конфликтов, являясь мерой проявления активности, самореализации, интегративности конкретных свойств личности, определяют те индивидуально-неповторимые качества человека, в которых он выражает себя именно как субъект — деятельности, общения, созерцания, постижения и т. п. В такие моменты в его личностном знании, индивидуальном опыте саморазвития появляется нечто большее, чем «приземленный» образ, модель внешних событий: воз-

никает их внутренний смысл – психологическая основа формирования духовной сущности того, что стало предметом интеллектуальной и нравственной рефлексии субъекта.

Подводя итог, можно сказать, что новизна изложенного выше взгляда на духовность человека заключается в рассмотрении ее как такого трехкомпонентного психического образования, возникновение которого имеет метаперсональные, деятельностные и духовно-практические основания.

Разумеется, такая модель духовности является теоретической и требует эмпирического обоснования. Вместе с тем следует признать, что пока невозможно ответить на главный, с точки зрения психологии возможного, вопрос: как, под влиянием каких факторов возникает духовность? В этом смысле пока духовность для психологов выступает в облике невозможного.

Случайность, непредсказуемость возникновения духовных состояний свидетельствует о том, что духовность непостижима по существу. В контексте психологии возможного важно подчеркнуть, что сознательный интерес человека к случайному, неожиданному в жизни может способствовать возникновению у него духовных состояний и, во-вторых, свидетельствовать о склонности к тезаурусному способу понимания мира (Знаков, 2016).

Тезаурусный способ понимания основан на избирательной ценностно-смысловой направленности субъекта, ассоциативных и эмоциональных отклонениях от главной темы, культурной обусловленности структуры знаний, служащих основанием понимания, и большом временном масштабе, в котором рассматриваются понимаемые события. Результатом тезаурусного понимания оказывается картина понимаемого, основанная на семантических, смысловых, ассоциативных, эмоциональных связях. Тезаурусный способ понимания мира присущ, конечно, не всем людям, но у некоторых он отчетливо выражен. Можно указать на осознаваемые и неосознаваемые основания тезаурусного способа понимания мира. Осознанное стремление фокусировать внимание на таких случайных событиях (Черных лебедях), которые кажутся невероятными и даже невозможными, посвящены книги и выступления Н. Н. Талеба. Он считает, что «редкие события бывают двух видов. Одни – те, что у всех на слуху, о них говорят по телевизору. Другие – те, о которых молчат, потому что они не укладываются в схемы. Их неловко обсуж-

дать всерьез, настолько неправдоподобными они кажутся. Я берусь утверждать, что переоценивать первый вид Черных лебедей и недооценивать второй – естественное свойство человеческой природы» (Талеб, 2016, с. 144).

Про тезаурусный способ понимания мира нельзя сказать, что в его психологическом основании лежат целенаправленность и событийность: скорее, не лежат. Внимание к случайному, непредсказуемому, невозможному у людей с таким способом понимания, как у одаренных и шизофреников, вполне может способствовать творческим неординарным решениям в самых разных ситуациях. И именно такой фокус внимания, ориентация не на обычное, наиболее вероятное, а на маловероятные и даже невозможные экстремальные события детерминирует понимание ситуаций в экзистенциальной реальности. «Итак, нельзя (согласно Талебу) связывать причины наступления будущих событий с наблюдаемыми событиями. Необходимо расширять горизонты мышления и мыслить нелепое, непредсказуемое. Если это получится, то увеличится ориентировка (как сказали бы психологи), и возрастет „антихрупкость“ ситуации» (Корнилова, 2018, с. 379).

Таким образом, духовность человека в значительной степени формируется на основе внимания к случайному, непредсказуемому, невозможному, и в этом смысле она вне-возможна.

Итак, категория «необходимое» играет ключевую роль в понимании возможного преимущественно в ситуациях эмпирической реальности мира человека, в которых проявляется детерминистическая тенденция понимания событий и явлений. Такими ситуациями являются, в частности, познавательные тайны. В эмпирической реальности человек имеет дело с событиями или явлениями, обладающими пространственно-временными характеристиками и имеющими общеизвестные меры измерения. Другой случай – необходимость действовать только по правилам. Примером может служить детерминистская задача П. Васона с двушаговым выбором правильного решения. Для таких «детерминистских задач прогностическая активность разворачивается иначе при построении образа задачи, чем в более простых ситуациях выборов лотерей» (Зиренко, Корнилова, 2020, с. 16).

В социокультурной реальности люди анализируют возможное, проявляющееся в мнениях, постправде и т. п. В ней мнения могут быть истинными только с когерентной точки зрения, и потому, как в феномене постправды, люди нередко ориентируются на возможное правдоподобное, которое может не соответствовать фактам. Неудивительно, что правда оказывается не выявляемой, а конструируемой. При этом с точки зрения психологии возможного большее значение следует придавать не фактам, а дискурсам, правилам познания, которые можно и нужно изменять для достижения полезного результата.

В экзистенциальной реальности люди имеют дело с невозможным и немислимым. Это проявляется при постижении экзистенциальных тайн, духовности, терактов, условий создания технических устройств, вероятности наступления глобальных социальных и технических катастроф и т. п. Проведенный психологический анализ позволил выделить, по меньшей мере, пять категориальных признаков, значений категории «невозможное». Значения зависят как от объективных обстоятельств, так и от знаний и ожиданий познающего субъекта: противоречие между логически допустимым и физически недопустимым; «беспричинность» события; неправдоподобие; неизвестное как невозможное; бессмысленность «ситуаций невозможности». Анализ также показал, что, предельно обобщая и потому упрощая, можно выделить три главных характеристики немислимого. Для субъекта немислимое – источник умственного напряжения и внутреннего конфликта: есть задача понимания смысла феномена, но нет знаний, умений и навыков для ее решения. Они появляются при обращении к «океану возможного», внешнему возможностному миру. Например, использование техники окон возможностей Овертона позволяет субъекту найти правдоподобные интерпретации немислимого в многообразии противоположных точек зрения и позиций.

3.5. Теоретические основания психологии возможного:

от адаптивного возможного к преадаптивному невозможному

В монографии представлена область науки, изучающая весь спектр явлений психологии возможного. Обосновано, что психология возможного включает две группы психологических феноменов. На од-

ном полюсе фокуса внимания психологов находится адаптивное возможное, основанное на прошлом опыте. Примером может быть антиципация, которая всегда «предполагает необходимую подготовленность последующих стадий развития предыдущими» (Сергиенко, 2019, с. 355). На противоположном — невозможное как преадаптивный феномен, понимание событий, ситуаций, причинно не связанных с онтогенезом субъекта, знание о которых нередко полностью противоречит его опыту. Связующим звеном, своеобразным мостом между указанными полюсами в психологии возможного является фундаментальное научное положение об искомом в мышлении человека — прогнозировании изначально неизвестного при решении задачи: «Мышление, выступающее как открытие новых знаний, вместе с тем всегда включает и использование уже имеющихся знаний. Процесс мышления есть одновременно и движение знания в нем (хотя, конечно, знание и мышление не одно и то же). Поэтому и любое предвосхищение еще неизвестного, искомого решения возникает не просто как функция прошлого знания, прошлого опыта, а только в ходе актуального мыслительного процесса решения именно данной, конкретной задачи. Сам по себе прошлый опыт необходим, но недостаточен, чтобы детерминировать поиски неизвестного» (Брушлинский, 2006, с. 359).

Искомое связывает известное из прошлого опыта и прогнозируемое неизвестное. Мыслящему субъекту представляется, что искомое уже изначально указано и определено в исходном требовании задачи. Вместе тем искомое прогнозируется именно вследствие того, что оно «вначале действительно неизвестно и потому вообще определяется по ходу всего мыслительного процесса. Это противоречие очень напоминает рассмотренный выше парадокс мышления: если я уже знаю (добавим теперь: из формулировки требования задачи), что я ищу, то что же мне еще искать; а если я не знаю, что я ищу, то как я могу искать?» (там же, с. 420–421).

Решая мыслительную задачу, субъект устремлен в возможное будущее: он ищет неизвестное, которого пока еще не знает, потому что оно для него из-за своей неопределенности не существует, но он надеется его открыть в будущем — на последующих стадиях мыслительного процесса. Анализ неизвестного как связующего звена между адаптивным и преадаптивным возможным показывает, что, с одной стороны, оно явно связано с предыдущей мыслительной деятель-

ностью субъекта, возникает на ее основе; с другой стороны, искомое как возможное будущее отличается неизвестностью, неопределенностью, изначальной нечеткостью: «На различных стадиях процесса мышления неизвестное, но постепенно прогнозируемое индивидом искомое возникает, формируется, развивается и фиксируется в виде очень нечетких, как бы диффузных, недизъюнктивных и под конец все более дифференцирующихся образований, которые принципиально отличаются от заранее и непосредственно данных промежуточных и конечных состояний, необходимых для обратных связей» (Брушлинский, 1979, с. 109).

Еще одним мостом, связующим звеном между двумя типами возможного, между адаптивным возможным и преадаптивным невозможным, в психологии личности является феномен «возникающего» (Костромина, 2021). Возникающее как новообразование личности неразрывно связано с прошлым, но устремлено в еще не ставшее, не сформировавшееся будущее. Возникающее — это уже не прошлая личность, но еще не будущая. Исследование возникающего становится актуальным при переосмыслении процессуального подхода, анализом и интерпретацией которого много лет занимался А. В. Брушлинский. Сегодня «фокус исследования в процессуальном подходе смещается на потенциально возможное, а объектом исследования выступает не существующее, а возникающее» (там же, с. 8). Это позволяет ученым увидеть возникающее в личности в потоке изменений в новых обстоятельствах: «Возникающее фактически служит объединяющим элементом проблематики психологии возможного и психологии изменений. Изменения могут происходить только в сфере возможного, а возможное потенциально содержит в себе изменения и через них переходит в действительность. Момент соединения возможного с готовностью/способностью личности к изменениям порождает возникающее. Таким образом, исследование возникающего в психологии личности определяется его пониманием как результата изменений в пространстве возможного» (Костромина, Гришина, 2021, с. 21).

С экзистенциальной точки зрения феномены «искомого» и «возникающего» — это типичное проявление «бытия между»: они формируются на границе возможного и невозможного, содержательно их связывающей. Такое бытие представляет собой область, промежуточную между двумя полюсами возможного-невозможного,

в которой присутствуют его необходимые и одновременно взаимно исключающие качества. В экзистенциальной философии понятие «граница» является одним из ключевых: «Тот факт, что человеческое бытие всегда имеет определенные границы, не нов и всегда признавался. Новым является то, каким образом обладающие конститутивным характером границы встраиваются в само внутреннее существо человека. Граница здесь представляет собой не то, что каким-либо образом располагалось бы снаружи и ограничивало бы человека извне, но то, что определяет его в самой глубине его сущности. И отсюда облик этой границы затем разрабатывается в отдельных пограничных ситуациях: страдание, борьба, случайность, вина и т. д., которые, конечно, были известны всегда, но обыкновенно рассматривались преимущественным образом в качестве чего-то случайного, того, чего можно избежать, что объяснялось лишь ущербностью существующего порядка. Этот порядок пытались улучшить, выдумывали утопии некоего лучшего мира, где не должно быть страданий, борьбы и прочих жизненных бед» (Больнов, 1999, с. 85).

В современном мире проблема размывания границ между физическим и психологическим мирами становится особенно актуальной в связи с виртуальной реальностью и массовым использованием компьютерных технологий (Емелин, Рассказова, Тхостов, 2012). В психологии проблема границ всегда была значимой, особенно в исследованиях субъекта и личности. В частности, в исследованиях второго этапа развития психологии субъекта важнейшим является вопрос о границах Я личности, «внутри» которых должны происходить преобразования человеком себя. Иначе говоря, это вопрос о мере осознания субъектом допустимых и недопустимых возможностей и психических ресурсов преобразований. Осознание человеком границ своего Я, отличного от не-Я чужого или даже чуждого мира, реализуется в процессах самокатегоризации. «Границы Я разделяют, ограничивают и соединяют значимое и незначимое, определяя смыслы чего бы то ни было в мире человека. В его внутреннем мире границы обнажают и демонстрируют различия не всегда явных его „частей“, их своеобразие, несводимость друг к другу и обеспечивают их отношения, взаимодействия, соизменения: развитие, консервацию или регресс. Оптимальное функционирование границ Я выступает условием выживания и развития личности как системы. Демонстрируя, прежде всего, качественное различие актуально на-

личного и возможного в будущем, границы наиболее активно проявляют себя в самоопределениях, отождествлениях, репрезентациях человека» (Шаповал, 2019).

Для ответа на вопрос о возможностях и психических ресурсах преобразований может быть полезным анализ феномена суверенности: «Суверенность обозначает границы личности, которые, впрочем, могут изменять свою конфигурацию и отодвигаться. Возникает вопрос: не получается ли так, что, удерживая границы, она препятствует развитию личности, ведь самотрансценденция, согласно К. Ясперсу и его последователям, представляет собой выход за пределы собственного Я, реализацию того, что, вчера было невозможным? На наш взгляд, суверенность – это компетентное переживание своих актуальных возможностей и ресурсов в соответствии с моментом жизненного пути. В трудной или кризисной ситуации человек мало способен к жизнотворчеству, он решает задачу на выживание, удержание своих границ, недопущение регресса или разрушения. Если суверенность поможет ему в этом, он сможет позже начать „посттравматически“ расти» (Нартова-Бочавер, 2017, с. 39).

Суверенность человека является типичным признаком субъектности, отражающим выраженность его способности к продуктивному самоосуществлению. «Суверенность как результативная характеристика суверенизации опирается на опыт самостоятельного взаимодействия с социальным и предметным миром, представляет и актуальные возможности человека, полученные в процессе развивающих отношений с Другим, и потенциальные возможности человека (потенциал саморазвития). Также суверенность не может быть понята вне ее мотивационного аспекта как готовности к воплощению имеющегося потенциала возможностей, готовности к новому опыту, расширению своих возможностей и жизненного мира. Суверенность непосредственно связана с обеспечением открытости личности, формированием субъектности, а также достижением жизненной продуктивности» (Трофимова, 2012, с. 67).

По мнению психологов томской психологической школы, поиски разных проявлений индивидуальной психической активности человека (самоактуализации, самотрансформации, самодетерминации и т. п.) соответствуют методологическим установкам неклассической и постнеклассической научной рациональности: «Таким образом, понятия „автономность“ и „суверенность“ появляются и использу-

ются на разных этапах становления психологии, объективируя различную психологическую реальность. Автономность отражает потенциал неклассической психологии и понимается как механизм самодетерминации. Термины „суверенность“, „суверенизация“ связаны с переходом к постнеклассической психологии, раскрывают возможность понимать динамику человека как открытой саморазвивающейся системы» (там же).

Теоретико-методологические основания психологии возможного следует искать в исследованиях, проводимых в четырех научных направлениях:

- 1) философии возможного;
- 2) историко-эволюционной концепции преадаптации к неопределенности;
- 3) применении принципа необходимого разнообразия в науках о природе и обществе;
- 4) реализации научных представлений о неопределенности мира человека, модусах возможного и соответствующих им способах мышления.

Первым теоретико-методологическим основанием этой области психологического познания является философия возможного М. Н. Эпштейна (Эпштейн, 2001). В его публикациях осуществлен глубокий философский анализ категории «возможное». Он развивает новый взгляд на соотношение реального и возможного: реальность (в частности, историческая) — это не одна реализованная возможность развития событий, а многие потенциально в ней содержащиеся, несовпадающие и не исключающие друг друга возможности (психологу сразу приходит на ум аналогия из исследований мышления в рубинштейновской школе: на каждом шаге мыслительного поиска субъект «вычерпывает» из взаимодействия с объектом все новые стороны, свойства последнего). Согласно его точке зрения, даже истину надо рассматривать не только как отражение того, что есть, но и как предвосхищение того, что может быть и чего быть не может. Он пишет: «Один многомерный мир, с множеством возможностей, онтологически богаче множества возможных миров, где действуют только законы необходимости. Я вижу свою задачу гуманитария в том, чтобы не просто описывать существующие объекты (культурные, знаковые, текстовые), но и в том, чтобы воссоздавать мир их аль-

тернатив, множественность совозможных им объектов» (Эпштейн, 2016, с. 438).

Культура и история есть область мыслимости, воображаемости. М. Н. Эпштейн применяет эту точку даже по отношению к двум моделям развития цивилизаций: 1) реализации возможностей как отсечения других альтернатив, как сужения их до одной желательной и обязательной реальности (путь, по которому пошли Восточная Европа и Азия); 2) развития не от возможного к реальному, а от реального к возможному («общество возможностей» Западной Европы и Северной Америки). Такой подход позволяет по-новому взглянуть на человеческую культуру и ее историю, потому что «возможное – это не просто несуществующее, это особая модальность, которая глубоко воздействует на все сущее, задавая и преобразуя его смысл. Собственно, культура – это и есть область мыслимости, воображаемости. Смысл любого явления задается его потенциосферой – сферой множественных инаковостей. Например, смысл Октябрьской революции определяется лишь в контексте тех альтернативных путей, которыми могла бы пойти российская история осенью 1917 г.» (там же, с. 439). Любой исторический факт, в частности, из истории психологии, обретает научный смысл только в том случае, если он включает не только то, что было, но и современные точки зрения на то, что могло бы быть: «Отсюда взгляд на саму историю как на процесс накопления возможностей: каждая последующая эпоха вбирает в свой смысловой состав возможности предыдущих» (Эпштейн, 2004, с. 115). Это относится к любому историческому факту: нельзя предсказать, в какой возможный контекст – социальный, культурный и даже природный (к примеру, пандемии) – он будет включен завтра или уже сегодня. Интерпретация факта с позиций нового контекста изменяет его прежнее понимание, обогащая старое содержание. Неудивительно, что потомки полнее и глубже понимают творения многих писателей и ученых, чем современники и даже сами творцы. Естественно, что это относится к «Илиаде» Гомера, трактату «О вращении небесных сфер» Н. Коперника и вообще к духовному наследию человечества. То же можно сказать и о Пушкине, которого современники считали талантливым поэтом, но никак не гением. Равными ему полагали Е. А. Баратынского и П. А. Вяземского, а больше ценили И. А. Крылова и В. А. Жуковского. Из этого следует, что обращение к анализу не только действитель-

ного, но и возможного открывает новые перспективы исследований в психологии понимания, направленной на все сферы и реальности мира человека.

Второе основание – историко-эволюционная концепция преадаптации к неопределенности (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018). А. Г. Асмолов с коллегами на основе теории открытых неравновесных систем, принципов возникновения порядка из хаоса И. Р. Пригожина анализируют сдвиг установки познания от анализа адаптивных к преадаптивным моделям эволюции. Преадаптации (предварительные адаптации) – это свойства живых организмов, отражающие их способность приспосабливаться к пока еще не осуществленным, а только возможным формам взаимодействия со средой. Ключевой точкой анализа является вопрос о том, «можно ли рассматривать преадаптацию в качестве конструктивного фактора, позволяющего эволюционирующей системе при встрече с неопределенностью осуществлять переход от „режима трендов“ (предвосхищения изменений на основе прошлого опыта) – к инновационному „режиму конструирования иных миров“?» (там же, с. 81). Адаптации рассматриваются как стабилизаторы деятельности живых систем, их направленности на соблюдение требований уже сложившейся среды, поддержание стабильности в пределах некоторой устоявшейся нормы. Преадаптации потенциально могут использоваться только в будущем. При новых, отличающихся от нынешних, условиях существования, они появляются раньше, чем в них возникнет необходимость. Неопределенность задач, перед которыми объективно поставлена любая живая система, является сущностным свойством мира. Вследствие этого решение таких задач оказывается условием развития системы. Система изменяется при «сбоях» адаптивных специализаций, уже утвердившихся на основе прошлого опыта, а также посредством реорганизации при участии преадаптации, нацеленных на непредсказуемое будущее. Современный пример подобного сбоя – кратковременное, на три-пять секунд, отключение онлайн-трансляции во время онлайн-доклада. После ее восстановления докладчик обычно спрашивает свою аудиторию, слышит и видит ли она его снова. «Из сказанного следует, что адаптация связана с постепенной трансформацией того, что уже есть; преадаптация же относится к скачкообразной качественной реорганизации системы, освобождающейся от „диктатуры прошлого опыта“» (там же, с. 88).

Фактически это означает, что эволюция происходит в двух режимах – режиме трендов (реконструкции возможного) и режиме новаций (конструкции вне-возможного). Процессы адаптации в режиме трендов направлены на удержание существенных переменных системы в заданных пределах. В биологии это гомеостаз, в социальных науках обычаи, ритуалы, традиции, установки, регламентирующие фиксированное адаптивное поведение людей. «Все перечисленные явления объединяет следующее: *построение образа будущего опирается на вероятность повторения прошлого опыта и логику развития предшествующих событий*. Именно такая вероятностная оценка перспективы характеризует адаптирующуюся систему, поскольку, прогнозируя будущее, она всегда отталкивается от уже обретенного и апробированного „багажа“ знаний, навыков и компетенций» (там же, с. 90). В режиме новаций условием конструирования вне-возможного, преадаптивным ответом живой системы на неопределенность будущих вызовов является избыток разнообразия. Именно избыток разнообразия позволяет живой системе успешно функционировать в режиме ожидания того, чего не было в ее прошлом опыте.

В научном познании одним из воплощений феномена опережения непредсказуемых изменений (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018) можно считать модель «серендипити» (Merton, Barber, 2004). Serendipity (*англ.*) – способность к открытиям благодаря случайности или прозорливости, обнаружение фактов, открытие которых не планировалось. Серендипность – это свойство научного ума, основанное на интуитивной прозорливости и позволяющее ученому делать глубокие выводы из случайных наблюдений, находить то, чего он не искал намеренно. Так были открыты рентгеновские лучи, пенициллин, сахарин, принцип работы микроволновой печи. Нередко в науке факт считается аномальным, удивительным потому, что он кажется несовместимым с превалирующей теорией или с другими установленными фактами. Серендипность мышления позволяет исследователю не только обращать внимание на такие факты, но и интерпретировать, понимать их. «Модель „серендипити“, таким образом, подразумевает непредвиденный, аномальный и стратегический факт, который заставляет исследователя выбрать новое направление, которое приводит к расширению теории» (Мертон, 2006, с. 213).

Р. Фридель подчеркивает, что, анализируя природу удачных открытий, следует понимать, что хотя удача играет в них определен-

ную роль, нельзя игнорировать интеллектуальную проницательность ученых при изучении, разработке и расширении результатов научного поиска. Интуиция в поиске и исследовании нового является результатом интеллектуальной проницательности, а не одной только случайности или удачи. Открытие нового по счастливой случайности – это всегда сочетание случая и способности исследователя увидеть его (Friedel, 2001). Рассуждая в этом же ключе, Р. К. Мертон и Е. Г. Барбер определяют интуитивную прозорливость как дедукцию, совершающуюся *после* случайного наблюдения (Merton, Barber, 2004).

Интуитивная прозорливость активно исследуется современными учеными, например, в работе Л. Маккей-Пит и Е. Томс анализируются пять моделей этого феномена, ни одна из которых по отдельности исчерпывающе не описывает его. Пять моделей дополняют друг друга, предлагают разные уровни детализации и перспективы будущих исследований, они в целом сходны в описании основных элементов серендипности. Вместе с тем модели не согласованы в анализе того, что именно образует непредвиденные, случайные стороны этого феномена. В исследованиях учитываются психологические процессы познающего субъекта, направленные на анализ того, каким образом люди начинают воспринимать свой опыт как случайный, используя такие слова, как «рассмотреть», «воспринять» и «пересмыслить». Изучаются также процессы приписывания смысла незнакомым ситуациям и случайно обнаруженным фактам (McCauley, Toms, 2015).

Значимую роль играет анализ «подготовленного разума», настроенного на ожидание непредсказуемых изменений. Фон Хиппель и фон Круг анализировали такой важный элемент интуитивной прозорливости, как способность видеть решение задачи до идентифицированной потребности в ней и сформулированной проблемы. Они исходили из того, что бывают случаи, когда решение может существовать до того, как будет определена необходимость. Таким образом, вместо традиционного процесса решения проблемы, при котором мыслящий субъект сначала определяет потребность, формулирует проблему, а затем предоставляет ее решение, авторы предлагают повернуть весь процесс вспять. Если сначала найти решение, можно определить ранее неизвестные потребности. Они предложили идентификацию пар «потребность-решение» как подход к решению проблемы, при котором формулировка проблемы не требуется: иденти-

фикация и формулировка проблемы, если она вообще проводится, происходят только после обнаружения потребности-решения (von Hippel, von Krogh, 2016).

Наряду с субъективно-личностными характеристиками изучаются и объективные факторы внешней среды. Подчеркивается, что степень новизны открытия зависит от текущего состояния области знаний, и, в свою очередь, случайные открытия со временем влияют на нее. Интуитивная прозорливость, серендипность отражает также взаимодействие между людьми и их окружением: окружающая среда может помочь устанавливать связи: «Интуитивная прозорливость характеризуется отсутствием намерений в отношении определенного процесса или результата, однако личные, а также социальные и контекстные факторы повышают вероятность случайных открытий, обеспечивающих значительные конкурентные преимущества. Поэтому менеджеры должны рассматривать свое видение как „гибкий зонтик“, под которым неожиданные события поощряются, а не запрещаются. Интуитивная прозорливость возможна только в том случае, если люди чувствуют себя в безопасности в своем окружении, когда условия допускают неудачи, а также неожиданные сюрпризы. В этих благоприятных для интуитивной прозорливости условиях предусмотрены физические и умственные пространства, позволяющие по возможности взглянуть на вещи с разных точек зрения» (Kamprath, Henike, 2019, p. 357).

Следовательно, интуиция, серендипность — это не просто удача, а сочетание усилий и прозорливости. Созданные модели свидетельствуют о том, что серендипность — это сочетание личных характеристик и факторов окружающей среды. Удивительные факты или неожиданные комбинации признаков становятся очевидными для познающего субъекта в результате взаимодействия внешних стимулов с его подготовленным разумом, настроенным на восприятие нового и необычного. Для того чтобы интуитивная прозорливость стала возможной, людям необходимо иметь подготовленный ум и способность понимать, что конкретно можно связывать (McCauley-Peret, Toms, 2015). Можно предположить, что немалую роль в положительном эффекте серендипности играет известная психологам «открытость опыту» — личностная характеристика, описывающая способность адекватно принимать идеи и ситуации, даже если они оказываются принципиально новыми и необычными. И неко-

торые исследования в этом направлении уже проводятся (Austin, Devin, Sullivan, 2012).

С точки зрения психологии возможного очень интересно исследование С. Мирвахеди о роли серендипности в обнаружении разных возможностей понимаемого, выполненное на материале менеджмента и маркетинга (Mirvahedi, 2017). Его статья представляет собой удачную попытку открыть новые горизонты в изучении интуитивной прозорливости в сфере предпринимательства. В ней представлены эмпирические доказательства того, что интуиция играет важную роль почти в каждом исследуемом бизнесе, независимо от его размера и «возраста». Интуитивная прозорливость может привести к открытию новых возможностей, которые предприниматели могут использовать для достижения роста. Например, при изучении использования предпринимателями социальных сетей обнаружено, что случайные встречи могут побуждать людей к исследованию новых возможностей: «Эти случайные встречи (например, встречи на праздниках) противоречат запланированным действиям, рациональному процессу и систематическому поиску информации и побуждают предпринимателей исследовать новые возможности для выхода на международные рынки» (ibid., p. 185). При сетевом взаимодействии и случайных встречах именно интуитивная прозорливость помогает предпринимателям распознавать возникающие возможности, но они должны быстро реагировать на них, используя свои ресурсы. Психологические ресурсы включают бдительность по отношению к изменениям окружающей среды и настойчивость в достижении целей — эти качества способствуют открытию новых возможностей. Хотя кажется, что серендипити возникает случайно, ученый предлагает схему для открытия непредвиденных возможностей. Она состоит из трех концептуальных блоков, которые могут способствовать случайному открытию, а именно из областей «предварительных знаний», «поиска» и «непредвиденных обстоятельств». Концептуальные блоки соотносятся с тремя типами серендипных ситуаций.

Во-первых, это интуитивная прозорливость Архимеда, который пытался понять, как измерить объем твердых тел неправильной формы. Погружаясь в ванну, он понял, что на тело, погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила, равная весу вытесненного объема жидкости. Архимедова интуиция применима к ситуациям, когда кто-то осуществляет поиск определенной возможности и на-

ходит ее посредством интуитивной прозорливости. В таких ситуациях ученый ищет А и находит его «случайно».

Во-вторых, ситуация прибытия Христофора Колумба в Америку. Этот тип серендипности подразумевает поиск чего-то тогда, когда вы ищете что-то другое. Когда Колумб и его команда достигли Америки, они думали, что нашли новый путь в Индию, но вместо этого открыли другой материк. Такая серендипность предполагает нахождение одной возможности (В) тогда, когда вы ищете совсем другую (А).

Наконец, в-третьих, интуитивная прозорливость Галилея: он наблюдал в подзорную трубу горы на поверхности Луны и обнаружил четыре спутника Юпитера, которые не искал. Галилеевская интуитивная прозорливость – нахождение с помощью знаний или опыта неопределенной возможности, которую вы активно не искали.

«У этих шаблонов есть несколько основных отличий. Разница между колумбовой и архимедовой интуицией – в предмете исследования. В колумбовом шаблоне выполняется поиск А и обнаруживается В. Третий паттерн отличается от первых двух. В схеме Галилея исследователь сталкивается с проблемой, которую не ищет. Знания, смекалка и проникательность исследователя – ключи к открытию чего-либо с помощью интуиции» (ibid., p. 186).

Архимедова и колумбова интуитивная прозорливость предполагают поиск конкретных возможностей, а серендипность мышления Галилея направлена на нахождение нового, даже если вы его не ищете. Галилеевская интуитивная прозорливость чаще всего актуализуется на этапе формирования фирмы, когда предприниматели не имеют никакого представления о бизнесе и обладают небольшими знаниями или информацией (или вообще не обладают ими). Иногда чистая удача и случай вызывают у человека идею о бизнесе. Предпринимательская интуитивная прозорливость возникает всегда, когда ум готов воспользоваться любой возможностью. Это может произойти на этапе создания бизнеса или после его создания.

В западной науке серендипность активно изучается в медицине, истории, информатике и других науках. Психологические исследования этого феномена не только интересны и перспективны, они, безусловно, необходимы.

Третье теоретическое основание психологии возможного – принцип необходимого разнообразия, согласно которому эволюционный прогресс развития любой биологической или социальной системы

зависит от того, в какой степени отношения между объектами на одном уровне могут репрезентироваться на объектах другого уровня. Повышение разнообразия признаков и рост вариативности — один из важнейших критериев эволюционного прогресса. В частности, в культуре принципиальное значение для прогресса имеют сохранение своеобразия разных цивилизаций, культурно-языковое многообразие и плюрализм традиций: «Через многообразие жизненных форм человеку презентуется содержательное богатство сфер возможного и невозможного» (Иванченко, 1999, с. 30). В этом контексте кажется вполне естественным, что «в культурологии был сформулирован информационный критерий развития, связывающий прогресс культуры с увеличением внутреннего разнообразия системы. В соответствии с этим критерием в целом увеличение разнообразия свидетельствует о здоровье культуры» (там же, с. 46). Принципу необходимого разнообразия противоречат представления о монолитности культур, потому что «каждое общество, каждая цивилизация состоит из гетерогенных начал — это составляет источник их динамики. Внутреннее разнообразие, связанное с отдаленным скрещиванием, становится залогом повышенной жизнестойкости и адаптивности — способности приспосабливаться к изменениям среды. Понятно поэтому, сколь плохую услугу культуре и социуму оказывают ревнители чистоты — классовой, расовой, этнической или профессиональной» (Панарин, 1998, с. 126–127). Ментальность культур напрямую зависит от многообразия существующих в них взаимодействующих признаков, порождающих разные возможности развития культурных сообществ: «При обсуждении роли разных типов ментальности в литературе выделяют объяснительный принцип комплементарности — взаимодополнительности, который утверждает необходимость существования многообразия» (Апанович, Александров, 2021, с. 29).

Более обобщенными и фундаментальными являются представления об «избыточном» многообразии в мозговых структурах и культуре, на основе которых формируются разные варианты возможного. При этом универсальной является комплементарность, проявляющаяся в научных исследованиях мозговых систем, культурно обусловленной ментальности и межкультурной вариативности. Комплементарность является значимой на всех уровнях взаимодействия субъекта с объектом.

На уровне изучения мозгового обеспечения умственной деятельности, согласно системной психофизиологии (Александров, 2009), в качестве основной детерминанты поведения и деятельности рассматриваются не прошлые события, а возможное будущее – сознательно или неосознанно планируемый результат. Нейронная активность организована достижением результата – того, которого еще нет, но который возможен в будущем (здесь нельзя не увидеть явной аналогии с феноменом искомого из психологии мышления). Нейроны в мозгу человека специализированы, и в процессе выполнения разных видов деятельности происходит накопление новых специализированных нейронных паттернов. Нейроны специализируются относительно систем деятельности (в частности, профессиональной), они культуроспецифичны: анализируя когнитивные процессы в связи с мозгом, нельзя отрывать их от культуры. «„Культурная специализация“ индивидов может быть рассмотрена как формирование такой структуры субъективного опыта в данной культуре, которая комплементарна структурам других индивидов. Культурная комплементарность означает, что генетические predispositions и „культурные специализации“ индивидов согласованы и взаимодополнительны внутри данного сообщества» (Александров, Александрова, 2010, с. 305). Чем больше дополняющих друг друга паттернов нейронной организации мозга разных людей, тем содержательно богаче культура, в которой они живут. Комплементарность нейронов, имеющих одну и ту же специализацию, проявляется в таком их разнообразии и совместной активности, которые обеспечивают достижение полезного результата.

В онтогенезе поступки, деятельность человека влияют на формирование разных типов нейронов, обеспечивающих мозговые основы поведения. В результате обучения нейроны становятся специализированными относительно конкретных социальных ситуаций. В зависимости от решаемых задач формируются не только нейроны, но и их специализации, даже такие, которые пока не используются, но необходимы для будущего – это резерв возможностей. Другими словами, специализации нейронов формируются не под конкретный акт, а под облако возможностей определенного типа. Любое поведение перестраивает мозг и расширяет возможности человека: при обучении люди используют нейроны, которые возникли у них раньше. Однако обучение создает новый нейрогенез, подготавли-

вает нейроны, использовавшиеся в прошлом, для их активации в будущем¹.

На уровне культурно обусловленной ментальности интеллектуальные усилия психологов направлены в основном на исследование проявлений мозговой активности и психологических стилей деятельности людей, условно названных «аналитиками» и «холистами». В кросс-культурной психологии уже давно существует большой массив данных, указывающих на различия в мировоззрении и стилях деятельности указанных групп людей. Для аналитиков мир является дискретным, состоящим из обособленных объектов, для холистов он целостен, а континуальность рассматривается как принципиальное свойство мира. Показано, что аналитичность мышления в большей степени присуща жителям западных стран, а холистичность – восточных (незападных). Более детально различия в мировоззрении и способах мышления аналитиков и холистов мы рассматривали ранее (Апанович, Знаков, Александров, 2017). При системном описании меж- и внутрикультурных ментальных вариаций важно подчеркнуть, что два способа мышления проявляются не только на межкультурном уровне анализа, но и на внутрикультурном. Иначе говоря, люди различаются по степени выраженности аналитичности и холистичности мышления и *внутри* каждой культуры. Применение вызванных потенциалов головного мозга для изучения когнитивных функций обнаруживает различия в нейронной активности аналитиков и холистов, принадлежащих к одним и тем же социальным и этническим группам. В частности, латентный период пика Р300 у аналитических субъектов при решении задачи простого выбора выше в условиях кооперации, чем в условиях конкуренции. У холистов, наоборот, выше при конкуренции по сравнению с кооперацией. Эти результаты говорят о том, что у аналитических субъектов набор систем, необходимый для принятия решения, более стабилен при конкуренции, а у холистичных – при кооперации (Апанович, Александров, 2021, с. 30). Если оценивать группы в целом, то оказывается, что они дополняют друг друга, проявляя неодинаковые качества на разных стадиях решения задач. С системно-эволюционных позиций комплементарность ментальных вариаций обеспечивает процессы индивидуального и общественного познания, по-

1 Благодаря Ю. И. Александрова, который высказал эти соображения в личной беседе.

вышая их эффективность. В частности, в психологии есть данные о том, что гетерогенные, в том числе этнически, группы способны достичь более качественных решений, чем гомогенные. «Таким образом, можно считать, что различия в аналитичности-холистичности остаются устойчивыми и позволяют обеспечивать комплементарность для сообщества в целом; и также утверждать, что комплементарность может проявляться как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне устойчивых сообществ (на внутри- и межкультурном уровне)» (там же, с. 30).

На уровне анализа межкультурной вариативности очень значимыми оказываются макрокультурные различия между разными странами. Самый существенный результат таких различий заключается в том, что социоэкономические статусы государств соответствуют типам ментальности. Другими словами, наблюдается двусторонняя связь между субъектами как носителями ментальных моделей аналитичности-холистичности и институциональными структурами общества. При анализе с единой системной методологической позиции взаимозависимость структур субъективного опыта (типов ментальности) и институциональных общественных структур соответствует современным тенденциям синтеза научных знаний и рассматривается как мультидисциплинарная. Это вполне разумно, потому что «они являются отражениями одного целого, и в качестве этого целого выступает социальная деятельность в определенных условиях, формирующая общество. И типы ментальности, и системы общественных институтов в совокупности реализуют закрепившиеся в истории (проверенные историей) пути осознания и достижения коллективных целей, стоящих перед сообществами людей — нациями и государствами» (Александров, Кирдина, 2012, с. 6). Социоэкономические исследования также обнаруживают два типа базовых институтов, регулирующих функционирование основных общественных сфер: экономики, политики и идеологии. Два типа институтов обладают двумя характерными для них траекториями развития — коммунальной или некоммунальной. «Коммунальность означает, что обособление отдельных частей материально-технологической среды угрожает распаду всей системы. Это предполагает ее использование как единого нерасчленимого объекта. Соответственно требуются совместные координированные усилия значительной части членов общества для ее использования и централизованное

управление. Некоммунальность означает возможность обособленности важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования. Некоммунальная среда разложима на отдельные элементы и может функционировать как совокупность разрозненных технологических объектов» (там же, с. 9). Очевидно, что описание характеристик некоммунальной и коммунальной сред соответствует аналитическому и холистическому мировоззрениям людей, живущих в таких условиях.

Западные и незападные государства развиваются по своим путям с доминированием либо X-матрицы, либо Y-матрицы. Однако в каждом из них успешные варианты возможного развития обязательно включают комплементарные институты из матрицы противоположного типа. При этом очень важно соблюдать баланс между ними: «Доля комплементарных институтов в стабильных устойчивых обществах, как можно предположить, составляет примерно треть (30–35%). Если эта доля меньше, тогда тотальное доминирование базовых институтов приводит общества к кризисам или застою. В то же время излишнее внедрение комплементарных институтов с попытками заменить ими матрицу базовых институтов приводит к социальным потрясениям и революциям. Социально-экономическая политика представляет собой, как правило, постоянный поиск оптимального институционального баланса между базовыми и комплементарными институтами, соответствующего временному, глобальному и другим контекстам» (там же, с. 10).

Таким образом, принцип необходимого разнообразия, включающий указание на необходимость комплементарности признаков эволюционирующих систем, отражает скрытый от поверхностного взгляда потенциал исследования возможного и невозможного.

Наконец, в качестве *четвертого* теоретического основания психологии возможного следует рассмотреть научные представления о неопределенности мира человека. Сегодня у психологов ссылки на исследования И. Р. Пригожина, Н. Талеба и др. стали интеллектуальной модой, «хорошим тоном», однако в большинстве случаев упоминания о них грешат чрезмерной генерализацией, обобщением, отнесением ко всем ситуациям человеческого бытия. Умные и современно мыслящие психологи пытаются описать психологические феномены исключительно в терминах случайности, неопределеннос-

ти, неравновесности. Это видно в статьях о понимании (Кияткина, Шадриков, 2021), личности (Гришина, Костромина, 2021), детерминации психики (Погожина, 2015) и других значимых для нашей науки проблемах. В этом можно усмотреть современный вариант позитивизма и физикализма, присущее психологии XX в. стремление описывать психические явления в терминах, характерных для физико-химических систем. Авторы подобных исследований вряд ли со мной согласятся и, возможно, будут правы. В соответствии с ориентацией современной науки на применение возможностного мышления (см. ниже) это не только неудивительно, но и вполне оправданно.

Следует ясно понимать, что в мире человека по-прежнему существуют ситуации, при описании которых возможное развитие событий нужно основывать на прошлом знании, на классическом причинном детерминизме. Например, одинаковые выводы о запасе прочности моста через реку сделают все специалисты, обладающие инженерными знаниями, возможные верные выводы здесь единичны, в то время как неверных — бесконечное множество.

20 октября 2021 г. в докладе на «Ананьевских чтениях — 2021» А. Г. Асмолов процитировал строку из стихов А. Галича: «А больше всего бойся того, кто скажет: „Я знаю, как надо“». Это как раз тот случай, когда ученые не должны попадать в ловушку генерализации, обобщения. Суждение правильное, но не всегда и не во всем: от сантехника, строителя, врача и других специалистов люди ждут ответа «Я знаю», а не «Я не знаю». Есть много профессий, в которых именно такой ответ характеризует человека как хорошего профессионала.

Справедливости ради надо сказать, что и Галич, и цитирующий его Асмолов имели в виду другие ситуации, характеризующие сложные проблемы в человеческих отношениях. Такие ситуации, события и явления в экзистенциальной реальности имеют совсем иную почти непричинную природу. И даже если детерминистические причинные основания есть, они остаются неизвестными для понимающего субъекта. Прогнозы о том, кто из родившихся сегодня младенцев станет великим артистом или ученым, у кого из них в зрелом возрасте возникнет онкологическое заболевание, действительно имеют неопределенный стохастический характер. Это происходит потому, что влияние множества генетических и средовых факторов на психическое и биологическое развитие для нас является случайным, принципиально непостижимым. Трудности понимания свя-

заны с редкостью, малой вероятностью, неожиданностью происходящего в экзистенциальной реальности мира человека.

В этих случаях будущее практически нельзя понять, основываясь только на прошлых знаниях, нужно применять возможностное мышление, которое анализирует разные варианты возможного и фактически ищет альтернативы самому себе. Чем больше альтернатив понимаемого выявляет субъект, тем полнее он понимает то, что пытается осмыслить. Если рассмотреть проблему альтернатив более обобщенно, то становится очевидным, что в мыслительной деятельности альтернативные точки зрения помогают познающему субъекту разумно действовать в ситуациях с отношениями противоположностей и «за счет этого предлагать творческие решения проблемно-противоречивых ситуаций. Смена альтернативы – это одно из умственных действий диалектического мышления, позволяющее обнаружить в ситуации новые структурные особенности при помещении ее в новый контекст, благодаря ему происходит переход от одной пары взаимоисключающих свойств, которые характеризуют объект, к другой такой паре» (Шиян, 2013, с. 336).

Возможностное мышление направлено на оспаривание познающим субъектом своих же мыслей о понимаемом предмете, превращение знания о нем в конструктивное незнание. М. Фуко и теоретически, и практически анализировал феномен возможностного мышления, отвечая на вопрос: «До какого предела можно мыслить иначе, чем мыслим мы?». Он писал: «Но что же представляет собой сегодня философия – я хочу сказать, философская деятельность, – если она не является критической работой мысли над самой собой? Если она не есть попытка узнать на опыте, как и до какого предела возможно мыслить иначе, вместо того чтобы заниматься легитимацией того, что мы уже знаем? В философском дискурсе всегда есть нечто смехотворное, когда он хочет извне навязывать непреложные законы другим, указывать другим, где находится их истина и как ее обрести, или самодовольно берется рассудить все их дела в наивной позитивности; но исследовать, что в его собственном мышлении может быть изменено благодаря упражнению, в которое он превращает чужое для него знание – здесь философский дискурс в своем праве» (Фуко, 2004, с. 14–15). «Мыслить иначе» значит критически переосмысливать свою интеллектуальную позицию, приобретая знания о скрытом и неизведанном как о подлинном.

Позднее М. Н. Эпштейн высказал сходную точку зрения: «Однако для меня высшую интеллектуальную ценность имеют не самоочевидные, а наименее очевидные, „странные“ утверждения и вообще категория „странного“ (ее можно связать с „остранением“ В. Шкловского и тезисом Аристотеля, что философия рождается из удивления). Ее можно определить как „наименее вероятное суждение“. Для меня важно писать, думать и говорить вещи, которые кажутся наименее вероятными, и при этом как можно более строго их обосновывать. Выявлять логику их „странности“. Делать очевидным далеко не очевидное» (Homo scriptor, 2020, с. 565).

Развивая эту линию рассуждений и называя ее «удовольствием мыслить иначе», российский философ Ф. И. Гиренок подчеркивает, что сущность такого способа мышления проявляется в смещении взора мыслителя с оснований на границы, пределы возможного: «Кто хочет мыслить, тот должен перестать играть в классику, рассуждая о сущностях, законах, субстанциях и прочем. Не основания, а пределы возможного интересуют нас сегодня. То, что есть, на пределе перестает быть тем, что оно есть. В пространстве предела мышление носит не понятийный характер, а парадоксальный. Здесь нельзя сохранить ясный взгляд субъекта. Здесь нет ни истины, ни лжи. Приблизившись к пределу возможного, нельзя следовать логике бинарных отношений. Здесь ты, как сплавщик леса, прыгаешь с бревна на бревно, а не подчиняешься априорным предписаниям разума» (Гиренок, 2021, с. 8).

Возможностное мышление сегодня уже не является «игрой разума», изощренным способом рассуждений небольшой группы интеллектуалов, оно проявляется в самых разных сферах человеческого бытия. Вот каковы его проявления в журналистике: «Репортеры бывают двух видов. Серьезные, занимающиеся журналистским исследованием, например для Washington Post или Wall Street Journal, обычно обзванивают несколько ученых, не связанных с исследованием, и узнают их точку зрения. Они ищут мнение, идущее вразрез с тем, что было опубликовано в репортаже. Но другие (и их большинство) полагают, что их главная задача — пересказать статью своими словами» (Левитин, 2018, с. 168).

Два модуса возможного и типа детерминации событий в мире соответствуют двум способам мышления человека. В психологии мышления многие исследователи различают два типа познаватель-

ных процессов: осуществляемых быстро при незначительном участии сознания и более рефлексивных, но протекающих медленнее. К. Е. Станович и Р. Ф. Уэст назвали их процессами Системы 1 и Системы 2 (Stanovich, West, 2000). Процессы Системы 1 возникают спонтанно и не требуют большого количества ресурсов внимания. Распознавание того, является ли входящий в аудиторию человек вашим учителем по физике, задействует процессы Системы 1. Узнавание этого человека осуществляется мгновенно, без приложения усилий и не зависит от интеллекта, мотивации или сложности решаемой задачи. А вот вычисление без калькулятора квадратного корня из числа 19163 задействует процессы Системы 2 – ментальные операции, требующие усилий, мотивации, концентрации внимания и следования ранее выученным правилам. При вычислении квадратного корня Система 1 не играет никакой роли, потому что эта задача не предполагает интуитивного решения. Только человек, достаточно мотивированный и знающий алгоритм, может получить правильный ответ (Frederick, 2005).

Другими словами, согласно теории двойственности процессов рассуждений, у человека есть две отличные, но взаимодействующие системы для обработки информации. Одна (Система 1) ориентирована на эвристики, приводящие к интуитивным ответам, в то время как другая (Система 2) основана на рациональной аналитической обработке. Главное различие между рациональной и интуитивной системами рассуждений заключается в том, что в первом случае информация обрабатывается аналитическим, а во втором – холистическим способом. К. Кушлев и Э. У. Данн считают, что рациональная система подобна судье, беспристрастно оценивающему имеющиеся улики, а интуитивная – адвокату, более мотивированному, пристрастному и стремящемуся выстроить историю, соответствующую желаемому результату (Kushlev, Dunn, 2012, p. 280).

Очевидно, что при понимании возможного, основанного на предыдущих знаниях, человек задействует познавательные процессы Системы 2. Возможное как внезапное, непредсказуемое, странное понимается главным образом с помощью Системы 1.

Реализация этих теоретико-методологических положений (о философии возможного, об адаптации и преадаптации, неопределенности как сущностной характеристике мира человека, принципе необходимого разнообразия, неопределенности мира человека и двух

системах мышления) последовательно развивается во всех разделах монографии. Возможное в ней представлено во всем временном диапазоне — в прошлом, настоящем и будущем. Возможное как антиципация, прогнозирование при решении мыслительной задачи, аффордансы — все это уже традиционные проблемы психологической науки. Почему же тогда только сегодня психологи заговорили о возникновении психологии возможного как целостной и относительно самостоятельной научной области? Потому что ее новизна заключается в новом фокусе внимания ученых — акценте на возможном как *неожиданном, невероятном, неправдоподобном*. Неудивительно, что такое возможное сначала воспринимается понимающим субъектом как невозможное и невысказанное. Иначе говоря, в тех ситуациях, в которых оно не связано с настоящим, не вытекает из него, возможное реализуется в невозможном и невысказанном.

Итак, современная психология возможного включает две большие группы феноменов. Первая состоит из того, что традиционно изучалось в нашей науке. Это аффордансы, прогнозирование, антиципация, антиципационная несостоятельность и другие феномены, основанные на прошлом знании и способствующие поддержке психической системы в устойчивом состоянии.

Связующими звеньями между первой и второй областями являются искомое и возникающее.

При исследовании второй группы феноменов психологи должны уделять основное внимание противоположному полюсу анализируемой области психологической науки — пониманию возможного как преадаптивного феномена, характеризующего нестабильные ситуации, возникновение которых нельзя предсказать. Нужно анализировать случаи, в которых возможное реализуется в невозможном, невысказанном и вне-возможном.

Заключение

В XX–XXI столетиях научная картина мира и представления о детерминации происходящего в нем значительно изменились. Классический детерминизм, представленный в работах Г. В. Лейбница, И. Ньютона, П. С. Лапласа и других великих ученых, по существу, был обращен в прошлое, т. е. текущее состояние мира описывалось как обусловленное прошлыми причинами. Согласно Р. Декарту, мир подобен механическим устройствам, например, большим и очень точным часам: каждое движение порождается толчком, вызванным предыдущим поворотом шестеренок. Вследствие изменения научных представлений о детерминизме сегодня мир рассматривается исследователями уже не как каузальная машина. В наше время мир изучается как процесс реализации возможностей и разворачивания новых возможностей: «Прежняя картина мира представляла нам механизм, действующий посредством толчков или посредством более абстрактных причин, причем все они принадлежат прошлому, которое пинает нас и гонит пинками в будущее, прошлому, которое *ушло* и не вернется. Эта картина больше не адекватна нашему индетерминистскому миру предрасположенностей. Каузация – всего лишь особый случай предрасположенности – это предрасположенность, равная 1, требование или сила, *определяющая* реализацию. Не пинки сзади, из прошлого, *подталкивают* нас, а притяжение, соблазн будущего и его конкурирующих возможностей *притягивают, при-манивают* нас. Именно это поддерживает жизнь, да и весь мир, в непрерывном развертывании» (Поппер, 2000, с. 189). Отсюда следует, что ключевые научные проблемы сфокусированы не на ретроспекции, поиске причин всего происходящего в мире, а на устремленности в будущее, ожиданиях того, что будет. В психологии эти пробле-

мы решаются в контекстах изучения аффордансов, прогнозирования, предвосхищения, возможных Я и т. п. Поскольку сегодня мир рассматривается учеными как веер возможностей, то «возможное», безусловно, оказывается центральной проблемой современной науки.

Большинство психологов сегодня говорят о полидетерминации, или множественной детерминации, психических явлений. Но это мало помогает делу: это все тот же причинно-следственный способ мышления. Мы пытаемся найти причины, влияющие, например, на запоминание. По существу это поиски внутри проблемы понимания. Даже тогда, когда мы пытаемся определить, почему запоминание успешно или неудовлетворительно, мы анализируем возможные варианты, причины успешности. Иначе говоря, мы определяем психические явления, в данном случае память, как реально существующие, действительные и потому представленные в нашем внутреннем мире, индивидуальном и коллективном опыте. Возникает вопрос: как это актуальное, реальное для нас соотносится с потенциальным, теми возможностями, которые выходят за конкретные границы анализируемой психологами проблемы и содержатся в вероятностном, возможностном мире? Для того чтобы ответить на него, необходимо осознать, что в мире надо различать два модуса бытия – актуальную и возможную действительности. По-существу это намеченная еще Аристотелем научная традиция исследования перехода от потенциального бытия, возможного положения дел в мире к актуальному, тому, что уже сейчас есть. Психология возможного как раз и направлена не столько на реальное бытие, сколько на потенциальное, т. е. на анализ тех возможностей, которых пока нет в опыте понимающего мир субъекта.

Метафорически говоря об острове действительности в океане возможного и невозможного, можно сравнить остров с лучом фонарика в темноте, а океан со всем остальным темным миром. Анализируемые научные проблемы, в том числе психологические, всегда находятся в свете действительного и практически никогда не учитывают сферу потенциально возможного. В действительном ученые пытаются найти причины и следствия происходящих событий. Вместе с тем анализ только причин недостаточен для понимания мира, об этом свидетельствует, частности, сравнительное изучение понимания природы В. Розановым и В. Гейзенбергом (Золотарев, 2020). Для них понимание заключалось в поиске упорядочивающего мир

начала, проявлениями которого являются дополняющие друг друга две формы потенциальности — причинность и целесообразность: «С идеей потенциальности неразрывно связана идея *целесообразности*, без которой, по Розанову, невозможно никакое понимание мира. Одни только *действующие причины* не могут объяснить всего происходящего в мире, что особенно ярко проявляется в познании живой природы» (Золотарев, 2020, с. 51). Для Розанова модусы существования разума, которые он называет предустановленными «схемами», — потенциальные. Потенциальность, по сути дела, означает, что разум не включает готового знания, а является только совокупностью условий, обеспечивающих возникновение идей (Розанов, 1995).

Гейзенберг считал, что в биологической эволюции потенциальной является подлежащая достижению цель, влияющая на причинно-следственные процессы. Понимание природы означает обнаружение скрытой в ней целесообразности, дополняющей каузальную детерминацию. По Гейзенбергу, в мире существуют нематериальные структуры, с которыми во время понимания соотносятся структуры человеческого разума: «Когда мы, как это всегда на первых порах приходится делать в теоретической физике, подытоживаем в формулах данные экспериментов, достигая таким путем феноменологического описания природных процессов, то мы ощущаем, что изобрели эти формулы, более или менее удачно, но изобрели. Но когда сталкиваешься с очень общими закономерностями, какие в конечном счете фиксируются в аксиоматике, то все выглядит совершенно иначе. Тогда перед нашим умственным взором вырисовывается структура, которая и без нас всегда уже существовала и которая совершенно явно не человеческих рук дело. А ведь такие структуры составляют подлинное содержание нашей науки. Ее можно по-настоящему понять только тогда, когда мы внутренне осознаем существование подобных структур» (Гейзенберг, 1989, с. 223).

С идеей существования упорядочивающего начала мира, в котором каузальное и финалистское описания природы находятся в отношении дополнительности друг к другу, соглашался его коллега Н. Бор: «Как известно, существуют биологические явления, которые мы сообразно их природе описываем не в каузальном, а в финалистском аспекте, т. е. в отношении к их цели. В пример можно привести процессы заживления организма после повреждений. Финалистская интерпретация находится здесь в типичном отношении

дополнительности к описанию процесса по известным физико-химическим или атомарно-физическим законам; т. е. в одном случае мы спрашиваем, ведет ли процесс к желаемой цели, к восстановлению нормальных соотношений внутри организма, а в другом случае исследуем каузальный порядок молекулярных процессов. Оба способа описания взаимно исключают друг друга, но не обязательно противоречат друг другу. У нас есть все основания предполагать, что законы квантовой механики окажутся столь же справедливыми в живом организме, как и в мертвой материи. Тем не менее, финалистское описание тоже вполне корректно. По-моему, развитие атомной физики просто научило нас необходимости мыслить тоньше, чем прежде» (Гейзенберг, 1989, с. 216).

Следовательно, для понимания мира необходимо учитывать обе взаимно дополняющие друг друга формы потенциальности — причинность и целесообразность. Именно в этом состоит цель психологии возможного и ее новизна.

Устремленность психологии возможного в будущее отражает важнейшую тенденцию ее развития. Согласно методологии современного научного познания, возможное — это еще не действительное, а действительное уже не есть возможное (Книгин, 2002). В соответствии с методологией социогуманитарного познания психология возможного направлена не на анализ известного (и потому уже ставшего прошлым) действительного, а на неизвестное будущее. Иначе говоря, в этой области психологической науки исследователи должны стремиться изучать не только альтернативы способов решения задач, формулирования гипотез, вариантов поведения в интернет-средах и т. п. Принципиально важным является поиск нового, ранее неизвестного не только во внутреннем мире понимающего субъекта, необходимо учитывать целый спектр возможностей мира человека. При понимании нужно учитывать, что кажущееся онтологически случайным и неупорядоченным возможное может скрываться в гносеологической упорядоченности невозможного и немислимого. И в этом заключается главная трактовка понимания мира как его мысленного структурирования.

Следовательно, психология возможного — закономерное порождение современных исследований в области психологии понимания. Можно выделить три главные тенденции развития психологии возможного.

Первая тенденция заключается в осознанной направленности изучающих процессы понимания психологов на выход за пределы конкретной понимаемой ситуации, событий, явлений или, обобщенно говоря, деятельности субъекта. Ученые осознали, что наряду с поисками новых возможных сторон, свойств, качеств объекта, например в решаемой задаче, в современном вероятностном мире, характеризующемся возможным мышлением человека, понимание должно выходить за узкие пределы конкретной деятельности и включаться в познание непредсказуемого, случайного. Современное научное понимание мира человека состоит в его анализе не как детерминированной машины, а как текучего океана возможного и невозможного. Такая направленность понимания в большей степени соответствует его экзистенциально-герменевтической интерпретации, а не познавательной. Согласно последней, понимание органично связано не только с познанием, оно представляет собой способ бытия человека. Он проявляется в ответах и вопросах на фундаментальные экзистенциальные вопросы жизни и смерти.

Вторая тенденция – формирование и развитие психологии возможного в соответствии со вторым этапом психологических исследований субъекта. Время возникновения психологии возможного закономерно: оно определяется и общей для всех наук методологией научного познания, и конкретными принципами второго этапа психологии субъекта. На первом этапе усилия психологов были направлены на описание, идентификацию характерных признаков субъекта: его отличиях от личности и индивидуальности, источников субъектной активности, присущих ему личностных свойств и т. п. В отличие от первого, «структурно-содержательного», этапа развития психологии субъекта на втором этапе – «самосозидательном, самопорождающем» – главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта и способствующие ей деятельностные основания человеческой психики. Происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала – к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Дискурсы и практики отсылают анализирующих понимание ученых уже не к внутренним психологическим качествам понимающего субъекта, как ясно видно, например, в основополагающих тру-

дах П. П. Блонского (Блонский, 1979), а к поиску возможных вариантов понимания в случайном непредсказуемом мире.

Третья тенденция заключается в соблюдении традиции аналитического различения в действительности эмпирической, социокультурной, экзистенциальной реальностей и психологического анализа ключевых категорий, используемых субъектом для их понимания, — «необходимое», «правдоподобное», «невозможное». В соответствии с этой тенденцией в монографии проанализированы познавательные тайны, постправда, экзистенциальные тайны, а также духовность человека, конкретное проявление которой в тот или иной момент жизни практически нельзя предсказать.

Проведенный в книге анализ возможного как нового перспективного направления психологии понимания субъектом мира человека осуществлялся, в основном, в двух направлениях.

Во-первых, вслед за И. Пригожиным, У. Эко и другими исследователями я пытался показать, как из онтологической случайности и неупорядоченности мира может возникать гносеологическая упорядоченность возможного и невозможного. Сегодня без анализа такого мысленного структурирования мира его невозможно понять.

Во-вторых, я стремился раскрыть содержание двух главных значений категории «возможного», представленных в разных отраслях психологической науки. В первом значении, наиболее распространенном в психологии мышления, принятия решений, личностного выбора и т. п., возможное интерпретируется как анализ альтернатив, потенциально или реально присутствующих в ситуациях человеческого бытия. Задача психолога — изучить, как, по каким основаниям субъект, например, играющий в шашки, выбирает одни варианты возможных ходов и отвергает другие. С этого начиналась психология выбора. Акцент психологи и инженеры (специалисты по искусственному интеллекту) делали на изучении возможных стратегий перебора вариантов, однако этот путь хотя и необходимый, но малоперспективный: большое число творческих проблем в мире человека нельзя решить только методом перебора.

Второе значение «возможного» сегодня представляется более перспективным для психологического исследования. В этом случае ученые концентрируют внимание на раскрытии новых потенциальных возможностей того, что, казалось бы, уже изучено и известно. В ситуациях человеческого бытия, проявляющихся в разных реальностях,

содержание возможного неодинаково. Применяя понимание-знание, понимание-интерпретацию и понимание-постижение, субъект использует весь спектр возможных знаний — от ясно осознаваемого, отрефлексированного до неосознаваемого выбора, не позволяющего самому понимающему вербально объяснить понятие. Специфика эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей такова, что содержание ключевых понятий, характеризующих понимание — необходимое, правдоподобное, невозможное — неодинаково. И именно это направление исследований понимания мира человека сегодня наиболее актуально и перспективно.

Психология возможного нацелена на выявление и научный анализ неочевидного — скрытых источников социальной активности, субъектности, а также непреднамеренных эффектов познавательных действий, которые могут послужить формированию нового понимания объекта познания. В более широком социальном и социогуманитарном контексте такие же проблемы лежат в основании методологии латентных изменений (Гусельцева, 2019). Предметом ее исследований являются глубинные основания трансформации мира человека, связанные с изменениями ценностей и мотивов людей (Инглхарт, 2018), бессознательные явления, игнорируемые и скрытые тенденции в истории науки — одним словом, феноменология невидимых реальностей. «Она фокусирует, что как в повседневных коммуникациях, так и в анализе перспектив развития науки важны не столько ведущие дискурсы, сколько лакуны, т. е. то, о чем умалчивается. Сферой ее анализа являются также проблемы методологической оптики, интерпретации реальности в перспективе ограничивающих парадигм, недостаточности терминологии и аналитического инструментария» (Гусельцева, 2019, с. 30). Содержательная связь психологии возможного с методологией латентных изменений — еще один аргумент в пользу необходимости и перспективности исследований в этой новой области психологической науки.

Перечитывая написанное, я осознаю, что у некоторых читателей книга может восприниматься как некий постмодернистский коллаж — множество реальностей, типов понимания, детерминаций без объединяющего их содержательного центра. Надо признать, что такая интерпретация текста имеет основания, но все же центр есть — это созданная ранее модель понимания мира человека (Знаков, 2016). В ней субъект в разные периоды времени направляет фокус своих по-

Заключение

знавательных и жизненных интересов на понимание фактов, событий, ситуаций эмпирической, социокультурной, экзистенциальной реальностей. Естественно, что психологические механизмы понимания в столь неоднородных сферах действительности оказываются неодинаковыми. В этой книге моей задачей было обратить внимание читателя на понимание не только действительного, как это было при создании модели в 2016 г., но и возможного и невозможного. Они представляют собой такое неочевидное, скрытое, латентное, психологический анализ которого очень актуален для современного научного познания. Если одним содержательным стержнем книги является модель понимания, то другим — проблема понимающего мир субъекта. Несмотря на то, что мир человека многомерен и неоднороден, нельзя упускать из вида холистическую целостность живущего в нем и познающего его субъекта. Пока представленные в книге идеи только намечены, однако их дальнейшее развитие мне представляется не только интересным, но и перспективным.

Литература

- Абрамова Е. К.* Проблема понимания/непонимания в рамках лингвистических исследований // Вестник Оренбургск. гос. пед. ун-та. 2013. № 1 (5). С. 96–100.
- Абрамова Т. А., Трапезников Д. А.* Армия Строгановых – первая частная армия Российского государства // Огарёв-Online. 2021. № 4 (157). URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/armiya-stroganovux-pervaya-chastna-ya-armiya-rossijskogo-gosudarstva> (дата обращения: 02.11.2021).
- Аванесов С. С.* Проблема и тайна // Вестник Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. № 2 (10). С. 7–11.
- Аванесян М. О.* Альтернативная автобиографическая история как составляющая возможного «я» // Психологические исследования. 2018. № 11 (61). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1619-avanesyamb1> (дата обращения: 21.04.2019).
- Аванесян М. О.* Возможные я: на пути от прошлого к будущему // Психология личности: Пребывание в изменении / Под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2019. С. 283–282.
- Августин А.* Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М.: Ренессанс, 1991.
- Автономова Н. С.* Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // М. Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994. С. 7–27.
- Агамбен Д.* Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012.
- Агацци Э.* Истина как путь к реализму // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 9–33.
- Адо П.* Духовные упражнения и античная философия. М.–СПб.: Степной ветер–ИД «Коло», 2005.

- Акопов Г. В.* Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Александров Ю. И.* От теории функциональных систем к системной психофизиологии // Психология сегодня: теория, образование, практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 13–56.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Комплементарность культур // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко / Сост. М. А. Козлова. М.: Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. С. 298–335.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Комплементарность культуро-специфичных типов познания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология. 2010». № 3. С. 18–35.
- Александров Ю. И., Кирдина С. Г.* Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования (СОЦИС). Теория. Методология. 2012. № 8. С. 3–12.
- Альперович В. Д.* Трансформации социально-психологических характеристик представлений взрослых о враге и друге: Автореф. ... дис. канд. психол. наук. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2010.
- Ананьев Б. Г.* Возрастная периодизация жизненного цикла человека // Б. Г. Ананьев. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 129–136.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
- Андреева Г. М.* Социальная психология: векторы новой парадигмы // Константа в неопределенном и меняющемся мире: маленькая психологическая серенада к юбилею Г. М. Андреевой. 13.06.2009 / Под ред. Ю. П. Зинченко, Т. Д. Марцинковской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 376–396.
- Анкерсмит Ф.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
- Анкин Д. В.* Неформальные мысли о формальном в связи с категорией возможного // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016а. № 3. С. 79–82.

- Анкин Д. В.* Мыслимое и возможное в свете конечности интеллекта // Вестник Томск гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016б. № 4 (36). С. 20–27.
- Анцыферова Л. И.* Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004. № 3. С. 17–24.
- Анцыферова Л. И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Апанович В. В.* Системная организация поведения аналитичных и холистичных индивидов при решении задач разного типа: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2019.
- Апанович В. В., Александров Ю. И.* Системное значение меж- и внутрикультурных ментальных вариаций // Вестник психофизиологии. № 1. 2021. С. 24–35.
- Апанович В. В., Знаков В. В., Александров Ю. И.* Апробация шкалы аналитичности–холистичности на российской выборке // Психол. журн. 2017. Т. 38. № 5. С. 80–96.
- Арендт Х.* Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
- Аристотель.* Метафизика. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
- Асеев В. Г.* О диалектике детерминации психического развития // Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1978. С. 21–38.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.* Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018.
- Ахматова А. А.* Гибель Пушкина. М.: Проспект, 2019.
- Бабушкин В. У.* Феноменологическая философия: критический анализ. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/babus01/txt09.htm> (дата обращения: 24.11.2018).
- Балацкий Е. В.* Сравнительные эволюционные характеристики технологий предвидения будущего // Наука. Инновации. Образование. Вып. 5. Форсайт: основы и практика применения. М.: Знак, 2008. С. 65–88.
- Балацкий Е. В.* Три способа познания // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 130–144.
- Барак А.* Судейское усмотрение. М.: Норма, 1999.

- Баттерворт Дж., Харрис М.* Принципы психологии развития. М.: Когито-Центр, 2000.
- Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г.* Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер, 2003.
- Белановская О. В., Грицовец А. Н.* Проблема знака в психологии // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2020. № 20 (3). С. 41–49.
- Бернстайн У.* Манифест инвестора: Готовимся к потрясениям, процветанию и всему остальному. М.: Альпина Диджитал, 2010.
- Бисмарк О.* Политика есть искусство возможного. М.: Центрполиграф, 2015.
- Блинникова С. Л.* Психологическая природа понимания противоречий // Вопросы психологии. 2012. № 1. С. 52–62.
- Блонский П. П.* Избранные педагогические и психологические сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1979.
- Бодрийяр Ж.* Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000.
- Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: Рипол-классик, 2017.
- Большов О. Ф.* Экзистенциальная философия. СПб.: Лань, 1999.
- Борев Ю. Б.* Пушкин – наше все (теоретико-литературные уроки Пушкина). Вестник РГНФ. 1999. № 1. С. 12–24.
- Борзова Т. В.* Теоретические основы психологии понимания в обучении. Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2013.
- Борзова Т. В., Мосунова Л. А.* Условия развития смыслового понимания информации в процессе обучения // Science for Education Today. 2020. Т. 10. № 1. С. 7–24.
- Брейтигам Э. К.* Интеграция рационального и интуитивного опыта как средство обеспечения понимания учебного материала по математике // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <http://www.scienceeducation.ru/121-17971> (дата обращения: 14.07.2017).
- Брудный А. А.* Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии. 1975. № 10. С. 109–117.
- Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование (логико-психологический анализ). М.: Мысль, 1979.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–11.

- Брушлинский А. В.* Интеллектуальные процессы: мышление // Психология: Учебник для студ. выс. пед. учеб. заведений / Отв. ред. А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. М.: Академия, 1998. С. 430–475.
- Брушлинский А. В.* Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.
- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Буралева Н. А.* Понятие «духовность» в современной психологии // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 12 (114). С. 189–193.
- Буров А.* Посмертное интервью Карла Поппера. 2014. URL: <http://www.snob.ru/profile/27355/blog/8098> (дата обращения: 15.10. 2019).
- Быков Д.* Один 29 сентября 2017 на «Эхе Москвы». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4NobRwB84Y> (дата обращения: 15.03.2020).
- Бычков В. В.* О духовности в искусстве // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 76–87.
- Вартапетян Э. Г.* Судейское усмотрение как необходимость // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 384–390.
- Васильюк Ф. Е.* Понимающая психотерапия как психотехническая система: Дис. ... докт. психол. наук. М.: ПИ РАО, 2007.
- Васильюк Ф. Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Васильюк Ф. Е.* Типы духовного совладания // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 5. С. 139–151.
- Вдовиченко Л. В.* «Фейковые новости», пранк как информационные вызовы современного медиапространства // Один пояс – один путь. Лингвистика взаимодействия: Материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 16–21 окт. 2017 г.) / Отв. ред.: А. П. Чудинов, Сунь Юйхуа. Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т», 2017. С. 38–40.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.
- Веракса А. Н.* Символ и знак: диалектика символического познания // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 51–58.
- Верхожин А. Н.* Квантовая теория сознания – пути становления // Вестник ПсковГУ. Сер. «Экономические и технические науки». 2014. № 4. С. 213–219.
- Вигнер Е.* Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Е. Вигнер. Этюды о симметрии. М.: Мир, 1971. С. 182–198.

- Войскунский А. Е.* Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2014. № 2. С. 90–104.
- Войскунский А. Е., Арестова О. Н., Солодов М. Ю.* Психологические особенности чтения электронного текста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2019. № 4. С. 59–79.
- Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю.* Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2013. № 1. С. 66–83.
- Володенков С. В., Федорченко С. Н.* Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Обозреватель / Observer. 2015. № 4. С. 83–93.
- Воркачев С. Г.* Семиотика символа по данным российского научного дискурса // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. № 3. С. 3–14.
- Ворохобов А. В.* Предпонимание, текст и традиция в экзистенциальной герменевтике Рудольфа Бульмана // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 100–108.
- Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. С. 5–90.
- Выготский Л. С.* Психология искусства. М.: Педагогика, 1987.
- Выдающиеся ученые Института психологии РАН: Биографические очерки / Под ред. А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Гарбузняк А. Ю.* Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 184–192.
- Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Гильмутдинова Н. А.* Осознать тайну: опыт цивилизационной и исторической компаративистики // Сознание как феномен бытия человека и общества: Сб. научных трудов VII Всероссийской научно-теоретической конференции с международным участием, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Т. Н. Брысиной (Россия, г. Ульяновск, 23–24 апреля 2020 г.) / Под ред. М. П. Волкова. Ульяновск: УлГТУ, 2020. С. 127–135.
- Гиренок Ф. И.* Удовольствие мыслить иначе. М.: Проспект, 2021.
- Голубева О. С., Голубев И. А.* Ситуация постановки диагноза «онкология» как психотравмирующее событие // Вестник совета мо-

- лодых ученых и специалистов Челябинской области. 2018. Т. 2. № 1 (20). С. 33–35.
- Гомперц У.* Непонятное искусство. От Моне до Бэнкси. М.: Синдбад, 2017.
- Гончарова Н. А.* Психологическая сущность духовности как цели воспитательного процесса // Вопросы педагогики. 2021. № 4–2. С. 79–83.
- Гордеева О. В.* Результаты современных научных исследований околосмертного опыта: пора ли отказываться от материализма? // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 119–136.
- Горелов А. А., Горелова Т. А.* Самотворчество как жизненная стратегия // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений: XV Международная научная конференция, МосГУ, 14–16 ноября 2019 г.: Доклады и материалы: в 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. И. М. Ильинского. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2019. С. 532–545.
- Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М: Институт социологии РАН, 2003.
- Граник Г. Г., Соболева О. В.* Понимание текста: проблемы земные и космические // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 81–91.
- Граница А. С.* Взаимосвязь антиципационной состоятельности и интуитивности при невротических расстройствах (клинико-психологические аспекты): Дис. ... канд. мед. наук. Казань, 2018.
- Грачев М. Н., Евстифеев Р. В.* Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 229–248.
- Грачева Ю. В.* Судейское усмотрение в уголовном праве. М.: Проспект, 2015.
- Григорова И. Р.* Проблема духовности в психологии // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического ун-та. Сер. «Педагогика. Психология». 2018. № 1 (11). С. 102–106.
- Григорян А. А.* Окно Овертона. Политическая концепция Джозефа Овертона // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2017. № 1 (17). С. 24–28.
- Гришина Н. В.* «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник СПб. ун-та. Психология и педагогика. 2018а. Т. 8. Вып. 2. С. 126–138.

- Гришина Н. В.* Экзистенциальная психология: учебник. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2018б.
- Гришина Н. В., Костромина С. Н.* Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основания целостности личности // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 39–51.
- Гришутина М. М., Костенко В. Ю.* Возможное и невозможное «Я»: уточнение конструкторов // Вестник СПб. ун-та. Психология. 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 268–279.
- Гусейнов А. А.* Язык и совесть: Избранная социально-философская публицистика. М.: Институт философии РАН, 1996.
- Гусельцева М. С.* Психологические маркеры перемен: трансформация ценностей в транзитивном обществе // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. А. Асмолова. М.: ИД ЯСК, 2018. С. 181–196.
- Гусельцева М. С.* Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. М.: Акрополь, 2019.
- Гусельцева М. С.* Рациональность как проблема современности // Вестник РГГУ. Сер. «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 2. С. 12–30.
- Даниленко О. И., Горбунов И. А.* Антиципационная состоятельность как личностный ресурс студентов // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 33–43.
- Де Чикко Т.* Найти Я в психологии, духовности и религии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 4. С. 46–52.
- Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Дичковская Е. А., Кунцев В. А., Товмирзаев Д. Р.* Концепция правды в новой журналистике // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию основания кафедры теории и практики перевода факультета социокультур. коммуникаций Белорус. гос. ун-та, Минск, 24–25 окт. 2019 г. Минск: БГУ, 2019. С. 175–180.
- Дойч Д.* Структура реальности: Наука параллельных вселенных. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
- Достоевский Ф. М.* О русской литературе. М.: Современник, 1987.

- Достоевский Ф. М.* Нечто о вранье // Дневник писателя. М., 1989. С. 84–93.
- Дремова Е. Н.* Проблема репрезентации травмы и роль искусства в свидетельстве невыразимого опыта // Художественная культура. 2021. № 3. С. 220–240.
- Друкер П.* Классические работы по менеджменту. М.: Альпина Паблишер, 2015.
- Дускаева Л. Р.* Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 2. С. 253–260.
- Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш.* Разработка и апробация методики оценки изменения психологических границ при поль­зовании техническими средствами (МИГ-ТС) // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 2 (22). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.2021).
- Ениколопов С. Н.* Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 33–39.
- Ениколопов С. Н.* Психология зла // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 308–335.
- Ефанов А. А.* Конструирование явления постправды посредством диф­фамации медиа // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X Юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения: Сб. материалов Международной научной конференции. 13–14 апреля 2018 г., Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2018. С. 426–429.
- Жириновский предложил загнать японцев под российский флаг // Lenta.ru. 16.01.2019. URL: <https://lenta.ru/news/2019/01/16/zhirinovsky> (дата обращения: 15.03.2020).
- Журавлев А. Л., Харламенкова Н. Е.* Динамический подход к исследованию психики человека // Институт человека: идея и реальность / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Лепанд, 2018. С. 280–290.
- Журавлев Д. А.* Клановая структура элит демократического общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 4. С. 43–49.

- Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
- Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.
- Зинченко В. П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–37.
- Зинченко В. П.* Деятельность. Знание. Духовность // Высшее образование в России. 2003. № 5. С. 81–91.
- Зиренко М. С., Корнилова Т. В.* Интеллект, мотивация и черты Большой пятерки в регуляции решения детерминистской задачи (П. Вассона) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2020. № 1. С. 3–21.
- Знаков В. В.* Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 104–114.
- Знаков В. В.* Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999.
- Знаков В. В.* Аналитичность и холистичность во взглядах А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 135–146.
- Знаков В. В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Знаменская И. И., Марков А. В., Бахчина А. В., Александров Ю. И.* Отношение к «чужим» при стрессе: системная дедифференциация // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 44–58.
- Золотарев А. В.* Василий Розанов и Вернер Гейзенберг о понимании природы // Вестник Моск. гос. област. ун-та. Сер. «Филос. науки». 2020. № 4. С. 46–54.
- Зубец О. П.* Суд над Эйхманом: этический взгляд // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 51–61.
- Зубец О. П.* Как мыслить совершившему немислимое? // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 2. С. 19–34.
- Зуев В. В.* На пути к теории биологической таксономии // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 1. С. 36–54.
- Иванов В. И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.
- Иванченко Г. В.* Принцип необходимого разнообразия в культуре и в искусстве. Таганрог: Изд-во ТРТГУ, 1999.
- Иванченко Г. В.* К эстетике возможного // Человек. 2002. № 3. С. 150–159.
- Ильин В. И.* Потребление как дискурс. СПб.: Интерсоцис, 2008.

- Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.
- Иосифян М. А., Арина Г. А., Николаева В. В.* Ценности и страхи: связь между ценностными предпочтениями и страхом перед нарушениями здоровья // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 103–117.
- Ищенко Е. Н.* Понимание (в) медиареальности: поиски оснований философской теории интерпретации // Творчество как национальная стихия: общее и особенное в современном социокультурном пространстве / Под ред. Г. Е. Аляева, О. Д. Маслобоевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 58–68.
- Каку М.* Физика невозможного. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
- Кандинский В. В.* О духовном в искусстве. М.: Эксмо, 2018.
- Капцов А. В., Панов В. И.* Личностные качества субъекта как предикторы экпсихологических типов взаимодействия в деятельности и общении // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 4. С. 72–80.
- Карпенко А. С.* В поисках реальности: Исчезновение // Философия науки. 2015. Вып. 20. С. 36–72.
- Карпенко А. С.* Сверхреализм. Часть II: От возможного к реальности // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 3. С. 5–24.
- Карпинский К. В.* Развитие личности как агентивный процесс: формы и уровни субъектной детерминации // Психологические проблемы смысла жизни и акме / Отв. ред.: Г. А. Вайзер, Т. А. Попова, Н. В. Кисельникова. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2020. С. 16–20.
- Карпов А. В.* Психология деятельности: В 5 т. Т. 1: Метасистемный подход. М.: РАО, 2015.
- Каткова М. М.* Развитие субкультуры каннибализма в условиях политической трансформации информационного общества // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности: Материалы XIV научной конференции с международным участием (24 октября 2019 г.). М.: ИД «ИМЦ», 2020. С. 263–270.
- Кашапов М. М., Перевозкина Ю. М., Кашапов А. С., Перевозкин С. Б.* Профессионализация мышления преподавателя в контексте современных проблем педагогического образования // Ярославский психологический вестник. 2019. Вып. 3 (45). С. 35–40.

- Кияткина А. Д., Шадриков В. Д.* Понимание как преодоление неопределенности // Вестник ЯрГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2021. Т. 15. № 3. С. 435–443.
- Книгин А. Н.* Учение о категориях. Томск: ТГУ, 2002.
- Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетическая парадигма. Основные понятия в контексте истории культуры // Электронная библиотека Международного центра Рерихов. URL: <http://lib.icr.su/node/1247> (дата обращения: 21.07. 2019).
- Колкунова К. А., Малевич Т. В.* Понятие «духовность» в современной российской литературе // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. 2014. Сер. I. № 6 (56). С. 72–88.
- Колотаев В. А., Улыбина Е. В.* Варианты преобразования феномена веры в несправедливый мир в кинематографе // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 2 (8). С. 91–106.
- Кондаков И.* Пушкин: Рождение концептосферы русской культуры // Вестник культурологии. 2020. № 1. С. 9–36.
- Корбут А. М.* Образовательная субъективность и «технологии себя» // Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / Под ред. М. А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2004. С. 122–134.
- Кордас О. М., Николаева Ю. А.* Отношение к тайне в религиозном и философском мировоззрении // Религиозная ситуация в российских регионах: тезисы докладов и сообщений Пятой всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. за выпуск Л. В. Денисова, А. А. Морозов. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 103–105.
- Корниенко Д. С., Руднова Н. А., Горбушина Е. А.* Особенности самопрезентации в социальной сети в связи с чертами большой пятерки и темной триады // Вестник Удмуртск. ун-та. Сер. «Философия. Педагогика. Психология». 2021. Т. 31. № 1. С. 45–53.
- Корнилова Т. В.* Риск и мышление // Психологический журнал. 1994. Т. 14. № 4. С. 20–32.
- Корнилова Т. В.* Прогнозирование и «образ мира» в актуализации динамического контроля неопределенности // Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования: Материалы третьего международного симпозиума (Москва, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. М. А. Холодная,

- Г. В. Ожиганова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 21–25.
- Корнилова Т. В.* Представления о «каузальном инкрементализме» и психологической неопределенности как о перспективах развития объяснения в психологии // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 368–384.
- Король А. Д.* Молчание в обучении: методологические и дидактические основы // Педагогика. 2019. № 4. С. 5–15.
- Костромина С. Н.* Процессуальный подход в психологии // Психология личности: Пребывание в изменении / Под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2019. С. 55–83.
- Костромина С. Н.* Классический «парадокс личности»: есть ли теоретические и методологические основания для решения? // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 7–30.
- Костромина С. Н., Гришина Н. В.* Процессуальный подход в психологии личности // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 506–512.
- Костромина С. Н., Гришина Н. В.* Возникающее как предмет исследования в психологии личности // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 21–37.
- Кошелева Н. В., Осин Е. Н.* ИмPLICITные представления студентов об атеистах и верующих людях // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 135–143.
- Кравченко С. А.* Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 24–34.
- Красноярова Н. Г.* Эстетическое отношение как постижение бытия // Омский научный вестник. 2015. № 5 (142). С. 43–45.
- Критская В. П., Мелешко Т. К.* Патопсихология шизофрении. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Крюкова Г. В.* Тайна и ремесло в поэтической концепции Анны Ахматовой // Русский язык и литература в учебных заведениях. 1998. № 2–3. С. 18–21.
- Крюкова Т. Л., Сапоровская М. В., Гущина Т. В., Петрова Е. А.* Психология межпоколенных отношений: конфликты и ресурсы / Отв. ред. М. В. Сапоровская. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009.

- Кузанский Н. Об ученом незнании. О предположениях. Сретенск: МЦИФИ, 2000.
- Кулагина Н. В. Символ и символическое сознание // Культурно-историческая психология. 2006. № 1. С. 3–10.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2020.
- Кутковая Е. С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16). С. 23–33.
- Лабунская В. А. Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 52–64.
- Лазарева К. В. Мифопоэтика «таинственных повестей» И. С. Тургенева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005.
- Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2002.
- Левин Г. Д. Необходимость и случайность // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. С. 53–54.
- Левитин Д. Путеводитель по лжи. Критическое мышление в эпоху постправды. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
- Лекторский В. А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: РООИ «Реабилитация»–Канон+, 2009. С. 5–40.
- Леонтьев А. А. Значение и смысл // Мир психологии. 2001. № 2 (26). С. 13–20.
- Леонтьев А. Н. Некоторые проблемы психологии искусства // Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 2. С. 232–239. М.: Педагогика, 1983.
- Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
- Леонтьев Д. А. Илья Пригожин и психология XXI века // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 5–14.
- Леонтьев Д. А. Грани возможностного // Homo scriptor: Сборник статей и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна / Под ред. М. Липовецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 384–404.
- Лимонов Э. Священные монстры. СПб.: Питер, 2019.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

- Линченко А. А. Переосмысливая холизм: принцип целостности как метафора и метод в философии истории прошлого и настоящего // Человек. Общество. Наука. 2021. № 1. С. 33–42.
- Липатов А. А., Купрейченко А. Б., Громова А. И., Шрадер Х. Правильное общество / Под ред. Ю. В. Веселова. СПб.: Питер, 2015.
- Лобанова Н. И. Вещь между знаком и символом (о семиотической деятельности вещи) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 202–208.
- Лозовская С. В. Соотношение судейского усмотрения и судейского правотворчества // Российский следователь. 2012. № 9. С. 24–26.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики. М.: Искусство, 1979.
- Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Русский мир, 2014.
- Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера–история. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008.
- Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Лысенко В. Г. Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии) // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 61–77.
- Макаров В. В. Онтологическая природа социальной реальности // Известия Волгоградского гос. техн. ун-та. 2004. № 7. С. 5–12.
- Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998.
- Максимова Е. В. Духовная практика как предельная «практика себя» // Вестник Новгород. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2013. № 73. Т. 1. С. 122–125.
- Малевиц К. С. Мир как беспредметность. М.: Эксмо, 2016.
- Малькова М. А. Анализ категории «духовность» с позиции религии и светской науки // Несторовские чтения. Современные тенденции сохранения семьи и общества в свете наследия святых отцов. Материалы III международных научно-образовательных чтений, посвященных дню памяти преподобного Нестора Летописца (27–28 ноября 2017 г.). Луганск: Центр Нестора Летописца, 2018. С. 168–176.

- Мамардашвили М. К.* Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2001.
- Мамчур Е. А.* Ненаблюдаемые сущности современной физики: социальные конструкты или реальные объекты? // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 106–123.
- Манин Ю. И.* Математика как метафора. М.: МЦНМО, 2008.
- Мансурова В. Д.* «Личностное знание» журналиста в проекции его рациональной субъективности // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2014. № 5 (31). С. 153–160.
- Марков А. В.* Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Corpus (ACT), 2015.
- Марсель Г.* Быть и иметь. Новочеркасск: Сагуна, 1994.
- Марсель Г.* Метафизический дневник. СПб.: Наука, 2005.
- Маслова И. В.* Понимание как осознание границ мыслимого: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПбГУ, 2007.
- Мелешко Т. К., Журавлев А. Л. А. В.* Брушлинский – ученый и организатор науки // А. В. Брушлинский. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 5–21.
- Мелик-Пашаев А. А.* Хаос и творчество // Психологические проблемы смысла жизни и акме. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2020. С. 25–30.
- Менделевич В. Д.* Доказательная психотерапия: между возможным и необходимым // Неврологический вестник. 2019. Т. LI. Вып. 2. С. 4–11.
- Менский М. Б.* Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности). Фрязино: Век 2, 2011.
- Мень А.* Тайна жизни и смерти. Брюссель: Жизнь с Богом, 2013.
- Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ–Хранитель, 2006.
- Михайлова О., Снигирева Т.* Тайна Анны Ахматовой: слово и образ // Quæstio Rossica. Т. 9. 2021. № 2. С. 576–590.
- Можейко М. А.* Возможность и действительность. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6917> (дата обращения: 10.01.2020).
- Морозов А. В.* Как «постистинный мир» наконец стал гиперверием Стива Фуллера // Философия. Журнал Высшей школы экономики. С. 287–297.

- Мостицкий И.* Универсальный дополнительный практический толковый словарь. 2005–2012. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/mostitskiy/fc/slovar-207-2.htm#zag-4028> (дата обращения: 21.07.2013).
- Мохаддам Ф. М.* Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. М.: Форум, 2011.
- Мохирева С. В.* Реальное событие и вербальный факт в текстах российских сми // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 114–117.
- Мулюкова Л. Ф.* Специфика смысловых коннотаций категории «возможное» // Вестник Оренбургск. гос. ун-та. 2014. № 7 (168). С. 17–22.
- Мусиец П. В.* К вопросу о субъект-ориентированном подходе к конструированию социальной реальности // Вестник Моск. гос. областного ун-та. Сер. «Философские науки». 2019. № 4. С. 95–103.
- Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А.* Понимаю, ибо абсурдно. К эвристике абсурда // Человек. 1998. № 6. С. 23–32.
- Мэй Р.* Открытие Бытия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.
- Налимов В. В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979.
- Нартова-Бочавер С. К.* Психология суверенности: десять лет спустя. М.: Смысл, 2017.
- Нестеров А. Ю.* Границы технического сознания: немислимое vs. невозможное // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 3. С. 60–66.
- Нехаев А. В.* Мнение как познавательная форма: логико-семиотический анализ: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Тюмень: Тюменск. гос. ун-т, 2009.
- Нехаев А. В.* Прагматика мнения: правдоподобность versus вероятность // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 2008. № 10. С. 124–132.
- Никитина Д. А.* Посттравматический стресс у людей разного возраста с угрожающим жизни заболеванием. Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2021.
- Никоненко С. В.* К вопросу о соотношении символа и знака // Вестник СПбГУ. Сер. 17. «Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение». 2016. Вып. 3. С. 47–53.
- Никонов М. А.* Судейское усмотрение: уголовно-процессуальные аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: 11-й формат, 2014.

- Новикова А. А.* Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.
- Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Нуркова В. В.* Анализ феноменологии автобиографической памяти с позиций культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 17–26.
- Нюрдсани М.* Сальвадор Дали. М.: Молодая гвардия, 2018.
- Обухова О. Л.* Диагностика качества понимания информационного текста // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8. № 4. С. 208–217.
- Огурцов А. П.* Альтернативные модели анализа сознания: Рефлексия и понимание // Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования / Отв. ред. И. С. Ладенко. Новосибирск: Наука, 1987. С. 13–18.
- Огурцов А. П.* Понимание // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. М.: Ин-т философии РАН–Нац. общ.-науч. фонд, 2001. Т. 3. С. 279–283.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
- Ожиганова Г. В.* Духовные способности как ресурс жизнедеятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016а.
- Ожиганова Г. В.* Психология молчания и высшие способности: ресурсный подход к меологии // Амеология. 2016б. № 4 (60). С. 190–195.
- Ожиганова Г. В.* Духовная личность. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Олифирович Н. И.* Семейные тайны: хранить нельзя открыть. СПб.: Питер, 2016.
- Он жив! Господи Боже! Как СМИ «похоронили» Дмитрия Хворостовского // Gazeta.ru. 11.10.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/10/11/10926824.shtml> (дата обращения: 13.08.2018).
- Орланов Г. Б.* «Смерть детерминизма» в социологии: есть ли альтернатива? // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.). Сборник материалов / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 265–270.

- Осипова Д. С., Воронина И. А., Савощикова Е. В.* К вопросу о тайне исповеди // EurasiaScience. Сборник статей XXV международной научно-практической конференции, часть II. М.: Научно-издательский центр «Актуальность РФ», 2019. С. 151–157.
- Осорина М. В., Целяева С. И.* Использование информационных знаков для изучения процессов понимания социальных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургск ун-та. Сер. 16. «Психология. Педагогика». 2014. Вып. 1. С. 6–20.
- Пайн Б. Д. II, Гилмор Дж. Х.* Экономика впечатлений: Как превратить покупку в захватывающее действие. М.: Интеллектуальная литература, 2019.
- Панарин А. С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998.
- Панов В. И.* Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.В. Корниловой, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Пенроуз Р.* Тени разума. В поисках науки о сознании. М., 2005.
- Песков В. П.* Роль аналитического и холистического стилей мышления для экспликации представления // Вестник Моск. пед. ун-та. Сер. «Педагогика и психология». 2014. № 1 (27). С. 74–80.
- Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: Психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П.* Человек в предметном и ментальном мире. Существует ли «объективная действительность»? Неоконченный спор Бора с Эйнштейном // Известия Иркутск. гос. ун-та. Сер. «Психология». 2013. Т. 2. № 2. С. 62Ц82.
- Петрова Г. И.* Современный конструктивистский ответ в решении классической педагогико-антропологической проблемы «заботы о себе» // Вестник Томск. гос. ун-та. 2013. № 12 (140). С. 131–134.
- Петросян Ю. С.* Символ: сущность и предназначение // Вестник Омск. ун-та. 2018. Т. 23. № 4. С. 103–114.
- Пиаже Ж.* Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 125–131.
- Писемский А. Ф.* Русские лгуны // А. Ф. Писемский. Соч. В 3 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956. С. 501–566.

- Погожина И. Н.* Детерминация развития познавательных структур: постнеклассическая теоретическая модель // Национальный психологический журнал. 2015. № 3 (19). С. 35–45.
- Поддьяков А. Н.* Исследовательские и контрисследовательские объекты: дизайн предоставляемых возможностей // Научное образование: сборник статей участников симпозиума по проблемам развития одаренности детей и юношества в образовании / Под ред. А. С. Обухова, Ю. И. Семенова. 2018. С. 50–65.
- Полякова Н. Б.* Герменевтическая интерпретация «знания как бытия» // История. Семиотика. Культура: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 250-летию Фридриха Шлейермахера / Отв. ред. И. В. Дёмин. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2018. С. 149–154.
- Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры: сборник научных статей / Под ред. О. Д. Маслобоевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018.
- Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
- Политика постправды в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире» / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017.
- Пономарев Н. Ф.* Фейковые новости в контексте постправды // E-Scio. 2019. № 6 (33). С. 126–133. URL: <http://www.e-scio.ru> (дата обращения: 15.02.2020).
- Пономаренко В. А.* Психология духовности профессионала. М.: Российская академия образования, 1997.
- Поппер К. Р.* Мир предрасположенностей // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского, В. К. Финна. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 176–194.
- Порус В. Н.* Что значит «понять» художественный текст? // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 84–96.
- Пословицы русского народа: Сборник В. Даля в трех томах. М.: Русская книга, 1993.
- Постовалова В. И.* Ментальность как глубинная антропологическая реальность: пути ее постижения в гуманитарном познании (опыт эпистемологического рассмотрения) // Метафизика. 2021. № 1 (39). С. 8–30.

- Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант: к решению парадокса времени. М.: Прогресс, 1994.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2014.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Прохоров А. О.* Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Прохоров А. О.* Ментальные репрезентации психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- Психологическое самообразование: читая зарубежные учебники. Проблемы психологии личности. М.: Школа-Пресс, 1992.
- Психология индивидуального и группового субъекта / Отв. ред. А. В. Брушлинского и др. М.: Пер Сэ, 2002.
- Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Пузырей А. А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.
- Разваляева А. Ю.* Рациональность и интуиция как личностные факторы принятия решений: Дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2021.
- Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш., Емелин В. А.* Субъективная оценка скрываемых и явных идентификаций: взаимосвязь с психологической саморегуляцией и благополучием // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 115–123.
- Ремезова И. И.* Человек и мир: в поисках красоты и гармонии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. «Философия». 2021. № 3. С. 17–41.
- Рис Л.* Холокост: Новая история. М.: Колибри—Азбука—Аттикус, 2018.
- Розанов В. В.* Сочинения. О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Танаис, 1995.
- Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С.* Чужой и культурная безопасность. М.: Росспэн, 2013.

- Ростова Н. Н.* Философская аналитика идеи постправды // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 130–138.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Руткевич Е. Д.* От «религиозности» к «духовности»: европейский контекст // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2014а. № 1. С. 5–25.
- Руткевич Е. Д.* «Социология духовности»: проблемы становления // Вестник Института социологии. 2014б. № 2 (9). С. 36–65.
- Рябкина З. И., Богомолова Е. И.* Возможные изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 2. С. 76–90.
- Рябкина З. И., Сомова Е. Г.* Личность и ее самоактуализация в общении с Другим // Мир психологии. 2001. № 3. С. 83–88.
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003.
- Самосознание: мое и наше. К постановке проблемы / Отв. ред. Ф. Т. Михайлов. М.: Ин-т философии РАН, 1997.
- Сапогова Е. Е.* Случайность как онтологема автобиографических нарративов // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2017. Т. 7. Вып. 4. С. 286–307.
- Сапоровская М. В.* Социальная психология семьи и межпоколенных отношений. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011.
- Сарбин Т. Р.* Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология: Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 6–28.
- Селезнёва С. Г.* Понятие тайны в уголовном праве // Вестник Челябинск. гос. ун-та. 2013. № 5 (296). Право. Вып. 35. С. 95–98.
- Селиванов В. В.* Теория мышления как процесса: экспериментальное подтверждение // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 1. С. 40–52.
- Семенюк А. П.* Холистский и POSSИБИЛИСТСКИЙ аспекты апофатической гносеологии // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2014. № 7 (148). С. 78–80.
- Сенькина Ю. Н.* К истории изучения «таинственных повестей» И. С. Тургенева // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 61. С. 230–233.

- Сенько Ю. В., Фроловская М. Н.* Педагогика понимания. М.: Дрофа, 2007.
- Сергиенко Е. А.* Антиципация в раннем онтогенезе человека. М.: Наука, 1992.
- Сергиенко Е. А.* Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.
- Сергиенко Е. А.* Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. № 2. С. 5–18.
- Сергиенко Е. А.* Современные тенденции в психологии развития // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 341–377.
- Сергиенко Е. А., Уланова А. Ю., Лебедева Е. И.* Модель психического: Структура и динамика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Серигов В. Н.* К вопросу о тайнах государственных и не государственных // Право и безопасность. 2011. № 3–4 (40). С. 122–126.
- Скотникова И. Г.* Парадигма вероятностного прогнозирования в психологии // Познание и переживание. 2021. № 2. С. 6–27.
- Слободчиков В. И.* Индивидуальность как способ духовного бытия человека // Социальная педагогика. 2014. № 6. С. 77–86.
- Смелые заявления из Лондона: Борис Джонсон рассказал, что составляет его жевать галстук. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3207300> (дата обращения: 15.03.2020).
- Смирнов А. В.* Логико-смысловые основания арабо-мусульманской культуры: семиотика и изобразительное искусство. М., 2005.
- Смирнов А. В.* Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Смирнов А. В.* Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: Садра–ИД ЯСК, 2019.
- Смирнов С. Д.* Прогностическая активность как способ существования и развития образа мира // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 215–234.
- Смирнова Е. Д.* Возможные миры и понятие «картин мира» // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 39–49.
- Смирнова Н. Ю.* Символизм как текст культуры в творческом сознании Анны Ахматовой: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Иваново: ИВГУ, 2004.

- Собченко А. М.* Классификация кризисных ситуаций и их влияние на индивидуально-психологические особенности поведения пилотов при тренажерной подготовке // *Человеческий капитал.* 2019. № 7 (127). С. 192–199.
- Созинова И. М., Пескова П. А., Александров Ю. И.* Решение моральных дилемм «свой»–«чужой» детьми при отсутствии видимого внешнего контроля // *Вопросы психологии.* 2018. № 2. С. 53–64.
- Спирова Э. М.* Символ как понятие философской антропологии: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М.: Институт философии РАН, 2011.
- Степин В. С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Субботский Е. В.* Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007.
- Субъектный подход в психологии /* Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Суздалева А. Л.* Окна Овертона в сфере естественных и технических наук: мониторинг, информационно-аналитическое сопровождение и возможные сценарии // *Естественные и технические науки.* 2015. № 8. С. 17–18.
- Суздалева А. Л., Горюнова С. В.* Окна Овертона в развитии современной концепции биосферы и решении глобальных экологических проблем // *Биосфера.* 2015. Т 7. № 4. С. 429–449.
- Супрун В. И.* Роль рефлексии в социальном прогнозировании // *Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования /* Отв. ред. И. С. Ладенко. Новосибирск: Наука, 1987. С. 161–167.
- Сухачев В. Ю.* История без субъекта // *Метафизические исследования.* Вып. 3. История. Альманах лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПб. гос. ун-та. СПб.: Алетейя, 1997. С. 28–42.
- Талей Н. Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Ко-Либри–Азбука–Аттикус, 2016.
- Темнова Е. В.* Фелицитарная vs дистимная картина мира в современном англоязычном медиадискурсе // *Национальный психологический журнал.* 2019. № 1 (33). С. 109–121.
- Тихомиров О. К.* Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Толочек В. А.* Методы и методология полевых исследований: открытые вопросы. Ч. 2 // *Ярославский педагогический вестник.* 2021. № 3 (120). С. 72–86.

- Травма: пункты / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Трофимова В. Е.* Понятие и содержание личной и семейной тайны // Молодой ученый. 2013. № 12 (59). С. 682–685.
- Трофимова Ю. В.* Суверенизация личности как предмет постнеклас-сической психологии // Известия Алтайск. гос. ун-та. 2012. № 2–1. С. 64–68.
- Тулинова Д. Б.* Представления о враге и друге в связи с отношением к жизни на различных ее этапах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д.: РГУ, 2005.
- Тульчинский Г. Л.* Личность как успешный автопроект // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко / Сост. М. А. Козлова. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010. С. 49–63.
- Тургенев И. С.* Таинственные повести и рассказы. М.: Роузбэд Интерэктив, 2019.
- Улицкая Л.* Сквозная линия. М.: Эксмо, 2002.
- Улыбина Е. В.* Ловушка справедливости: способы снятия неопределенности в картине мира личности // Мир психологии. 2017. № 2 (90). С. 100–108.
- Ухтомский А. А.* Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
- Ушаков Д. В.* Анатомия психологического знания // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 71–114.
- Файола Э., Войскунский А. Е., Богачева Н. В.* Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 147–162.
- Фёдоров Н. А.* Психологические потенциалы символа // Вестник Омск. ун-та. Сер. «Психология». 2012. № 1. С. 24–30.
- Фейгенберг И. М.* Видеть—предвидеть—действовать. М.: Знание, 1986.
- Фейгенберг И. М., Иванников В. А.* Вероятностное прогнозирование и преднастройка к движениям. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
- «Фейки» — люди или тексты? Материалы круглого стола // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12. № 2. С. 11.
- Феррарис М.* Что такое новый реализм? // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 145–159.

- Филиппова А. В.* Журналистское расследование в современной газетной прессе: трансформации, проблематика, воздействие на аудиторию // NovaInfo.Ru. 2017. № 58. С. 279–282.
- Финогентов В. Н.* О возможном и невозможном // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Философия. Социология. Право». 2010. № 2 (73). С. 52–62.
- Франк С. Л.* Предмет знания: Об основах и пределах отвлеченного знания. Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. СПб.: Наука, 1995.
- Франк С. Л.* Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. М.: АСТ–Хранитель, 2007.
- Франкфурт Г. Г.* К вопросу о брехне. Логико-философское исследование. М.: Европа, 2008.
- Фуко М.* Cogito и немислимое // М. Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сad, 1994.
- Фуко М.* Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академический проект, 2004.
- Фуко М.* Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в «Коллеж де Франс» в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
- Фуко М.* Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в «Коллеж де Франс» в 1982–1983 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
- Фуко М.* Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в «Коллеж де Франс» в 1983–1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014.
- Фуллер С.* Постправда: Знание как борьба за власть. М.: ИД ВШЭ, 2021.
- Хазова С. А.* Ментальные ресурсы субъекта // Разработка понятий современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 63–83.
- Хайтун С. Д.* Доминирование человеческого фактора в феномене «непостижимой эффективности» математики // Человек. 2016. № 1. С. 164–172.
- Хакен Г.* Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М.: Пер Сэ, 2001.
- Харламенкова Н. Е.* Научные основания и теоретико-эмпирическое переосмысление принципа детерминизма в субъектно-дея-

- тельность подходе // Психологический журнал. 2013. № 2. С. 17–28.
- Харламенкова Н. Е.* Описание, объяснение и обоснование теоретического знания в современной психологии личности // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 431–453.
- Харламенкова Н. Е., Никитина Д. А.* Психологические последствия влияния стихийных бедствий: экология внутренней среды человека // Экопсихологические исследования – 6: Экология детства и психология устойчивого развития: Сб. научных статей / Отв. ред. В. И. Панов. М.: Психологический институт РАО; Курск: Университетская книга, 2020. С. 275–279.
- Харре Р.* Конструкционизм и основания знания // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: РООИ «Реабилитация»–Канон+, 2009. С. 64–78.
- Хаузер М.* Мораль и разум. М.: Дрофа, 2008.
- Хопкинс К. М.* Реклама. Научный подход. М.: Альфа-пресс, 2005.
- Христианская психология в контексте научного мировоззрения: коллективная монография / Под ред. Б. С. Братуся. М.: Никея, 2017.
- Царева Н. А.* Особенности герменевтического подхода к тексту в русском символизме // Libri Magistri. 2017. № 3. С. 29–38.
- Царева Н. А.* Проблема понимания другого в контексте размышлений Вяч. Иванова о природе искусства // Libri Magistri. 2019. № 2 (8). С. 68–75.
- Цвейг С.* Стендаль // С. Цвейг. Собр. соч. В 9 т. Т. 6. М.: Библиосфера, 1996. С. 387–468.
- Цехмистро И.* Холистическая (не теоретико-множественная) логика // Культура народов Причерноморья. 2007. № 106. С. 298–305.
- Цибизова И. М., Копривица Ч. Д.* Что такое тайна? Рассмотрение платоновой и просветительской конфигурации таинственности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. «Философия». Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 127–148.
- Цыбуля В. И.* Функции символа в психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2012. № 2. С. 158–173.

- Цыбуля В. И.* К проблеме психологического понимания и исследования символа в психотерапии // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 114–122.
- Чайковский Ю. В.* О природе случайности. М.: Центр системных исследований—Ин-т истории естествознания и техники РАН, 2004.
- Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС—КД «Либроком», 2013.
- Чарикова И. Н., Каргапольцев С. М., Лихненко Е. В.* Деятельностный потенциал категории «незнание» в эпистемологическом пространстве образовательной парадигмы // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 11. С. 77–86.
- Чепелева Н. В.* Самопроектирование личности в дискурсивном пространстве // Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-летию А. В. Брушлинского). В 4 т. Т 3. / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 342–345.
- Чиксентмихайи М.* Поток: Психология оптимального переживания. М.: Смысл—Альпина нон-фикшн, 2011.
- Чугров С. В.* Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Polis. Political Studies. 2017. № 2. С. 42–59.
- Чулков Г.* Анна Ахматова // Анна Ахматова. Pro et contra: антология: В 2 т. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. Т. 1. С. 401–407.
- Чулкова В. А., Моисеенко В. М.* Психологические проблемы в онкологии // Практическая онкология. 2009. Т. 10. № 3. С. 151–157.
- Чулкова В. А., Пестерева Е. В.* Клинико-психологические аспекты в онкологии // Вестник СПб. ун-та. Социология. 2010. № 1. С. 91–100.
- Шалина О. С.* Символическое опосредствование переживаний личности в критических ситуациях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2010.
- Шановал И. А.* Прочность границ личности: Я-концепция и онтологическая уверенность // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN319.pdf> (дата обращения: 15.10.2019).
- Шефер Б., Скарабис М., Шлёдер Б.* Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2004. № 1. С. 24–51.

- Шкуратов В. А.* От Манхеттена до «Норд-Оста». Психология масс-медиа, политика после 11 сентября 2001 года. Самара: СамИКП-СНЦ РАН, 2002.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Шулакевич М.* Границы как проблема современной культуры // Космополис. 2008. № 2 (21). С. 105–114.
- Шюц А.* Чужак: Социально-психологический очерк // А. Шюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Росспэн, 2004. С. 533–549.
- Щербакова О. В.* Несмешно и непонятно: восприятие жанровых особенностей анекдота современными молодыми взрослыми // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 165–181.
- Щекотуров А. В.* От флирта до смены пола онлайн: подростковые практики альтернативных самопрезентаций в социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 327–343.
- Эко У.* Открытое произведение. СПб.: Симпозиум, 2006.
- Эйнштейн А.* Бог не играет в кости: моя теория относительности. М.: Родина, 2021.
- Энштейн М. Н.* Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алетейя, 2001.
- Энштейн М. Н.* Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Энштейн М. Н.* От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.—СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- Юревич А. В.* Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- Юревич А. В.* Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 84–96.
- Яссман Л. В., Яссман В. П.* Духовность как метасистемное свойство самоорганизации внутреннего мира человека // Психологическая наука и образование. 2011. № 3. С. 1–10.
- Abbott H. P.* Real Mysteries: Narrative and the Unknowable. Columbus, OH: The Ohio State University Press, 2013.
- Airaksinen T.* Conspiracy as a Dirty Secret: The Case of 9/11 // Homo Oeconomicus. 2009. V. 1. P. 123–141.

- Al-Aghberi M. A.* Telling the untellable: Dialectic of silence in Jewish-American and Arab-American Holocaust discourse // 3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies. 2015. V. 21. № 1. P. 61–69.
- Anderson J. R.* Human symbol manipulation within an integrated cognitive architecture // Cognitive Science. 2005. V. 29. Iss. 2. P. 313–341.
- Austin R. D., Devin L., Sullivan E. E.* Accidental innovation: Supporting valuable unpredictability in the creative process // Organization Science. 2012. V. 23. № 5. P. 1505–1522.
- Barry C. M., Nelson L., Davarya S., Urry S.* Religiosity and spirituality during the transition to adulthood // Intern. Journal of Behav. Devel. 2010. V. 34. № 4. P. 311–324.
- Barsalou L. W.* Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. V. 22. № 4. P. 577–660.
- Bartholomaeus J., Strelan P.* Justworld beliefs and forgiveness: The mediating role of implicit theories of relationships // Personality and Individual Differences. 2016. V. 96. P. 106–110.
- Baumeister R. F., Campbell W. K.* The intrinsic appeal of evil: sadism, sensational thrills, and threatened egotism // Personality and Social Psychology Review. 1999. V. 3. № 3. P. 210–21.
- Beck A. T., Emery G., Greenberg R. L.* Anxiety disorders and phobias: A cognitive perspective. N.Y.: Basic Books, 2005.
- Best R. M., Rowe M., Ozuru Y., McNamara D. S.* Deep-level comprehension of science texts. The role of the reader and the text // Topics in Language Disorders. 2005. V. 25. № 1. P. 65–83.
- Brashier N. M., Marsh E. J.* Judging truth // Annual Review of Psychology. 2020. V. 71. P. 499–515.
- Brown S. D., Reavey P.* False memories of epistemic consensus // Culture & Psychology. 2017. V. 23. № 2. P. 171–185.
- Cantlon J. F., Libertus M. E., Pined P., Dehaene S., Brannon E. M., Pelphey K. A.* The neural development of an abstract concept of number // Journal of Cognitive Neuroscience. 2009. V. 21. Iss. 11. P. 2217–2229.
- Carver C. S., Scheier M. F.* On the self-regulation of behavior. N.Y.: Cambridge University Press, 1998.
- Chemero A.* An Outline of a Theory of Affordances // Ecological Psychology. 2003. V. 15. № 2. P. 181–195.
- Chen Q., Li J.* Association between individual differences in non-symbolic number acuity and math performance: A meta-analysis // Acta Psychologica. 2014. V. 148. P. 163–172.

- Choi I., Koo M., Choi J.* Individual differences in analytic vs holistic thinking // *Personality and Social // Psychiligy Bulletin*. 2007. V. 33. № 5. P. 691–705.
- Crenshaw M.* The psychology of terrorism: An agenda for the 21st century // *Polit. Psychol.* 2000. V. 21. № 2. P. 405–420.
- Dalbert C., Lipkus I. M., Sallay H., Goch I.* Ajust and an unjust world: Structure and validity of different world beliefs // *Personality and Individual Differences*. 2001. V. 30. № 4. P. 561–577.
- Davis D. E., Worthington E. L. Jr, Hook J. N., Van Tongeren D. R., Green J. D., Jennings D. J. II.* Relational spirituality and the development of the similarity of the offender's spirituality scale // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2009. V. 1. № 4. P. 249–262.
- De Vries R.* Constancy of genetic identity in the years three to six // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1969. V. 34. № 3. P. 1–67.
- Del Vicario M., Bessi A., Zollo F. et al.* The spreading of misinformation online // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2016. V. 113. № 3. P. 554–559.
- Deligiaouri A.* Discursive construction of truth, ideology and the emergence of post-truth narratives in contemporary political communication // *Intern. Journal of Media & Cultural Politics*. 2018. V. 14. № 3. P. 301–315.
- Domenici D. J.* Implications of hermeneutic constructivism for personal construct theory: imaginally construing the nonhuman world // *Journal of Constructivist Psychology*. 2008. V. 21. Iss. 1. P. 25–42.
- Drummond S., Brough P.* Proactive coping and preventive coping: Evidence for two distinct constructs? // *Personality and Individual Differences*. 2016. V. 92. P. 123–127.
- Ebadi A., Ahmadi F., Ghanei M., Kazemnejad A.* Spirituality: A key factor in coping among Iranians chronically affected by mustard gas in the disaster of war // *Nursing and Health Sciences*. 2009. V. 11. № 4. P. 344–350.
- Ecker U. K. H., Lewandowsky S., Fenton O., Kelsey K.* Do people keep believing because they want to? Preexisting attitudes and the continued influence of misinformation // *Memory & Cognition*. 2014. V. 42. P. 292–304.
- Epstein S.* Cognitive-experiential self-theory of personality // I. B. Weiner (Ed.). *Handbook of Psychology*. V. 5: Personality and social psychology. Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons Inc., 2003. P. 159–184.

- Erikson M. G.* The meaning of the future: Toward a more specific definition of possible selves // *Review of General Psychology*. 2007. V. 11. № 4. P. 348–358.
- Fakruddin M., Mazumder R. M., Mannan K. S. B.* Predictive microbiology: Modeling microbial responses in food // *Ceylon Journal of Science (Bio. Sci.)*. 2011. V. 40. № 2. P. 121–131.
- Farias M., Hense E.* Concepts and misconceptions in the scientific study of spirituality // *Religion, spirituality and the social sciences: Challenging marginalization* / B. Spalek, A. Imtoul (Eds). Bod-min: The Policy Press, 2008. P. 163–176.
- Fershtman Ch., Gneezy U., Hoffman M.* Taboos and Identity: Considering the Unthinkable // *American Economic Journal: Microeconomics* 2008. V. 3. № 2. P. 139–164.
- Frederick S.* Cognitive reflection and decision making // *Journal of Economic Perspectives*. 2005. V. 19. № 4. P. 25–42.
- Friedel R.* Serendipity is no accident // *The Kenyon Review*. 2001. V. 23. № 2. P. 36–47.
- Friedman M.* Religious fundamentalism and responses to mortality salience: A quantitative text analysis // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2008. V. 18. P. 216–237.
- Gaver W. W.* Technology affordances // *Proceedings of the ACM CHI 91 Human Factors in Computing Systems Conference* / S. P. Robertson, G. M. Olson, J. S. Olson (Eds). N. Y: ACM Press, 1991. P. 79–84.
- Gergen K. J.* The social constructionist movement in modern psychology // *Amer. Psychologist*. 1985. № 40. P. 266–275.
- Giordano P. J.* Being or becoming: Toward an open-system, process-centric model of personality // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2015. V. 49. Iss. 4. P. 757–771.
- Giordano P. J.* Individual personality is best understood as process, not structure // *Culture and Psychology*. 2017. V. 23. Iss. 4. P. 502–518.
- Graesser A. C., Olde B. A.* How does one know whether a person understands a device? The quality of the questions the person asks when the device breaks down // *Journal of Educational Psychology*. 2003. V. 95. № 3. P. 524–536.
- Grimland M., Apter A., Kerkhof A.* The phenomenon of suicide bombing: A review of psychological and nonpsychological factors // *Crisis*. 2006. V. 27. № 3. P. 107–118.

- Gowing N., Langdon C.* Thinking the unthinkable: A new imperative for leadership in the digital age. Suffolk: John Catt Educational Ltd, 2018.
- Hauser M. D.* The possibility of impossible cultures // *Nature*. 2009. V. 460. № 9. P. 190–196.
- Henrich J., Heine S. J., Norenzayan A.* The weirdest people in the world // *Behavioral and Brain Sciences*. 2010. V. 33. P. 61–135.
- Номо scriptor: Сборник статей и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна / Под ред. М. Липовецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- Hough A. R., Gluck K. A.* The understanding problem in cognitive science // *Advances in Cognitive Systems*. 2019. № 8. P. 13–32
- Huber J. T. II, MacDonald D. A.* An investigation of the relations between altruism, empathy and spirituality // *Journal of Humanistic Psychol.* 2012. V. 52. № 2. P. 206–221.
- Ivtzan I., Chan C. P. L., Gardner H. E., Prashar K.* Linking religion and spirituality with psychological well-being: examining self-actualisation, meaning in life, and personal growth initiative // *Journal of Religion and Health*. 2013. V. 52. № 3. P. 915–929.
- Johnson-Laird P. N.* Mental models – towards a cognitive science of language, inference and consciousness. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.
- Josephs I. E.* Constructing one's Self in the city of the silent: Dialogue, symbols and the role of 'as-if' in Self-development // *Human Development*. 1998. V. 41. № 3. P. 180–195.
- Kahn H.* Thinking about the Unthinkable. N. Y.: Horizon Press, 1962.
- Kamprath M., Henike T.* Serendipity and innovation: Beyond planning and experimental-driven exploration // *The Routledge Companion to Innovation Management* / Ed. by J. Chen, A. Brem, E. Viardot, P. K. Wong. London: Routledge, 2019. P. 343–360.
- Kessel M., Kratzer J., Schultz C.* Psychological safety, knowledge sharing, and creative performance in healthcare teams // *Creativity and Innovation Management*. 2012. V. 21. № 2. P. 147–157.
- King D. B., Mara C. A., DeCicco T. L.* Connecting the spiritual and emotional intelligences: Confirming an intelligence criterion and assessing the role of empathy // *Intern. Journal of Transpersonal Studies*. 2012. V. 31. № 2. P. 11–20.

- King D. B., DeCicco T. L.* A viable model and self-report measure of spiritual intelligence // *The Intern. Journal of Transpersonal Studies*. 2009. V 28. № 2. P. 68–85.
- Kintsch W.* The construction–integration model of text comprehension and its implications for instruction // *Theoretical models and processes of reading* / Ed. by R. Ruddell, N. Unrau. Newark, DE: International Reading Association 2004. P. 1270–1328.
- Klüver J., Klüver C.* Social Understanding: On Hermeneutics, Geometrical Models and Artificial Intelligence. Berlin–Heidelberg: Springer-Verlag 2010.
- Kuklinski J. H., Quirk P. J., Jerit J., Schwieder D., Rich R. F.* Misinformation and the currency of democratic citizenship // *Journal of Politics*. 2000. V. 62. № 3. P. 790–816.
- Kushlev K., Dunn E. W.* Affective forecasting: Knowing how we will feel in the future // *Handbook of Self-Knowledge* / Ed. by S. Vazire, T. D. Wilson. N. Y.–London: The Guilford Press, 2012. P. 277–292.
- Lagattuta K. H., Nucci L., Bosacki S. L.* Bridging theory of mind and the personal domain: children’s reasoning about resistance to parental control // *Child Development*. 2010. V. 81. № 2. P. 616–635.
- Leibovich T., Ansari D.* The symbol-grounding problem in numerical cognition: A review of theory, evidence and outstanding questions // *Canadian Journal of Experimental Psychology*. 2016. V. 70. № 1. P. 12–23.
- Lench H. C., Chang E. S.* Belief in an unjust world: When beliefs in a just world fail // *Journal of personality assessment*. 2007. V. 89. № 2. P. 126–135.
- Lerner M. J., Miller D. T.* Just world research and the attribution process: looking back and ahead // *Psychological Bulletin*. 1978. V. 85 (5). P. 1030–1051.
- Lewandowsky S., Ecker U. K. H., Cook J.* Beyond misinformation: Understanding and coping with the “post-truth” era // *Journal of Appl. Research in Memory and Cognition*. 2017. V. 6. Iss. 4. P. 353–369.
- Lockie S.* Post-truth politics and the social sciences // *Environmental Sociology*. 2017. V. 3. № 1. P. 1–5.
- Lodi-Smith J., Geise A. C., Roberts B. W. and Robins R. W.* Narrating personality change // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. V. 96. № 3. P. 679–689.
- Lopatkin A. J., Collins J. J.* Predictive biology: modelling, understanding and harnessing microbial complexity // *Nat. Rev. Microbiol.* 2020. V. 18. Iss. 5. doi: 10.1038/s41579-020-0372-5

- MacDonald D. A., Friedman H. L.* Assessment of humanistic, transpersonal, and spiritual constructs: State of the science // *Journal of Humanistic Psychol.* 2002. V. 42. № 4. P. 102–125.
- Mara C. A., DeCicco T. L., Stroink M. L.* An investigation of the relationships among self-construal, emotional intelligence and well-being // *The Intern. Journal of Transpersonal Studies.* 2010. V. 29. № 1. P. 1–11.
- Markus H., Nurius P.* Possible selves // *American Psychologist.* 1986. V. 41. № 9. P. 954–969.
- McCay-Peet L., Toms E. G.* Investigating serendipity: How it unfolds and what may influence it // *Journal of the Association for Information Science and Technology.* 2015. V. 66. Iss. 7. P. 1463–1476.
- Mele A. R.* Twisted self-deception // *Philosophical Psychology.* 1999. V. 12. № 2. P. 118–137.
- Merton R. K., Barber E.* *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science.* Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2004.
- Mirvahedi S.* The role of serendipity in opportunity exploration // *Journal of Research in Marketing and Entrepreneurship.* 2017. V. 19. № 2. P. 182–200.
- Moberg D. O.* Spirituality research: measuring the immeasurable? // *Perspectives on Science and Christian Faith.* 2010. V. 62. № 2. P. 99–114.
- Moghaddam F. M.* The staircase to terrorism: A psychological exploration // *Amer. Psychologist.* 2005. V. 60. № 2. P. 161–169.
- Murray K. M., Ciarrocchi J. W., Murray-Swank N. A.* Spirituality, religiosity, shame and guilt as predictors of sexual attitudes and experiences // *Journal of Psychol. and Theol.* 2007. V. 35. № 3. P. 222–234.
- Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: Holistic vs analytic cognition // *Psychological Review.* 2001. V. 108. № 2. P. 291–310.
- Nucci L.* *Morality and the personal sphere of actions* // *Values and knowledge* / Ed. by E. Reed, E. Turiel, T. Brown. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1996. P. 41–60.
- Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: holistic versus analytic cognition // *Psychological review.* 2001. P. 108, 291–310.
- Oppenheimer L.* Are children’s views of the “enemy” shaped by highly-publicized negative event? // *Intern. Journal of Behavioral Development.* 2010. V. 34. № 4. P. 345–353.

- Overhill H. J. J.* Gibson and Marshall McLuhan: A survey of terminology and a proposed extension of the theory of affordances // Proceedings of the American Society for Information Science and Technology. 2012. V. 49. № 1. P. 1–4.
- Oyserman D., Bybee D., Terry K., Hart-Johnson T.* Possible selves as roadmaps // Journal of Research in Personality. 2004. V. 38. № 1. P. 130–149.
- Pappas J.* The veridicality of nonconventional cognitions: Conceptual and measurement issues in transpersonal psychology // The Humanistic Psychologist. 2004. V. 32. № 2. P. 169–197.
- Pierce M. E.* Individual and holistic information processing // Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science. 2007. URL: <http://scholar.lib.vt.edu/theses/available/etd-05242007-131357/unrestricted/thesis.pdf> (дата обращения: 21.03.2019).
- Popper K. R.* A World of propensities. Bristol: Thoemmes, 1990.
- Qetinkaya B., Azak A., Diindar S. A.* Nurses' perceptions of spirituality and spiritual care authors // Australian Journal of Advanced Nursing. 2013. V. 31. № 1. P. 5–10.
- Rafaeli-Mor E., Gotlib I. H., Revelle W.* The meaning and measurement of Self-complexity // Personality and Individual Differences. 1999. № 27. P. 341–356.
- Reynvoet B., Sasanguie D.* The symbol grounding problem revisited: A thorough evaluation of the ANS mapping account and the proposal of an alternative account based on symbol–symbol associations // Frontiers in Psychology. 2016. V. 7. doi: 10.3389/fpsyg.2016.01581
- Richardson C. B., Mulvey K. L., Killen M.* Extending social domain theory with a process-based account of moral judgments // Human Development. 2012. V. 55. № 1. P. 4–25.
- Sahdra B., Thagard P.* Self-deception and emotional coherence // Minds and Machines. 2003. V. 13. P. 213–231.
- Salem M. O., DeCicco T. L., Ragab M. A., Yousif S., Murkar A., Vaswani M.* Spiritual and religious imagery in dreams: A cross cultural analysis // Intern. Journal of Dream Research. 2013. V. 6. № 2. P. 94–97.
- Sandage S. J., Cook K. V., Hill P. C., Strawn B. D., Reimer K. S.* Hermeneutics and psychology: A review and dialectical model // Review of General Psychology. 2008, V. 12. № 4. P. 344–364.
- Saroglou V., Pichon I., Trompette L., Verschueren M., Dernelle R.* Prosocial behavior and religion: New evidence based on projective measures and

- peer ratings // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2005. V. 44. P. 323–348.
- Schoemaker P. J. H., Tetlock Ph. E.* Taboo scenarios: How to think about the unthinkable // *California Management Review*. 2012. V. 54. № 2. P. 5–24.
- Schulze G.* Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. Frankfurt/Main–N. Y.: Campus Verlag, 2005.
- Schwarz N. Feelings-as-information theory // *Handbook of Theories of Social Psychology* / Ed. P. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, E. T. Higgins. Thousand Oaks: Sage, 2012. P. 289–308.
- Sepinwall A. G.* Still Unthinkable? The Haitian revolution and the reception of Michel-Rolph Trouillot’s silencing the past // *The Journal of Haitian Studies*. 2013. V. 19. № 2. P. 75–103.
- Singelis Th. M.* The measurement of independent and interdependent Self-construals // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. V. 20. № 5. P. 580–591.
- Smetana J.* Social-cognitive domain theory: Consistencies and variations in children’s moral and social judgments // *Handbook of Moral Development* / Ed. by M. Killen, J. G. Smetana. Mahwah, N. J.: Erlbaum, 2006. P. 119–154.
- Smith R. F.* Negotiating with the Soviet. Bloomington–Indianapolis: Indiana University Press, 1989.
- Spitzer M.* Postfaktisch. Intellektuelle Verwehrlosung – Ursachen und Auswirkungen // *Nerven-heilkunde*. 2017. № 3. S. 113–117.
- Stanovich K. E., West R. F.* Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2000. V. 22. № 5. P. 645–726.
- Strelan P., Sutton R. M.* When just-world beliefs promote and when they inhibit forgiveness // *Personality and Individual Differences*. 2011. V. 50. P. 163–168.
- Stroebe K., Postmes T., Tauber S., Stegeman A., John M.-S.* Belief in a Just What? Demystifying Just World Beliefs by Distinguishing Sources of Justice // *PLoS One*. 2015. V. 10. № 3. P. 1–30.
- Szalek B. Z.* Some praxiological reflections on the so-called “Overton window of political possibilities”, “Framing” and related problems // *Reality of Politics. Estimates–Comments–Forecasts*. 2013. № 4. P. 237–258.
- Trezise T.* Unspeakable // *The Yale Journal of Criticism*. 2001. V. 14. P. 39–66.
- Tesich S.* A government of lies // *The Nation*. 1992. № 254 (1). P. 6–13.

- Tetlock Ph. E., Kristel O. V., Elson S. B., Green M. C., Lerner J. S.* The Psychology of the unthinkable: Taboo trade-offs, forbidden base rates and heretical counterfactuals // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. V. 78. № 5. P. 853–870.
- The Collins Word of the Year 2017 is... FAKE NEWS. URL: <http://ow.ly/cluf30ggWHk#CollinsWOTY#WordOfTheYear> (дата обращения: 10.12.2019).
- Thomson H.* Unthinkable. An Extraordinary journey through the world's strangest brains. N. Y.: HarperCollins Publishers, 2018.
- Unkelbach C., Rom S. C.* A referential theory of the repetition-induced truth effect // *Cognition*. 2017. V. 160. P. 110–126.
- Van der Linden S., Leiserowitz A., Rosenthal S., Maibach E.* Inoculating the public against misinformation about climate change // *Global Challenges*. 2017. № 1. doi: 10.1002/gch2.201600008
- Van Leeuwen N.* Finite rational self-deceivers // *Philosophical Studies*. 2008. V. 139. № 2. P. 191–208.
- Valina M. D., Martin M.* The influence of semantic and pragmatic factors in Wason's selection task: State of the art // *Psychology*. 2016. V. 7. P. 925–940.
- Van Lommel P.* Near-death experiences: the experience of the self as real and not as an illusion // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2011. V. 1234. Iss. 11. P. 19–28.
- Von Hippel E., von Krogh G.* CROSSROADS – Identifying viable “Need-solution pairs”: Problem solving without problem formulation // *Organization Science*. 2016. V. 27. № 1. P. 207–221.
- Waldmann M. R.* A case for the moral organ // *Science*. 2006. V. 314. P. 57–58.
- Wieviorka M.* Priorities. Sociology on the Move. XVII ISA World Congress of Sociology Sociology on the Move Gothenburg, Sweden, 11–17 July 2010: <http://www.isa-sociology.org/congress2010> (дата обращения: 30.05.2012).
- Word of the Year 2016. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (дата обращения: 30.04.2017).
- Zhihong L.* The role of secrets in Self-development and exploration // *Creativity and Innovation*. 2020. V. 4. № 3. P. 53–56.

Научное издание

Серия «Достижения в психологии»

Знаков Виктор Владимирович

ПСИХОЛОГИЯ ВОЗМОЖНОГО

Новое направление исследований понимания

doi: 10.38098/prgrs_22_0447

Редактор – *О. В. Шапошникова*

Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ересько*

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

Тел.: +7 (495) 540-57-27

www.ipras.ru

E-mail: vbelop@mail.ru

Сдано в набор 11.01.22. Подписано в печать 05.02.22. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура NewtonС

Уч.-изд. л. 19,7. Усл.-печ. л. 22,75. Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6

